В Е С Т Н И К

НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

№ 4 (40)

Саранск
2016

Учредители:

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия

Ученый совет Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия

Основан в 2006 году

Главный редактор
В. А. Юрчёнков — доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора
Г. А. Куршева — доктор исторических наук, профессор

Ответственный секретарь
О. В. Зарубина

Редколлегия:

Андреев В. В. — доктор исторических наук, профессор; *Бахлов И. В.* — доктор политических наук, профессор; *Бикейкин Е. Н.* — кандидат философских наук, доцент; *Бурланков С. П.* — доктор экономических наук, профессор; *Гусева Т. М.* — доктор исторических наук; *Зубов И. В.* — кандидат философских наук, доцент; *Каторова А. М.* — доктор педагогических наук, профессор; *Келина А. Н.* — кандидат филологических наук, доцент; *Кильдюшкина И. Г.* — кандидат исторических наук, доцент; *Ломшин В. А.* — кандидат исторических наук, доцент; *Минеева Е. К.* — доктор исторических наук, профессор; *Никонова Л. И.* — доктор исторических наук, профессор; *Поляков О. Е.* — доктор филологических наук, профессор; *Ставицкий В. В.* — доктор исторических наук, доцент; *Тихонова А. Ю.* — доктор культурологии, доцент; *Чернов А. В.* — кандидат филологических наук, доцент; *Юрчёнкова Н. Г.* — доктор философских наук, профессор

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-39951 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 21 мая 2010 г.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей

Адрес редакции:
430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3, каб. 304,
e-mail: vestnikniign@list.ru

© НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ: СТРАНИЦЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ

Современные модели развития гуманитарной науки 7
Ученый совет 14
Конференции, конгрессы 20
Грантовая деятельность 31
Подготовка научных кадров 38
Диссертационный совет в 2004 — 2007 гг. 42
Становление регионального энциклопедизма (История создания энциклопедии «Мордовия») 45
Отдел истории: этапы развития, исследовательские ориентиры и научные приоритеты 53
Отдел археологии: от теоретических обобщений к возрождению экспедиционной деятельности 64
Отдел этнографии и этнологии в межкультурном диалоге: исследования и результаты 73
Отдел языкознания: сохранение чистоты и многогранности мордовских (мокшанского, эрзянского) языков 81
Отдел литературы и фольклора: новые подходы к изучению литературного процесса и устного народного творчества 87
Отдел региональных исследований и программ: подходы к решению комплексных вопросов развития Республики Мордовия 94
Отдел теории и истории культуры: исследование исторической динамики культурного пространства российской провинции 105
Отдел периодических изданий: консолидация научной общественности вокруг актуальных проблем гуманитарной науки 118
Инновации НИИГН: история и культура Мордовии через призму документального кино 124

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Артамонова Л. М.
Гендерные аспекты общественной активности в деле народного образования в середине XIX в. (На примере г. Самары) 129
Алметева И. В., Иванов А. Г., Филонов А. А.
Материалы отчетов уездных управ как источник по изучению марийской школы второй половины XIX — начала XX в. 142
Арапова Ю. В.
Социальный портрет городского головы губернских городов Поволжья в конце XIX — начале XX в. 150
Лушин А. И., Щербаков Ю. В.
Из опыта строительства отечественных Вооруженных сил на основе территориально-милиционной системы в 1920-е гг. 157
Люкшин Д. И., Галеева М. А.
Канун Второй русской смуты: демография, экономика, политическая социология 164

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Чубриков Н. В.
Региональные аспекты в области народонаселения 171
Щукин Г. М.
Региональная дифференциация уровня доходов населения 180
Булавин А. В., Четаева К. Г.
К вопросу о мерах по привлечению инвестиционных ресурсов
в региональную туристскую инфраструктуру 188
Калинин М. А.
Инструментарий оценки управляемости воинского коллектива 197

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Антонов Ю. Г., Шеянова С. В.
Образы князей в мордовской литературе: социокультурный аспект 202
Бакула В. Б.
Мемуарно-автобиографическая проза саамских писателей 210
Иванова Г. С., Кирдяев В. В.
Дистрибуция фонемы *i* в äкающем диалекте мокшанского языка 223

СОБЫТИЯ. ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ

Рабочий семинар основных исполнителей научного проекта
«Крестьянство и казачество в России в годы революции 1917 года
и гражданской войны: регионально-национальный аспект» 229

РЕЦЕНЗИИ 236

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 239

СОКРАЩЕНИЯ 245

**АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2016 г.** 246

CONTENTS

RESEARCH INSTITUTE: PAGES OF MODERN HISTORY

Modern Development Models for the Humanities 7
Academic Council 14
Conferences, Congresses 20
Grant Activities 31
Postgraduate School 38
Dissertation Council in 2004 — 2007 42
Development of Regional Encyclopedism (History of Preparation of the Encyclopedia "Mordovia") 45
Department of History: Stages of Development, Research Directions and Scientific Priorities 53
Department of Archaeology: from Theoretical Generalization to the Revival of Expedition Activity 64
Department of Ethnography and Ethnology in Intercultural Communication: Studies and Results 73
Department of Linguistics: Preservation of Correctness and Diversity of Mordovian (Moksha, Erzya) Languages 81
Department of Literature and Folklore: New Approaches to the Study of Literary Process and Oral Folk Art 87
Department of Regional Studies and Programs: Approaches to Solution of Complex Problems of the Republic of Mordovia Development 94
Department of Theory and History of Culture: Study of Historical Dynamics of Russian Province Cultural Space 105
Department of the Periodicals: Consolidation of Scientific Community around Actual Issues of the Humanities 118
Innovation of NIIGN: History and Culture of Mordovia through the Prism of Documentary Films 124

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Artamonova L. M.
Gender Aspects of Social Activity in Public Education in the Middle of the XIX Century (On the Example of Samara) 129
Almeteva I. V., Ivanov A. G., Filonov A. A.
Materials of Uyezd Governments Reports as a Source for the Study of Mari Schools in the Second Half of the XIX — the Early XX Century 142
Arapova Yu. V.
Social Portrait of a Head of Governorate Cities of the Volga Region in the Late XIX — the Early XX Century 150
Lushin A. I., Shcherbakov Yu. V.
From the Experience of Construction of Armed Forces on Basis of the Territorial-Militia System in the 1920s 157
Lyukshin D. I., Galeeva M. A.
The Eve of the Second Russian Troubles: Demography, Economy, Political Sociology 164

ECONOMIC SCIENCES

Chubrikov N. V.
Regional Aspects in the Sphere of Population 171
Shchukin G. M.
Regional Differentiation of the Level of Population Income 180
Bulavin A. V., Chetaeva K. G.
About Measures to Attract Investment Resources
to Regional Tourism Infrastructure 188
Kalinin M. A.
Instrumentation for Assessment of Military Collectives Control 197

PHILOLOGICAL SCIENCES

Antonov Yu. G., Sheyanova S. V.
Images of Princes in the Mordovian Literature: Social and Cultural Aspects 202
Bakula V. B.
Memoirs and Autobiographical Prose of Sami Writers 210
Ivanova G. S., Kirdyaev V. V.
Distribution of the Phoneme *i* in Moksha Dialect with Äkanye 223

EVENTS. FACTS. COMMENTARY

Workshop of Members of the Research Project
"The Peasantry and the Cossacks in Russia in the 1917 Revolution
and the Civil War: the Regional and National Aspects" 229

REVIEWS 236

INFORMATION ABOUT AUTHORS 242

ABBREVIATIONS 245

**ALPHABETICAL INDEX OF MATERIALS
PUBLISHED IN 2016** 246

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ: СТРАНИЦЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ

Так совпало, что рубеж веков, явившийся одновременно и рубежом тысячелетий, стал этапным и для Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (НИИГН). С началом XXI в. и началом III тысячелетия институт вступил в новый период своего развития.

Во многом это стало возможным благодаря тому, что институт, в то время еще носивший название «Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Республики Мордовия» (НИИЯЛИЭ), возглавил доктор исторических наук, профессор Валерий Анатольевич Юрчёнков, назначенный на должность директора распоряжением Правительства Республики Мордовия от 1 ноября 2001 г. № 708-р. В результате были созданы предпосылки для начала новой — современной — страницы истории института, датированной 1 января 2002 г. Именно эта дата указана в постановлении Правительства Республики Мордовия от 29 декабря 2001 г. № 632, в соответствии с которым было принято решение о глубокой реорганизации и обновлении учреждения.

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ

Основной целью научной деятельности НИИГН стали координация и проведение фундаментальных и прикладных научных исследований по таким направлениям гуманитарной отрасли знаний, как региональная история, археология, этнографические и этнологические исследования, этнокультурология, лексикография мордовских языков, мордовская фольклористика, социолингвистические исследования, теория и история провинциальной культуры, литературоведение Мордовии, региональная экономика, политические институты, национальные и политические процессы и технологии. В течение пятнадцатилетнего периода новейшей истории основные направления научной деятельности института реализуются в следующих академических научных проектах: «Мордовия. XX век», «Власть и общество: российская провинция», «Мордва России», «Этнокультурный мир Мордовии», «Мордовские словари», «Свод документов по истории и культуре Мордовии», «Экономика Мордовии переходного периода», «История культуры Мордовии», «Региональный энциклопедизм», «Мордовская мифология», «Археология мордовского края».

В число приоритетных направлений деятельности НИИГН входят подготовка и издание научных трудов. По итогам проведенных научных исследований, с 2002 по 2016 г. было опубликовано свыше 100 наименований научных и учебно-

ПРАВИТЕЛЬСТВО
РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 29.12.2001 № 632

г.Саранск

Вопросы Государственного учреждения «Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Республики Мордовия»

В соответствии с Посланием Главы Республики Мордовия Государственному Собранию на 2002 год и в целях повышения эффективности деятельности Государственного учреждения «Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Республики Мордовия», обеспечения социальных гарантий и упорядочения системы оплаты труда работников института Правительство Республики Мордовия ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Переименовать Государственное учреждение «Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Республики Мордовия» в Государственное учреждение «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» (далее – НИИГН) с 1 января 2002 года.

2. Государственному комитету Республики Мордовия по управлению государственным имуществом совместно с директором НИИГН Юрченковым В.А. осуществить в установленном порядке мероприятия, связанные с переименованием НИИГН.

3. Утвердить предельную численность, должностные оклады и условия оплаты труда работников НИИГН согласно приложениям № 1, 2.

4. Контроль за выполнением настоящего постановления возложить на отдел науки и новых технологий Аппарата Правительства Республики Мордовия.

Председатель Правительства Республики Мордовия **В.ВОЛКОВ**

методических работ общим объемом 5 208,94 п. л. (рисунок). Знаковым изданием института и визитной карточкой республики стала энциклопедия «Мордовия» (т. 1: А — М, 2003 г.; т. 2: М — Я, 2004 г.). В справочник вошли события многовекового пути исторического развития мордовского края, сведения о национальном и культурном богатстве населяющих его народов, о знаменитых земляках и людях, внесших значительный вклад в формирование и развитие Мордовии. В 2005 г. энциклопедия была удостоена Государственной премии Республики Мордовия. С выходом в свет сборника «Власть и общество: XX век» (2002 г.) возобновилось издание научных трудов НИИГН. В течение 7 лет были опубликованы 8 томов: «Власть и общество: XX век» (т. 1 (118)), «Рябовы: pro et contra» (т. 2 (119)), «Региональная экономика: проблемы эффективности и безопасности» (т. 3 (120)), «Этнокультурные процессы в мордовской диаспоре» (т. 4 (121)), «Общество и власть. XX век» (т. 5 (122)), «Экономика переходного периода: региональные особенности» (т. 6 (123)), «Центр и периферия: культура российской провинции» (т. 7 (124)), «Литературный процесс: история и современность» (т. 8 (125)). К изданиям института относятся периодические журналы «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» и «Центр и периферия».

В НИИГН реализуются несколько серийных издательских проектов, которые уже завоевали признание и популярность у специалистов. В частности, серия «Наследие» представляет собой собрание произведений по истории и культуре мордовского народа и края, которые составляют золотой фонд региональной историографии. В 2002 г. вышли в свет первая книга серии — монография известного этнографа, одного из первых исследователей мордовского народа И. Н. Смирнова «Мордва. Историко-этнографический очерк». В 2005 г. продолжила издание книга И. Д. Воронина «Избранное», включившая две работы профессора: «Саранск» и «Саранская живописная школа». Значение данных исследований трудно переоценить. На многие годы они стали эталоном в определении разнообразных подходов к освещению событий провинциальной реальности, показе города как феномена культуры. В 2007 г. в серии «Наследие» вышла книга Т. В. Васильева «Мордовия», приуроченная к 110-й годовщине со дня рождения Т. В. Васильева — правоведа, просветителя, сыгравшего существенную роль в становлении республики. В 2011 г. были переизданы труды А. А. Гераклитова «Избранное». В сборник вошли работы, содержащие уникальные сведения по истории мордовского края XVII столетия.

В рамках сотрудничества с Российской академией государственной службы при Президенте Российской Федерации в 2009 — 2011 гг. институтом был издан трехтомник «Патриарх Никон: стяжание Святой Руси — созидание Государства Российского». Монография является междисциплинарным, аналитическим исследованием этнокультурных, социально-политических и государственно-правовых процессов и институтов, освещающих широкий круг проблем «темного» периода русской истории — второй половины XVII в. в его историческом контексте, и посвящена выдающемуся церковному и государственному деятелю России — Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Никону (1605 — 1681 гг.), его вкладу в развитие русской культуры, государственности и Церкви. В первой части трехтомника представлены основные вехи жизни и деятельности патриарха Никона — его служение Богу, Церкви Христовой и народу — Отечеству Небесному и Отечеству земному. Во второй части освещен широкий круг проблем не только

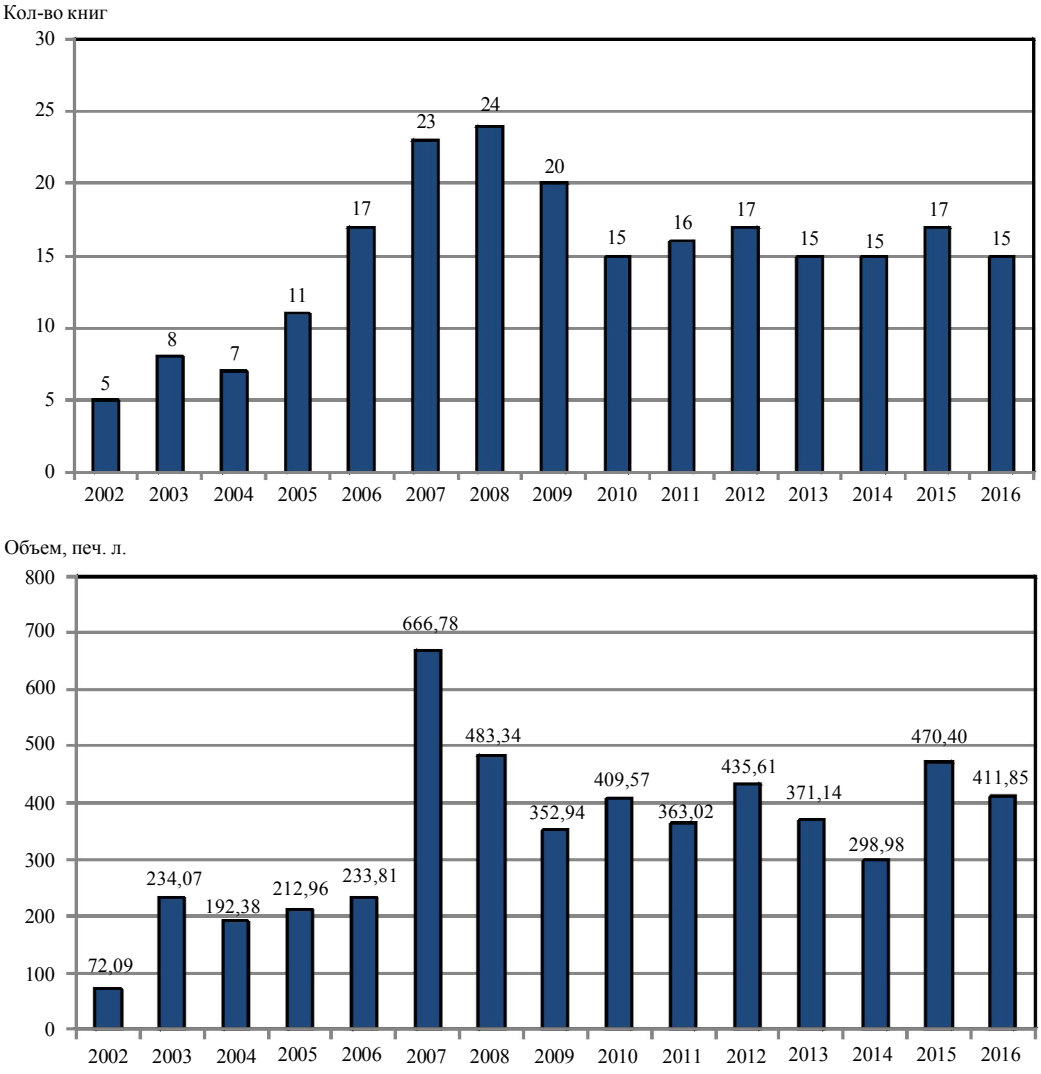

Рисунок. Издательская деятельность НИИГН (2002 — 2016 гг.)

эпохи патриарха Никона, но и ее исторического контекста (социально-политическая динамика развития церковно-общественных и государственно-политических, земельно-имущественных и правовых отношений, международная политика и социально-культурные взаимовлияния, становление государственной идеологии и безопасности, развитие отечественной философской, богословской, аксиологической, святоотеческой, социально-политической мысли и др.). Заключительная, третья часть собрания посвящена наследию патриарха Никона. Представленные различного рода и характера документы призваны приоткрыть внутреннее содержание эпохи позднего Средневековья.

В серии «События в истории» вышли в свет работы В. А. Ломшина и Т. Д. Надькина «Деревня Мордовии в послевоенные годы» (2006 г.), «1905 год: взгляд через столетия» (2007 г.); В. Л. Житаева и И. В. Сединой «Библиотеки и библиотечное дело в мордовском крае (XVIII — начало XX в.)» (2008 г.); сборник научных статей и документов «Великая война и российская провинция. 1914 — 1918 гг.» (2013 г.).

В 2003 г. публикация монографии Ю. Ф. Кожурина «Цивилизация: идентификация социокультурной системы региона» положила начало изданию серии «Современные исследования». За прошедшие годы в ее рамках вышли монографии А. Э. Зусина «Социокультурное развитие Мордовии. Вторая половина 1960-х — середина 1980-х гг.» (2006 г.), В. А. Юрчёнкова и Ж. Д. Кониченко «На пороге реформ. Общественно-политическая жизнь Мордовии в первой половине 1990-х годов» (2006 г.), Г. А. Куршевой «Общество, власть и образование в условиях модернизации в СССР: конец 1920-х — 1930-е гг.» (2007 г.), Ю. Ф. Кожурина «Цивилизационные измерения социальной истории» (2008 г.), В. А. Ломшина «Крестьянство и власть Мордовии в послевоенный период (1946 — середина 1950-х гг.)» (2008 г.), Т. М. Гусевой «Культура и общество во второй половине XIX века: социокультурное развитие российской провинции (на примере мордовского края)» (2008 г.), Е. Н. Бикейкина и С. А. Яворской «Кризисные состояния в развитии социокультурных систем: философско-методологические аспекты» (2008 г.), И. Г. Кильдюшкиной, Е. М. Зинина и др. «Развитие механизма финансового обеспечения социокультурной сферы Республики Мордовия» (2008 г.), Н. Г. Тараканової «Судебная реформа 1864 г. в российской провинции» (2009 г.), Т. Ю. Задковой «Колхозная деревня Мордовии в условиях «оттепели» (1953 — 1964)» (2010 г.), С. В. Видяйкина «Народ и власть: налоги и повинности дворцовых крестьян Алатырского уезда в XVII — начале XVIII в.» (2011 г.), И. Г. Кильдюшкиной «Республика Мордовия: история, экономика, проблемы (вторая половина 1980-х — середина 1990-х гг.)» (2011 г.), В. А. Юрчёнкова «Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов 1918 — 1920 гг.» (2011 г.), Н. В. Шилова «Этнополитическое развитие Мордовии в условиях постсоветского транзита» (2014 г.), Н. А. Крисановой «Высшая школа Мордовии в системе советской идеологии» (2014 г.), Н. М. Морозовой «Верховный Совет Мордовии: 1938 — 1994 гг.» (2014 г.), С. В. Белоусова «Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 г.» (2016 г.), Л. Н. Шамовой «Причетные формы мордвы-эрзи Присурья» (2016 г.), Е. Н. Бикейкина «Аграрная модернизация во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг.: региональный дискурс» (2016 г.).

В серии «Города и села Мордовии» изданы книги «Красная Слобода» (2008 г.), «Красная Подгора. Летопись. Истоки духовности» (2013 г.), «Русское Маскино. Четыре века родного села» (2014 г.).

Научные труды института неоднократно завоевывали высокое общественное и научное признание, становясь призерами и победителями престижных международных, российских и региональных профессиональных конкурсов в номинациях «Лучшее издание по истории и культуре», «Лучшее краеведческое издание», «Лучший издательский проект», «Лучшая научная книга года». Энциклопедии «Мордовия» (2003 — 2004 гг.) и «Мордовские языки» (2012 г.), монографии «Археология мордовского края. Каменный век, эпоха бронзы» (2008 г.), «Мифология

мордовского этноса: генезис и трансформации» (2009 г.) были удостоены Государственной премии Республики Мордовия в области науки и техники.

В рамках подготовки учебных изданий в 2009 г. вышло в свет учебное пособие для высших учебных заведений «История и культура финно-угорских народов Российской Федерации», изданное при поддержке Министерства регионального развития Российской Федерации. Совместно с Общероссийским общественным движением «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» в рамках научного проекта «Финно-угорский мир» изданы учебные пособия «Финно-угорские народы России: генезис и развитие» (2011 г.), «Финно-угорские народы России: аксиология культуры» (2013 г.) и «Финно-угорские народы России: диалектика жизненных ценностей» (2013 г.). В 2016 г. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) опубликована коллективная монография «Финно-угорские народы России» в двуязычном исполнении (на русском и английском языках). В целях реализации мероприятий Государственной программы «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия» на 2014 — 2020 гг. совместно с Министерством по национальной политике Республики Мордовия, Государственным комитетом Республики Мордовия по труду и занятости, Управлением Федеральной миграционной службы Российской Федерации по Республике Мордовия и Поволжским центром культур финно-угорских народов подготовлено и издано учебно-методическое пособие для мигрантов «Все мы — Россия» (2015 г.).

Результаты выполненных за истекшие 15 лет научных исследований прошли первичную апробацию на 20 научных мероприятиях различного уровня, организованных и проведенных на базе НИИГН.

Современная организационная модель НИИГН представлена 7 научными отделами: этнографии и этнологии; истории; археологии; языкознания; литературы и фольклора; региональных исследований и программ; теории и истории культуры, а также отделом информационно-аналитического обеспечения исследований, отделом периодических изданий и научной библиотекой. Такая структура позволяет решать самые сложные и разнообразные научно-исследовательские задачи по широкому спектру гуманитарных знаний, обеспечивая информационную и техническую непрерывность научного процесса от формулирования гипотезы, ее разработки и научной апробации, до окончательного введения в научный оборот на страницах монографического или периодического научного издания.

Высокие показатели научно-исследовательской и научно-организационной деятельности НИИГН достигаются в том числе за счет значительного научного потенциала и квалификации научных сотрудников. Так, за период 2002 — 2016 гг. общая доля научных кадров, имеющих ученую степень, возросла почти на 50 %, составив 72 %. В настоящее время в НИИГН работают 45 научных сотрудников, из них 10 докторов наук (22 %) и 24 кандидата наук (53 %). По итогам аттестации Высшей аттестационной комиссией (ВАК) Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки) 2 научным сотрудникам института было присвоено ученое звание профессора и 8 — ученое звание доцента.

Одним из приоритетных направлений деятельности НИИГН является подготовка высококвалифицированных научных кадров. Впервые за всю историю института в отчетном периоде трижды (2002, 2007, 2011 гг.) проводилась проце-

дура лицензирования деятельности аспирантуры. В 2013 г. была успешно пройдена процедура государственной аккредитации аспирантуры. За отчетный период сотрудники НИИГН, аспиранты и соискатели успешно защитили более 120 диссертаций, в том числе 3 диссертации на соискание ученой степени доктора наук. Значительную роль в достижении высоких показателей научной деятельности сыграло открытие в 2004 г. на базе НИИГН диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук по специальности «Теория и история культуры» (отрасль наук историческая).

Повышению научно-образовательного уровня работы аспирантуры способствовало сотрудничество с авторитетными учеными ведущих учебных заведений и академических научных центров Российской Федерации. Так, в разные годы авторские курсы лекций аспирантам и соискателям НИИГН читали член-корреспондент РАН А. Н. Сахаров, доктор философских наук, профессор А. С. Ахиезер, доктор исторических наук, профессор А. С. Синявский, доктор исторических наук, профессор П. С. Кабытов, доктор искусствоведения, профессор К. Э. Разлогов, доктор исторических наук, профессор М. Ю. Мартынова.

С 2004 г. институт сотрудничает с Международной академией педагогического образования в лице доктора педагогических наук, профессора Е. И. Артамоновой, доктора филологических наук, профессора П. А. Леканта, доктора педагогических наук, профессора О. С. Ушаковой.

В 2003 г. НИИГН совместно с Центром славянских исследований Университета Хоккайдо (Саппоро, Япония) осуществил проект «Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона». В 2004 г. в рамках Года мордовского национального просветительства институт организовал и провел международную фольклорно-языковую экспедицию, маршрут которой проходил по селам Теньгушевского и Кочкуровского районов Республики Мордовия, повторив, таким образом, путь экспедиции М. Е. Евсевьева 1892 г. В полевых исследованиях принял участие французский лингвист, профессор Парижского университета Жан-Лео Леонард. Собранные материалы легли в основу его книги, вышедшей в соавторстве с Ксенией Джорджевич, «Parlons mordve (erzya et mokša)» («Давайте говорить по-мордовски (эрзя и мокша)»; Париж, 2006 г.). Сотрудники отдела литературы и фольклора НИИГН участвовали в Международной программе «Journeés finno-ougriennes: journées Erzia et Moksha» («Финно-угорские дни: дни эрзи и мокши»; Париж, 2013 г.). Осуществлен совместный проект с Сербией (Белград) «Impact of Natural Conditions on the Regional historical Development (Based on the example of the Mordovian Land of the XVII century)» («Влияние природных условий на региональное историческое развитие (на примере мордовского края XVII века)»; 2014 г.).

С 2011 г. НИИГН осуществляет взаимовыгодное сотрудничество с Германским издательством LAP LAMBERT Academic Publishing по продвижению научной продукции в области финно-угроведения в страны дальнего зарубежья. Так, за период работы были изданы монографии Г. А. Куршевой «Общество, власть и образование в России в конце XIX — первой трети XX в. (на примере мордовского края)» (2011 г.), В. А. Юрчёнкова «Российская провинция в годы Гражданской войны 1918 — 1920 гг. Политика, экономика, идеология (на примере мордовского края)» (2011 г.), работы Л. И. Никоновой «Этномедицина финно-угорских и тюркских народов: историко-этнографическое исследование» (2011 г.),

«Банюшка, матушка! Сколько пользы от твоего пара… Традиционная баня у финно-угорских и тюркских народов Поволжья и Приуралья» (2011 г.), «Магия и заговоры у мордвы: штрихи из жизни» (2011 г.), «„Будь крепким, как дуб, нежным, как береза…“ Традиционные способы сохранения здоровья у мордвы (историко-этнографический аспект)» (2012 г.), Н. О. Шкердиной «Народы Среднего Поволжья в западноевропейской историографии XVI — XVIII вв.» (2012 г.), Е. Н. Бикейкина «Сельское хозяйство в условиях аграрных модернизаций 1950 — 80-х гг. По материалам Марийской, Мордовской и Чувашской АССР» (2012 г.).

Сотрудники НИИГН приняли самое активное участие в подготовке научного обоснования концепции 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства, которая прошла экспертизу в Институте российской истории РАН (ИРИ РАН) и сделала возможным подписание Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым указа о праздновании юбилейных торжеств. В связи с организацией юбилейных мероприятий в НИИГН была подготовлена и издана книга В. А. Юрчёнкова «Мордовский народ: вехи истории» (2007 г.), посвященная начальным векам истории мордовского народа, анализу с современных научных позиций проблем этногенеза мордовского народа, его взаимодействия с политическими структурами Российского государства.

***

Подводя итоги деятельности НИИГН, следует отметить, что за прошедшие годы своей новейшей истории институт смог в достаточно короткий срок не просто вернуть утраченные позиции регионального научного центра, а превратиться в субъект современных гуманитарных исследований российского уровня, заявить о себе как об одном из международных центров финно-угорских исследований. Его обновленный научный коллектив, прошедший в начале пути значительное омоложение, выдержал проверку на научную зрелость и доказал свой исследовательский потенциал и способность успешно решать самые сложные задачи в области гуманитарных наук.

Подготовила *Г. А. Куршева*.

УЧЕНЫЙ СОВЕТ

В деятельности НИИГН Ученый совет как постоянно действующий выборный совещательный орган института играет важную роль в коллегиальном рассмотрении вопросов развития и управления научно-исследовательской инфраструктурой учреждения, направленном на совершенствование организации и повышение эффективности проводимой научно-исследовательской работы, производства научной продукции и подготовки научных кадров.

Кардинальная реорганизация института в октябре 2001 г., задачи обновления и качественного улучшения научной деятельности, поставленные перед новым

директором В. А. Юрчёнковым, обусловили необходимость глубокой ревизии не только содержания проводимых институтом научных исследований, но и самой структуры организации и управления научной деятельностью.

В марте 2002 г. был утвержден новый состав Ученого совета НИИГН. Его численность была сокращена с 29 до 26 чел.; наряду с такими авторитетными учеными, как Г. И. Горбунов, В. М. Макушкин, Н. Ф. Мокшин, М. В. Мосин, А. И. Сухарев и Л. Г. Филатов, членами совета стали молодые кандидаты наук Т. Н. Кадерова, Л. А. Коханец, Г. А. Куршева, К. И. Шапкарин и В. В. Щербаков. Было значительно расширено представительство республиканских органов государственной власти в составе совета (Л. А. Иванова, С. С. Кандеев, Г. В. Косова, А. С. Лузгин, О. А. Соколов, П. Н. Тултаев, А. А. Утешев).

Центральное место в работе совета заняли контроль за выполнением научных проектов, обсуждение результатов исследовательских работ и подведение итогов проведенных научных мероприятий. Среди рассмотренных вопросов повестки дня совета ключевыми стали отчеты о выполнении таких значимых научных проектов, как создание энциклопедий «Мордовия», «Мордовская мифология», «Мордовские языки», «Православная Мордовия», «Мордовия, XX век: политическая элита»; подготовка коллективных монографий «Мордовия в годы Великой Отечественной войны. 1941 — 1945 гг.», «Археология мордовского края. Каменный век, эпоха бронзы». Были заслушаны отчеты об этнографических экспедициях по изучению мордовской диаспоры в Алтайский край, Кемеровскую область, на Дальний Восток и Камчатку; о языковой экспедиции в Теньгушевский и Кочкуровский районы Республики Мордовия, проведенной в рамках республиканских мероприятий Года мордовского национального просветительства; рассмотрены результаты охранных археологических работ на месте строительства Кафедрального собора праведного воина Феодора Ушакова в Саранске; подведены итоги Всероссийской научно-практической конференции «Формирование стратегии устойчивого социально-экономического развития регионов Российской Федерации», Международной научной конференции, посвященной жизни и деятельности святого праведного воина Ф. Ф. Ушакова, VII Конгресса этнографов и антропологов России «Многоэтничные общества и государства».

Впервые в истории НИИГН 10 его научных сотрудников на основании решения Ученого совета были представлены в ВАК Российской Федерации, где успешно прошли процедуру присвоения ученого звания доцента (А. Н. Келина, В. А. Ломшин, А. В. Чернов, Е. Н. Бикейкин, И. Г. Кильдюшкина, И. И. Шеянова, И. В. Зубов, Н. О. Шкердина) и профессора (Г. А. Куршева, Л. И. Никонова, А. М. Шаронов) по специальности.

Следующим рубежным этапом в деятельности Ученого совета института стал 2011 г., когда в связи с разграничением полномочий учредителя Правительство Республики Мордовия передало директору института функцию утверждения персонального состава совета. Одновременно были внесены изменения в порядок формирования и функционирования совета, отразившиеся в новом Положении об Ученом совете института.

Согласно принятому документу, Ученый совет формируется из членов, входящих в его состав по должности (директор, заместитель директора по научной работе, заместитель директора — ученый секретарь, заместитель директора по

проблемам социально-экономического развития региона, главные научные сотрудники — заведующие отделами), и членов, избираемых на общем собрании коллектива из числа ведущих ученых института, представителей республиканских органов исполнительной власти, высших учебных заведений, научных и других учреждений, деятельность которых связана с основными целями и задачами института. Установлен пятилетний срок полномочий формируемых составов совета.

Кроме того, для ученых и высококвалифицированных специалистов в различных гуманитарных науках, не работающих в институте, но внесших значительный вклад в развитие конкретной области гуманитарных знаний на международном, российском или региональном уровнях, Положением предусмотрено избрание в состав совета в качестве почетных членов. Они могут принимать участие в обсуждении всех вопросов, рассматриваемых Ученым советом, не участвуя в голосовании и кворуме.

Положением к компетенции Ученого совета отнесено в том числе рассмотрение вопросов интеграции научной, образовательной и инновационной деятельности института; рассмотрение годовых и перспективных планов его научной работы; обсуждение отчетов отдельных научных работников и руководителей проблемных групп о ходе и итогах научных исследований; анализ результатов деятельности института для представления в годовой отчет о выполнении тематического плана научно-исследовательских работ института; утверждение к печати научных трудов, издаваемых институтом; представление штатных и внештатных работников института к присвоению ученого звания доцента по специальности или профессора по специальности; утверждение тем диссертаций, представляемых на соискание ученой степени кандидата или доктора наук; периодическое рассмотрение вопросов, связанных с работой аспирантуры института, и др.

В результате принятых решений приказом директора от 10 марта 2011 г. № 34-П был утвержден Ученый совет НИИГН численным составом 23 чел., в который вошли В. А. Юрчёнков (председатель), Г. А. Куршева (заместитель председателя), А. В. Чернов (ученый секретарь), М. А. Бибин, Е. Н. Бикейкин, Е. В. Глазкова, Т. М. Гусева, О. В. Зарубина, И. В. Зубов, А. Н. Келина, В. Н. Кечемайкин, Т. И. Кильдюшкина, А. В. Ладошкин, В. А. Ломшин, А. С. Лузгин, Л. И. Никонова, Л. А. Павлова, Е. Г. Скворцова, О. А. Соколов, В. В. Ставицкий, Л. Г. Филатов, А. Н. Чекушкин и А. М. Шаронов.

Безусловно, за прошедшее время в состав совета вносились изменения, вызванные ротацией кадров в институте, предложениями, поступавшими от министерств и ведомств Республики Мордовия по кандидатурам их представителей в коллегиальном органе института. При этом одно продолжает оставаться неизменным уже на протяжении почти 15 лет — Ученый совет остается сплавом опыта уже состоявшихся, достигших в науке значительных высот и признания докторов наук, и молодости нового поколения ученых-гуманитариев, сохраняет преемственность поколений научных работников института и закрепляет сложившиеся за многие десятилетия традиции служения науке.

Действующий состав Ученого совета института насчитывает 26 членов. Коллектив работников института представлен 19 сотрудниками, в их числе: доктор исторических наук, профессор В. А. Юрчёнков (председатель); доктор исторических наук, профессор Г. А. Куршева (заместитель председателя); кан-

дидат филологических наук, доцент А. В. Чернов (ученый секретарь); доктор исторических наук, доцент М. А. Бибин; кандидат философских наук, доцент Е. Н. Бикейкин; доктор исторических наук Т. М. Гусева; кандидат философских наук, доцент И. В. Зубов; доктор педагогических наук, профессор А. М. Каторова; кандидат филологических наук, доцент А. Н. Келина; кандидат исторических наук, доцент И. Г. Кильдюшкина; кандидат исторических наук Т. И. Кильдюшкина; кандидат исторических наук, доцент В. А. Ломшин; доктор исторических наук, профессор Л. И. Никонова; доктор исторических наук, доцент В. В. Ставицкий; главный научный сотрудник — заведующий отделом О. В. Зарубина; ведущие научные сотрудники — заведующие лабораториями Е. В. Глазкова и Е. Г. Скворцова; научный сотрудник В. А. Каланов; председатель профсоюзного комитета Ю. Г. Утукина. Органы государственной власти представляют 5 членов совета, а именно: первый заместитель министра экономики Республики Мордовия Г. В. Косова; член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от исполнительного органа государственной власти Республики Мордовия, кандидат экономических наук Н. В. Петрушкин; министр информатизации и связи Республики Мордовия, кандидат экономических наук О. А. Соколов; первый заместитель министра культуры и туризма Республики Мордовия В. Ф. Цилин; министр по национальной политике Республики Мордовия А. М. Чушкин. Директор Рузаевского института машиностроения (филиала) Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (МГУ), кандидат экономических наук В. Н. Кечемайкин и председатель исполнительного комитета Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа, доктор исторических наук, профессор А. С. Лузгин представляют в составе совета образовательные и национальные организации республики.

Всего за период с 2002 по 2016 г. состоялось более 65 заседаний Ученого совета, на которых, помимо вышеназванных вопросов, были обсуждены актуальные проблемы развития гуманитарной науки в рамках следующих научных докладов: «Проблемы функционирования мордовских языков и перспективы языкового строительства в Республике Мордовия», «О перспективах расширения фольклорных исследований в институте», «Перспективные направления развития экономической науки на современном этапе: региональные особенности», «Политические и национальные элиты. Методологические основы исследований», «Возможности информационных технологий для сохранения и популяризации исторического наследия».

Среди состоявшихся заседаний Ученого совета 2 имели статус специальных и были посвящены обсуждению особенностей бытования мордовских языков на современном этапе (заседание от 24 июля 2008 г.) и рекомендации к печати сводного текста мордовского народного эпоса «Масторава» (заседание от 2 июня 2009 г.).

В обсуждении особенностей реализации мордовскими языками своих социальных функций в современных условиях приняли участие ведущие языковеды, литературоведы, этнографы, писатели, журналисты и представители министерств, ведомств, общественных организаций и творческих союзов Мордовии. На заседании совета были представлены результаты анкетирования, проведенного сотрудниками НИИГН во время социолого-языковой экспедиции по районам республики в рамках выполнения Плана действий республиканского правительства.

Всего было заслушано 17 выступлений, в которых докладчики высказали различные точки зрения и подходы к решению задачи дальнейшего развития мордовских языков и создания единого мордовского литературного языка, поставленной Главой Республики Мордовия Н. И. Меркушкиным в ежегодном Послании Государственному Собранию Республики Мордовия. В числе принятых решений участники заседания указали на целесообразность формирования постоянно действующей республиканской комиссии по языковому строительству для контроля и координации работы по развитию мордовских языков, на необходимость разработки и принятия Программы Республики Мордовия по развитию мокшанского и эрзянского языков, на важность широкой пропаганды в печатных и электронных СМИ достижений культуры мордовского народа с разъяснением в том числе актуальных проблем языкового строительства, а также обсуждением роли единого мордовского литературного языка в процессе консолидации этноса.

Особое значение заседанию, посвященному рекомендации к изданию русскоязычного варианта мордовского народного эпоса «Масторава», подготовленного В. В. Горбуновым, Г. Я. Меркушкиным, А. Д. Шуляевым и А. М. Шароновым в переводе В. Ю. Юшкина, придавало то обстоятельство, что данное произведение уже обсуждалось на заседании Ученого совета в 1978 г. и даже было рекомендовано к печати в трех отдельных книгах на мокшанском, эрзянском и русском языках. Созданный на основе эпических произведений мордовского устного поэтического творчества сводный текст стал результатом совместной работы ученых института и известных исследователей-литературоведов и фольклористов республики в период с конца 1960-х до второй половины 1970-х гг. Как отмечалось в процессе обсуждения, дальнейшая судьба собранного материала была сложной и по разным причинам условия для его выхода в свет сложились лишь через 30 лет. По единогласному мнению членов совета, ранее вынесенное составом 1978 г. положительное решение было поддержано и, таким образом, завершен многолетний путь произведения к читателям. Историческое решение совета было выполнено, и в том же году книга вышла в свет.

Следует отметить, что официальное утверждение научных трудов, издаваемых НИИГН, является одним из традиционных пунктов повестки дня заседаний Ученого совета. Все без исключения научные работы проходят обсуждение членами совета прежде, чем изданию присваивается гриф института. Данное требование относится не только к работам, подготовленным его сотрудниками, но и к сериальным изданиям института, где авторами часто выступают ученые не только республиканских, но и российских научных организаций и высших учебных заведений. Таковой, например, является серия «Современные исследования», которая приобретает все большую популярность среди представителей научного сообщества: в ее рамках уже издано 15 монографий, а география их авторов расширяется, охватывая все большее число регионов Поволжья.

С другой стороны, развитие научных связей института находит отражение в обращениях различных научных, в том числе академических, и образовательных организаций за поддержкой представлений к присвоению их работникам почетных званий Российской Федерации. Только за последние 5 лет Ученый совет поддержал около 10 представлений к присвоению званий заслуженного деятеля на-

уки и заслуженного работника высшей школы по кандидатурам, выдвинутым Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Чувашским государственным институтом гуманитарных наук (ЧГИГН), Нижегородским государственным университетом им. Н. И. Лобачевского (ННГУ), Чувашским государственным университетом им. И. Н. Ульянова (ЧГУ), Институтом языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, и др.

Доброй традицией Ученого совета стало проведение торжественных заседаний, посвященных чествованию юбилеев ученых, стоявших у истоков формирования профессиональной гуманитарной науки в Мордовии, многие из которых в разные годы работали в НИИГН и внесли значительный личный вклад в становление и развитие его научного авторитета. Подобных заседаний за прошедшие 15 лет состоялось около 10, и отличительной чертой этих встреч всегда было приглашение родных и близких юбиляров, их друзей, коллег по профессии и учеников.

В такой атмосфере был отмечен 110-летний юбилей Тимофея Васильевича Васильева — человека яркой и в то же время трагической судьбы, имевшего неоценимые заслуги в создании мордовской государственности (заседание от 19 февраля 2007 г.). К знаменательной дате в институте было приурочено переиздание его научного труда «Мордовия» в серии «Наследие». Много теплых слов прозвучало на заседаниях, посвященных юбилеям доктора филологических наук, заслуженного работника культуры МАССР, члена Союза писателей СССР Кирилла Тимофеевича Самородова, под руководством которого был выпущен ряд томов знаменитой серии НИИГН «Устно-поэтическое творчество мордовского народа»; кандидата исторических наук, доцента, заслуженного деятеля науки МАССР Константина Александровича Коткова и доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Мордовия Льва Герасимовича Филатова — ученых, стоявших у истоков формирования современной исторической науки в республике; кандидата экономических наук Николая Филипповича Кижваткина — создателя первого земельного кадастра Мордовской АССР; доктора филологических наук, профессора, члена Союза писателей СССР Василия Владимировича Горбунова — одного из основателей литературоведения в Мордовии, с 1950 по 1959 г. занимавшего пост директора института. Торжественному заседанию совета, посвященному 100-летию со дня рождения кандидата исторических наук, доцента, заслуженного учителя школы РСФСР Михаила Васильевича Дорожкина (заседание от 28 июля 2015 г.), дважды возглавлявшего институт (1948 — 1950, 1967 — 1978 гг.), предшествовала специализированная выставка документов из личного фонда М. В. Дорожкина, организованная Республиканской архивной службой в Центральном государственном архиве Республики Мордовия.

Значительную роль Ученый совет играет в решении вопросов организации и осуществления обучения в аспирантуре НИИГН. На его заседаниях рассматривались результаты самообследования, проведенного в рамках подготовки к прохождению процедуры лицензирования образовательной деятельности института, были представлены данные об итогах работы комиссии Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки по проведению аккредитационной экспертизы. Ежегодно на утверждение членами совета предоставляются отчеты об аттестации аспирантов и соискателей и результатах приема в институт на обучение по программам соответствующего уровня образования. Немаловажным

представляется тот факт, что за прошедшие полтора десятилетия на заседаниях совета были заслушаны и утверждены более 520 тем диссертационных исследований аспирантов и соискателей института, в том числе 17 тем диссертаций, представленных на соискание ученой степени доктора наук.

Действующий состав Ученого совета продолжает работу по формированию аттестационных дел научных работников института с целью их представления к присвоению ученых званий. Так, в 2013 г. ВАК Минобрнауки России поддержала решение совета от 7 сентября 2012 г. и присвоила доктору исторических наук Г. А. Куршевой ученое звание профессора по специальности 07.00.02 — Отечественная история.

Ученый совет НИИГН как коллегиальный орган управления уставной деятельностью учреждения проводит активную работу в рамках возложенных на него задач. Его настоящий списочный состав, включающий 8 докторов и 10 кандидатов наук, из которых 5 чел. имеют ученое звание профессора и 8 — ученое звание доцента, обеспечивает принятие научно квалифицированных решений и выработку ценных рекомендаций, что обусловливает высокое качество результатов научных изысканий института.

Подготовил *А. В. Чернов*.

КОНФЕРЕНЦИИ, КОНГРЕССЫ

Одним из основных направлений деятельности НИИГН является проведение научных мероприятий. За последнее десятилетие институт неоднократно выступал организатором крупнейших научных конференций, создавая платформу для обмена научным, исследовательским и практическим опытом.

Наиболее значимыми являются международные конференции.

Так, в августе 2006 г. на базе НИИГН состоялась Международная научная конференция, посвященная жизни и деятельности святого воина адмирала Ф. Ф. Ушакова. В работе форума приняли участие ученые из России, Украины, Греции, Болгарии, Италии, Великобритании и Франции. На пленарном заседании было заслушано 6 докладов, посвященных различным сторонам жизни и деятельности великого флотоводца. В частности, доктор исторических наук, профессор, председатель правления Союза писателей России В. Н. Ганичев подчеркнул значимость духовного подвига адмирала Ф. Ф. Ушакова, причисленного Русской православной церковью к лику святых. В связи с этим им был поставлен вопрос о соотношении океанистического мышления и православного сознания, взаимодействие которых рассматривалось как ответ на глобальные вопросы современности. Доктор филологических наук, профессор В. П. Казарин (Севастополь) высоко оценил роль Ушакова в укреплении геополитических позиций России на Черном море. Данную тему развил профессор А. Пантев (София), рассмотревший значение победы эскадры адмирала Ушакова в сражении у мыса Калиакрия для национально-освободительного движения в Болгарии. Значительный интерес вызвал доклад док-

тора филологических наук, профессора Е. Стериопулу (Афины) о присутствии русских на Ионических островах в конце XVIII в.; ученый проанализировал как письменные, так и устные источники той эпохи. Новизной постановки проблемы отличался доклад капитана I ранга, кандидата исторических наук, заведующего отделом Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации В. Д. Овчинникова (Москва) о вкладе адмирала Ушакова в развитие военно-морского искусства. В докладе доктора исторических наук, профессора В. А. Юрчёнкова (Саранск) прослеживались основные этапы историографического осмысления жизнедеятельности флотоводца.

В рамках подготовки к конференции НИИГН издал сборник документов и материалов «Святой праведный Феодор Ушаков, адмирал флота Российского»[1], включивший в себя новый вариант жития, документы о наиболее значимых победах адмирала, материалы о его связи с Мордовией, богатый видеоряд. В ходе конференции в Государственном музыкальном театре им. И. М. Яушева открылась выставка архивных документов об адмирале Ф. Ф. Ушакове, прошел премьерный показ документального фильма о флотоводце. Участники конференции приняли участие в торжествах открытия Кафедрального собора святого праведного воина Феодора Ушакова.

Другим значимым мероприятием явился проведенный в июле 2007 г. на базе НИИГН VII Конгресс этнографов и антропологов России «Многоэтничные общества и государства». Данный форум проходил при финансовой поддержке РГНФ, Главы Республики Мордовия и Правительства Мордовии совместно с Институтом этнологии и антропологии РАН. Президентом конгресса была доктор исторических наук, профессор Л. И. Никонова — руководитель отдела этнографии и этнологии НИИГН. В работе конгресса приняли участие 438 ученых-этнографов и антропологов из более 50 городов и регионов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Астрахани, Барнаула, Владивостока, Новосибирска, Петрозаводска и др. Кроме этого, в конгрессе участвовали ученые из Австрии, Австралии, Венгрии, Греции, Сербии, Соединенных Штатов Америки, Финляндии, Швеции, Украины, Литвы, Казахстана, Молдовы и других стран ближнего и дальнего зарубежья. Деятельное участие в работе конгресса принимали ученые МГУ им. Н. П. Огарева, Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева (МГПИ), Научно-исследовательского института регионологии, НИИГН.

Основу этого научного мероприятия составила тема расширения взаимоотношений между различными странами, народами и их культурами. На пленарном заседании конгресса выступили: директор Института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишков (Москва), директор Российского института культурологии К. Э. Разлогов (Москва), заведующий сектором этнологии человека Института этнологии и антропологии РАН М. Л. Бутовская (Москва), директор НИИГН В. А. Юрчёнков, директор Этнографического института Сербской академии наук и искусств Драганы Радойчич (Белград), профессор Джорджтаунского университета Марджори Балзер (Вашингтон).

Тематика пленарного заседания получила дальнейшее развитие в ходе работы секций. На конгрессе состоялось проведение 34 секций, 4 симпозиумов, 6 круглых столов. В ходе секционных заседаний, научных симпозиумов и круглых столов в

течение 5 дней обсуждался широкий спектр вопросов: этноязыковые, этноконфессиональные и демографические процессы в эпоху глобализации; роль национально-культурных автономий и диаспор в сохранении народных традиций; межэтнические согласия и конфликты; региональные особенности этнокультурных взаимодействий и др. Кроме этого предметом обсуждения ученых выступали такие злободневные темы, как гастарбайтерство, влияние народной медицины и пищи на сохранение здоровья современного человека, роль СМИ в интеграции и дезинтеграции современного полиэтнического общества и др.

Результаты работы конгресса этнографов и антропологов России имели существенное значение для дальнейшего повышения престижа Мордовии как региона. В 2007 г. был издан сборник материалов VII Международного конгресса этнографов и антропологов России «Многоэтничные общества и государства»[2].

Среди наиболее заметных мероприятий российского уровня выделяется Всероссийская научно-практическая конференция «Социальные конфликты в России XVII—XVIII веков», проходившая на базе НИИГН в мае 2004 г. Целью конференции являлась попытка осмысления на качественно новом уровне разноплановой проблемы социальных конфликтов XVII — XVIII вв. в Среднем Поволжье с привлечением широкого круга специалистов, занимавшихся различными аспектами поставленной проблемы, выделив при этом такой малоизученный вопрос, как влияние социальных конфликтов на политику государства в Среднем Поволжье и в России в целом.

В работе конференции приняли участие ученые ИРИ РАН, Минобрнауки России, НИИГН, МГУ им. Н. П. Огарева, МГПИ им. М. Е. Евсевьева, Марийского государственного университета (МарГУ), Самарского государственного университета (СамГУ), Самарской государственной академии культуры и искусств (СГАКИ), Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербургского филиала Института истории, естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства (СПбГУКИ), Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, Набережночелнинского филиала Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, Донского государственного технического университета, Екатеринбургского гуманитарного университета, Омского государственного педагогического университета, Хабаровского государственного технического университета и др. На пленарном заседании были подняты вопросы цивилизационного осмысления социальных конфликтов в России, рассмотрены проблемы методологии исследования народных движений в Поволжье в начале XVII в., дана оценка проблемам истории народных движений в 1773 — 1775 гг., проведен анализ социальных конфликтов XVII — XVIII вв. в Среднем Поволжье и формирования имперского социума с учетом опыта западной русистики.

Особое внимание на пленарном заседании уделялось осмыслению исторического наследия патриарха Никона. В 2003 г. в Государственном историческом музее, в Историко-архитектурном музее «Новый Иерусалим» прошли крупнейшие выставки, на которых было представлено наследие Никона и отражена его

роль в жизни государства и церкви. В Санкт-Петербурге вышла серия монографий, посвященная святейшему патриарху. В 2004 г. Издательство Московского университета при поддержке Правительства Российской Федерации выпустило в свет сборник, представляющий ранее не издававшееся наследие святейшего «Патриарх Никон. Труды»[3].

По итогам работы конференции была дана оценка и определены перспективы разработки ключевых вопросов истории социальных движений XVII — XVIII вв. в Среднем Поволжье, а также выявлены новые направления исследований, представляющих интерес для научного сообщества. В 2005 г. вышел сборник материалов по итогам конференции «Социальные конфликты в России XVII — XVIII веков»[4], в котором рассмотрены социальные конфликты раннего Нового времени, проблемы методологии их исследования, историографии и источниковедения; жизнедеятельность и наследие Патриарха Московского и всея Руси Никона, сыгравшего значительную роль в событиях той эпохи; влияние социальных движений XVII — XVIII вв. на политику Российского государства и их отражение в устно-поэтическом народном творчестве.

Другим не менее значимым мероприятием стала проведенная в октябре 2005 г. на базе института Всероссийская научная конференция, посвященная 400-летию святейшего патриарха Никона. Ее организаторами выступили Правительство Республики Мордовия и НИИГН. Конференция явилась логическим продолжением ряда юбилейных мероприятий, связанных с 400-летием со дня рождения Никона: вышли в свет публикации, посвященные патриарху; на его родине, в с. Вельдеманове, установлен памятный знак; проведены выставки книг, архивных документов о Русской православной церкви; в Мордовском республиканском краеведческом музее организована выставка.

Участники конференции представляли 12 городов России: Москву, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Тольятти, Великий Новгород и др. Приняли приглашение принять участие в работе конференции представители 18 научных организаций и вузов, в том числе ведущие ученые Дипломатической академии Министерства иностранных дел России, Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, Московского педагогического государственного института, СПбГУКИ, Воронежского государственного университета, Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь), ННГУ им. Н. И. Лобачевского, специалисты научно-исследовательских институтов и вузов других городов России. В работе конференции приняли участие также представители исполнительной власти Республики Мордовия, Саранской и Мордовской епархии, Саранского духовного училища, преподаватели вузов Мордовии.

Завершило работу конференции итоговое заседание, на котором руководители секций выступили с предложениями и рекомендациями по дальнейшему сотрудничеству и исследованию проблематики социальных конфликтов в целом и церковных реформ, наследия патриарха Никона в частности. По итогам конференции выпущен сборник научных трудов НИИГН[5], в который вошли материалы докладов.

Отдельно стоит отметить Всероссийскую научно-практическую конференцию экономического профиля «Формирование стратегии устойчивого социально-

экономического развития регионов Российской Федерации», прошедшую в мае 2005 г. на базе НИИГН**.** Выбор темы этого научного мероприятия, а также основного круга вопросов, вынесенных на обсуждение его участников, обусловливались необходимостью выработки тактических программных документов и определения основных элементов стратегии долгосрочного развития региона, направленных на наращивание экономического потенциала и решение социальных проблем в Республике Мордовия.

На конференцию был приглашен широкий круг специалистов, занимавшихся различными аспектами поставленной проблемы. В ее работе приняли участие ведущие ученые Центрального экономико-математического института РАН, Центра финансово-банковских исследований ИЭ РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, Государственного университета управления (Москва, Обнинск), ВНИИЭСХ, Московского энергетического института, Центра исследований духовного наследия России (Москва, Санкт-Петербург, Волгоград), Марийского государственного технического университета, ЧГИГН, Ульяновского государственного университета (УлГУ), Кулебакского металлургического техникума (Первомайск, Нижегородская обл.), Пензенского государственного университета (ПГУ), Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, МГУ им. Н. П. Огарева, Мордовского гуманитарного института, Саранского кооперативного института, Мордовского центра научно-технической информации, НИИ регионологии, НИИГН.

Активное участие в научном форуме приняли представители государственной власти Республики Мордовия, в частности начальник Управления по экономической политике Республики Мордовия Аппарата Главы А. Г. Шкурихин, советник Аппарата Главы Республики Мордовия по АПК В. Р. Черашев, представители Аппарата Правительства Республики Мордовия, Государственного Собрания Республики Мордовия, Торгово-промышленной палаты Республики Мордовия, Министерства жилищно-коммунального хозяйства Республики Мордовия, администрации Ичалковского района Республики Мордовия, а также руководители промышленных предприятий, представители социальной инфраструктуры, организаций научно-технического профиля, предпринимательского сектора Мордовии, управления сельского хозяйства Пензенской области.

На пленарном заседании с докладом выступили заместитель министра экономики Республики Мордовия Г. М. Косова, сотрудники Центрального экономико-математического института РАН Г. М. Татевосян, Н. Е. Егорова и заведующий кафедрой авиационных технологий МГУ им. М. В. Ломоносова В. В. Каширин. Пленарную часть работы конференции завершил генеральный директор ФГУП «Саранский механический завод» В. А. Мурашкин докладом о продукции, производимой одним из крупнейших предприятий Мордовии и оборонной промышленности России.

Тематика пленарного заседания получила дальнейшее развитие в ходе работы секций: были рассмотрены концептуальные основы формирования эффективной экономической политики и организационно-правовое обеспечение при переходе к модели устойчивого развития; моделирование социально-экономических процессов в регионе в контексте формирования стратегии устойчивого развития; вопросы разработки стратегии предприятий как фактора устойчивого экономического роста региона и ресурсные предпосылки для обеспечения его устойчивого развития.

На конференции отмечалось, что политика и культура во взаимодействии образуют социальный институт, который представляет новую реальность, механизм интеграции разнообразных цивилизационных начал, оказывая непосредственное влияние на все стороны общества, духовный, материальный потенциал народа. Именно поэтому важны выверенная этнонациональная политика, толерантность в эксплуатации и восприятии культурных ценностей общества, оптимизация соотношения экономического и культурного развития общества. При подведении итогов работы форума ученые и практики пришли к единому мнению, что научно-практические результаты конференции позволят, во-первых, оценить состояние работы в регионах по переходу к модели устойчивого развития; во-вторых, определить направления повышения эффективности экономической политики в регионах Российской Федерации, выявить факторы интеграции и дезинтеграции в регионах; в третьих, рассмотреть возможность разработки концепции и программы устойчивого развития регионов Российской Федерации, учитывающих экономические, исторические, культурные и национальные особенности территорий; в-четвертых, сформировать модель устойчивого развития Республики Мордовия, направленную на обеспечение среднероссийских значений ВРП и заработной платы на душу населения для создания стабильной демографической ситуации и повышения качества жизни населения; в-пятых, определить конкретные инновационные проекты, способствующие формированию и развитию модели устойчивого развития региона, а также выявить новые направления исследований, представляющих интерес для научного сообщества.

По материалам конференции в 2006 г. выпущен сборник научных трудов «Формирование стратегии устойчивого социально-экономического развития регионов Российской Федерации»[6]. В первой части сборника рассмотрены вопросы формирования эффективной политики и организационно-правового обеспечения при переходе к модели устойчивого развития; моделирования социально-экономических процессов в регионе в контексте формирования стратегии устойчивого развития; разработки стратегии предприятия как фактора устойчивого экономического роста регионов. Во второй части сборника рассмотрены вопросы ресурсных предпосылок обеспечения устойчивого развития региона, повышения роли науки и инновационной активности в стабильной экономики, а также духовности как важного фактора региональной системы социальной стабильности и национальной безопасности.

В феврале 2008 г. на базе НИИГН была проведена Всероссийская научная сессия «Гуманитарные науки: истории и современность», приуроченная к 75-летнему юбилею института. В юбилейном форуме приняли участие ученые из Москвы, Чебоксар, Казани, Йошкар-Олы, Ижевска, Сыктывкара, а также ученые МГУ им. Н. П. Огарева, МГПИ им. М. Е. Евсевьева, НИИ регионологии. Работу научной сессии открыл Глава Республики Мордовия Н. И. Меркушкин, поздравивший коллектив института с юбилеем. На пленарном заседании выступил директор ИРИ РАН А. Н. Сахаров с докладом «1000-летие единения мордовского народа с народами России — 1000-летие многонационального государства». Вопросы множественной идентификации в условиях глобализации были затронуты в докладе директора Российского института культурологии К. Э. Разлогова. Работу сессии продолжило выступление заместителя председателя РГНФ В. П. Гребенюка, который отметил, что на протяжении 10 лет

НИИГН выступает связующим звеном между РГНФ и Республикой Мордовия при проведении регионального конкурса «Волжские земли в истории и культуре России» и одновременно его активным участником.

21 августа 2014 г. на базе НИИГН под эгидой Регионального отделения Российского военно-исторического общества в Республике Мордовия состоялась Всероссийская научная конференция, посвященная 100-летнему юбилею Первой мировой войны. Цель конференции заключалась в выработке новых взглядов и подходов к пониманию ключевых моментов тех эпохальных событий, а также увековечиванию памяти о наших предках — защитниках Отечества, воевавших на фронтах Первой мировой войны.

В работе конференции приняли участие ученые НИИГН, ПГУ, Государственного архива Пензенской области, Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова, СамГУ, Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина, администрации Российского военно-исторического общества и др.

В декабре 2014 г. в НИИГН прошла Юбилейная научная конференция, посвященная 50-летию научной сессии «Этногенез мордовского народа», проведенной в декабре 1964 г. по инициативе НИИЯЛИЭ совместно с институтами археологии, этнографии и языкознания АН СССР.

Организаторами мероприятия совместно в НИИГН выступили Министерство по национальной политике Республики Мордовия, Министерство культуры и туризма Республики Мордовия. В конференции приняли участие ученые из Москвы, Казани, Самары, Пензы, Арзамаса, Чебоксар, Йошкар-Олы и Саранска. Значительный фактологический материал, накопленный за полувековой период полевой и теоретической работы, позволил осветить новые аспекты формирования мордовского народа и пересмотреть ранее высказанные гипотезы.

Не менее значимыми являлись конференции регионального уровня.

Так, в апреле 2002 г. состоялась конференция, посвященная памяти братьев Рябовых (А. П. Рябов — первый мордовский профессор-лингвист, В. П. Рябов — один из первых переводчиков русской классической литературы на мордовские языки). На конференции были представлены доклады, посвященные жизни и творчеству братьев Рябовых, современным проблемам мордовских языков и мордовской литературы. На основе материалов конференции вышел сборник трудов «Рябовы: pro et contra»[7], в котором проанализированы актуальные вопросы мордовского языкознания, литературоведения и фольклористики.

В мае 2003 г. на базе института состоялась VII региональная научно-практическая конференция историков-аграрников Среднего Поволжья «Крестьянство и власть Среднего Поволжья». В работе форума приняли участие ученые НИИГН, МГУ им. Н. П. Огарева, МГПИ им. М. Е. Евсевьева, Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского (ПГПУ), ПГУ, Пензенского технологического университета, МарГУ, Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, СамГУ, СГАКИ, Удмуртского государственного университета, Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, Национальной библиотеки Удмуртской Республики, УлГУ, ЧГИГН, ЧГУ им. И. Н. Ульянова, Администрации Президента Чувашской Республики, Чебоксарского кооперативного института, Московского университета потребительской кооперации Центросоюза Российской Федерации и др.

В ходе конференции были подведены итоги развития региональной исторической науки за последние 10 лет, отмечены достижения историков Среднего Поволжья, позволяющие в современных условиях сделать качественный рывок в исследовании аграрной истории региона, выявлены проблемные вопросы, требующие усилий как региональных научных центров, научных коллективов, так и индивидуальных исследователей. Особое внимание на пленарном заседании уделялось взаимоотношениям мордовского крестьянства и государственной власти в имперский период российской истории, на примере которых была предложена модель взаимодействия (противостояния) социума и власти. Подчеркивалось, что в настоящее время историки-аграрники Среднего Поволжья составляют одно из значительных научных сообществ отечественной исторической науки. В регионе сосредоточены квалифицированные кадры историков, сложились и функционируют научные школы, развита инфраструктура исторической науки.

В 2004 г. вышел сборник материалов VII региональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья «Крестьянство и власть Среднего Поволжья»[8], в котором рассмотрены различные проблемы взаимоотношения крестьянства и власти в контексте социально-экономических, политических и культурных преобразований в Среднем Поволжье на различных этапах исторического развития.

Дважды в НИИГН проводились республиканские научно-практические конференции, посвященные известному ученому, организатору науки в Мордовии М. Ф. Жиганову. Так, в ноябре 2004 г. в работе конференции приняли участие ученые из Государственного исторического музея (Москва), НИИГН, МГУ им. Н. П. Огарева, МГПИ им. М. Е. Евсевьева, Саранского кооперативного института, Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея. На пленарном заседании с докладами о роли научного наследия М. Ф. Жиганова выступили доктор исторических наук, профессор В. А. Юрчёнков, доктор исторических наук, профессор Н. В. Заварюхин, кандидат исторических наук, доцент И. М. Петербургский.

В 2006 г. был издан сборник материалов Республиканской научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения профессора М. Ф. Жиганова «Наследие М. Ф. Жиганова и перспективы исторических исследований в Мордовии»[9]. В сборнике отражена научная деятельность профессора Жиганова, представлены воспоминания о нем, библиография работ, отдельные статьи, а также результаты современных исследований памятников мордовского народа; рассмотрены актуальные вопросы истории, материальной и духовной культуры народов Мордовии.

В декабре 2004 г. институт провел Республиканскую научно-практическую конференцию, посвященную 90-летию со дня рождения профессора В. В. Горбунова. С докладами на пленарном заседании выступили ректор МГПИ им. М. Е. Евсевьева, профессор В. М. Макушкин, профессора МГУ им. Н. П. Огарева А. И. Брыжинский, А. М. Каторова, доцент Г. И. Горбунов. Сотрудники и аспиранты НИИГН также приняли участие в работе секции.

По итогам конференции в 2006 г. был издан сборник[10], в котором отражена научная и творческая деятельность В. В. Горбунова, представлены библиография его работ, публикации и воспоминания о нем, рассмотрены актуальные вопросы литературоведения и фольклористики.

В июне 2005 г. на базе НИИГН состоялась региональная научно-практическая конференция «Центр и периферия: культура российской провинции». Целью проводимой конференции явилась попытка осмысления на качественно новом уровне современных взаимоотношений этноисторических традиций и актуальных факторов, изменяющих характер формирования культурно-информационного поля в провинции; выяснение и обозначение в общественном сознании особенных черт провинциальной культуры, выявление факторов, влияющих на ее типологию и своеобразие.

В конференции приняли участие ученые из Москвы и Пензы, МГУ им. Н. П. Огарева, МГПИ им. М. Е. Евсевьева, Саранского кооперативного института, Мордовского республиканского колледжа культуры и искусства, Мордовского республиканского музея изобразительных искусств им. С. Д. Эрьзи, Саранского музыкального училища, Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея. На пленарном заседании были подняты вопросы соотношения центрального и периферического в русской культуре Нового времени, характеристики культурной среды провинциальных городов во второй половине XIX в. (на примере мордовского края); проведен анализ социокультурной динамики российской провинции.

Тематика пленарного заседания получила дальнейшее развитие в ходе работы 4 секций: были рассмотрены вопросы мультикультурализма в культуре современного города, соотношение «книжной» и «компьютерной» культур в провинциальном пространстве, особенности колористической культуры российской провинции; проблемы отдельных элементов традиционной и профессиональной культуры российской провинции; особенности стиля жизни провинциального города и провинциальной благотворительности в мордовском крае, историко-культурная деятельность современных краеведов республики; стереотипы восприятия народов России в Западной Европе и на Востоке, региональные аспекты политической и правовой культуры в современном российском обществе.

При подведении итогов конференции ученые и практики пришли к мнению о том, что целью научно-практического поиска в сфере провинциальной культуры должно стать, во-первых, раскрытие в общественном сознании тех особенных черт провинциальной культуры, которые в современных условиях могут способствовать духовному развитию личности, преимущественно молодежи; во-вторых, рассмотрение и анализ действующих систем, практических акций, направленных на сохранение и развитие культуры российской провинции; в-третьих, прогноз вероятностного будущего провинциальной культуры и возможности воздействия на ее развитие; в-четвертых, исследование культурного диалога в истории, поскольку в России эта проблема имеет существенное значение в условиях модернизации общества; в-пятых, утверждение в общественном сознании традиции историко-культурного краеведения, воспринимаемой сегодня в качестве одной из основ местной культурной жизни (в высшей и средней школах, музеях, архивах, библиотеках, общественных объединениях).

В ноябре 2008 г. на базе НИИГН был проведен круглый стол «Поволжье — этнокультурный и толерантный регион: власть и взаимоотношения в семье» в рамках Всемирного саммита «Гендерные роли в XXI веке: власть, этнос, семья». Организаторами работы круглого стола выступили Государственная Дума Российской Федерации, Правительство Республики Мордовия, Министерство науки, инфор-

матизации и новых технологий Республики Мордовия, НИИГН. В работе форума приняли участие представители органов государственной власти и общественных организаций, работники образовательных учреждений, сотрудники МГУ им. Н. П. Огарева, сотрудники и аспиранты НИИГН.

Значительный интерес представляло выступление доктора политических наук, руководителя Аппарата Комитета Государственной Думы Российской Федерации по делам национальностей Р. М. Канапьяновой (Москва), посвященное гендерным и этническим интересам в самоорганизации граждан. В работе круглого стола приняли участие заведующий кафедрой социальной антропологии, декан факультета социологии Российского государственного социального университета Д. К. Танатова (Москва), директор школы с углубленным изучением английского языка А. В. Савельева (Москва), заведующий отделом археологии и этнографии НИИГН Л. И. Никонова, председатель Ассоциации мокшанских женщин «Юрхтава» З. И. Акимова, начальник отдела Поволжского центра культур финно-угорских народов, председатель Мордовской республиканской общественной организации «Союз эрзянских женщин „Литова“» Р. Б. Щанкина, профессор кафедры этнокультуры Мордовии МГУ им. Н. П. Огарева Н. Г. Юрченкова, руководитель аппарата администрации Рузаевского муниципального района Республики Мордовия Ю. Н. Лобода и др.

В ходе работы круглого стола участники отметили, что проблема толерантности на государственном уровне также актуальна и в повседневной жизни (взаимоотношения в семье, обществе, государства и власти, выстраивание толерантных взаимоотношений между людьми разных национальностей и вероисповеданий).

В ноябре 2009 г. состоялась конференция, посвященная рассмотрению вопросов современных исследований памятников мордовского народа. В работе форума приняли участие ученые из Института археологии РАН, ПГПУ им. В. Г. Белинского, Пензенского краеведческого музея, Самарского краеведческого музея, НИИГН, МГУ им. Н. П. Огарева, МГПИ им. М. Е. Евсевьева, Саранского кооперативного института.

НИИГН выступает организатором проведения ряда научных мероприятий: ежегодной Республиканской научно-практической конференции «Роль науки и инноваций в развитии хозяйственного комплекса региона» (с 2003 г. совместно с Правительством Республики Мордовия); научной конференции «Преподобный Серафим Саровский и современный мир», посвященной 100-летию канонизации святого (совместно с Саранским православным духовным училищем; 2003 г.); Международной научно-практической конференции «Функционирование языков и состояние этнокультуры восточных финно-угорских народов: проблемы и перспективы развития» (совместно с Правительством Республики Мордовия и МГУ им. Н. П. Огарева; 2003 г.); 3-й Международной научной конференции «Археология Восточноевропейской лесостепи», посвященной 110-летнему юбилею со дня рождения одного из известных отечественных археологов XX в. А. Е. Алиховой (совместно с Пензенским институтом развития образования, ПГУ, Пензенским государственным краеведческим музеем; 2012 г.).

С 2012 г. НИИГН совместно с МГУ им. Н. П. Огарева проводит ежегодные «Саранские философские чтения». Так, состоялись VIII Саранские философские чтения «Русская философия в духовной культуре финно-угорского мира» (2012 г.);

IX Саранские философские чтения «Н. П. Огарев в истории философии и культуры России» (2013 г.); X Юбилейные саранские философские чтения «Образ России в русской философии, истории и культуре» (2014 г.); XI Саранские философские чтения «Наследие М. М. Бахтина в философии, истории и культуре» (2015 г.).

Результатом научного взаимодействия НИИГН с Институтом языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар), Удмуртского института истории, языка, литературы Уральского отделения РАН (Ижевск), МГУ им. Н. П. Огарева, МГПИ им. М. Е. Евсевьева, НИИ регионологии стали организация и проведение круглого стола, посвященного деятельности финно-угорских научных учреждений в современных условиях.

В 2013 г. НИИГН провел совместную с Чувашским государственным педагогическим университетом им. И. Я. Яковлева научно-практическую конференцию в честь 235-летия Н. Я. Бичурина и 165-летия И. Я. Яковлева «Преемственность просветительских традиций народов Среднего Поволжья в XVI — XXI вв.» В работе форума приняли участие ученые из Саранска, Чебоксар, Йошкар-Олы, Сыктывкара, Астаны, Пекина (КНР), Урумчи (КНР), Санкт-Петербурга, Якутска, Москвы, Набережных Челнов.

Сотрудники и аспиранты НИИГН ежегодно принимают участие в работе более чем 50 конференций различного уровня, основной целью которых является первичная апробация фундаментальных и прикладных научных исследований гуманитарных знаний.

Библиографические ссылки

[1] См.: Святой праведный Феодор Ушаков, адмирал флота Российского / сост. В. А. Юрчёнков. Саранск, 2006. 392 с.

[2] См.: Многоэтичные общества и государства : сб. тез. Саранск, 2007. 207 с.

[3] См.: Патриарх Никон : Труды : в 3 т. М., 2004. 1264 с.

[4] См.: Социальные конфликты в России XVII — XVIII веков : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Саранск, 20 — 22 мая 2004 г.). Саранск, 2005.

[5] См.: Патриарх Никон: история и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Саранск, 27 — 28 окт. 2005 г.). Саранск, 2007. 328 с.

[6] См.: Формирование стратегии устойчивого социально-экономического развития регионов Российской Федерации : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Саранск, 11 — 13 мая 2005 г.) : в 2 ч. Саранск, 2006. Ч. 1. 316 с. ; Ч. 2. 196 с.

[7] См.: Рябовы: pro et contra : сб. материалов Рябов. науч. чтений (Саранск, 16 апр. 2002 г.). Саранск, 2002. Т. 2 (119). 246 с.

[8] См.: Крестьянство и власть Среднего Поволжья : материалы VII межрегион. науч.-практ. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья (Саранск, 21 — 23 мая 2003 г.). Саранск, 2004. 544 с.

[9] См. : Наследие М. Ф. Жиганова и перспективы исторических исследований в Мордовии : материалы Респ. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения проф. М. Ф. Жиганова (Саранск, 17 нояб. 2004 г.) : в 2 ч. Саранск, 2006. 176 с.

[10] См.: В. В. Горбунов: служение словом, служение слову : материалы Респ. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. В. В. Горбунова (Саранск, 17 дек. 2004 г.). Саранск, 2006. 216 с.

Подготовила *Г. А. Куршева.*

ГРАНТОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Гранты на выполнение проектов проведения научных исследований в области гуманитарных наук, проектов организации мероприятий, издания научных трудов, проведения экспедиций являются одним из средств обеспечения научной деятельности, осуществляемой в НИИГН. Гранты позволяют значительно расширить номенклатуру научных проектов института, получить дополнительные источники поддержки работы научных школ, функционирующих в институте, его научных коллективов и отдельных ученых.

По ряду причин период активного участия НИИГН в организуемых грантодателями научных конкурсах и реализации научных проектов, получивших по результатам конкурсного отбора поддержку, начался именно после реорганизации в 2001 г. С одной стороны, это обусловливалось появлением новых организаций и программ, предоставлявших грантовую поддержку ученым, с другой — расширением уже существовашими организациями перечня проводимых конкурсов научных проектов. Так, например, в 1999 г. РГНФ подписал соглашение с Правительством Республики Мордовия о совместном проведении для ученых, работавших на территории республики, конкурсов проектов в области гуманитарных наук в рамках регионального конкурса «Волжские земли в истории и культуре России». В 2000 г. в Мордовии был дан старт проведению республиканского конкурса проектов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и внедренческих работ, претендовавших на финансовую поддержку республиканского бюджета. В том же году при поддержке Минобрнауки России, Института им. Кеннана (США), Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) была инициирована программа «Межрегиональные исследования в общественных науках», которая предусматривала проведение конкурсов на соискание индивидуальных и коллективных грантов на исследования в области общественных и гуманитарных наук.

Однако основной причиной повышения эффективности проектной деятельности в рамках грантовых конкурсов, безусловно, стало осуществленное по итогам реорганизации качественное обновление научного коллектива института за счет его омоложения и повышения доли работников, имеющих ученые степени кандидата и доктора наук.

Всего за период с 2002 по 2016 г. в рамках различных научных конкурсов было поддержано и успешно выполнено около 80 проектов ученых НИИГН, в том числе 10 проектов организации и проведения научных мероприятий, 14 проектов издания научных трудов и 10 проектов проведения экспедиций.

Наиболее плодотворным для научной деятельности института стало участие в научных конкурсах РГНФ. В целом за весь пятнадцатилетний период научный фонд поддержал 49 проектов сотрудников НИИГН по таким научным направлениям, как исторические, экономические, общественные науки, филологические науки, искусствоведение и комплексное изучение человека (таблица).

В общем числе поддержанных проектов 45 были отобраны по итогам проведения регионального конкурса «Волжские земли в истории и культуре России», 3 — по итогам основного и 1 проект — по итогам целевого конкурсов. С точки зрения

Таблица

Количество научных проектов НИИГН, поддержанных РГНФ в 2002 — 2016 гг.

Год	Всего проектов	Научные проекты по направлениям				
		Исторические науки	Экономические науки	Общественные науки	Филологические науки, искусствоведение	Комплексное изучение человека
2002	1	1				
2003	2	2				
2004	3	2			1	
2005	3	1		1	1	
2006	1	1				
2007	12	8	1	1	2	
2008	2	2				
2009	4	2			2	
2010	6	4	1	1		
2011	6	4			1	1
2012	2	2				
2013	2	2				
2014	2	2				
2015	2	2				
2016*	1	1				
Итого	49	36**	2	3	7	1

* В 2016 г. по инициативе РГНФ проведение регионального конкурса «Волжские земли в истории и культуре России» в Республике Мордовия было приостановлено до окончательного решения вопросов финансирования ранее поддержанных проектов со стороны Республики Мордовия. В связи с этим подготовленные учеными института 2 заявки не были рассмотрены. Поддержку фонда получил проект издания научного труда «Финно-угорские народы России», представленный на основной конкурс 2016 г.

** Из всего количества поддержанных проектов по данному направлению 23 проекта было выполнено по истории, 4 — археологии и 9 проектов — по этнографии.

видов конкурсов, поддержка была оказана 38 научно-исследовательским проектам, 2 проектам организации научных мероприятий, 8 проектам экспедиций и 1 проекту издания научных трудов.

Следует отметить, что первым проектом НИИГН, поддержанным РГНФ, стал проект создания энциклопедии «Мордовия». Глубокий символизм этого события обусловлен ролью, которую энциклопедия сыграла в судьбе института. Проект, ставший, по сути, первой серьезной проверкой молодого коллектива на научную зрелость, раскрывший его исследовательский потенциал и вернувший институту утраченные позиции регионального научного центра, приобрел дополнительную значимость после решения ведущего государственного фонда в области гуманитарных наук о выделении гранта. К чести исполнителей проекта, все поставленные задачи были успешно решены и к окончанию срока проекта представлена рукопись первого тома энциклопедического справочника. Написание рукописи второго тома энциклопедии и подготовка издания к печати в целом стали главными задачами проекта 2003 г. В результате выполненных работ в 2003 и

2004 гг. вышли в свет соответственно первый и второй тома энциклопедии «Мордовия», содержащей систематизированный свод знаний о социальных, экономических, географических и прочих особенностях республики.

Среди других значимых проектов НИИГН следует отметить исследования «Мордовия в период Великой Отечественной войны. 1941 — 1945 гг.» (руководитель В. А. Юрчёнков), «Мордовия в период Гражданской войны и „военного коммунизма“. 1918 — 1921 гг.» (руководитель В. А. Юрчёнков), «Колхозная деревня Мордовии в середине 1950-х — первой половине 1960-х гг.» (руководитель Т. Ю. Задкова), «Крестьянство и власть Мордовии в послевоенный период (1946 — середина 1950-х годов) (руководитель В. А. Ломшин) и «Образование и власть Мордовии (1917 — 1941 гг.)» (руководитель Г. А. Куршева), вошедшие в качестве составных частей в научный проект «Мордовия. XX век», в рамках которого выразилась разработанная историками института новая единая концепция истории и культуры мордовского народа.

Первым обобщающим исследованием археологии региона от каменного века до эпохи позднего Средневековья стал проект «Археология мордовского края» (руководитель В. Н. Шитов), где фактически были подведены итоги изучения археологических памятников, расположенных на территории мордовского края за прошедшее столетие.

Созданию первых в истории мордовского языкознания справочников норм мокшанского и эрзянского произношения был посвящен проект «Мокшанский орфоэпический словарь. Эрзянский орфоэпический словарь» (руководитель Е. Е. Учайкина).

Значительное количество проектов экспедиций было выполнено этнографами института под руководством Л. И. Никоновой в рамках научного проекта «Мордва России», предусматривающего всестороннее изучение специфики материальной и духовной культуры мордовского народа, проживающего в различных регионах страны: «Этнокультурная география мордвы северной и юго-восточной Сибири», «Переселенческое движение мордвы на Урал в XIX — XX вв. (историко-этнографический аспект)», «Переселенческое движение мордвы в Зауралье в XIX — XX вв. (историко-этнографический аспект)», «Мордва Рязанской области», «Мордва-молокане Ростовской и Воронежской областей (историко-этнографический аспект)» и др.

Из числа наиболее заметных проектов последних лет, выходящих за рамки интересов региональной гуманитарной науки, безусловно, выделяется проект «Финно-угорские народы России» (руководитель В. А. Юрчёнков). В рамках проектной деятельности решались задачи осмысления вопросов генезиса финно-угорского мира, взаимодействия с Российским государством в разные исторические периоды, рассмотрения факторов, оказавших влияние на формирование и совершенствование ценностных ориентаций этносов, проблем сохранения ими национально-культурной самобытности. Комплексным обобщающим исследованием были охвачены все финно-угорские народы, проживающие на территории России, включая прибалтийско-финские, поволжские, пермские и угорские народы. Примечательно, что подготовленная по итогам выполнения проекта коллективная монография, написанная на русском языке и имеющая англоязычный перевод, получила поддержку РГНФ по результатам основного конкурса проектов издания научных трудов 2016 г.

В контексте обсуждения итогов участия НИИГН в основном конкурсе РГНФ также следует упомянуть о двух проектах организации научных мероприятий, получивших поддержку фонда. В 2003 г. институт провел VII региональную научно-практическую конференцию историков-аграрников Среднего Поволжья «Крестьянство и власть Среднего Поволжья», в которой приняли участие более 50 ученых из Ижевска, Йошкар-Олы, Пензы, Самары, Саранска, Ульяновска и Чебоксар. История этого авторитетного среди специалистов форума связана с созданием в 1976 г. Средневолжского проблемного объединения по изучению аграрной истории с целью координации исследований по проблемам истории крестьянства и сельского хозяйства Среднего Поволжья. В 2007 г. НИИГН стал площадкой для организации самого крупного за всю его историю научного мероприятия — VII Конгресса этнографов и антропологов России «Многоэтничные общества и государства», проводимого Ассоциацией этнографов и антропологов России с 1993 г. Для участия в форуме в Саранске собрались около 600 исследователей из более 50 регионов России, а также 16 стран ближнего и дальнего зарубежья. Программа Конгресса включала работу 34 секций, 4 симпозиумов и 6 круглых столов[1].

Особое место в списке проектов НИИГН — победителей конкурсов РГНФ занимает проект «Крестьянство и казачество в России в годы революции 1917 года и Гражданской войны: регионально-национальный аспект» (руководитель В. А. Юрчёнков), который был отобран по итогам целевого конкурса проектов междисциплинарных исследований 2015 г. «Россия в 1917 году». Проблема, на решение которой направлен проект, является одной из наиболее дискуссионных в отечественной и зарубежной историографии. Ее актуальность также обусловлена предложенным аспектом исследования, предусматривающим анализ регионально-национальных особенностей участия крестьянства и казачества в истории России. Именно поэтому существенное внимание в проекте уделяется введению в широкий научный оборот новых источников, позволяющих получить взвешенные и научно-аргументированные оценки ключевых для рассматриваемой темы вопросов. Этим же объясняются и установленные территориальные рамки исследования, охватывающие Самарскую, Пензенскую, Саратовскую, Симбирскую и Тамбовскую губернии и Донскую область — регионы совместного проживания крестьян и казаков, где наиболее ярко проявились антибольшевистские крестьянские восстания и повстанческое движение. Кроме специалистов института, работу в исследовательском коллективе проекта ведут ученые из Казани, Пензы, Саратова, Тамбова и Ульяновска. Научные результаты первого года выполнения предусмотренных планом работ отразились в 15 опубликованных научных статьях.

В целом за период с 2002 по 2016 г. в рамках реализации поддержанных РГНФ проектов, а также на основе полученных в ходе их выполнения результатов исследований было опубликовано более 130 научных работ, включая 2 энциклопедии, 14 монографий и 2 сборника документов.

Помимо проектного сотрудничества, НИИГН взаимодействует с РГНФ в организационной и экспертной деятельности. Так, с 2002 по 2008 г. институт официально исполнял обязанности по организации и техническому обеспечению регионального конкурса «Волжские земли в истории и культуре России» со стороны Республики Мордовия. Директор института В. А. Юрчёнков входил в состав региональ-

ного экспертного совета РГНФ Мордовии. Кроме того, в экспертной системе РГНФ институт представлен доктором исторических наук, профессором Л. И. Никоновой, которая входит в состав экспертного совета РГНФ по региональным конкурсам, а также экспертами — доктором исторических наук, профессором В. А. Юрчёнковым и доктором исторических наук, профессором Г. А. Куршевой.

Проекты НИИГН, имеющие существенное значение для проводимой в Республике Мордовия национальной и социокультурной политики, традиционно находят поддержку на организуемом Правительством Республики Мордовия конкурсе на разработку научно-технических и инновационных проектов, проведение научных и научно-практических мероприятий и издание научных трудов.

Начиная с 2002 г. финансовую поддержку республиканского бюджета получили более 30 проектов НИИГН в области гуманитарных наук, включая 8 проектов организации научных мероприятий, 2 проекта экспедиций и 13 проектов издания научных трудов.

В числе отобранных исследовательских проектов важную роль для накопления институтом опыта интеграции прикладных и фундаментальных достижений технических и гуманитарных наук сыграли научно-технические проекты «Электронный архив документации» и «Электронный словарь мордовских (мокшанского и эрзянского) языков», выполненные в сотрудничестве с ООО «Лотрикс» (Москва) и ООО «Центр новых технологий и инноваций» (Саранск) соответственно.

В рамках первого проекта была разработана концепция использования информационных технологий в сфере образования и науки, библиотечном и архивном деле Республики Мордовия, апробация которой состоялась на демонстрационном стенде аппаратно-программного комплекса «Архив НИИГН», предназначенного для отработки технологии ввода, регистрации и распознавания электронных образов документов, организации иерархического каталога электронного архива, осуществления поисковых процедур по атрибутивам и полнотекстовой базе данных[2].

Основным результатом работы над электронным словарем стало создание программного продукта, включающего средства поиска слов по написанию на мордовских литературных языках и функцию перевода слов на русский язык по примеру программы ABBYY Lingvo. Лексические базы данных, сформированные на основе собранной НИИГН словарной картотеки, насчитывают около 80 000 — 85 000 мокшанских и эрзянских слов[3].

Успешная реализация данных проектов позволила обозначить перспективные возможности использования электронных баз данных в гуманитарных науках, накопивших значительный объем статистической и фактологической информации, электронная каталогизация которой позволяет значительно повысить эффективность проведения научных исследований.

Наиболее заметными конкурсными проектами научных мероприятий НИИГН, вызвавшими значительный интерес у представителей научного сообщества и получившими широкое общественное признание, стали конференции, посвященные осмыслению исторического наследия выдающегося церковного и государственного деятеля России Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Никона и великого российского флотоводца, адмирала Ф. Ф. Ушакова. Данные научные форумы были проведены в рамках торжественных республиканских мероприятий по прославлению исторических личностей, чьи имена связаны с мордовским краем.

В частности, прошедшая в 2005 г. всероссийская научная конференция, посвященная патриарху Никону, была приурочена к 400-летию со дня его рождения. В ее работе приняли участие ученые и представители духовенства из Москвы, Тольятти, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Вологды, Воронежа, Сыктывкара и других городов России. Всего было представлено около 50 докладов и выступлений. Состоявшаяся в 2006 г. международная научная конференция, посвященная жизни и деятельности адмирала Ф. Ф. Ушакова, была организована в год празднования 5-летия канонизации святого праведного воина адмирала Феодора Ушакова. С докладами на конференции выступили ученые, военно-морские офицеры и священнослужители из России, Болгарии, Великобритании, Греции, Италии, Турции, Украины и Франции.

В числе поддержанных Правительством Республики Мордовия научных мероприятий НИИГН также были реализованы проекты проведения Всероссийской научно-практической конференции «Формирование стратегии устойчивого социально-экономического развития регионов Российской Федерации», организации заседания круглого стола на тему «Поволжье — этнокультурный и толерантный регион: власть и взаимоотношения в семье» и др.

Реализация проектов издания научных трудов связана, с одной стороны, с выпуском в свет сборников материалов проведенных институтом научных мероприятий[4], а с другой — с изданием монографий, научно-популярных книг и т. п.

Безусловный интерес во второй группе работ НИИГН, опубликованных в рамках выполнения конкурсных проектов, представляют книга «Житие Никона, святейшего патриарха Московского»[5] и монография В. А. Юрчёнкова «Мордовский народ: вехи истории»[6]. Ценность работе, посвященной патриарху Никону, придает представленный на ее страницах текст жития, написанный первым биографом патриарха клириком И. К. Шушериным (рукопись датируется 1685 г., хранится в НА НИИГН). Издание монографии В. А. Юрчёнкова, раскрывающей основные этапы истории мордовского народа, переломные моменты развития этноса и края, было осуществлено в рамках проводившегося учеными института научного осмысления исторических событий рубежа X — XI вв. и подготовки концепции 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства.

В соответствии с Положением о республиканском конкурсе, его организацию осуществляет Научно-технический совет при Правительстве Республики Мордовия (НТС). С 2002 по 2012 г. в состав НТС входил директор НИИГН В. А. Юрчёнков (с 2006 г. — член Президиума НТС), возглавлявший гуманитарную секцию совета. В 2005 г. заместитель директора института по научной работе Г. А. Куршева была включена в состав НТС и до 2012 г. исполняла обязанности секретаря гуманитарной секции совета. С 2012 г. членом НТС при Правительстве Республики Мордовия является заместитель директора — ученый секретарь института А. В. Чернов.

Отдельное место в истории грантовой деятельности НИИГН занимает научный проект «Мордовский этнос в российском имперском социуме: XVIII — начало XX в.» (руководитель В. А. Юрчёнков), ставший в 2004 г. победителем третьего конкурса благотворительной программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», проводимой совместно с Минобрнауки России,

Институтом им. Кеннана при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке, Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров. Проект выполнялся на базе Саратовского межрегионального института общественных наук (Саратовский государственный университет) и посвящался исследованию особенностей функционирования мордовского этноса в рамках российского имперского социума в исследуемый период, установлению специфики процесса исторического формирования современных этнических характеристик мордвы, особенностей ее интегрирования в российское общество.

Таким образом, за прошедшие 15 лет НИИГН приобрел значительный опыт успешного участия в различных конкурсах грантов и качественного выполнения получивших поддержку проектов. Бесспорно, в современных условиях гранты занимают существенное место в системе финансового обеспечения научно-исследовательской деятельности. Тем не менее стоит согласиться с членом-корреспондентом РАН, деканом философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова профессором В. В. Мироновым, который в контексте навязываемой научному сообществу грантовой инновационной модели считает большой ошибкой перевод исследовательской деятельности на гранты, поскольку «…это форма дополнительного стимулирования труда ученого. А фундаментальная наука, безусловно, должна развиваться, прежде всего, через бюджетное финансирование»[7].

Библиографические ссылки

[1] Об этом подробнее см.: **Никонова Л. И., Куршева Г. А., Чернов А. В.** VII Конгресс этнографов и антропологов России «Многоэтничные общества и государства» (Саранск, 9 — 14 июля 2007 г.) // Вестн. Рос. гуманитар. науч. фонда. 2007. № 4. С. 251 — 255.

[2] Об этом подробнее см.: **Подвальный В. А., Чернов А. В.** Проект концепции использования информационных технологий в сфере образования и науки, библиотечном и архивном деле Республики Мордовия // Мордовия: наука, инновации, новые технологии. 2007. № 2. С. 14 — 17.

[3] Об этом подробнее см.: **Чернов А. В., Лизин С. Н.** Электронный словарь мордовских (мокшанского и эрзянского) языков как новое направление мордовской лексикографии // Там же. 2008. № 2. С. 44 — 46.

[4] См.: Социальные конфликты в России XVII — XVIII веков : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Саранск, 2005 ; Формирование стратегии устойчивого социально-экономического развития регионов Российской Федерации : материалы Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Саранск, 2006 ; В. В. Горбунов: служение словом, служение слову : материалы Респ. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. В. В. Горбунова. Саранск, 2006 ; Наследие М. Ф. Жиганова и перспективы исторических исследований в Мордовии : материалы Респ. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения проф. М. Ф. Жиганова : в 2 ч. Саранск, 2006 ; «Да славят потомки твой пройденный путь…» : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. жизни и деятельности адмирала Ф. Ф. Ушакова. Саранск, 2008.

[5] См.: Житие Никона, святейшего патриарха Московского. Саранск, 2005. 189 с.

[6] См.: Юрчёнков В. А. Мордовский народ: вехи истории. Саранск, 2007. 460 с.

[7] Погоня за Хиршем: кто остается за бортом преподавания [Электронный ресурс] // Православие и Мир : сайт. URL: http://www.pravmir.ru (дата обращения: 29.09.2016).

Подготовил *А. В. Чернов*.

ПОДГОТОВКА НАУЧНЫХ КАДРОВ

Подготовка высококвалифицированных научных кадров относится к числу приоритетных направлений деятельности НИИГН. Именно этим обусловливалась высокая степень внимания со стороны руководства института, уделяемого организации образовательной деятельности в аспирантуре сразу после реорганизации в октябре 2001 г.

Уже в июле 2002 г. институт получил государственную аккредитацию в качестве научной организации в Министерстве промышленности, науки и технологий Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике». Официальный статус позволил на следующем этапе приступить к решению задачи лицензирования аспирантуры НИИГН. За короткий период была проделана значительная работа по программному и учебно-методическому обеспечению образовательного процесса, проведены все необходимые мероприятия организационного характера на соответствие требованиям, предъявляемым к соискателям. В результате в октябре того же года решением Минобрнауки России институту впервые была выдана лицензия на право ведения образовательной деятельности в области послевузовского профессионального образования по 8 специальностям гуманитарных, социально-экономических и общественных наук сроком на 5 лет.

В дальнейшем НИИГН еще дважды успешно проходил процедуру лицензирования аспирантуры (в 2007 и 2011 гг.). В последнем случае Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки была выдана лицензия без ограничения срока действия.

В настоящее время в НИИГН ведется образовательная деятельность по следующим направлениям подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре:

38.06.01 — Экономика,

41.06.01 — Политические науки и регионоведение,

45.06.01 — Языкознание и литературоведение,

46.06.01 — Исторические науки и археология,

51.06.01 — Культурология.

В рамках данных направлений аспиранты осуществляют подготовку диссертационных исследований по 9 специальностям научных работников:

07.00.02 — Отечественная история,

07.00.06 — Археология,

07.00.07 — Этнография, этнология и антропология,

10.01.02 — Литература народов Российской Федерации (финно-угорская),

10.01.09 — Фольклористика,

10.02.02 — Языки народов Российской Федерации (финно-угорские, самодийские языки),

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика),

23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии,

24.00.01 — Теория и история культуры.

Основные образовательные программы по данным специальностям в 2013 г. прошли государственную аккредитацию в Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки.

Следует также подчеркнуть, что подготовка научных кадров по специальностям «Археология», «Фольклористика» и «Политические институты, процессы и технологии» ведется в Республике Мордовия только в аспирантуре НИИГН.

Образовательная деятельность в институте осуществляется за счет средств республиканского бюджета Республики Мордовия. Форма обучения — очная и заочная. Число обучающихся и структура специальностей определяются на основе контрольных цифр приема, устанавливаемых ежегодно Правительством Республики Мордовия. Обучающиеся по очной форме обучения аспиранты обеспечиваются государственными стипендиями и пользуются всеми социальными гарантиями и льготами, предусмотренными законодательством Российской Федерации в сфере образования.

По состоянию на конец 2016 г. численность аспирантов составляет 75 чел., в том числе 36 — по очной форме обучения. Из названного количества 25 чел. проходят обучение по направлению «Экономика», 4 — «Политические науки и регионоведение», 10 — «Языкознание и литературоведение», 27 — «Исторические науки и археология» и 9 чел. обучаются по направлению «Культурология».

К научному руководству аспирантами привлечены 20 докторов наук, из которых 15 чел. имеют ученое звание профессора. Основными наставниками, осуществляющими руководство подготовкой диссертационных исследований по специальности «Отечественная история», являются доктор исторических наук, профессор В. А. Юрчёнков и доктор исторических наук, профессор Г. А. Куршева; по специальности «Археология» — доктор исторических наук, профессор В. В. Ставицкий; по специальности «Этнография, этнология и антропология» — доктор исторических наук, профессор Л. И. Никонова; по специальности «Литература народов Российской Федерации (финно-угорская)» — доктор педагогических наук, профессор А. М. Каторова; по специальности «Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика)» — доктор социологических наук, доцент Л. Н. Липатова и доктор экономических наук, профессор С. П. Бурланков; по специальности «Политические институты, процессы и технологии» — доктор политических наук, профессор И. В. Бахлов; по специальности «Теория и история культуры» — доктор исторических наук, профессор Г. А. Куршева и доктор исторических наук Т. М. Гусева.

В целом за период с 2002 по 2016 г. обучение в аспирантуре НИИГН прошли около 400 чел. Основной контингент обучающихся составили выпускники республиканских высших учебных заведений. Темы диссертационных исследований аспирантов связаны с фундаментальными и прикладными научными исследованиями, направленными на социально-экономическое и национально-культурное развитие региона.

В течение 15 лет выпускники аспирантуры института защитили более 130 диссертаций, представленных на соискание ученой степени кандидата наук (таблица).

Наиболее продуктивными направлениями подготовки аспирантов по количеству защищенных диссертаций стали группы специальностей «Исторические науки и археология» (53) и «Культурология» (41). Лидерами по данному показателю среди отдельных специальностей являются «Теория и история культуры» (41), «Отечественная история» (33), «Этнография, этнология и антропология» (19) и «Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика)» (19).

Таблица

Динамика защит диссертаций, подготовленных на базе НИИГН

Год	Количество защищенных диссертаций, представленных на соискание ученой степени кандидата наук,								
	Всего	в т. ч. по специальностям							
		07.00.02	07.00.06	07.00.07	08.00.05	10.01.02	10.01.09	10.02.02	10.02.02
2002	4	3							1
2004	15	3	1	5	1	2			3
2005	15*	4		1	1	2		2	4
2006	22	3		1	3	1			14
2007	20	4		1	2			5	8
2008	7	2			1	1	1	2	
2009	9	3			4		1		1
2010	7	2		1	3				1
2011	7	1		3				1	2
2012	4	1		1	1				1
2013	11	3		2	2		1		3
2014	2				1				1
2015	2						1		1
2016	2	1							1
	134	33	1	19	19	6	4	10	41

* Общее количество защищенных диссертаций, подготовленных на базе НИИГН, включает диссертацию Т. Г. Ванцовой, представленную в 2005 г. на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.22 — Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (финно-угорские) в диссертационный совет при МарГУ.

Кроме того, в рамках системы подготовки научных кадров за рассматриваемый период на базе НИИГН были подготовлены и успешно защищены 6 диссертаций, представленных на соискание ученой степени доктора наук*.

---

* Имеются в виду диссертации Ю. Ф. Кожурина на тему «Цивилизационная идентификация социокультурной системы региона», представленная в 2004 г. на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.11 — Социальная философия; А. П. Кочеваткиной на тему «Категория одушевленности-неодушевленности в финно-угорских языках волжской группы», представленная в 2004 г. на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.22 — Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (финно-угорские); Е. В. Моисеева на тему «Мордовия во второй половине XX века: тенденции и противоречия социально-экономического развития (исторический аспект)», представленная в 2004 г. на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 — Отечественная история; Г. А. Куршевой на тему «Общество, власть и образование в России в конце XIX — первой трети XX в.: на примере мордовского края», представленная в 2007 г. на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 — Отечественная история; Т. М. Гусевой на тему «Городские сословия и формирование социокультурной среды уездных городов Среднего Поволжья во второй половине XIX — начале XX в.», представленная в 2012 г. на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 — Отечественная история; А. А. Шевцовой на тему «Народы Закавказья в поликультурном пространстве Республики Мордовия», представленная в 2012 г. на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 — Этнография, этнология и антропология.

Значительную роль в достижении высоких показателей сыграла реализованная в 2004 — 2007 гг. в НИИГН концепция завершенной системы подготовки и аттестации специалистов с послевузовским профессиональным образованием. Одним из ее ключевых элементов стал диссертационный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук по специальности 24.00.01 — Теория и история культуры (отрасль наук историческая), действовавший на базе института в указанный период. За 4 года работы диссертационного совета было защищено 28 кандидатских диссертаций, подготовленных аспирантами НИИГН в его научных подразделениях, что составило 25 % от суммарного количества защищенных диссертационных исследований (76 диссертаций) в рассматриваемый отрезок времени.

В целом связанный с работой диссертационного совета период является наиболее продуктивным за всю многолетнюю историю подготовки научных кадров в НИИГН. На него пришлось более половины (53,7 %) всех защищенных диссертаций, подготовленных аспирантами института с 2002 г. Именно на это время, в частности на 2006 г., приходится и наивысший общий годовой показатель защит — 22, и наибольшее годовое число защит по одной специальности — 14 (24.00.01 — Теория и история культуры).

Закрытие в 2008 г. диссертационного совета, ставшее следствием проводимого Минобрнауки России реформирования национальной системы аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации, негативным образом отразилось как на дальнейших перспективах развития образовательной деятельности в НИИГН, так и на общих количественных показателях работы аспирантуры. Как следует из данных таблицы, в последующее десятилетие институт больше не достигал высоких результатов по защите диссертаций, за исключением, наверное, 2013 г., когда 11 выпускников аспирантуры защитили свои кандидатские диссертации. Тем не менее в настоящее время в НИИГН предпринимаются активные попытки развития системы подготовки и аттестации научных кадров, расширения ее инфраструктуры.

На повышение научно-образовательного и учебно-методического уровня работы аспирантуры направлено сотрудничество с авторитетными учеными из ведущих учебных заведений и академических научных центров Российской Федерации. В разные годы авторские курсы лекций аспирантам НИИГН читали А. Н. Сахаров, А. С. Ахиезер, А. С. Синявский, П. С. Кабытов, К. Э. Разлогов, М. Ю. Мартынова.

С 2011 г. научное периодическое издание института «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» входит в формируемый ВАК при Минобрнауки России Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Кроме того, на основании решения Минобрнауки России с 2015 г. НИИГН входит в число организаций, на базе которых открыт объединенный диссертационный совет по защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук, доктора наук по специальностям 07.00.02 — Отечественная история и 07.00.07 — Этнография, этнология и антропология.

Подготовил *А. В. Чернов*.

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ В 2004 — 2007 гг.

НИИГН является старейшим научным центром республики, которому в 2017 г. исполнится 85 лет. В течение многих десятилетий на его базе существует аспирантура, сосредоточены лучшие научные кадры республики. Институт имеет государственную аккредитацию, а также лицензию Минобрнауки России на ведение образовательной деятельности по 9 специальностям послевузовского образования.

В истории НИИГН диссертационный совет К 800.015.01 работал только однажды. Впервые он был утвержден приказом ВАК № 221-в от 18 июня 2004 г. в составе 13 чел. Председателем диссертационного совета стал доктор исторических наук, профессор, директор института В. А. Юрчёнков; заместителем председателя — кандидат педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе МГПИ им. М. Е. Евсевьева А. М. Каторова. Обязанности ученого секретаря диссертационного совета исполняла кандидат педагогических наук, доцент, заместитель директора института по научной работе Г. А. Куршева.

В состав совета вошли следующие ученые республики: Ф. А. Айзятов — доктор философских наук, профессор; Н. В. Заварюхин — доктор исторических наук, профессор; Т. Н. Кадерова — кандидат исторических наук; С. В. Митин — кандидат исторических наук; Л. И. Никонова — доктор исторических наук; Ю. И. Сальников — кандидат исторических наук, доцент; Л. Г. Филатов — доктор исторических наук, профессор; А. В. Чернов — кандидат филологических наук; А. М. Шаронов — доктор филологических наук, доцент; Н. Г. Юрченкова — доктор философских наук, доцент.

Диссертационный совет принимал к защите диссертации по специальности 24.00.01 — Теория и история культуры по историческим наукам. Все темы защищенных работ характеризовались ярко выраженной исторической направленностью.

В 2004 г. совет провел 4 заседания, рассмотрев 7 диссертаций. Первое научное направление представляли исследования, в которых рассматривались история провинциальной традиционной культуры, социокультурное развитие российской провинции: «Провинциальная культура России в конце XVIII — первой половине XIX века (на материалах Пензенской губернии)» Г. Н. Рябовой; «Социокультурное развитие российской провинции во второй половине XIX века (на примере Мордовии)» Т. М. Гусевой и «Традиционная культура русской деревни середины XIX — XX вв. (на материалах Пензенской области)» А. А. Тарховой.

Второе направление составили диссертационные работы, в которых прослеживались особенности восприятия культуры, история культурных контактов и межкультурного взаимодействия: «Восприятие России в английской культуре XVI — XX веков» А. В. Пузакова и «Социокультурные аспекты духовной и материальной жизни народов Среднего Поволжья (по сведениям западноевропейских авторов XVI — XVIII вв.)» Н. О. Шкердиной.

Третье направление представляли исследования, направленные на раскрытие роли личности в истории российской культуры: «Библейские и святоотеческие основания творчества Ф.М. Достоевского как историко-культурного феномена» Ю. В. Буровой и «Роль Д. С. Мережковского в формировании культуры серебряного века» В. Н. Тараскиной.

Срок полномочий работы диссертационного совета заканчивался 31 декабря 2004 г. Приказом ВАК № 615-в от 18 апреля 2005 г. деятельность совета была продлена до 31 декабря 2006 г.

В 2005 г. диссертационный совет провел 3 заседания, на которых было защищено 6 диссертационных работ.

Первое научное направление составили работы, в которых рассматривались особенности культуры разных народов, история культурных контактов и межкультурного взаимодействия: «Русская традиционная культура конца XIX — начала XX века (по материалам крестьянской одежды Пензенской и Тамбовской губерний)» В. М. Жигулевой; «Культура питания татар-мишарей Мордовии» Н. Н. Щанкиной; «Топонимия в мировосприятии и жизнедеятельности этносов мордовского края» Т. С. Пискайкиной; «Полотенце в традиционной культуре мордвы и русских, проживающих на территории Республики Мордовия» Н. Н. Авдошкиной.

Второе направление представлено исследованием «Формирование и развитие системы образования и ее роль в социально-культурном развитии региона (1918 — 1920 гг.) (на материалах Симбирской губернии)» Н. П. Арининой, в котором рассматривалось социально-культурное развитие региона.

Третье направление представлено работой «История России в контексте евразийского культурно-исторического синтеза» О. Л. Поляковой, где автор проследил роль истории России в европейском культурном пространстве.

24 марта 2006 г., согласно приказу ВАК Минобрнауки России, из состава диссертационного совета была выведена Т. Н. Кадерова и введены Т. М. Гусева — кандидат исторических наук, Ю. Ф. Кожурин — доктор философских наук и В. А. Ломшин — кандидат исторических наук; численность совета составила 15 чел.

В 2006 г. советом было проведено 8 заседаний, защищено 17 диссертационных работ.

Первое научное направление представляли работы, в которых рассматривались как общие вопросы историко-культурного развития (культура провинциального города и провинциальной жизни, региональное социокультурное развитие), так и частные (мистическое сектантство Среднего Поволжья, памятники нумизматики и бонистики в региональном историко-культурном процессе, особенности формирования творческой интеллигенции Чувашии): «Социокультурное развитие мордовского края в конце XIX — начале XX в.» Т. И. Кильдюшкиной; «Социокультурное развитие Мордовии во второй половине 1960-х — середине 1980-х гг.: основные тенденции динамики регионального социума» А. Э. Зусина; «Культура российского провинциального города XVIII — начала XX в.: пространство и образ (на примере городов мордовского края)» Н. Н. Позднякова; «Социокультурная жизнь провинциального города на рубеже XIX — XX веков» Е. В. Полутиной; «Мистическое сектантство в Среднем Поволжье в XIX — первой половине XX в.» А. Г. Бермана; «Памятники нумизматики и бонистики в региональном историко-культурном процессе (на примере мордовского края)» В. Ю. Заварюхина и «Процесс формирования творческой интеллигенции Чувашии: проблемы и поиски» Е. А. Агаевой.

Второе направление составили исследования, выполненные на стыке исторической культурологии и этнографии. В них рассматривались особенности

этнокультурной адаптации мигрантов из разных республик в Республике Мордовия («Этнокультурная адаптация мигрантов Закавказья в Республике Мордовия (на примере азербайджанской диаспоры)» А. Ф. Мельника и «Диалог культур в контексте особенностей процесса адаптации мигрантов из Центральной Азии в Республике Мордовия» Т. В. Гармаевой), вопросы культурного взаимодействия мигрантов и местного населения («Идентификация субъектов социокультурного взаимодействия мигрантов и местного населения Мордовии в 1990-е — 2000-е гг.» О. В. Нестеровой), этноветеринария («Этноветеринария в социокультурном мире мордвы» Е. А. Гагаркиной), крестьянская традиционная одежда русского населения Мордовии («Крестьянский костюмный комплекс в традиционной культуре русского населения Мордовии конца XIX — начала XX в.» В. В. Ковалевой).

Третье направление было представлено двумя диссертационными работами, в которых преобладало теоретическое осмысление историко-культурной реальности. Их авторы рассмотрели социокультурные основания богостроительства и богоискательства в России начала XX в. («Социокультурные основания богостроительства и богоискательства в России начала XX века» А. В. Унылова), а также кризисное сознание в социокультурной динамике («Кризис культуры и кризисное сознание в системе социокультурной динамики» С. А. Яворской).

Четвертое направление составили работы, в которых история культуры прослеживалась на основе анализа фольклорных произведений. Авторы осмысливали образ женщины в ментальном поле мордовского этноса («Образ женщины в ментальном поле мордовского этноса: историко-культурный анализ» О. В. Лобановой), русский фольклор в поликультурном пространстве Мордовии («Русский фольклор в поликультурном пространстве Мордовии» Т. И. Волостновой), культурно-историческую основу фольклорно-литературной версии эпоса о Тюште («Культурно-историческая основа эпоса о Тюште: фольклорно-литературные версии» И. А. Гурьянова).

В 2007 г. полномочия диссертационного совета были вновь продлены приказом Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 12 января 2007 г. № 19-334. В этом году совет провел 5 заседаний, на которых состоялась защита 9 диссертационных работ.

Первое научное направление представляли работы, в которых рассматривались как общие вопросы историко-культурного развития, связанные с дворянской культурой российской провинции («Дворянская культура российской провинции (на материале мордовского края)» Е. В. Фролкиной), эволюцией культурного пространства городов («Эволюция культурного пространства городов Мордовии в XX в.» Л. В. Сульдиной), так и частные, связанные с особенностями взаимоотношений власти и культуры («Власть и культура Мордовии в 1960 — середине 1980-х гг.: теория и практика управления» К. А. Баймашкина), власти и творческой интеллигенции («Взаимоотношения творческой интеллигенции и власти в 1946 — 1953 гг. (по материалам Горьковской области)» О. С. Нагорных).

Второе направление составляли диссертационные исследования, освещавшие вопросы этнокультуры («Этносимволические формы мордовской культуры: генезис и эволюция» Н. В. Рябова), культурного взаимодействия мигрантов и местного населения («Украинцы в культурном пространстве Республики Мордовия: традиции и инновации (конец XIX — начало XXI в.» А. В. Дивлишова), а

также эволюции сложноэтнических систем («Эволюция сложноэтнических систем в условиях межкультурного взаимодействия (на примере Республики Мордовия)» С. А. Ивлиева).

Третье направление представлено двумя работами, в которых преобладает теоретическое осмысление историко-культурной реальности: «Менталитет мордовского этноса: истоки и сущность (историко-культурологический аспект)» Т. А. Волгаевой и «Правосознание мордовского народа: историко-культурный анализ» С. Ш. Мариновой.

Открытие диссертационного совета при НИИГН способствовало активизации научной деятельности и созданию системы подготовки высококвалифицированных научных кадров не только в Республике Мордовия, Приволжском федеральном округе, но и в других субъектах Российской Федерации, где преимущественно проживают финно-угорские народы. С 2004 по 2007 г. в совете защитили 39 кандидатских диссертаций аспиранты и соискатели из Самары, Нижнего Новгорода, Пензы, Ульяновска, Чебоксар, Москвы и Саранска.

За время функционирования совета НИИГН удалось реализовать концепцию завершенной системы подготовки и аттестации специалистов с послевузовским профессиональным образованием, что благотворным образом повлияло на качественное развитие гуманитарной науки в регионе.

Подготовила *Г. А. Куршева*.

СТАНОВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭНЦИКЛОПЕДИЗМА (История создания энциклопедии «Мордовия»)

Событием в жизни Республики Мордовия стало издание в 2003 — 2004 гг. двухтомной энциклопедии «Мордовия». Идея подготовки «справочника по Мордовии (Мордовской энциклопедии)» была высказана еще в 1935 г. директором НИИ мордовской культуры (НИИМК) И. С. Сибиряком: «…в справочнике должны найти отражение история мордвы, революционное движение, общественные деятели, экономика Мордовии в прошлом и в настоящем, культурное строительство, образование округа, области, республики, все важнейшие события в прошлом и настоящем… ископаемые и природные богатства… названия мордовских селений с кратким описанием истории каждого села, язык, литература, искусство и т. д. <…>

Понятно, что это дело не одного года. <…> В это дело должны быть вовлечены все республиканские и местные организации, широкие массы культурных работников, учителя, педагоги и т. д. Но эта работа должна быть сконцентрирована вокруг НИИМК»[1].

Есть еще один факт, указывающий на то, что предпринимались попытки начать эту сложную работу, — «Общий проспект и принципы составления „Мордовской советской энциклопедии“», разработанные в 1978 г. кандидатом исторических наук Н. Ф. Мокшиным[2]. Однако эта идея начала воплощаться в жизнь позднее.

Отправной точкой можно считать 22 октября 1990 г., когда по распоряжению Совета министров МАССР № 251-р в НИИЯЛИЭ (с 2001 г. — НИИГН) был образован сектор энциклопедии Мордовской АССР. Перед ним ставилась задача «…подготовить энциклопедический справочник, который должен обобщить и кратко, в доступной для массового читателя форме, отразить все новейшие знания о мордовском народе и мордовском крае…»[3]. Заведующим сектором был назначен кандидат исторических наук В. С. Лунин. Первыми сотрудниками стали кандидат философских наук, доцент Э. Р. Музаферов, Н. И. Бочкарева и И. Г. Кильдюшкина. Позднее в сектор (с 1993 г. — отдел мордовской энциклопедии) пришли В. Д. Ганчин, Т. П. Савинова, М. Е. Митрофанова, В. А. Чугунов и Е. С. Панкова[4].

Уже в ноябре 1990 г. старший научный сотрудник сектора Э. Р. Музаферов был командирован в Казанский филиал АН СССР для ознакомления с опытом создания энциклопедии Татарстана, а В. С. Лунин в декабре побывал в Коми филиале АН СССР, где консультировался по вопросам подготовки энциклопедии Мордовии[5]. Одновременно началась работа над словником будущей энциклопедии. В его составлении принимали участие ученые республики, краеведы и специалисты-практики. На заседании Ученого совета НИИЯЛИЭ, состоявшемся 4 апреля 1991 г., отмечалось, что сектор «…ведет активную работу по изучению методологических и методических проблем подготовки энциклопедии, формированию ее авторского коллектива… В течение I квартала 1991 г. подготовлены и представлены в сектор… для обсуждения первые варианты словников по литературе, народному образованию, экономике, фольклору, сельскому хозяйству, печати и издательскому делу, физкультуре и спорту. Близки к завершению словников историки, этнографы, археологи, экономисты сельского хозяйства, лингвисты.

Вместе с тем в работе над „Мордовской советской энциклопедией“ имеются и определенные недостатки. Неравномерно по срокам идет составление отраслевых словников, сектор энциклопедии… не со всеми отраслевыми редакциями поддерживает прочные творческие связи» (проект постановления)[6]. На этом заседании были определены также сроки подготовки энциклопедии — 1991 — 1995 гг. и одобрена «Памятка составителям словника и авторам статей „Мордовской советской энциклопедии“», разработанная В. С. Луниным, Э. Р. Музаферовым и младшим научным сотрудником И. Г. Кильдюшкиной. В «Памятке…» излагались методические указания по отбору, написанию и оформлению энциклопедических статей, а также схемы конкретных статей (например, общая схема краткой (крупной) биографической статьи, схемы статей о Мордовской АССР, ее столице, городах и населенных пунктах, о нациях, народностях и национальных группах Мордовской АССР и др.)[7].

«Генеральный словник Мордовской энциклопедии» (для общественного обсуждения) был издан в 1992 г. В него вошло 3 240 статей, в том числе 2 033 — тематические и 1 207 — биографических[8]. В ходе проведенного в июле — октябре обсуждения около 10 % последних было отклонено по различным причинам, в то же время предложено более 200 новых. Позднее это послужило причиной выпуска биографического сборника «История Мордовии в лицах», который мыслился как подготовительное издание к «Мордовской энциклопедии» и предполагал про-

должение ранее начатой работы по широкому и заинтересованному привлечению общественности к ее созданию[9], а также по совершенствованию методики отбора персоналий[10]. Такое решение было принято 24 декабря 1993 г. на заседании Ученого совета НИИЯЛИЭ. Всего вышло четыре сборника[11].

В октябре 1993 г. были утверждены 26 научно-отраслевых редакций и Главная редакционная коллегия энциклопедии в количестве 17 чел.[12] Главным редактором стал директор НИИЯЛИЭ, кандидат исторических наук П. Д. Грузнов; заместителем главного редактора — заместитель директора по научной работе института, кандидат филологических наук А. И. Брыжинский; заместителем главного редактора и ответственным секретарем — В. С. Лунин (решение Ученого совета НИИЯЛИЭ от 28 мая 1992 г.)[13].

В 1994 г. был подготовлен и издан для обсуждения план-проспект «Мордовская энциклопедия» (составитель — В. С. Лунин). Он содержал вводную часть и пять разделов: первый включал статьи для обзорного очерка о республике; второй — тематические статьи; третий — биографические статьи о государственных, общественно-политических, военных и хозяйственных деятелях, деятелях науки, образования, культуры и церкви; четвертый — иллюстративный материал (слайды, фотографии, карты, рисунки, таблицы); пятый — приложения[14].

Важным итогом четырехлетней работы по сбору и систематизации материала стало принятие Советом министров — Правительством Республики Мордовия 26 декабря 1994 г. постановления № 343 об издании энциклопедии «Мордовия». В нем также говорилось, что «…подготовка рукописи поручена НИИЯЛИЭ, Министерству печати и информации Республики Мордовия и Мордовскому книжному издательству совместно с учеными вузов, краеведами и специалистами всех отраслей народного хозяйства республики»[15].

К 1994 г. было подготовлено около 50 авторских листов энциклопедических статей. Однако довольно часто они не отвечали принципам научности и энциклопедическим требованиям. Так, сохранилась выписка из протокола заседания отдела истории НИИЯЛИЭ от 13 сентября 1993 г., на котором обсуждались статьи, написанные кандидатом исторических наук В. К. Абрамовым. В ходе рассмотрения, например, статьи о патриархе Никоне был высказан ряд существенных замечаний. Кандидат исторических наук А. С. Тувин отметил, что «все научные статьи должны основываться не на слухах и домыслах, а на документальных источниках. Нужно делать больше ссылок на первоисточники». По мнению заведующего научно-отраслевой редакцией «История» и заведующего отделом истории, кандидата исторических наук В. А. Юрчёнкова, «не научно положение статьи о том, что уход Никона от духовных дел послужил причиной войны XVII в., поражения в войне со Швецией и усиления напряженности в международной обстановке. Спорен факт погребения тела Никона под Ярославлем. Не отражены версии происхождения Никона. Существует три версии: из мордвы, из черемис и из русских. Подборка литературы носит тенденциозный характер, некоторые важные работы упущены». В. С. Лунин предложил автору усилить акцент на связи личности с мордовским краем. В результате было принято решение доработать статью и сократить ее объем до 3 тыс. печатных знаков[16].

Низкое качество статей стало одной из основных проблем подготовки энциклопедии. На это неоднократно указывал В. С. Лунин: «Некоторые авторы без должной

ответственности относятся к их написанию. Это приводит к тому, что редакторам отдела энциклопедии приходится фактически заново переписывать статьи, уточнять и даже самим дополнять приводимые в них фактические данные» (февраль 1993 г.); «Абсолютное большинство из них [статей] нуждается в специальном научном и литературном редактировании в соответствии с энциклопедическими требованиями и нормами современного русского языка» (февраль 1995 г.)[17].

Начало нового этапа работы над энциклопедией — подготовка рукописи к изданию, обусловило необходимость изучения соответствующего опыта. В связи с этим в январе 1995 г. В. С. Лунин был командирован в издательство «Большая Российская энциклопедия», а в августе произошла реорганизация отдела мордовской энциклопедии в редакционно-издательский энциклопедический. Старшим редактором была принята кандидат филологических наук А. Е. Мирошкина. В ноябре 1995 г. заведующим отделом стал В. А. Чугунов. Позднее в отдел пришли Л. В. Мельникова, Л. А. Челканова, Л. А. Кудашова (Гурьянова) и др.[18]

Следует отметить, что по указанной выше и другим причинам сроки подготовки энциклопедии к печати постоянно менялись. Так, уже в 1994 г. окончание работы переносилось на 1996 — 1997 гг. В проекте постановления Ученого совета НИИЯЛИЭ от 31 января 1997 г. говорилось: «Направить все усилия научных сотрудников и внештатных авторов на завершение магистральной темы института — „Мордовской энциклопедии“». В 1999 г. в очередной справке об окончании подготовки энциклопедии П. Д. Грузнов информировал, что в феврале НИИЯЛИЭ и Мордовское книжное издательство заключили договор о ее издании в конце года[19]. Однако и это был неокончательный срок. 7 декабря 2000 г. в Доме республики состоялось совещание по вопросам завершения работы над энциклопедией «Мордовия». В нем принимали участие председатель Научно-редакционного совета энциклопедии П. Д. Грузнов, ответственный секретарь В. А. Чугунов, заведующие научно-отраслевыми редакциями, а также министр печати и информации Республики Мордовия А. С. Лузгин, проректор по научной работе Мордовского госуниверситета, доктор технических наук, профессор В. Д. Черкасов, заместители министров республиканских министерств и сотрудники отдела науки и новых технологий Аппарата Правительства Республики Мордовия. Вел совещание заместитель Председателя Правительства Республики Мордовия В. В. Конаков. Участники совещания отметили, что проведена большая работа по сбору и обработке материалов энциклопедии, подготовлена ее основа, завершается верстка материалов. В то же время не соблюдаются сроки редактирования и издания, подготовленный текст содержит достаточно большое количество неточностей и фактических ошибок. В результате было принято решение провести тщательную проверку всех материалов, вошедших в энциклопедию, и устранить выявленные неточности и ошибки; отразить в энциклопедии статистические и фактические сведения до 2000 г. включительно; материал изложить в одном томе и издать энциклопедию в I квартале 2001 г. В целях обеспечения своевременной и качественной подготовки материалов следовало привлечь к работе Научно-редакционного совета рабочую группу из числа сотрудников республиканских министерств и ведомств.

Между тем в печати стали появляться различные отзывы, в том числе негативные, на подготовленную к изданию энциклопедию «Мордовия»[20]. Обнаружен-

ные в ней многочисленные недостатки, и прежде всего грубые фактические ошибки, по мнению авторитетных ученых и общественных деятелей, не позволяли оставить главным редактором энциклопедии П. Д. Грузнова. 27 августа 2001 г. постановлением Правительства Республики Мордовия № 424 были утверждены новые составы Главной редакционной коллегии и Научно-редакционного совета, которым поручалось осуществить доработку материалов и подготовку энциклопедии «Мордовия» к изданию. Главным редактором был утвержден директор НИИ регионологии при Мордовском госуниверситете, доктор философских наук, профессор А. И. Сухарев; заместителем главного редактора и председателем совета — заведующий кафедрой страноведения Мордовского госуниверситета, доктор исторических наук, профессор В. А. Юрчёнков; заместителем председателя совета — В. А. Чугунов; ответственным секретарем — преподаватель Мордовского госуниверситета, кандидат исторических наук К. И. Шапкарин*.

1 октября 2001 г. директором НИИЯЛИЭ был назначен В. А. Юрчёнков[21], под руководством которого началась доработка энциклопедии. Одновременно в институте произошли соответствующие кадровые и структурные изменения. Заведующим редакционно-издательским энциклопедическим отделом (с 2002 г. — редакционно-издательский отдел) стал К. И. Шапкарин. 1 апреля 2002 г. он возглавил новое структурное подразделение — отдел информационно-аналитического обеспечения исследований. Заведующим редакционно-издательским отделом была назначена Е. В. Глазкова. 25 июля 2003 г. заведующим отделом информационно-аналитического обеспечения исследований стала Е. Г. Скворцова. В 2001 — 2003 гг. в отделы пришли Р. С. Ермаков, Г. Н. Давыдова, О. И. Федосеева (программисты-верстальщики), Т. И. Кильдюшкина, Н. М. Живаева, О. Б. Гнатовская и др.[22]

Доработка энциклопедии «Мордовия» предполагала решение следующих задач:

1) обновление содержания обзорной и тематических статей с привлечением материалов до 2001 г. включительно. Обзорная статья должна быть «визитной карточкой» республики, базироваться на результатах научных исследований, отражать место и роль Мордовии в России, отечественной и мировой истории. Этот принцип должен прослеживаться во всех статьях, в которых описываются явления и процессы, происходившие в экономической, социальной, политической и духовной сферах жизни многонационального народа Мордовии;

2) уточнение имеющихся и включение новых, в том числе ранее исключенных из Генерального словника, тематических статей (по решению редколлегии и заказчика), так как многие стороны жизнедеятельности и истории республики остались за пределами содержания энциклопедии «Мордовия»;

3) определение критериев отбора персоналий, основной из которых — вклад человека в развитие края и страны в целом в той или иной сфере.

---

* В соответствии с постановлением Правительства Республики Мордовия № 184 от 29 апреля 2003 г. в составе Главной редакционной коллегии произошли изменения, в частности в ее структуру был введен ответственный секретарь. Им стал заведующий отделом науки и новых технологий Аппарата Правительства Республики Мордовия, кандидат исторических наук П. П. Кузнецов. Обязанности заместителя председателя Научно-редакционного совета были возложены на К. И. Шапкарина (с 2004 г. — Е. В. Глазкову), ответственного секретаря — на Е. В. Глазкову (с 2004 г. — Е. Г. Скворцову).

Проект Концепции доработки энциклопедии «Мордовия» был изложен В. А. Юрчёнковым на заседании Главной редакционной коллегии и Научно-редакционного совета, состоявшемся в Доме республики 1 ноября 2001 г. После тщательного обсуждения было принято решение участникам заседания представить предложения и замечания по проекту; Научно-редакционному совету внести изменения, отредактировать и подготовить материалы энциклопедии к изданию в первом полугодии 2002 г. 27 ноября 2001 г. Правительство Республики Мордовия распоряжением № 872-р утвердило предложенные Концепцию доработки энциклопедии «Мордовия» и Критерии отбора персоналий. Научно-редакционному совету поручалось восстановить и дополнить Генеральный словник энциклопедии. В связи с увеличением количества статей 10 ноября 2002 г. было принято решение об издании энциклопедии в двух томах (распоряжение Правительства Республики Мордовия № 784-р).

Первоначально словник насчитывал 3 325 тематических и биографических статей. Однако в нем не был выдержан системный принцип. Кроме того, включение в него целого ряда персоналий было немотивированным. В процессе доработки в него вошло еще 2 100 тематических и биографических статей, исключено около 200. В результате первый том стал содержать 2 658 статей, второй — 2 546[23].

В энциклопедии представлен блок статей, касающихся территориальной организации мордовского края. Он включает общую статью «Административно-территориальное деление» и отдельные — «Воеводское управление», «Волостное управление», «Мордовский округ», «Мордовская автономная область», «Мордовская Автономная Советская Социалистическая Республика», «Мордовская Советская Социалистическая Республика», «Республика Мордовия», а также статьи обо всех уездах, районах и городах республики. Органичной и логически завершающей частью этого блока стали статьи о населенных пунктах, являющихся центрами сельских администраций районов республики, которые вошли в словник после его доработки (всего 444 статьи).

В энциклопедию включены также статьи, касающиеся ветвей власти, системы управления, судебной системы, политических партий и движений. Это такие статьи, как «Глава Республики Мордовия», «Администрация Главы Республики Мордовия», «Государственное Собрание», «Аппарат Государственного Собрания», «Верховный суд», «Министерство», «Политические партии», «Политические движения» и др. Всего их более 80 (решение Главной редакционной коллегии от 30 января 2002 г.)[24].

Существенно обогащают энциклопедию и расширяют представление о республике статьи об истории, культуре, быте, современном состоянии русских и татар — двух самых крупных наряду с мордвой этносов, проживающих на территории Мордовии. Таких статей более 40, среди них «Русские», «Татары», «Духовенство мусульманское», «Духовенство православное», «Жилище русских», «Жилище татар», «Обряды русских», «Обряды татар», «Одежда русских», «Одежда татар», «Русская литература Мордовии», «Русский фольклор Мордовии», «Татарские писатели», «Фольклор татар-мишарей» и др.

В энциклопедии получило отражение развитие всех отраслей науки в республике. Это такие статьи, как «Агрономия», «Биологические науки», «Историография», «Культурология», «Медицинские науки», «Науки о Земле», «Социология», «Педагогические науки», «Регионология», «Технические науки», «Физико-математи-

ческие науки» и др. Всего этой теме посвящено 25 статей, в которых описаны становление данных наук, научные школы, показан вклад ученых в их развитие.

Особо следует сказать о статьях по естественным наукам — ботанике и зоологии. Первоначально они представляли собой описание отдельных животных, насекомых, растений, грибов и др. (всего около 100 статей). После доработки в соответствии с предложенной Главной редакционной коллегией концепцией (решение от 6 марта 2002 г.)[25] они стали аккумулировать сведения о конкретном семействе или классе представителей флоры и фауны, распространенных в республике видах, а также охраняемых и занесенных в красные книги Российской Федерации и Республики Мордовия. Это статьи «Бересклетовые », «Водоросли», «Гвоздичные», «Паукообразные», «Пластинчатые грибы», «Ракообразные», «Сложноцветные» и др. Всего 73 статьи.

Несомненным достоинством энциклопедии является то, что «главное действующее лицо» здесь — люди. Это Герои Советского Союза, России, Социалистического Труда, полные Георгиевские кавалеры, полные кавалеры орденов Славы, лауреаты Ленинской и государственных премий СССР, РСФСР, Российской Федерации и Мордовии (1941 — 2004), депутаты Верховного Совета СССР, РСФСР и Мордовии (1938 — 1995), партийные и хозяйственные руководители, деятели культуры и искусства, доктора наук, профессора, выдающиеся спортсмены и многие другие, прославившие мордовскую землю, внесшие значительный вклад в экономическое и социальное развитие республики. Сотрудники НИИГН проделали большую работу по выявлению жителей республики, удостоенных званий заслуженных работников различных отраслей народного хозяйства российского уровня. Их около 800 чел. Впервые все они представлены в энциклопедии (решение Главной редакционной коллегии от 25 мая 2004 г.)[26]. Кроме того, практически во всех статьях о населенных пунктах упоминаются их знаменитые уроженцы, а также известные люди, жизнь и деятельность которых связана с этим населенным пунктом. Статьи о районах республики завершают перечни председателей райисполкомов и первых секретарей райкомов партии; статьи о промышленных предприятиях, учебных заведениях, учреждениях культуры, здравоохранения и др. — перечни их руководителей с указанием периода деятельности.

После выхода в свет первого тома энциклопедии «Мордовия» в Доме республики 6 июня 2003 г. состоялась его общественная презентация. Открывая торжественное собрание, Глава Республики Мордовия Н. И. Меркушкин назвал создание энциклопедии знаковым историческим событием. Он сказал, что энциклопедия «…представляет собой первое в истории республики комплексное системное изложение и наиболее полный свод знаний о Мордовии. В этом отношении энциклопедия не уступает аналогичным изданиям других регионов России, а по многим параметрам и превосходит их. <…>

Каждая статья… наполнена чувством глубокого уважения к родному краю, народу… Это стало возможным благодаря высокому гражданскому долгу и энтузиазму авторского коллектива… ученых, деятелей науки и искусства, представителей органов государственной власти, специалистов народного хозяйства, членов Главной редакционной коллегии, Научно-редакционного совета»[27].

За большой вклад в создание энциклопедии «Мордовия» А. И. Сухареву, В. А. Юрчёнкову и Е. В. Глазковой присвоено звание «Лауреат Государственной

премии Республики Мордовия»; А. Н. Келина, И. Г. Кильдюшкина, Ю. И. Сальников и Е. Г. Скворцова удостоены Благодарности Главы Республики Мордовия[28].

Этапными стали подготовка электронной версии[29] и перевод энциклопедии «Мордовия» на мокшанский и эрзянский языки[30]. Кроме того, был дан толчок развитию энциклопедического направления в деятельности НИИГН[31]. В 2016 г. энциклопедия «Мордовия» вошла в проект «Электронная энциклопедия российских регионов „Вся Россия“», реализуемый Российской национальной библиотекой[32].

Таким образом, выход в 2003 — 2004 гг. двухтомной энциклопедии «Мордовия» свидетельствует о том, что именно на базе НИИГН сложился региональный энциклопедизм как итог и перспектива развития гуманитарного знания.

Библиографические ссылки

[1] **Сибиряк И.** Об очередных задачах НИИМК в свете решений обкома и ЦИК МАССР // Изв. НИИМК. Саранск, 1935. Кн. 1. С. 109.

[2] См. об этом: **Лунин В. С.** К вопросу о принципах отбора персоналий для «Мордовской советской энциклопедии» // Вестн. Мордов. ун-та. 1993. № 3. С. 16.

[3] Центр гуманитарных наук: история и современность. Саранск, 2008. С. 278.

[4] Там же. С. 278, 281, 287, 288, 291, 293.

[5] Там же. С. 278.

[6] НА НИИГН. Ф. Эн-7.

[7] Там же. Ф. Эн-2. Л. 237 — 268.

[8] Там же. Ф. Эн-1, Эн-3.

[9] См.: История Мордовии в лицах : биогр. сб. / сост. В. С. Лунин. Саранск, 1994. С. 3 — 4. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 111).

[10] См.: **Лунин В. С.** Мордовская энциклопедия // Центр гуманитарных наук Мордовии. Саранск, 1992. С. 28 — 35. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 109) ; **Его же.** К вопросу о принципах отбора персоналий… С. 12 — 18.

[11] См.: История Мордовии в лицах. 1994. 242 с. ; История Мордовии в лицах : биогр. сб. Кн. 2 / сост.: П. Д. Грузнов, В. А. Чугунов. Саранск, 1997. 592 с. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 112) ; История Мордовии в лицах : биогр. сб. Кн. 3 / сост. П. Д. Грузнов. Саранск, 1999. 376 с. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 115) ; История Мордовии в лицах : биогр. сб. Кн. 4 / сост.: П. Д. Грузнов, А. Е. Мирошкина, В. А. Чугунов. Ковылкино, 2001. 336 с. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 117).

[12] См.: Центр гуманитарных наук: история и современность. С. 294.

[13] НА НИИГН. Ф. Э-7.

[14] НА НИИГН. Ф. Эн-6. См. также: **Лунин В. С.** О некоторых аспектах плана-проспекта «Мордовской энциклопедии» // Вестн. Мордов. ун-та. 1995. № 4. С. 47 — 52.

[15] Центр гуманитарных наук: история и современность. С. 298 — 299.

[16] НА НИИГН. Ф. Эн-7.

[17] Там же.

[18] См.: Центр гуманитарных наук: история и современность. С. 299, 301, 302, 319, 321.

[19] НА НИИГН. Ф. Эн-7.

[20] См., напр.: **Горкин А., Карев В.** Вклад в культуру Мордовии // Изв. Мордовии. 2001. 6 июля. С. 7 ; Мордовия получила «Энциклопедию» / Н. И. Воронина [и др.] // Республика Молодая. 2001. 11 июля. С. 4 ; **Юрчёнков В. А.** Что задумывали и что получилось // Изв. Мордовии. 2001. 22 авг. ; Энциклопедию Мордовии пустят под нож? // Столица С. 2001. 12 сент.

[21] См.: Центр гуманитарных наук: история и современность. С. 326 — 327.

[22] Там же. С. 328, 331 — 333, 335, 352, 356 — 357, 359.

[23] См.: **Глазкова Е. В.** Энциклопедия «Мордовия» // Мордовия: наука, инновации, новые технологии. 2004. № 2. С. 30.

[24] См.: Центр гуманитарных наук: история и современность. С. 331.

[25] Там же. С. 332.
[26] Там же. С. 366.
[27] Там же. С. 355 — 356.
[28] Там же. С. 374.
[29] Мордовия [Электронный ресурс] : энциклопедия : [в 2 т.] / Гл. редкол.: гл. ред. А. И. Сухарев, зам. гл. ред. В. А. Юрчёнков, отв. секр. П. П. Кузнецов [и др.]. Саранск, 2006. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Систем. требования: процессор Pentium III 450 MHz ; операц. системы Windows 98/2000/XP. См. также: **Куршева Г. А., Чернов А. В.** НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия — центр энциклопедических исследований региона // Вопросы энциклопедистики. Уфа, 2015. Вып. 5. С. 59.
[30] См.: Мордовиясь : энциклопедия : в 2 т. Саранск, 2007. Т. 1. 584 с. ; Т. 2. 584 с. (на мокш. яз.) ; Мордовиясь : энциклопедия : в 2 т. Саранск, 2007. Т. 1. 560 с. ; Т. 2. 592 с. (на эрз. яз.).
[31] См.: **Глазкова Е. В.** Развитие энциклопедического направления в деятельности НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия // Региональные энциклопедии: проблемы общего и особенного в истории и культуре народов Среднего Поволжья и Приуралья. Казань, 2007. С. 106 — 109 ; **Куршева Г. А., Чернов А. В.** Указ. соч. С. 58 — 62.
[32] URL: http://www.nlr.ru/res/epull/rue/ (дата обращения: 02.11.2016).

Подготовила *Е. В. Глазкова*.

ОТДЕЛ ИСТОРИИ: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ОРИЕНТИРЫ И НАУЧНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

Отдел истории формировался усилиями нескольких поколений талантливых ученых как уникальное структурное подразделение НИИГН. В его современном формате он функционирует с сентября 2005 г., когда на базе отдела истории, археологии и этнографии были выделены отдел истории и отдел археологии и этнографии. С течением времени в результате внутренней реорганизации в институте структура отдела неоднократно менялась, и в январе 2015 г. отдел истории и археологии был разделен на 2 отдела: истории и археологии. В настоящее время он является одним из ведущих в структуре института и имеет научное признание не только в республике, но и в соседних регионах и субъектах Российской Федерации.

Разносторонняя сфера научных интересов сотрудников отдела истории включает различные области гуманитарного знания: функционирование региональных экономических моделей в XVII — XVIII вв.; демографические и миграционные процессы у мордвы в XVII — XVIII вв.; аграрное реформирование в начале XX в. в мордовском крае, аграрная история национальных республик Среднего Поволжья во второй половине XX в.; динамика регионального социума в условиях глобализации. В основе деятельности отдела лежат осуществление фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным проблемам истории, направленных на национально-культурное развитие Республики Мордовия, содействие национально-культурному развитию мордовской диаспоры в Российской Федерации; координация научно-исследовательских работ по проблемам истории,

проводимых государственными научными и образовательными учреждениями, находящимися на территории республики; накопление и систематизация научной информации об истории мордовского народа и края; подготовка квалифицированных научных кадров; взаимодействие с кафедрами образовательных учреждений высшего профессионального образования республики в решении научных и методических вопросов в области истории, участия сотрудников отдела в осуществлении педагогической деятельности учреждений; популяризация научных знаний по профилю деятельности отдела.

Отдел истории реализует значительное количество разнообразных проектов в рамках как плановой, так и внеплановой работы. Предваряя их более подробное раскрытие, выделим следующие:

непосредственное участие в создании концепции 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства, а также интеллектуальное, информационное обеспечение и сопровождение проекта;

разработка и реализация новой цельной концепции истории и культуры мордовского народа, воплощенной в проекте «Мордовия. XX век». Этот проект посвящен современному осмыслению основных этапов и путей социально-культурного и исторического развития Мордовии в XX столетии с учетом модели региональной истории, впервые предложенной в отечественной историографии, и в общих чертах приемлемой для других регионов России;

написание коллективных монографий, посвященных возникновению и деятельности различных органов власти и управления («Мордовская таможня на рубеже веков. 1992 — 2007 гг.», «Государственное Собрание Республики Мордовия: история становления и развития. 1995 — 2015 гг.»)[1];

выявление, отбор и подготовка к печати исторических документов, посвященных различным этапам истории Мордовии, а также выдающимся личностям, связанным с мордовским краем («Святой праведный Феодор Ушаков, адмирал флота российского», «Общество и власть (1918 — 1920). Документы уездных съездов Советов Мордовии», «История мордовского народа и мордовского края в уникальных архивных документах», «Великая война и российская провинция. 1914 — 1918 гг.», «Великая Отечественная война: устная история. Свидетельства участников боев, работников тыла и детей войны» и др.)[2]. Большинство документов было опубликовано впервые, что позволяет не только дополнить, но и скорректировать некоторые моменты, связанные с историей Мордовии;

написание коллективных монографий, посвященных городам и населенным пунктам Мордовии («Красная Слобода», «Красная Подгора. Летопись. Истоки духовности», «Русское Маскино. Четыре века родного села»; подготовлены к изданию «Мордовское Давыдово» и «Саранск»)[3]. В них прослеживается ретроспективный путь становления городов и населенных пунктов республики, содержится уникальный материал по истории, культуре и природе городов и населенных пунктов Мордовии, извлеченный из архивов и музеев, литературных источников, периодической печати, рассказов старожилов и очевидцев происходивших событий. Эти книги не только выполняют познавательную функцию, но и служат важным фактором патриотического воспитания подрастающего поколения, помогают по-настоящему проникнуться чувством глубокого уважения к своей родине. Следует отметить, что подготовленная к изданию монография «Саранск»

является наиболее востребованной, так как основным источником изучения истории столицы республики на протяжении последнего полувека является книга И. Д. Воронина[4], во многом потерявшая актуальность и написанная с устаревших методологических позиций. С момента выхода первой книги концепция серии «Города и села Мордовии» изменилась. Сейчас она включает не только материал по истории населенного пункта, но и газетную летопись, описание этнокультурного мира населенного пункта;

в период существования объединенного отдела истории и археологии велась работа над проектами «Археология мордовского края» (2 — 3-й т.) и «Шокшинский могильник». Кроме того, с появлением в отделе археологов связано возобновление в институте археологических исследований, сначала в виде разведок, а с 2016 г. — в виде стационарной экспедиции;

работа с аспирантами НИИГН и преподавательская деятельность в рамках института, а также издание учебных пособий. Так, сотрудники отдела приняли активное участие в написании учебного пособия «Финно-угорские народы России: генезис и развитие»[5], в котором представлены материалы, раскрывающие проблемы прародины финно-угорских народов, их этногенеза, роли в истории Российского государства. В учебном пособии «Экономика Поволжья в годы Великой Отечественной войны»[6] на основе широкого круга исторических источников рассмотрены актуальные вопросы создания отлаженного военного хозяйства, превращения региона в мощный арсенал страны, самоотверженного труда тружеников промышленности и сельского хозяйства, а также роли Поволжья в структуре советского тыла;

участие в методических семинарах института, на которых обсуждаются актуальные проблемы исторической науки;

участие в коллективных грантах («Введение в научный оборот документов, связанных с „чапанным восстанием“ на территории Мордовии», «Крестьянство и казачество в России в годы революции 1917 года и Гражданской войны: региональнонациональный аспект») и индивидуальных («Налоги и повинности дворцового населения Алатырского уезда в XVII — начале XVIII века», «Колхозная деревня Мордовии в середине 1950-х — первой половине 1960-х гг.», «Налоги и повинности дворцового населения Арзамасского уезда в XVII — начале XVIII века»).

Богатый научный задел в изучении истории мордовского края, отраженный в многочисленных научных статьях и коллективных монографиях предшествующих исследователей, а также опора на цельную концепцию, позволяют отделу истории в настоящее время активно и плодотворно работать над одним из академических проектов — «Мордовия. XX век». В рамках данного проекта ведутся исследования экономической, социокультурной, общественно-политической сфер жизни мордовского края в разные периоды XX столетия. В публикациях раскрываются различные аспекты мордовской истории в начале XX в., в периоды революционного подъема[7], Гражданской войны и НЭПа[8], советской модернизации (1928 — 1941 гг.)[9], Великой Отечественной войны[10], послевоенного времени (1946 — середина 1950-х гг.)[11], годы хрущевских реформ (середина 1950-х — середина 1960-х гг.)[12] и реформ конца XX в.[13]

Из реализованных отделом истории коллективных трудов следует отметить, прежде всего, двухтомник «Мордовия в период Великой Отечественной войны.

1941 — 1945 гг.», подготовленный при финансовой поддержке Правительства Республики Мордовия и РГНФ в рамках регионального конкурса «Волжские земли в истории и культуре России» (в 2007 г. монография была удостоена Почетного диплома III степени Всероссийского конкурса Российской академии наук на лучшее издание патриотической тематики в рамках Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006 — 2010 гг.»[14]) и двухтомник «Мордовия в послевоенный период. 1945 — 1953 гг.» (победитель во Всероссийском конкурсе на лучшую научную книгу 2015 г.). В этом же концептуальном поле сотрудники отдела работают над монографией, посвященной истории Мордовии в годы реформ середины 1950-х — 60-х гг. Следует отметить, что аналогов проекту «Мордовия. XX век» в современной региональной историографии до настоящего времени нет. Так, например, подготовленные авторским коллективом сотрудников ЧГИГН две книги «История Чувашии новейшего времени. 1917 — 1945 гг.»[15] охватывают период с 1917 по 2005 г. В то же время монографии в рамках проекта «Мордовия. XX век», посвященные отдельным периодам XX в., базируются на более детальном и глубоком исследовании событий прошлого столетия.

Исследования в рамках проекта под руководством В. А. Юрчёнкова носят академический, комплексный характер. Проявленная в своих специфических чертах и закономерностях развития история мордовского края представляется в неразрывной связи с общероссийскими процессами, не исследовавшиеся ранее проблемы изучаются впервые. Авторы сделали попытку осветить все сферы жизни региона — общественно-политическую, социально-экономическую, культурную, духовную. В монографии «Мордовия в период Великой Отечественной войны…» представлены не только военные события и участие в них уроженцев Мордовии, но и обстановка в крае накануне войны, подробно рассмотрены политическая система, партийные и государственные органы власти, экономика региона, повседневная жизнь людей, образование, культура, развитие науки. Существенное внимание уделено специфике периода: репрессиям, настроениям в обществе накануне и во время войны, эвакуации, труду тыловиков, функционированию системы ГУЛАГа и положению военнопленных фашистского блока на территории Мордовии, военно-патриотическому воспитанию, деятельности Русской православной церкви, социальной защите детей и подростков, оставшихся без попечения родителей, и др.

Структурное построение «Мордовии в послевоенный период…» подразумевает всесторонний охват жизнедеятельности республики, при этом основное внимание уделено политической ситуации в стране, нарастанию холодной войны, а также состоянию народно-хозяйственного комплекса МАССР и развитию социальных и культурных институтов, общественной жизни населения республики на фоне общего возрождения в послевоенные годы.

Естественно, что базовая структура проекта не является застывшей конструкцией и адаптируется в зависимости от специфики конкретных исторических периодов или событий. Кроме того, в ходе творческой работы, коллективных обсуждений в отделе истории концепция и структура постоянно трансформировались, первоначальный план монографий неоднократно пересматривался, анализировалось качество накопленного материала. Так, например, первоначаль-

но в монографии о послевоенном периоде предполагались 12 глав, но в итоге их количество сократилось до 9 (5 — в 1-м томе и 4 — во 2-м). При этом структура была упорядочена, а собранный материал распределен по главам без потерь. Не последнюю роль в этих изменениях сыграли сторонние авторы, затягивавшие сроки подачи текстов, что вынуждало существенным образом перерабатывать содержание томов.

В ходе работы над проектом авторы руководствовались принципом объективности, стремясь, по мере накопления материала, не скрывая негативных сторон, к максимальной беспристрастности и достоверности освещаемых событий. Так, например, в книгах о войне показаны не только патриотический настрой населения, но и панические настроения, упаднические слухи, с которыми приходилось бороться, применяя жесткие меры. Особое внимание уделено проблеме репрессий, проанализированы сложнейшие условия, в которых трудились люди, тяжелые последствия начала войны. В монографии «Мордовия в послевоенный период…» показаны непростая идеологическая и общественно-политическая обстановка в стране, новый виток репрессий, ужесточение экономической политики, трагедия голода 1946 — 1947 гг., реакция населения на смерть И. В. Сталина. Таким образом, были раскрыты многие темы, цензурованные в советское время.

Один из главных принципов проекта заключался не только в освещении исторических событий, фактов и деятельности на этом фоне известных личностей, но и в рассмотрении повседневной жизни простых людей. В каждом разделе основное внимание уделено, прежде всего, характеристике жизни рядового гражданина, подробному анализу положения отдельных социальных слоев населения. В этой связи в подтверждение теории и статистики авторы привлекали материалы опросных анкет, воспоминания очевидцев событий.

Монографии, вышедшие в рамках проекта, содержат богатый сопроводительный материал (приложения с подробной хронологией событий, списки советских партийных и хозяйственных работников, занимавших руководящие посты на республиканском и районном уровнях в конце 1930-х — 1945 гг. и 1945 — 1953 гг.). Содержание большинства кратких библиографических справок представителей хозяйственной и политической элиты Мордовии были взяты из фондов Центрального государственного архива Республики Мордовия (ЦГА РМ) и периодической печати. В приложениях к монографии о послевоенном периоде приведены также выдержки из архивных документов, статистические таблицы, содержащие результаты работы республиканской промышленности, транспорта, связи, сельского хозяйства, учреждений торговли, культуры и здравоохранения.

Все исследования в рамках проекта ведутся на основе обширной источниковой базы. Используются материалы центральных архивов Российской Федерации, региональных архивов, ведомственных архивов, архивов производственных, социальных и культурных предприятий и учреждений. Основным источником материалов являются документы, извлекаемые из ЦГА РМ. Не менее важным источником служат статистические сборники, периодическая печать, законодательные акты и др., но в приоритете всегда остаются архивные материалы, обработка и анализ которых составляют большую часть работы сотрудников отдела истории. Значительное внимание уделяется также литературе, соответствующей исследуемой проблеме. При этом с максимальным охватом используется

как общероссийская, так и региональная литература, исследования зарубежных авторов. Полные историографические обзоры дополняются мемуарами и литературными произведениями.

Академичность, комплексность и концептуальное новаторство монографии «Мордовия в период Великой Отечественной войны…» были оценены в вышедшей в 2005 г. положительной рецензии, авторы которой назвали публикацию достижением и успехом ученых НИИГН. В ряду безусловных достоинств издания авторы рецензии отметили и недостатки, к которым отнесли умолчание о наличии случаев коллаборационизма среди солдат и офицеров, уроженцев мордовского края и других национальных регионов[16].

Отдельного внимания заслуживает эволюция авторского коллектива, занимавшегося проектом «Мордовия. XX век». В частности, над изданием «Мордовия в период Великой Отечественной войны…» работал широкий круг авторов, в который вошли как сотрудники НИИГН, так и другие специалисты, писавшие статьи по отдельным темам. В том числе существенный вклад в формирование коллективной монографии внесли сотрудники Мемориального музея военного и трудового подвига 1941 — 1945 гг. Л. С. Сандина, Т. В. Яковлева, В. М. Ковшова, И. В. Новичкова, О. В. Забненкова и др. Кроме того, авторами статей в коллективных монографиях выступили заслуженный работник культуры, театровед В. С. Брыжинский, профессор кафедры отечественной истории и этнологии МГПИ им. М. Е. Евсевьева Т. Д. Надькин, доцент кафедры психологии Историко-социологического института МГУ им. Н. П. Огарева Н. А. Крисанова, доцент кафедры философии Историко-социологического института МГУ им. Н. П. Огарева А. И. Белкин и др. В ходе работы над монографией «Мордовия в послевоенный период…» большую часть авторского коллектива составляли сотрудники разных отделов института, однако ядро рабочей группы представляли научные работники отдела истории. Постепенно реализация проекта сосредоточилась в отделе истории, коллектив которого в настоящее время в полном составе трудится над монографией по истории Мордовии в хрущевский период.

Существенные изменения, произошедшие за последние 10 — 15 лет в гуманитарной отрасли знаний, смена исторической парадигмы, появившаяся возможность работы с новым, ранее малодоступным, комплексом источников, позволили историкам НИИГН приступить к корректировке существующих точек зрения по проблемам региональной истории. В результате их планомерной работы с каждым годом возрастает объем впервые выявляемых архивных документов, проливающих свет на неизвестные факты или недостаточно разработанные проблемы истории Мордовии. Введение этих источников в научный оборот с последующим их осмыслением обеспечивает решение одной из основных задач современной гуманитарной науки Мордовии — сохранение и развитие исторических, культурных и духовных ценностей регионального социума. Поиск и публикация таких документов является главной целью комплексного проекта «Свод документов по истории и культуре Мордовии», в рамках которого сотрудники отдела истории осуществляют подготовку сборников документов, освещающих историческое, социально-экономическое и духовно-культурное развитие мордовского края и Республики Мордовия.

Так, первым изданием в рамках проекта стал двухтомник «Общество и власть (1918 — 1920). Документы уездных съездов Советов Мордовии», выход которого в свет считается вехой в научной жизни региона — в результате была восстановлена прерванная после развала СССР работа по выявлению и публикации документальных материалов по истории Мордовии. За весь постсоветский период сборник явился первой в республике научной тематической публикацией документов. При этом большая часть материала публиковалась полностью впервые, хотя отдельные документы представлены в региональных сборниках советского периода[17].

Вызывает интерес предыстория данного издания (как и в целом проекта «Свод документов по истории и культуре Мордовии»). Так, во второй половине 2000-х гг. сотрудники отдела истории НИИГН участвовали в осуществлении совместного с учеными ИРИ РАН научного направления «Власть и общество: российская провинция». По ряду независимых от НИИГН причин данный научный проект, к сожалению, так и не был реализован. Однако за продолжительное время работы над ним отдел истории накопил значительный объем ценного документального материала, посвященного становлению и первым годам советской власти в мордовском крае, в частности, уездным съездам Советов Мордовии. В этой связи возникла идея его публикации и в 2010 — 2013 гг. вышеупомянутое издание вышло в свет.

В сборник вошли документы, хранящиеся в ЦГА РМ: протоколы заседаний уездных съездов Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, съездов Советов крестьянских депутатов, съездов председателей и заведующих отделами управления волостных и городского исполкомов Ардатовского уезда, Ардатовского уездного продовольственного съезда, съездов мусульман Темниковского уезда. К сожалению, по ряду уездов документы сохранились в неполном объеме.

Значительный сопроводительный аппарат сборника включает вступительную статью и археографическое предисловие, примечания по тексту и содержанию документов, биографические сведения, именной и географический указатели, список сокращений и перечень публикуемых в сборнике документов.

Структура книги продумана, последовательна и логична. Ее первый том состоит из 3 разделов, в первом из которых представлены документы по Ардатовскому уезду Симбирской губернии, во втором — Инсарскому уезду Пензенской губернии, в третьем — по Саранскому уезду Пензенской губернии. Второй том включает в себя 2 раздела: в первый вошли документы по Краснослободскому уезду Пензенской губернии, во второй — по Темниковскому уезду Тамбовской губернии. Документы систематизированы по хронологическому принципу, что позволяет исследователю проследить ход развития событий в динамике.

Опубликованные документы всесторонне отражают политические и экономические реалии, культурную и религиозную жизнь провинциального социума первых послереволюционных лет, поэтому значимость их для историков-исследователей трудно переоценить.

В работе над книгой были задействованы как сотрудники НИИГН, так и работники Республиканской архивной службы и ЦГА РМ. В этой связи следует отметить значительный вклад в работу начальника организационно-методического отдела Республиканской архивной службы, заслуженного деятеля культуры

Республики Мордовия и Чувашской Республики Г. И. Григорьевой, оказавшей существенную помощь в подборке документальных материалов. Именно поэтому не будет преувеличением сказать, что работа над данным изданием явилась примером яркого плодотворного сотрудничества ученых-гуманитариев различных научных учреждений Мордовии. Неслучайно сборник документов уездных съездов Советов Мордовии в 2014 г. был признан победителем Международного конкурса «Лучшая научная книга в гуманитарной сфере» в номинации «История; археология; этнография»[18].

Другим значимым изданием в рамках научно-исследовательского проекта «Свод документов и материалов по истории и культуре мордовского края» стал выход в свет четырех томов сборника «Великая Отечественная война: устная история. Свидетельства участников боев, работников тыла и детей войны». Издание участвует во Всероссийском конкурсе на лучшую научную книгу 2015 г.

Данный сборник являет собой полноценное продолжение традиций научного осмысления истории региона. Одновременно он имеет научную новизну и ряд особенностей. Во-первых, это первое в регионе обобщающее издание, обладающее уникальной подборкой материала; во-вторых, многие воспоминания опубликованы впервые; в-третьих, под кажущейся простотой структуры скрыта четко выдержанная методика отбора и обработки источников. Недаром в период проведения работ по сбору материалов для книги в отделе истории по поводу методики не раз возникали дискуссии, в результате которых она не раз трансформировалась и перерабатывалась (например, согласно первоначальному плану, в сборник должны были войти очерки, написанные журналистами со слов ветеранов, но потом от этого отказались ввиду неаутентичности подобных материалов).

Сборник «Великая Отечественная война: устная история…» выгодно отличается широтой подбора источников и академичностью. Его составители провели масштабную работу по сбору и обработке материала, извлекаемого из фондов ЦГА РМ, НА НИИГН, научного архива Мемориального музея военного и трудового подвига 1941 — 1945 гг., а также из личного архива В. А. Юрчёнкова. То, что составители отдали предпочтение именно архивным материалам, представленным в первозданном виде, без цензурных и идеологических ограничений, относится к несомненным достоинствам сборника. Сотрудники отдела истории совместно с редакторами старались передать тексты воспоминаний, особенно воспроизведенных с оригинальных записных книжек или фронтовых дневников, без существенных правок, оставляя некоторые смысловые лексические ошибки, малопонятные слова и диалектизмы. Иногда при чтении это вызывает определенное неудобство, но именно это сохраняет, возможно, главное в мемуарной литературе — ее живость, эмоциональность, правдивость.

В сборник также вошло значительное количество воспоминаний, взятых из центральных и районных газет. Эти материалы малодоступны для массового читателя, равно как и отдельные мемуары, опубликованные еще в советское время и с тех пор не переиздаваемые.

В результате составителям удалось охватить существенное количество источников, начиная с ранее не публиковавшихся архивных материалов, таких как записки Героя Советского Союза Г. Л. Евишева, и заканчивая опубликованными мемуарами известного летчика-героя М. П. Девятаева.

Сборник отличает простая и вместе с тем четкая и продуманная структура. Его основную часть предваряют археографическое предисловие и вступительная статья «Мемуары как источник по истории Мордовии периода Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.», являющая собой одно из достоинств книги. В ней подробно рассмотрена специфика мемуаров как исторического источника, прослежены влияние временных эпох и изменения историографической ситуации на их исследование и публикацию. Данный источниковедческий обзор читается легко и с большим интересом.

В первых двух томах «Великой Отечественной войны: устная история…» представлены воспоминания фронтовиков и участников партизанского движения. Авторы расположены в алфавитном порядке, в общий список включены также Герои Советского Союза и кавалеры ордена Славы. Второй том заканчивается на букве «Л». В третьем и четвертом томах продолжена публикация воспоминаний непосредственных участников боев (Героев Советского Союза В. Б. Миронова, И. Н. Мотина, С. А. Полежаева, И. И. Радайкина, М. Я. Романова, Я. М. Сметнева, Ф. П. Суркова, полных кавалеров орденов Славы М. М. Мартынова, А. И. Перегудина, И. С. Потешкина, А. П. Силантьева, Героя Социалистического Труда Н. М. Суродеева и др.). В третьем томе впервые опубликованы записки о войне советского партийного работника Ф. Г. Матюшкина, в четвертый том вошел ранее не публиковавшийся фронтовой дневник заслуженного работника культуры РСФСР И. И. Старцева. Тексты, как и в предыдущих томах, выстроены в алфавитном порядке по фамилии авторов. Таким образом, третий том включает буквы «М» — «П», четвертый — «Р» — «С». Работа над изданием последующих томов продолжается в настоящее время. В готовящихся к выпуску томах наряду с мемуарами фронтовиков будут опубликованы воспоминания работников тыла и детей войны.

Сотрудники отдела истории собирали и обрабатывали материал сообразно строгой схеме, придерживались четко определенных критериев. Мемуары были классифицированы по происхождению (воспоминания фронтовиков, партизан, узников фашистских лагерей и т. д.), по форме и способу воспроизводства (собственно воспоминания, литературная обработка, анкета-воспоминания, автобиография и т. д.). При этом предпочтение отдавалось непосредственно авторскому тексту, а не очеркам или литературно-переработанным воспоминаниям. В сборник не вошли фронтовые письма. Все тексты воспоминаний снабжены краткой биографией автора, датой, поисковыми данными. Археографическая подготовка документов производилась в строгом соответствии с действующими правилами. Такой академический подход делает сборник удобным в работе не только для профессионального исследователя, но и для простого читателя.

Данная книга воспоминаний создает существенный задел для будущих исследований Великой Отечественной войны, становясь цепью в звене передачи памяти о войне, памяти, которая не должна померкнуть.

Другим самостоятельным проектом, в котором приняли участие историки института, является книжная серия «События в истории». В работах данной серии, как правило, не рассматриваются какие-либо концептуальные исторические проблемы. Однако неизменным достоинством книг этого проекта является мастерское воссоздание тех или иных эпох в истории мордовского края и республики сквозь призму конкретного события. Кроме того, представленный региональный

материал позволяет более четко проследить связи общероссийских политических, социально-экономических и духовно-культурных процессов с обществом, что немаловажно для исторической науки.

В настоящее время в рамках этой серии вышло 3 книги. Так, в монографии «Деревня Мордовии в послевоенные годы»[19] на основе широкого круга исторических источников предпринята попытка рассмотреть основные проблемы колхозной деревни (кризис сельскохозяйственного производства, голод 1946 — 1947 гг. в сельской местности, социальный протест крестьянства против проводимой внутренней политики и др.) в послевоенный период на территории современной Мордовии. В сборнике «1905 год: взгляд через столетие» раскрывается роль отдельных социальных групп (крестьянство, интеллигенция) и политических партий (эсеры) в общественно-политическом, экономическом и культурном развитии Мордовии в начале XX в. В нем представлены документы и материалы, касающиеся одной из ярких страниц в истории мордовского края — «Рузаевской республики». В книге «Библиотеки и библиотечное дело в мордовском крае (XVIII — начало XX в.)»[20] проанализированы становление и развитие библиотечной сети в мордовском крае в XVIII — начале XX в.; рассмотрена деятельность школьных, публичных, народных и других библиотек; приведены подробные сведения о состоянии 100 библиотек мордовского края в этот период.

Книги данного проекта способствуют расширению кругозора о прошлом родного края, представляя значительную научную ценность. Предназначенные для историков, краеведов, преподавателей вузов и всех интересующихся историей Мордовии, издания несут немаловажную воспитательную нагрузку, способствуя сохранению исторической памяти у подрастающего поколения.

Сотрудники отдела приняли активное участие в написании разделов атласа «Финно-угорские народы России»[21]. Издание носит обобщающий, комплексный характер, в нем осмысливаются место и роль финно-угорского мира в становлении и развитии российской цивилизации. На основе новых методологических подходов рассмотрены проблемы складывания государственности финно-угорских народов, проанализированы этапы взаимодействия с Российским государством в различные исторические периоды, исследованы вопросы формирования национального самосознания и национальной государственности финно-угорских народов.

Помимо участия в коллективных работах НИИГН, сотрудники отдела истории являются авторами индивидуальных монографий, посвященных актуальным проблемам истории мордовского края[22].

В настоящее время исследования по отечественной истории, в том числе региональной, как никогда актуальны и злободневны. Подтверждение этому содержится в высказывании Президента Российской Федерации В. В. Путина: «Сегодня Россия испытывает не только объективное давление глобализации на свою национальную идентичность, но и последствия национальных катастроф XX века, когда мы дважды пережили распад нашей государственности. В результате получили разрушительный удар по духовному и культурному коду нации, столкнулись с разрывом традиций и единства истории, с деморализацией общества, с дефицитом взаимного доверия и ответственности»[23]. В этой связи значимость исследований, проводимых в отделе истории НИИГН по отечественной истории, в частности региональной, трудно переоценить.

Библиографические ссылки

[1] См.: Мордовская таможня на рубеже веков: 1992 — 2007. Саранск, 2007. 208 с. ; Государственное Собрание Республики Мордовия: история становления и развития. 1995 — 2015 гг. Саранск, 2014. 184 с.

[2] См.: Святой праведный Феодор Ушаков, адмирал флота российского. Саранск, 2006. 392 с. ; Общество и власть (1918 — 1920) : Док. уезд. съездов Советов Мордовии : в 2 т. Саранск, 2010. Т. 1. 484 с. ; 2013. Т. 2. 484 с. ; История мордовского народа и мордовского края в уникальных архивных документах. Саранск, 2012. 200 с. ; Великая война и российская провинция. 1914 — 1918 гг. : сб. науч. ст. и док. Саранск, 2013. 312 с. ; Великая Отечественная война: устная история : Свидетельства участников боев, работников тыла и войны : в 4 т. Саранск, 2015. Т. 1. 696 с. ; Т. 2. 724 с. ; 2016. Т. 3. 728 с. ; Т. 4. 740 с.

[3] См.: Красная Слобода / В. А. Юрчёнков [и др.]. Саранск, 2008. 464 с. ; Красная Подгора : Летопись. Истоки духовности. Саранск, 2013. 248 с. ; Русское Маскино : Четыре века родного села / В. А. Юрчёнков [и др.]. Саранск, 2014. 340 с.

[4] См.: **Воронин И. Д.** Саранск : Историко-документ. очерки. Саранск, 1961. 268 с.

[5] См.: Финно-угорские народы России: генезис и развитие : учеб. пособие. Саранск, 2011. 224 с.

[6] См.: Экономика Поволжья в годы Великой Отечественной войны : учеб. пособие. Саранск, 2010. 148 с.

[7] См.: 1905 год: взгляд через столетие. Саранск, 2007. 208 с. ; Великая война и российская провинция. 1914 — 1918 гг.

[8] См.: **Юрчёнков В. А.** Российская провинция в годы Гражданской войны. 1918 — 1920 гг. Политика, экономика, идеология : (На примере мордов. края). Germany, 2011 ; **Куршева Г. А.** Общество, власть и образование в России в конце XIX — первой трети XX в. : (На примере мордов. края). Germany, 2011.

[9] См.: **Куршева Г. А.** Общество, власть и образование в условиях модернизации в СССР: конец 1920-х — 1930-х гг. Саранск, 2007. 368 с.

[10] См.: Мордовия в период Великой Отечественной войны. 1941 — 1945 гг. : в 2 т. Саранск, 2005. Т. 1. 383 с. ; Т. 2. 424 с. ; Экономика Поволжья в годы Великой Отечественной войны / И. Ю. Асабин [и др.]. Саранск, 2016, 148 с. ; Война на всех одна : Мордов. край в 1941 — 1945 гг. / авт.-сост. В. А. Юрчёнков. Саранск, 2015. 552 с.

[11] См.: Мордовия в послевоенный период. 1945 — 1953 гг. : в 2 т. Саранск, 2012. Т. 1. 468 с. ; 2015. Т. 2. 388 с.

[12] **Задкова Т. Ю.** Колхозная деревня Мордовии в условиях «оттепели» (1953 — 1964). Саранск, 2010. 272 с.

[13] См.: **Кониченко Ж. Д., Юрчёнков В. А.** На пороге реформ : Обществ.-полит. жизнь Мордовии в первой половине 1990-х гг. Саранск, 2006. 368 с.

[14] См.: Центр гуманитарных наук: история и современность. Саранск, 2008. С. 396.

[15] См.: История Чувашии новейшего времени. 1917 — 1945 гг. / А. В. Изоркин [и др.]. Чебоксары, 2001. 261 с. ; **Бойко И. И., Харитонова В. Г., Захаров Д. А.** История Чувашии новейшего времени. 1945 — 2005 гг. Чебоксары, 2009. 397 с.

[16] См.: **Моисеев Е. В., Куршева Г. А.** [Рецензия] // Регионология. 2005. № 4. С. 282 — 284. Рец. на кн.: Мордовия в период Великой Отечественной войны. 1941 — 1945 гг. : в 2 т. Саранск, 2005.

[17] См., например: Установление советской власти в Мордовии. Саранск, 1957 ; Мордовия в период упрочения советской власти и гражданской войны. Саранск, 1959.

[18] См.: Об итогах издательских конкурсов // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 4. С. 235.

[19] См.: **Ломшин В. А., Надькин Т. Д.** Деревня Мордовии в послевоенные годы. Саранск, 2006. 120 с.

[20] См.: **Житаев В. Л., Седина И. В.** Библиотеки и библиотечное дело в мордовском крае (XVIII — начало XX в.). Саранск, 2008. 256 с.

[21] См.: Финно-угорские народы России / науч. ред. проф. В. А. Юрчёнков. Саранск, 2016. 864 с.

[22] См.: **Задкова Т. Ю.** Указ. соч. ; **Видяйкин С. В.** Народ и власть: налоги и повинности дворцовых крестьян Алатырского уезда в XVII — начале XVIII в. Саранск, 2011 ; **Бикейкин Е. Н.** Аграрная модернизация во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг.: региональный дискурс : (По материалам Мар., Мордов. и Чуваш. АССР). Саранск, 2016.

[23] **Путин В. В.** Вопрос обретения и укрепления национальной идентичности носит для России фундаментальный характер : (Выступление Президента РФ перед участниками дискуссион. клуба «Валдай» от 05.01.2014 г.). [Электронный ресурс]. URL: http://www.putin-today.ru/ (дата обращения: 05.08.2016).

Подготовили *Е. Н. Бикейкин, А. М. Бибин, С. А. Ивлиев, Н. Н. Зоркова, С. В. Видяйкин, Т. Ю. Задкова*.

ОТДЕЛ АРХЕОЛОГИИ: ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОБОБЩЕНИЙ К ВОЗРОЖДЕНИЮ ЭКСПЕДИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Археология является одним из старейших направлений исследовательской работы НИИГН (НИИЯЛИЭ был первым научным учреждением в Мордовии, где начиная с 1930-х гг. были налажены плановые систематические изыскания в данной области). На современном этапе истории института археологические научные исследования проводились на базе отделов археологии и этнографии (2001 — 2002 гг.); истории мордовского края (2002 — 2004 гг.); истории, археологии и этнографии (2004 — 2005 гг.); археологии и этнографии (2005 — 2011 гг.); истории и археологии (2011 — 2014 гг.). В 2015 г. отдел археологии был выделен в автономное структурное формирование, в результате изучение древнейших этапов истории региона приобрело статус полноценного самостоятельного направления научной работы.

Область научных интересов сотрудников отдела археологии охватывает проблемы неолита Восточно-Европейской равнины; этнокультурного взаимодействия населения лесных и степных культур в неолите, раннем бронзовом веке; изучения ранних этапов этногенеза финских народов; происхождения древней мордвы; раннесредневековой истории Окско-Сурского междуречья.

Научная деятельность отдела связана с осуществлением фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным проблемам археологии, направленных на национально-культурное развитие Республики Мордовия и мордовской диаспоры в Российской Федерации; накопление, систематизацию и популяризацию научной информации об археологическом наследии мордовского народа и края; установление и поддержание научных связей с кафедрами образовательных учреждений высшего образования республики, соответствующими профилю отдела, научными организациями, федеральными и республиканскими органами охраны историко-культурного и археологического наследия с целью содействия в подготовке и проведении мероприятий по популяризации объектов археологического наследия, подготовке квалифицированных научных кадров для республики.

Развитие археологического направления в НИИГН не было беспроблемным. Дело в том, что научные изыскания в области археологии всегда связаны с

материальными затратами, поэтому динамика полевой работы, как правило, определяется социально-экономической обстановкой. В этой связи необходимо обратить внимание на то, что кризисные явления общественно-политической жизни России 1990-х гг. крайне тяжело сказались на региональной археологической науке. Вследствие отсутствия финансирования прекратились регулярные полевые работы по поиску новых памятников, мониторингу текущего состояния уже известных, стационарные раскопки приобрели эпизодичный характер. Недостаток кадров в научных учреждениях ставил под угрозу сохранение региональной исследовательской школы.

В сложившейся ситуации в начале 2000-х гг. в НИИГН было принято решение систематизировать и провести теоретико-методологическую обработку накопленного в предшествующие десятилетия материала, что нашло выражение в реализации исследовательского проекта «Археология мордовского края. Каменный век, эпоха бронзы»[1] — многотомного обобщающего издания, подводящего итоги многолетних исследований археологических памятников, раскрывающих основные этапы исторического развития древнего и средневекового населения Окско-Сурского междуречья, где на рубеже эр произошло сложение древнемордовского этноса. В рамках решения данной задачи большая работа была проделана старшим научным сотрудником НИИГН, археологом В. Н. Шитовым, который разработал детальный план издания, собрал авторский коллектив специалистов. Для написания главы по историографии ученый обработал значительное количество архивных данных, позволивших воссоздать детальную картину изучения памятников региона.

В качестве предварительного варианта фигурировало название «Археология Мордовии». Однако в связи с тем, что ареалы первобытных и средневековых культур, как правило, выходят за пределы административных границ республики, было принято решение рассматривать археологические памятники в рамках мордовского края, ядро которого составила территория, где проходили процессы формирования и исторического развития одноименного этноса. При этом памятники древнейших культур, связь которых с этногенезом мордвы не является очевидной, рассматривались преимущественно в пределах современных административных границ Республики Мордовия. Особенно это касалось тех случаев, когда местных материалов было вполне достаточно для обеспечения развернутой характеристики археологической культуры. Если таких данных не хватало, то привлекались памятники сопредельных регионов: Пензенской, Рязанской и Нижегородской областей, Республики Чувашия. При реконструкции исторических процессов рассматривались археологические памятники большей части Сурско-Окского междуречья, т. е. той территории, где впоследствии проходили процессы сложения древнемордовских племен.

Первый том монографии, вышедший в 2008 г., посвящен каменному веку и эпохе бронзы. В связи с тем, что памятники палеолита на территории Мордовии исследователями до сих пор не выявлены, мезолитические стоянки изучены крайне слабо, раздел о палеолите в монографии отсутствует, а мезолитические памятники представлены артефактами полностью раскопанной стоянки Зарека и фрагментарными материалами, полученными попутно при исследовании памятников более позднего времени. Кроме того, были широко использованы

данные по памятникам, расположенным на Цне и Мокше, в непосредственной близости от границ республики.

У авторов издания не возникло особых проблем с написанием разделов по неолиту и позднему энеолиту западной части Мордовии, поскольку в предыдущие годы в рамках раскопок был накоплен значительный объем материала. Недостаточно исследованной в данном случае являлась территория Мордовского Посурья, представленная только материалами подъемных сборов, поэтому для ее характеристики привлекались материалы пензенского и чувашского течений р. Суры.

Редакцией было принято решение максимально полно представить в издании материалы всех исследованных стоянок, переопубликовав их на новом, более высоком, уровне. В частности, были реконструированы неолитические сосуды, ранее представленные в публикациях рисунками отдельных фрагментов керамики, полностью опубликованы орудийные комплексы стоянок. Фактически эти разделы монографии оказались выполнены в хорошо известном археологам формате — Своде археологических источников, что придало им дополнительную источниковедческую ценность. Подобный формат подачи материала впоследствии стал основой при написании остальных разделов.

При характеристике неолитической эпохи была выбрана не совсем обычная структура изложения материала, а именно: не по археологическим культурам, как это принято, а по керамическим традициям (накольчатой, гребенчато-накольчатой и ямочно-гребенчатой). Необходимость такого подхода обусловливалась дискуссионностью определения культурной принадлежности ряда неолитических памятников Сурско-Мокшанского междуречья, расположенных в зоне контактов представителей лесных и лесостепных культур, что придавало их облику определенную мозаичность.

Ввиду немногочисленности и пока еще слабой изученности раннеэнеолитические памятники региона были рассмотрены суммарно, а позднеэнеолитические — по двум культурам: волосовской и имеркской. При этом наиболее подробно анализировались памятники имеркской культуры, выделенной сравнительно недавно, к тому же территория Мордовии является эпицентром ее распространения.

Значительные трудности возникли при работе с разделом по бронзовому веку, памятники которого в республике археологами систематически не изучались. Здесь важным подспорьем явилось то, что В. Н. Шитов на протяжении многих лет буквально по крупицам собирал информацию о материалах, хранящихся в краеведческих и школьных музеях Республики Мордовия и ряда соседних регионов. При характеристике балановской культуры основной упор делался на материалы раскопанного П. Д. Степановым поселения Ош Пандо 3, которые были заново обработаны в фондах Мордовского краеведческого музея. Картину дополнили коллекции артефактов Шокшинского поселения, Теньгушевского городища и многочисленные случайные находки каменных сверленых топоров.

В основу раздела по памятникам срубной культуры легли материалы раскопок курганов В. Н. Шитова. Новый тип памятников выделялся по материалам Аким-Сергеевского поселения, известными давно, но из-за малочисленности их статус был не совсем ясен. Кардинально изменило положение введение в научный оборот материалов раскопок Шокшинского поселения, на котором В. Н. Шитов при раскопках одноименного могильника попутно исследовал 5 жилых построек, получив объемную коллекцию керамики. Оформление полученных матери-

алов в монографию позволило иначе взглянуть на проблему происхождения памятников с тычковой керамикой, которые ранее выводились исследователями из поздняковских древностей. Следует отметить, что в монографии впервые был четко обоснован и определен культурный статус сурско-мокшанских памятников с тычковой керамикой, проанализирована их роль в процессах культурогенеза финальной части бронзового века.

Сравнительно небольшому авторскому коллективу (В. В. Гришаков, А. И. Королев, В. В. Ставицкий, В. Н. Шитов, А. А. Ямашкин) удалось дать весьма удачную характеристику формирования ландшафтов региона, археологических культур, типов и культурно-исторических общностей по эпохам, привести детализированные описания поселений, жилищ, погребений, инвентаря, дополнить их объемным иллюстративным материалом. Основным авторам В. В. Ставицкому и В. Н. Шитову, осуществлявшим общую редакцию монографии, в 2011 г. указом Главы Республики Мордовия было присуждено звание «Лауреат Государственной премии Республики Мордовия».

После публикации первого тома встал вопрос о подготовке следующего издания. К сожалению, к этому времени тяжелая болезнь подорвала трудоспособность В. Н. Шитова. Тем не менее его помощь была крайне важна при консультировании дальнейших работ. Координатором проекта в настоящее время является В. В. Ставицкий. Первоначально во второй том планировалось включать материалы вплоть до эпохи позднего Средневековья, однако в ходе работы над изданием стало очевидно, что для продолжения публикации в том же виде, в каком издавались материалы по первобытности, запланированного объема недостаточно. В связи с этим было принято решение издавать материалы еще в двух томах, ограничив хронологические рамки второго тома ранним железным веком и позднеримским временем.

В настоящее время в научный оборот вводятся материалы новых раскопок памятников рассматриваемого периода, уточняется хронология артефактов, совершенствуется методология анализа материалов. Опираясь на эти наработки, ведется работа по подготовке к изданию второго тома «Археологии мордовского края».

Активизация деятельности археологического направления нашла практическое воплощение и в проведении на базе НИИГН Юбилейной научной конференции, посвященной 50-летию научной сессии «Этногенез мордовского народа» (г. Саранск, 10 — 11 декабря 2014 г.), в рамках которой состоялся продуктивный обмен наработками исследователей по проблемам механизма формирования древнемордовской культуры, роли миграционных импульсов и иноэтничных влияний.

В. В. Ставицким подготовлен ряд работ, касающихся вопросов происхождения, хронологии и периодизации, экономического и социального развития населения городецкой культуры[2]. Значительный вклад внесен исследователем в разработку проблем погребальной обрядности[3], хронологии[4], культурогенеза мордвы[5], анализ материалов культуры кошибеевских памятников[6]. Им активно разрабатывается проблема культурного и хронологического соотношения памятников волжских и камских финнов первых веков нашей эры[7]. В августе 2016 г. в Республике Марий Эл В. В. Ставицкий выступал с докладом о хронологии и периодизации андреевско-писеральских памятников в плане их синхронизации с ранними могильниками пьяноборской культуры.

Погребальная обрядность могильников населения Окско-Сурского междуречья I — VII вв. анализировалась научным сотрудником отдела археологии Е. Н. Кемаевым. При разработке историографии он выделил несколько этапов, связанных с их исследованием и осмыслением погребальных памятников[8], проанализировал коллективные погребения местного населения[9]. Помимо мордовских могильников им были проведены исследования по изучению погребального обряда памятников кошибеевского типа[10].

Традиция использования коня в погребальной практике финно-угров Поволжья в VI — XIII вв. изучается научным сотрудником отдела археологии А. С. Прониным. Он проанализировал историю изучения погребений с конем, разработал их классификацию. Данные погребения трактуются им как проявление социального неравенства и связываются с появлением у мордвы конной дружины. По мнению исследователя, возможным источником заимствования подобного обряда могли стать мурома и тюркоязычные народы[11].

Развитие археологии невозможно без полевых изысканий. В 2001 г. экспедиция НИИГН под руководством профессора кафедры дореволюционной истории МГУ им. Н. П. Огарева, кандидата исторических наук, доцента И. М. Петербургского проводила раскопки Степановского могильника в Атюрьевском районе Республики Мордовия. В 2003 г. В. Н. Шитовым осуществлялись уникальные для Саранска охранные археологические работы в исторической части города. На месте строительства кафедрального собора в раскопе площадью 20 м^2 исследован культурный слой мощностью до 1,3 м, содержавший находки, относящиеся к XVII — XX вв. При зачистке стенок котлована выявлен непотревоженный слой XVII в. с характерной белоглиняной гончарной керамикой. В 2005 г. археологами НИИГН осматривалось место находок древних предметов у с. Кергуды Ичалковского района Республики Мордовия[12].

Впоследствии в силу ряда объективных обстоятельств (в первую очередь финансового плана) на протяжении ряда лет НИИГН не осуществлялись самостоятельные изыскания. Однако в настоящее время институт взял последовательный курс на возобновление экспедиционных работ. В результате успешного решения кадровых (подготовка аспирантов), материально-технических (закупка оборудования) и организационных вопросов в 2013 г. полевая археологическая экспедиция НИИГН была возрождена.

Так, в мае 2013 г. экспедиция института провела две археологические разведки в Зубово-Полянском районе. Разведочный отряд под руководством А. С. Пронина осмотрел ряд археологических памятников: в бассейне р. Чиуш в окрестностях с. Зарубкино (Кельгининский могильник) и Покровские Селищи (Покровоселищенский могильник, Верхнепокровское 1 и Верхнепокровское 2 селища).

На Кельгининском могильнике археологи зафиксировали несколько свежих грабительских ям. Предположительно, «черными» копателями было вскрыто одно детское погребение, но на момент осмотра вещей при нем обнаружено не было. По сведениям местных жителей, могильник часто посещали люди с металлоискателями.

Разведочным отрядом под руководством С. Д. Давыдова был осмотрен ряд памятников в районе с. Старое Бадиково (Старобадиковский 1 и 2 могильники, Старобадиковское 1 и 3 поселения), в окрестностях д. Жуковка (Жуковское 1 го-

родище) и районе с. Киселевка (2, 3, 4, 5 и 6-е Киселевские поселения). Был открыт ранее неизвестный археологический памятник, получивший название Старобадиковское 3 поселение, которое находится на левом берегу р. Вад в 1,5 км к востоку от с. Старое Бадиково.

В июне 2013 г. археологи НИИГН провели археологическую разведку в нижнем течении р. Шокша в Теньгушевском районе Республики Мордовия. В рамках работы экспедиции было обследовано 6 памятников, относящихся к различным эпохам: поселение Широмасово 1 (энеолит, эпоха бронзы); Широмасовское городище (ранний железный век); Шокшинский могильник (ранее Средневековье); Шокшинское 1-е поселение (эпоха бронзы); Шокшинское 2-е поселение (эпоха бронзы); поселение Березняк (эпоха бронзы; Средневековье).

В 2014 г. разведочный отряд НИИГН продолжил проведение полевых изысканий. В июне этого года были проведены работы в среднем течении р. Мокши в пределах Ковылкинского района Республики Мордовия. Удалось открыть два ранее неизвестных археологических памятника (в частности, многослойный памятник Польцовское 1 поселение, расположеное на дюнной возвышенности на левом берегу р. Мокши в 3 км к С — СЗ от центра с. Польцо. В ходе обследования был получен материал, относящийся к нескольким эпохам: наиболее ранние находки — текстильная керамика раннего железного века; более поздние наслоения датируются XI — XIII, XVII — XVIII вв.

На втором памятнике, Польцовском 2 поселении, удалось обнаружить фрагменты лепной древнемордовской керамики, широко распространенной в 1 — начале 2 тыс. н. э., и железное кресало, которые позволили произвести хронологическую датировку памятника и его культурную принадлежность.

В августе 2014 г. деятельность разведочного отряда НИИГН была продолжена в Теньгушевском районе. Экспедиция под руководством Е. Н. Кемаева проводила работы на территории объектов археологического наследия, расположенных в бассейне р. Мокши от поселка Полярная Звезда до с. Нароватово: Шокшинский могильник (раннее Средневековье) — Шокшинское 1-е поселение (эпоха бронзы); Шокшинское 2-е поселение (эпоха бронзы); поселение Березняк (эпоха бронзы; Средневековье); Нароватовский могильник (Средневековье) — Нароватовское поселение (эпоха бронзы; ранний железный век); Нароватовское городище (ранний железный век).

Данные изыскания являлись продолжением исследований рассматриваемого региона, проводившихся в 2013 г. Следует констатировать, что наибольший урон сохранности объектов археологического наследия наносится не природными факторами, а мародерскими раскопками. На протяжении длительного времени систематически уничтожался культурный слой на Шокшинском и Нароватовском могильниках, что подтверждается значительным количеством грабительских ям на их площади. Более того, на территории археологического комплекса Шокшинский могильник — Шокшинское 1-е поселение и на Шокшинском 2-м поселении зафиксированы «свежие» ямы, свидетельствующие о продолжении несанкционированных раскопок и в настоящее время.

В рамках археологических работ, выполненных в Нижнем Примокшанье в 2013 — 2014 гг., были зафиксированы изменения в состоянии памятников археологии локального региона в западной части Республики Мордовия, произошедших

с 1995 г., когда были прекращены стационарные раскопки на площади археологического комплекса Шокшинский могильник — Шокшинское 1-е поселение и проводилось комплексное обследование археологических памятников в северной части Теньгушевского района в рамках Федеральной программы «Сохранение археологического наследия народов Российской Федерации» (экспедиция НИИЯЛИЭ в составе В. Н. Шитова, О. В. Зеленцовой и Т. Н. Охотиной).

В сентябре 2014 г. разведочный отряд НИИГН под руководством А. С. Пронина провел археологические разведки с осуществлением локальных земляных работ на правом берегу р. Мокши близ с. Русское Маскино Краснослободского района Мордовии. Были осмотрены Русско-Маскинское II, Русско-Маскинское V, Русско-Маскинское VI поселения, Русскомаскинский могильник.

Экспедицией было выявлено ранее неизвестное Русско-Маскинское VII поселение. Памятник расположен в 0,25 км к ЮВ от фермы на дюне правого берега р. Мокши. В ходе работ был добыт подъемный материал в виде фрагментов лепной керамики с текстильными отпечатками, относящимися к бронзовому веку, а также фрагменты древнемордовской керамики. В том числе были найдены фрагменты шлакированной керамики и обожженной глины, которые позволяют говорить о том, что население данного памятника имело представление о металлургии. На хорошо задернованной поверхности памятника прослеживались остатки картофельных ям.

В сентябре 2015 г. разведочный отряд НИИГН под руководством А. С. Пронина осуществлял археологические разведки в бассейне р. Ирсеть в окрестностях с. Новая Федоровка Старошайговского района Республики Мордовия. Маршрут разведки пролегал вниз по течению ручья Ирсеть от Федина оврага до оврага Шеломок. В результате были открыты Новофедоровское I и Новофедоровское II поселения.

Новофедоровское I поселение расположено в 2 км к ЮЗ от села на краю Федина оврага на мысовидном выступе надпойменной террасы. Находки представлены костями животных и фрагментами лепной глиняной керамики с зубчатым штампом, что позволяет отнести данный памятник к балановской культуре (конец 2-го тыс. до н. э.).

Новофедоровское II поселение находится в 1,8 км к В — ЮВ от с. Новая Федоровка на высоком пологом правом берегу ручья Ирсеть. В результате зачистки обрыва для установления культурной и хронологической принадлежности памятника были найдены многочисленные фрагменты средневековой глиняной лепной посуды плохого обжига, из грубого теста с примесью шамота, а также кальцинированные кости животных.

В октябре 2015 г. экспедиция НИИГН под руководством Е. Н. Кемаева провела разведочные исследования на участке нижнего течения р. Тавлы в пределах г. о. Саранск в непосредственной близости от зоны проведения строительных работ. Были обследованы 3 археологических памятника: I и II саранские поселения (эпоха бронзы), а также поселение вдоль ул. Степной (XVII — XVIII вв.).

I и II саранские поселения расположены между с. Макаровка и поселком им. Гагарина г. о. Саранск вдоль берегов оврага, выходящего в пойму р. Тавлы. Полученный в рамках обследования памятников материал состоял из фрагментов лепной керамики, изготовленной из глины с примесью шамота, относящейся к срубной культуре бронзового века.

Поселение возле ул. Степной находится на широком мысовидном выступе правого берега р. Тавлы, вытянутом вдоль осевой линии СЗ — ЮВ. На северо-восточной, максимально возвышенной части мыса, расположены жилые дома и приусадебные участки поселка им. Гагарина г. о. Саранск Республики Мордовия. Полученный археологический материал состоял из фрагментов гончарной керамики, датируемой XVII — XVIII вв., временем, соотносящимся с ранним периодом истории Саранска.

В ходе осуществления полевых археологических работ была выявлена плохая сохранность культурного слоя на всех трех памятниках. Основной фактор разрушения — хозяйственная деятельность (распашка площади). Непотревоженными остаются лишь отложения, залегающие на глубине, в ямах (хозяйственных, от жилищ). Для их выявления требуются значительный объем земляных работ и предварительное согласование с хозяйствующими собственниками.

В июле 2016 г. совместная экспедиция Пензенского государственного университета и НИИГН проводила археологические раскопки Ражкинского могильника в Нижнеломовском районе Пензенской области. В ходе полевых изысканий на площади 100 м^2 было обнаружено и вскрыто 4 погребения. Наибольший интерес представляло женское захоронение, совершенное по обряду трупоположения в могильной яме, ориентированной длинной осью по направлению ССЗ — ЮЮВ. Судя по сопроводительному инвентарю, памятник мог датироваться второй половиной II — рубежом II — III вв. н. э. Историко-культурная интерпретация материалов данного времени представляет значительный интерес, поскольку относится к научной реконструкции генезиса культуры древней мордвы.

В августе 2016 г. НИИГН организовал и провел самостоятельную стационарную археологическую экспедицию. Под руководством А. С. Пронина были осуществлены раскопки Шалинского могильника в Атюрьевском районе Республики Мордовия. Памятник находится на месте бывшего с. Шалы, на пологом склоне первой надпойменной террасы левого берега р. Лячи. Могильник случайно открыли в 2012 г. при строительстве часовни, когда экскаватором было разрушено 2 погребения. Впервые памятник осмотрел и описал И. М. Петербургский, датировав его VIII — XI вв.[13]

Экспедиция НИИГН вскрыла в общей сложности 80 м^2. В ходе земляных работ на территории памятника было обнаружено 9 погребений: 8 женских и 1 мужское. Все захоронения имели, с отклонениями, ЮЗ ориентировку. Эти погребения, как и большинство других, были разграблены «черными археологами». Тем не менее сохранилось немало бронзовых изделий: височные подвески с бипирамидальными грузиками, сюльгамы, трапециевидные подвески, спиралевидные браслеты, а также так называемая салтовская серьга. Судя по ориентировке погребений, вещевому комплексу, памятник относится к мордве-мокше VIII — XI вв.

Таким образом, за четыре полевых сезона возрожденная экспедиция НИИГН осуществила работы на более чем 30 памятниках археологии. К сожалению, сохранность объектов историко-культурного наследия вызывает серьезные опасения. Основную угрозу представляют грабительские раскопки на площади могильников. В сложившейся ситуации отдел археологии НИИГН видит свою перспективную задачу в организации перманентной интенсивной полевой работы,

являющейся наиболее эффективным методом борьбы за сохранение археологического наследия. Прежде всего, следует вести постоянный мониторинг состояния известных памятников и поиск новых в рамках разведочных экспедиций. Чем больше объектов подвергнется стационарным научным раскопкам, тем меньше предметов попадет на нелегальный антикварный рынок, меньше памятников разрушится вследствие естественных природных факторов и хозяйственной деятельности. Только в этом случае предметы, составляющие историко-культурное наследие мордовского края, будут находиться там, где для них созданы оптимальные условия хранения, доступ ученых и всех интересующихся древней историей региона — в музейных фондах.

Анализируя перспективы и задачи археологии в современной России, ведущие специалисты в данной области отмечают, что «последние годы стали временем нового позиционирования гуманитарных наук. В современном мире, в условиях определенного кризиса доверия к науке, археологии требуется вновь обосновать свое место в системе научного знания и доказать, что она нужна обществу»[14]. Еще большую актуальность данные выводы приобретают при экстраполировании их на региональный уровень.

Библиографический список

[1] См.: Археология мордовского края : Каменный век, эпоха бронзы / В. Н. Шитов [и др.]. Саранск, 2008. 552 с.

[2] См.: **Ставицкий В. В.** Проблема происхождения городецкой культуры // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. С. 7 — 16 ; **Ставицкий В. В., Ставицкий А. В.** Территория и локальные варианты городецкой культуры // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2013. Вып. 3. С. 216 — 220 ; **Их же.** Занятия скотоводством населения Сурско-Окского междуречья в I тысячелетии до н. э. // Сельское, лесное и водное хозяйство. 2014. № 10. С. 15 — 19 ; **Ставицкий В. В.** Развитие земледелия у населения Сурско-Окского междуречья в I тысячелетии до н. э. // Там же. № 11. С. 39 — 43 ; **Его же.** К вопросу о развитии металлообрабатывающего производства у населения городецкой культуры // Междунар. науч.-исслед. журн. 2014. № 11 — 1 (30). С. 106 — 108 ; **Его же.** Крепостные укрепления городищ городецкой культуры // Соврем. науч. исследования и инновации. 2014. № 11. С. 195 — 201.

[3] См.: **Ставицкий В. В.** Погребальный обряд тешской группы мордовских могильников III — VII вв. // Поволж. археология. 2013. № 2 (4). С. 143 — 150.

[4] См.: **Ставицкий В. В., Шитов В. Н.** Планиграфия и хронология Абрамовского могильника // Археология Восточноевропейской лесостепи. С. 255 — 278 ; **Ставицкий В. В., Мясникова О. В., Сомкина А. Н.** О датировке ранних погребений Абрамовского могильника // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 3 (23). С. 106 — 123 ; **Ставицкий В. В.** Планиграфия и хронология погребальных памятников волжских финнов I тысячелетия н. э. // Труды IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань, 2014. Т. 2. С. 418 — 422.

[5] См.: **Ставицкий В. В.** Происхождение древнемордовской культуры // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 1 (33). С. 42 — 57 ; **Его же.** У истоков этногенеза древней мордвы // Genesis : Ист. исследования. 2014. № 4. С. 1 — 13.

[6] См.: **Ставицкий В. В., Ставицкий А. В.** Нагрудные украшения Кошибеевского могильника // История и археология. 2015. № 1 (21). С. 26 — 32 ; **Их же.** Планиграфия захоронений Кошибеевского могильника // Там же. № 2 (22). С. 64 — 69.

[7] См.: **Ставицкий В. В.** Роль камского населения в формировании древней мордвы // Гуманитар. науч. исследования. 2014. № 12 — 1 (40). С. 14 — 19.

[8] **Кемаев Е. Н.** Изучение некросферы древней мордвы: в поисках новых путей // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2009. № 2 (12). С. 133 — 142.

[9] См.: **Кемаев Е. Н.** Коллективные погребения у населения Окско-Сурского междуречья на рубеже эпохи Средневековья // Центр и периферия. 2013. № 1. С. 12 — 19.

[10] См.: **Кемаев Е. Н.** Погребальные обряды Кошибеевского могильника // Вестн. Чуваш. гос. пед. ун-та. 2011. № 2 (70), ч. 2. С. 126 — 127 ; **Его же.** Погребальные обряды Польно-Ялтуновского могильника // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 4 (24). С. 122 — 131.

[11] См.: **Пронин А. С.** Мордовские конские погребения первой половины II тыс. н. э.: классификация // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 1 (21). С. 81 — 89 ; **Его же.** Конь в погребальном обряде финно-угров Поволжья VI — XIII вв. // Там же. 2013. № 2 (26). С. 64 — 65 ; **Его же.** Конские погребения у финских и тюркоязычных народов // Центр и периферия. 2013. № 3. С. 24 — 28.

[12] См.: Археология мордовского края…

[13] См.: **Петербургский И. М.** Шалинский могильник // Материалы XIX Всерос. краевед. чтений. Саранск, 2013. С. 48 — 50.

[14] См.: **Макаров Н. А., Беляев Л. А., Энговатова А. В.** Археология в современной России: перспективы и задачи // Рос. археология. 2015. № 2. С. 11.

Подготовили *В. В. Ставицкий, Е. Н. Кемаев, А. С. Пронин.*

ОТДЕЛ ЭТНОГРАФИИ И ЭТНОЛОГИИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ: ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Отдел этнографии и этнологии как самостоятельное структурное подразделение НИИГН функционирует с 2012 г. До этого в силу ряда структурных преобразований он неоднократно изменял свое название: в 2001 — 2002 гг. — отдел археологии и этнографии, 2002 — 2004 гг. — отдел истории мордовского края, 2004 — 2005 — отдел истории, археологии и этнографии, в 2005 — 2011 гг. — отдел археологии и этнографии.

Научная деятельность отдела связана с исследованием актуальных проблем этнографии и этнологии мордовского края, этногенеза мордвы; изучением этнокультурных традиций и современных этнических процессов у народов, проживающих на территории Республики Мордовия, их историко-культурного взаимодействия; сохранением и изучением памятников материальной и духовной культуры мордовского народа и народов мордовского края; исследованием географии расселения и традиционной культуры мордовского этноса в Российской Федерации и ближнем зарубежье. С этой целью сотрудники отдела осуществляют фундаментальные и прикладные научные исследования, проводят научные мероприятия, являются организаторами и непосредственными участниками научных этнографических экспедиций в Республике Мордовия и Российской Федерации в местах постоянного проживания мордовской диаспоры.

В компетенцию отдела этнографии и этнологии входят координация научно-исследовательской работы по проблемам этнографии и этнологии, проводимых

государственными научными и образовательными учреждениями Республики Мордовия; подготовка квалифицированных научных кадров для республики; установление связей с кафедрами образовательных учреждений высшего профессионального образования республики, соответствующими профилю отдела, для решения научных и методических вопросов в области этнографии; участие сотрудников отдела в осуществлении педагогической деятельности учреждений; популяризация научных знаний по профилю деятельности отдела.

На базе отдела археологии и этнографии под руководством доктора исторических наук, профессора Л. И. Никоновой сформировалась научная школа, объединившая ученых из высших учебных заведений Мордовии, научных учреждений Российской Федерации. Школа занимается исследованием проблем этновалеологии, этнопсихологии, межкультурного взаимодействия народов Поволжья и Приуралья, изучением традиционной культуры народов Республики Мордовия и мордовской диаспоры в Российской Федерации.

В основе изучения самобытной этнической культуры мордовского народа лежат этнографические экспедиции, позволяющие собирать сведения о расселении мордвы, ее традиционном хозяйстве, культуре и быте. Этнографические экспедиции проводились в НИИГН постоянно. Высокая дисперсность расселения этноса явилась причиной начала в 1986 г. активных работ этнографов по изучению основных районов мордовской диаспоры. Целью исследований стала историко-этнографическая характеристика мордовского населения регионов России. Первыми регионами исследования мордвы-мокши и эрзи были Самарская и Оренбургская области. С 1991 г. работа продолжилась среди мордовского населения Пензенской области. В 1997 г. были организованы полевые экспедиционные работы, связанные с изучением мордовской диаспоры Башкортостана, Татарстана и Чувашии.

В 2001 г. изучение мордовской диаспоры получило новое продолжение, обретя современное содержание в рамках научного проекта «Мордва России». Данный проект в лучших традициях российского академизма представляет специфику жизни мордовского народа в различных регионах России. Опираясь на накопленный опыт полевых и научных работ предыдущих поколений ученых, проект был концептуально расширен за счет включения в сферу научных интересов вопросов, связанных с характеристикой общественных и семейных отношений, этнокультурной адаптации представителей мордовской диаспоры, сохранением традиций в материальной (жилище, пища, одежда) и духовной (народные знания, обряды и праздники) культуре мордвы, анализом современных социально-экономических и культурных преобразований системы их жизнеобеспечения.

Сотрудники этнографии и этнологии (Л. Н. Щанкина, Т. Н. Охотина, М. М. Фадеева, Т. В. Аксенова и др.), аспиранты (С. А. Махалов, Е. Г. Чибирева, Е. Н. Захватова и др.) во главе с руководителем отдела Л. И. Никоновой провели этнографические экспедиции в более чем 25 регионах и 200 населенных пунктах Российской Федерации. Так, в 2001 г. этнографические экспедиции состоялись в Красноярский край (2001 г.), Алтайский край (2002 г.), Кемеровскую область (2003 г.), Хабаровский и Приморский края, Сахалинскую область (2004 г.), Камчатскую область (2005 г.), Иркутскую область и Забайкальский край (2008 г.), Республику Хакасия (2008 г.), Саратовскую область (2009 г.), Томскую, Новосибирскую

и Омскую области (2009 г.), Владимирскую область (2011 г.), Таймырский (Долгано-Ненецкий) район (2013 г.).

Этнографические экспедиции проводились за счет проектов РГНФ (руководитель выигранных грантов — Л. И. Никонова): исследовательского («Народы Республики Мордовия», 2008 — 2009 гг.) и экспедиционных («Этнокультурная география мордвы северной и юго-восточной Сибири», 2009 г.; «Переселенческое движение мордвы на Урал в XIX — XX вв. (историко-этнографический аспект)», 2010 г.; «Переселенческое движение мордвы в Зауралье в XIX — XX вв. (историко-этнографический аспект)», 2011 г.; «Переселенческое движение мордвы в Центральную часть России (Ивановская и Московская области) в XIX — XX вв. (историко-этнографический аспект)», 2012 г.; «Мордва Рязанской области», 2013 г.; «Мордва в поликультурном пространстве Калининградской области: история и современность», 2014 г.); «Мордва-молокане в Ростовской и Воронежской областях: историко-этнографический аспект», 2015 г.).

В частности, двухгодичный исследовательский грант позволил не только исследовать статистику, архивные материалы в российских и республиканских государственных архивах (сведения о хозяйстве и занятиях населения, размерах земельных участков, наличии скота в крестьянских семьях, данные эшелонных списков и т. д.)[1], но и провести этнографические экспедиции по Республике Мордовия. Так, с 22 июля по 1 августа 2008 г. состоялись этнографические экспедиции в Ардатовский район (с. Баево, Тургенево), Атяшевский (с. Атяшево, Тетюши), Чамзинский (с. Отрадное, Маколово), Большеберезниковский (с. Симкино, Березники), Дубенский (с. Ломаты, Кочкурово, Красино, Петровка), Темниковский (с. Лесное Адашево, Бабеево), Теньгушевский (с. Теньгушево, Барашево), Рузаевский (с. Сузгарье, Арх-Галицино), Кочкуровский район (с. Подлесная Тавла, Воеводское), Ромодановский (с. Константиновка, Пушкино, Атьма) районы; с 24 по 28 августа 2009 г. — в Зубово-Полянский район (п. Потьма, с. Покровские Селища), Торбеевский (с. Никольское), Атюрьевский (с. Курташки, Оброчное), Инсарский (с. Нижняя Вязера), Ельниковский (с. Ельники, Стародевичье, д. Новые Пичингуши), Краснослободский (с. Новые Авгуры, с. Колопино), Большеигнатовский (с. Спасское, Андреевка), Ичалковский (п. Смольный), Ковылкинский (с. Троицк), Старошайговский и Кадошкинский районы.

Экспедиции по грантам РГНФ состоялись также в разные регионы Российской Федерации: Магаданскую и Амурскую области, Республику Саха (Якутия), 2009 г.; Свердловскую, Челябинскую и Курганскую области, 2010 г.; Пермский край, 2011 г.

Отдельного внимания заслуживает подготовка к экспедициям, которая начинается задолго до их проведения. Определяются маршрут экспедиции, коллектив ученых, участвующих в проекте и экспедиции, инструментарий (составление анкет и вопросников); отрабатываются материалы методик, требующие корректировки в зависимости от региона. Так, предварительной работой в сборе этнографического, или полевого, материала является издание сотрудниками отдела этнографии и этнологии учебно-методических пособий, составление вопросников[2]. Последние состоят из нескольких тематических блоков, направленных на раскрытие систем жизнеобеспечения, жизнедеятельности этноса в зависимости от его географического положения, экономического, социального и

других факторов. Так, блок вопросов относительно географического положения, природных условий исследуемого края (области, района и др.) предполагает получение сведений о рельефе местности, климате, наличии рек и озер, природных ресурсов, экологической ситуации и т. д. Вопросы по истории освоения исследуемой территории направлены на получение информации о социально-демографическом положении региона, его административно-территориальном устройстве; истории образования района, его территории, общей численности населения, этническом составе и расселении по населенным пунктам и т. д.

Вопросы об экономическом положении исследуемого края позволяют получить сведения о сельском хозяйстве, полеводстве, технике уборки различных культур, сельскохозяйственных орудиях, используемых во время уборки. Блок вопросов о расселении и материальной культуре включает такие направления, как система общей планировки жилища (водоснабжение, надворные постройки); украшение жилых домов (резьба, форма карнизов, наличников и т. д.); усадьба (планировка, размеры, форма, расположение в застройке); хозяйственные постройки; ворота и их украшение; баня (форма, материал, техника строительства и др.); здесь же предполагается получение сведений относительно общей характеристики народного костюма и украшений (материал и техника изготовления одежды для женщин и мужчин, ее основные элементы и региональная специфика в зависимости от социальных и возрастных различий; украшения; женские головные уборы и их украшение).

При сборе информации о пище и кухонном инвентаре фиксируются сведения о видах и способах переработки пищевых продуктов, местах их хранения; режиме питания; домашней посуде и ее использовании, обрядовой пище, в том числе напитках, и др. Вопросы о семье, семейных обычаях и обрядах предполагают получение информации о типе семьи, роли в ней мужчины, взаимоотношениях между ее членами; положении женщины и детей в семье; праве наследования имущества; браках и их численности; свадебных, родильных и похоронных обрядах; воспитании детей. Существенную роль играют вопросы, связанные с народными знаниями — народной медициной, этноэкологией и т. д.

Существенным моментом на подготовительном этапе проведения этнографических экспедиций является переписка с представителями региональной власти. В частности, совместно с администрацией области (края), муниципальных районов, поселковых и сельских администраций разрабатываются маршрут экспедиций, методы опроса населения, заранее подготавливаются ксерокопии и электронные варианты некоторых отчетов, статистики, периодической печати, истории населенных пунктов и т. д.

В рамках проекта «Мордва России» как результат кропотливой экспедиционной работы этнографов института стало издание ряда коллективных монографий в серии с одноименным названием «Мордва России» («Мордва юга Сибири», «Мордва Саратовской области», «Мордва Западной Сибири», «Мордва Дальнего Востока», «Мордва циркумбайкальского региона и Республики Хакасия», «Мордва Урала и Зауралья», «Мордва Владимирской области», «Мордва Москвы и Московской области: историко-этнографическое исследование»)[3]. Книги уникальны своей фактологичностью, так как в основу легли сведения сельских, поселковых и районных архивов, музеев, школ и библиотек исследуемых территорий, полевой

материал авторов, информация от мордовского населения. Впервые были обработаны и проанализированы данные региональной статистики, ЦГА Республики Мордовия (списки переселенцев, протоколы, постановления по переселению граждан, эшелонные списки и др.). Дополняют текст уникальные фотографии, визуально передающие традиционную культуру мордовской диаспоры.

Книги серии «Мордва России» позволяют сохранять связь мордвы-переселенцев с Мордовией и служат достойным вкладом в изучение истории мордовского народа. Они способствуют более полному изучению материальной и духовной культуры мордовского этноса в целом, как на территории исконного проживания, так и вне ее.

В ходе работы над проектом сотрудники отдела апробировали полученные результаты на международных, всероссийских, межрегиональных и региональных научных конференциях, различных конгрессах, включая конгресс Ассоциации этнологов и антропологов России[7], Международного союза антропологических и этнологических наук (Китай, 2009 г.; Турция, 2010 г.; Австралия, 2011 г.) и крупных международных научных мероприятиях финно-угроведов (Эстония, 2000 г.; Венгрия, 2010 г.; Финляндия, 1995, 2008, 2015 гг. и др.), днях Республики Мордовия[4] в регионах Российской Федерации, на Дальнем Востоке, в Саратовской области и т. д., а также в различных научных изданиях[5]. Серия «Мордва России» достойно оценена учеными, известными в России и за рубежом. Высокая значимость проводимой в НИИГН работы по изучению мордовской диаспоры подчеркнута различными отзывами, опубликованными в центральных, республиканских и региональных научных журналах, СМИ и др.[6]

Проект «Мордва России» вошел в перечень мероприятий, реализуемых Министерством по национальной политике Республики Мордовия на основании Государственной программы «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия» на 2014 — 2020 гг. Продолжающаяся работа над проектом способствует расширению географии официальных контактов Республики Мордовия с органами государственной власти и общественностью субъектов Российской Федерации с целью оказания поддержки диаспоре в удовлетворении национально-культурных потребностей в соответствии с Концепцией государственной национальной политики Российской Федерации, заключению соглашений и договоров о сотрудничестве для конкретизации направлений взаимодействия с мордовской диаспорой конкретного региона.

Монографии серии «Мордва России» («Мордва Урала и Зауралья», «Мордва Саратовской области» и «Мордва Владимирской области») были удостоены дипломов лауреата I Всероссийского инновационного общественного конкурса в номинации «Лучшая научная монография»; монография «Мордва Урала и Зауралья» стала лауреатом Международного конкурса «Лучшая научная книга в гуманитарной сфере 2014» в номинации «История; археология; этнография».

Целенаправленная работа сотрудников отдела этнографии и этнологии по изучению и сохранению культурного наследия народов, проживающих в Республике Мордовия, продолжилась в проекте «Народы Мордовии», при этом акцент делался не только на изучение культуры этносов, традиционно проживающих на территории Мордовии (русские, мордва, татары), но и других народов, населяющих ее

(народы Центральной Азии и Закавказья и др.). Основная задача этой масштабной работы заключалась в том, чтобы показать, как на основе межэтнических контактов происходят взаимовлияние, взаимообогащение национальных культур, толерантные отношения между народами. Особую актуальность и значимость проект приобрел в связи с празднованием 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства.

Реализация проекта, связанная с историко-культурным исследованием того или иного региона, требовала кропотливой работы в архивах (ЦГА РМ, ГАПО, НА НИИГН), научных библиотеках; сбора новых полевых материалов, направленных на изучение материальной и духовной культуры народов Мордовии. При этом очень редко в публикациях дается методика проведения подобных этнографических экспедиций. Сотрудники отдела занялись разработкой учебно-методических пособий по сбору материала о мигрантах. В дальнейшем изданные учебно-методические пособия по этнокультурной адаптации чувашей, белорусов, украинцев, азербайджанцев, армян и других народов, проживающих в Республике Мордовия, содержали необходимые вопросы и анкеты для сбора историко-этнографического материала по изучению традиционной культуры народов.

Полевой материал, ранее полученный в этнографических экспедициях, был дополнен новыми сведениями, обновлен, проанализирован и систематизирован с учетом современного развития этнологической науки. Апробацией фактологического материала стали защита ряда диссертаций, публикации статей, материалы которых были представлены на различных конференциях и конгрессах.

Первым изданием в рамках проекта «Народы Мордовии» стала коллективная монография «Этнокультурная адаптация мигрантов Закавказья в Республике Мордовия (на примере азербайджанской диаспоры)»[7]. В ней были впервые систематизированы сведения, позволяющие проследить процесс адаптации азербайджанцев к новой материальной (жилище, пища) и духовной (традиционный уклад семьи, семейные отношения, обряды) культуре. Целостная картина процесса этнокультурной адаптации казахов, таджиков, узбеков и других народов Центральной Азии, раскрытие этнокультурных механизмов миграционного и адаптационного поведения переселенцев были продолжены в монографии «Диалог культур в процессе адаптации мигрантов из Центральной Азии в Республике Мордовия»[8]. Сведения об армянской диаспоре, проживающей в Мордовии, широко представлены в последующей опубликованной монографии «Традиционная культура армян в поликультурном пространстве Республики Мордовия»[9].

Продолжила серию «Народы Мордовии» монография «Зерна граната: о традиционной культуре азербайджанских и грузинских мигрантов в полиэтническом пространстве Республики Мордовия»[10], в которой впервые был дополнен и обобщен историко-этнографический материал о традиционной культуре не только азербайджанской, но и грузинской диаспор республики. Исследование основано на архивных и опубликованных источниках, научной литературе, статистике и полевых этнографических материалах, собранных в населенных пунктах Мордовии. В книге отражена социокультурная адаптация мигрантов, проанализированы компоненты этнической культуры и факторы их трансформации; исследованы национальные пища и жилище, традиции и обряды, служащие этническими маркерами для азербайджанцев и грузин в инокультурном и иноэтническом окружении многонациональной Мордовии.

В серию книг о народах Мордовии вошли издания, посвященные традиционным способам сохранения здоровья русских, мордвы и татар[11].

Проделанная в течение нескольких лет этнографическая работа позволила приступить к созданию коллективной монографии «Народы Мордовии: историко-этнографическое исследование»[12], в которой впервые целостно, комплексно и в исторической последовательности показана эволюция различных элементов традиционной культуры этносов, степень их сохранения или, наоборот, утраты. В книге отражены миграция как неизбежный современный процесс в этнокультурном пространстве регионов; факторы адаптации народов Закавказья и Центральной Азии в социокультурной среде Республики Мордовия; динамика численности русских, мордвы, татар, украинцев, армян, азербайджан, грузин, таджиков, казахов, узбеков и чувашей в полиэтничной Мордовии; традиционные пища и жилище; традиции и обряды; народные знания и др. В монографии в полной мере прослеживается сохранившаяся материальная и духовная культура мигрантских общин в регионе, освещается атмосфера межкультурного диалога, согласия и взаимопонимания между этносами многонациональной Республики Мордовия. Издание богато иллюстрировано фотографиями, рисунками, схемами для дополнительного раскрытия материала.

Монография «Народы Мордовии», представляя собой модель локального исследования мигрантских общин, не раз отмечалась на международных и региональных конкурсах как лучшее историко-биографическое, краеведческое издание. Авторский коллектив монографии во главе с Л. И. Никоновой награжден Дипломом лауреата в номинации «Лучшее историко-биографическое, краеведческое издание» IV Приволжского межрегионального конкурса вузовских изданий «Университетская книга-2014», Дипломом победителя в номинации «История; археология; этнография» Международного конкурса «Лучшая научная книга в гуманитарной сфере—2014».

Изданные монографии отдела этнографии и этнологии как результат плодотворной исследовательской работы позволяют утверждать, что на сегодняшний день этнокультуру мордвы характеризует активизация национально-культурных процессов и движений, выражающаяся, в частности, в стремлении к возрождению национальной культуры, традиционных нравственных и духовных основ.

Библиографический список

[1] ЦГА РМ. Ф. Р-8. Оп. 2. Д. 1 ; Ф. Р-773. Оп. 2. Д. 38, 54 ; Ф. Р-1764. Оп. 1. Д. 42, 366 ; Ф. Р-1742. Оп. 1. Д. 56 ; Ф. Р-2127. Оп. 1. Д. 30, 64 ; НА НИИГН. И-71, И-109, И-147, И-1066, И-1074, И-1234, И-1235, И-1386, И-1669, И-1692 ; Национальный состав населения Республики Мордовия : Итоги Всерос. переписи населения 2002 г. : стат. сб. Саранск, 2004 ; Там же. 2005.

[2] См.: **Никонова Л. И., Мокшина Ю. Н.** Историко-этнографическое исследование региона: проспект, анкеты, вопросы : учеб.-метод. пособие. Саранск, 2003. 72 с. ; **Никонова Л. И., Мельник А. Ф.** Этнокультурный мир Республики Мордовия: историко-культурное исследование региона : вопр. и анкеты. Саранск, 2005. 40 с. ; Обращение к истокам: методика историко-этнографического исследования региона / Л. И. Никонова [и др.]. М. ; Саранск, 2011. 60 с. ; **Никонова Л. И., Романова М. Н., Шевцова А. А.** Миграция, этнокультурный, социальный, региональный аспекты: план-проспект, вопросы и анкеты историко-этнографического исследования. М. ; Саранск, 2011. 32 с.

[3] См.: Мордва юга Сибири / Л. И. Никонова [и др.]. Саранск, 2007. 312 с. ; Мордва Саратовской области : в 2 ч. Ч. 1 : Петровский район / Л. И. Никонова [и др.]. Саранск, 2009. 200 с. ; Ч. 2 : Мордва Саратовской области. 2013. 252 с. ; **Никонова Л. И., Щанкина Л. Н., Шерстобитова Ж. В.** Мордва Западной Сибири : в 2 ч. Ч. 1 : Село Калиновка: сибирская история и мордовские традиции. Саранск, 2009. 112 с. ; Мордва Дальнего Востока / Л. И. Никонова [и др.]. Саранск, 2010. 312 с. ; **Никонова Л. И., Щанкина Л. Н., Гармаева Т. В.** Мордва циркумбайкальского региона и Республики Хакасия. Саранск, 2010. 268 с. ; Мордва Урала и Зауралья / Л. И. Никонова [и др.]. Саранск. 2012. 464 с. ; Мордва Владимирской области / Л. И. Никонова [и др.]. Саранск, 2013. 184 с. ; **Акимова З. И.** Мордва Москвы и Московской области : историко-этногр. исслед. Саранск, 2013. 544 с.

[4] См.: Все мы — Россия : Дни Республики Мордовия в регионах Рос. Федерации. Саранск, 2012 ; **Лузгин А. С.** Дни Республики Мордовия в регионах Российской Федерации // Центр гуманитарных наук: история и современность. Саранск, 2014.

[5] См.: **Никонова Л. И., Щанкина Л. Н.** Мордва России: к истории вопроса, проблемы и полевые сведения // Финно-угорский мир : междунар. журн. [Саранск]. № 1 (6). 2010. С. 40 — 49 ; **Никонова Л. И., Зарубина О. В.** Социокультурное развитие через многоликий финно-угорский мир // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. № 2 (18). С. 242 — 243 ; Россия и мордовский край: к истории миграций мордвы : (По результатам этногр. экспедиций. 2000 – 2012 гг.) / Л. И. Никонова [и др.] // Науч.-метод. и информац. журн. Мин-ва образования Республики Мордовия. 2012. № 5 — 6. С. 79 — 100 ; Рыбновский район Рязанской области: странички этнографической экспедиции / Л. И. Никонова [и др.] // Центр и периферия. 2013. № 4. С. 74 — 81 ; В ходе экспедиции выяснилось… : история, архив и полевые материалы о мордве Калининградской области / Л. И. Никонова [и др.] // Там же. 2014. № 4. С. 86 — 91 ; **Никонова Л. И., Захватова Е. Ю.** Этнографическая экспедиция в Калининградскую область // Вестник. 2014. № 4. С. 232 — 233 ; **Никонова Л. И.** История о мордве с окраинной России // Центр и периферия. 2015. № 2. С. 100 — 107 ; **Ее же.** К истории переселения мордвы в Архангельскую и Мурманскую области : По архив. материалам ЦГА РМ // Системно-деятельностный подход в современном образовательном процессе : сб. науч. тр. Ульяновск, 2016. С. 197 — 208 ; **Никонова Л. И., Охотина Т. Н., Торопова М. М.** Народная культура и Север: к истории переселения мордвы в Архангельскую область // Российский Север и Арктика: история, традиции, образы (к 150-летию А. А. Борисова) : сб. науч. ст. Архангельск, 2016. С. 77 — 84.

[6] См.: **Владимирова А.** Сохранить бесценное наследие прошлого // Восход. 2004. 23 окт. ; **Сизганов В.** В поисках мордвы совершили экспедицию на Дальний Восток саранские этнографы // Вечер. Саранск. 2004. 27 окт. ; **Николаева Ю.** Мордва на Камчатке // Саран. курьер. 2005. 27 сент. ; **Мартынова М. Ю.** Мордовская диаспора на юге Сибири // Мордовия: наука, инновации, новые технологии : науч.-техн., обществ.-информац. журн. 2007. № 4 (16). С. 48 — 49 ; Серия книг проекта «Мордва России» // Этносфера : Народы и культуры в зеркале России и мира : информац.-аналит. и просветит. журн. 2010. № 4 (139). С. 39 ; Книжная полка // Там же ; Мордва Рязанской области // Научные экспедиции РГНФ. М., 2014. 448 с.

[7] См.: **Никонова Л. И., Мельник А. Ф.** Этнокультурная адаптация мигрантов Закавказья в Республике Мордовия : (На примере азербайджан. диаспоры). Саранск, 2007. 176 с.

[8] См.: **Никонова Л. И., Гармаева Т. В., Мельник А. Ф.** Диалог культур в процессе адаптации мигрантов из Центральной Азии в Республике Мордовия. Саранск, 2007. 168 с.

[9] См.: **Никонова Л. И., Шевцова А. А.** Традиционная культура армян в поликультурном пространстве Республики Мордовия. Саранск, 2011. 224 с.

[10] См.: **Никонова Л. И., Мельник А. Ф., Шевцова А. А.** Зерна граната : О традиц. культуре азербайджан. и грузин. мигрантов в полиэтнич. пространстве Республики Мордовия. Саранск, 2011. 260 с.

[11] См.: **Никонова Л. И., Кандрина И. А., Щанкина Л. Н.** Традиционная культура сохранения здоровья народов, проживающих в Республике Мордовия: историко-этнографический аспект.

Саранск ; Пенза, 2011. 528 с. ; **Никонова Л. И., Кандрина И. А., Романова М. Н.** Народная медицина мордвы: простая и загадочная… : (По результатам этногр. экспедиции 1990 — 2010 гг.). Саранск ; Пенза, 2011. 420 с.

[12] См.: Народы Мордовии : Ист.-этногр. исследование / Л. И. Никонова [и др.]. Саранск, 2012. 608 с.

Подготовили
Л. И. Никонова, Т. Н. Охотина, М. М. Торопова.

ОТДЕЛ ЯЗЫКОЗНАНИЯ: СОХРАНЕНИЕ ЧИСТОТЫ И МНОГОГРАННОСТИ МОРДОВСКИХ (МОКШАНСКОГО, ЭРЗЯНСКОГО) ЯЗЫКОВ

Один из старейших научных подразделений НИИГН — отдел языкознания в современном формате существует с 2007 г. До этого времени его структура и название неоднократно менялись, преобразуясь в 2002 г. в отдел филологии и финно-угроведения, затем — в отдел языкознания (по настоящее время).

Научная деятельность отдела связана с исследованием актуальных проблем мордовского языкознания; накоплением и систематизацией научной информации о грамматическом и лексическом строе мордовских языков, его функционировании и эволюции; проведением социолингвистических исследований; изучением языковой ситуации в Республике Мордовия. С этой целью отдел осуществляет фундаментальные и прикладные научные исследования, проводит научные мероприятия, разрабатывает практические рекомендации по проведению национальной и языковой политики в республике, организует научные лингвистические экспедиции в Республике Мордовия и Российской Федерации в местах постоянного проживания мордовского и финно-угорского населения.

Начало XXI в. ознаменовалось развитием процессов глобализации, которые стирают национальные границы, нивелируют сформировавшиеся национальные традиции, культуру и нравственные устои больших и малых народов. Новые вызовы времени требуют объединения усилий в решении вопросов, направленных на сохранение этнокультурного языкового многообразия, на изучение языков, литературы, возрождение духовной и материальной культуры эрзи и мокши. В связи с этим сотрудниками отдела языкознания в 2004 г. была проведена комплексная фольклорно-лингвистическая экспедиция в Кочкуровский и Теньгушевский районы Мордовии. Экспедиция осуществлялась в рамках мероприятий, посвященных Году мордовского национального просветительства, с участием французского лингвиста-языковеда Ж.-Л. Леонарда. В 2008 г. состоялась комплексная социоэтнолингвистическая экспедиция, направленная на исследование языковой ситуации в республике. Следует отметить, что социолингвистическая информация имеет большое значение для разработки практических мер в решении вопросов, относящихся к области языковой политики. Языковое планирование требует особой гибкости и учета множества факторов в условиях полиэтнических и

многоязычных регионов. Основной целью опроса стал сбор данных о современных особенностях бытования мордовских языков в различных областях общественной деятельности на территории Мордовии[1]. В том же году по результатам экспедиций было проведено расширенное заседание Ученого совета НИИГН, на котором обсуждались проблемы языкового строительства в республике, рассматривались различные аспекты функционального состояния мордовских языков.

С восстановлением издания трудов НИИГН вышел в свет сборник «Рябовы: pro et contra»[2] как результат проведения Рябовских научных чтений, посвященных памяти известного мордовского лингвиста Анатолия Павловича Рябова. Постепенно статус чтений менялся, вырастая из лингвистической конференции в значимое явление в жизни республики. Принимая активное участие в организации и проведении научного форума, публикации языковедов НИИГН составили основу сборника. С научных позиций были проанализированы актуальные вопросы мордовского языкознания, литературоведения, фольклористики и истории культуры; рассмотрено творчество Рябова — талантливого переводчика мордовских языков в 1930-х гг.; поставлена проблема специфики национальных «гнезд» культуры на примере родины братьев Рябовых — с. Лобаски, трактовавшихся как феномен истории и культуры мордовского края и народа. Научно-аргументированные публикации лингвистов НИИГН широко представлены в таких фундаментальных изданиях института, как энциклопедия «Мордовия»[3] и энциклопедический справочник «Мордовия, XX век: культурная элита»[4].

Основная работа отдела языкознания направлена на издание толковых, орфоэпических, терминологических и других словарей, ориентированных на мобилизацию внутренних ресурсов мокшанского и эрзянского языков. Так, результатом научного взаимодействия отдела языкознания с кафедрами мокшанского и эрзянского языков МГУ им. Н. П. Огарева и МГПИ им. М. Е. Евсевьева стали выпуск словарей по правописанию сложных, парных и составных имен в мордовских языках («Марса, башка, китькся вельде» / «Раздельно, слитно, через дефис», 2002 г.; «Русско-мокшанский словарь», 2012 г.; «Мокшень кялень орфографиянь валкс» / «Орфографический словарь мокшанского языка», 2014 г.), издание учебников для вузов («Мокшень кяль. Морфология» / «Мокшанский язык. Морфология», 2000 г.; «Синтаксис», 2008 г.). В 2008 г. языковеды НИИГН выпустили электронный словарь мордовских (мокшанского и эрзянского) языков[5], включающий средства поиска и администрирования (пополнения, изменения), а также функцию перевода слов с мокшанского и эрзянского языков на русский.

В ходе реализации проекта «Создание терминологических словарей на национальных языках для общеобразовательных школ в регионах проживания финно-угорских народов Российской Федерации» в рамках совместной программы Совета Европы и Европейского Союза для Российской Федерации «Национальные меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества» была выработана терминология по литературе, языку, истории, обществознанию, математике, химии, физике, биологии, информатике, географии на мокшанском и эрзянском языках. В связи с этим сотрудники отдела языкознания приняли участие в подготовке и издании «Мокшень кяльса общеобразовательнай школатненди математикань терминонь валкс» / «Словаря терминов по математике на мокшанском языке для общеобразовательных школ» (2011 г.).

В целях расширения функций мордовских языков, реализации Закона Республики Мордовия «О государственных языках в Республике Мордовия» сотрудниками отдела языкознания была подготовлена Программа по развитию государственных языков в Республике Мордовия на 2004 — 2012 гг. Заказчиком Программы являлся Государственный комитет по национальной политике при Правительстве Республики Мордовия. Девять разделов программы включали 49 проектов, направленных на создание региональных программ по мордовским, русскому и татарскому языкам, на научное исследование функционирования государственных языков, создание учебников, словарей различных типов и т. д. В рамках Программы, продолжая сложившиеся в НИИГН традиции регионального энциклопедизма, языковеды НИИГН совместно с ведущими учеными-лингвистами научных и образовательных учреждений Республики Мордовия подготовили и издали энциклопедию «Мордовские языки»[6]. По мнению доктора филологических наук, профессора Л. П. Водясовой, выход в свет энциклопедии «Мордовские языки» стал «заметным событием, достойным внимания как представителей современной лингвистической науки, так и тех, кто интересуется культурой и языком своего народа»[7].

В данном издании подведены итоги развития мордовского языкознания за последние 100 лет, также представлен свод лингвистического материала о мордовских языках и разносторонняя информация, накопленная многими поколениями ученых-лингвистов, исследователей мордовского края и путешественников. Основу энциклопедии составляют статьи о внутренней структуре мордовских языков: фонетике, морфологии, синтаксисе, словообразовании, лексике и фразеологии. Отдельные статьи посвящены мордовским литературным языкам, их диалектам, нормам, графике, орфографии, пунктуации, стилистике. Наряду со статьями, описывающими в целом мордовские языки и их уровни, в энциклопедии содержится материал об отдельных грамматических категориях (части речи, система склонения и спряжения, разные типы предложений), об образных средствах выражения, в том числе отражена история становления письменных форм мордовских языков и т. д. На страницах издания широко представлена также лексикография, включающая необходимый материал по всем видам словарей.

Существенное место в энциклопедии занимают биографические статьи о видных отечественных и зарубежных финно-угроведах (Х. Паасонен, Ф. Видеман, А. Алквист и др.), языковедах, лингвистах, внесших значительный вклад в изучение мордовских языков, об авторах первых школьных учебников для мордовских школ (А. П. Рябов, Т. П. Миронов, И. Г. Черапкин, И. Я. Бондяков, М. И. Наумкин, Н. Ф. Цыганов и др.), а также авторах современных учебников и учебных пособий для национальных и русскоязычных школ Мордовии (школ с русским или смешанным по национальному составу контингентом обучающихся).

В 2013 г. энциклопедия «Мордовские языки» стала лауреатом Всероссийского конкурса в номинации «Лучшая научная книга 2012 года (Сочи), в 2014 г. — лауреатом в номинации «Лучшее научное издание по филологическим наукам» IV Приволжского межрегионального конкурса вузовских изданий «Университетская книга — 2014» (Чебоксары); имеет дипломы победителей в номинациях «Лучшее справочное издание» Международного отраслевого конкурса изданий для высших учебных заведений (Казань); «Филология; искусствоведение; культу-

рология» Международного конкурса «Лучшая научная книга в гуманитарной сфере — 2014» (Киров). В 2015 г. за плодотворные научные исследования в области мордовского языкознания и подготовку энциклопедии «Мордовские языки» научным редакторам было присвоено звание «Лауреат Государственной премии Республики Мордовия».

Совместно с учеными Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова (Республика Татарстан) отдел языкознания НИИГН издал «Татарско-русско-мокшанско-эрзянский разговорник» (2012 г.) и подготовил к изданию «Словарь фразеологизмов народов Поволжья». Данные разговорники направлены на сохранение, изучение и развитие языков народов Поволжья, а также пропаганду полилингвизма. Лексический материал в них отобран по принципу ситуативно-тематической и функциональной частотности, содержит слова и выражения, необходимые в повседневной жизни и деятельности человека. С помощью предлагаемой активной лексики пользователь обеспечивается готовыми коммуникативными речевыми оборотами в зависимости от ситуации, чтобы разговаривать на национальном языке, отвечать на вопросы собеседника, свободно ориентироваться в языковом материале. Разговорники могут также служить предметом исследования для сравнительного изучения языков народов Поволжья.

С 2015 г. отдел языкознания НИИГН ведет работу по составлению словарей антонимов мокшанского и эрзянского языка. В мордовской лексикографии это первый опыт собирания и описания лексических антонимов мокшанского и эрзянского языков. Данный проект включает широкоупотребительные в современных мордовских языках антонимы, объединенные в антонимические пары. В словарных статьях раскрывается значение антонимов. Иллюстративный материал подбирался таким образом, чтобы оба члена антонимической пары находились в одном или в разных предложениях, но в одном контексте, соединялись со словами одних и тех же тематических групп и относились к одной и той же части речи. Это является важным признаком, так как антонимическая пара есть лексико-семантическое единство. Высокая степень совместной встречаемости, т. е. одновременного использования в тексте, раскрывает основное содержание антонимии как противоположности, предельного отрицания внутри одной сущности. Период работы рассчитан на 4 года (2015 — 2018 гг.).

В 2015 г. совместно с Мордовским книжным издательством языковеды института подготовили и издали 4 школьных словаря: 2 орфографических («Эрзянь келень школьной орфографической валкс» / «Школьный орфографический словарь эрзянского языка»; «Мокшень кялень школьнай орфографическяй валкс» / «Школьный орфографический словарь мокшанского языка») и 2 двуязычных («Русско-мокшанский школьный словарь» и «Русско-эрзянский школьный словарь»). Издание данных словарей было предложено Главой Республики Мордовия В. Д. Волковым на VI съезде мордовского народа в 2014 г.

Продолжением данного проекта являются изданные в 2016 г. «Мокшанско-русский школьный словарь» и «Эрзянско-русский школьный словарь». Двуязычные словари входят в серию учебных русско-национальных словарей, содержат по 4 тыс. наиболее употребительных слов русского языка и по 6 тыс. слов мокшанского и эрзянского языков, а также значительное количество типичных ре-

чевых конструкций и устойчивых словосочетаний. В словари не включены просторечные, устарелые, жаргонные и узкоспециальные слова. Наряду с исконной лексикой представлены и некоторые заимствования, прочно вошедшие в мокшанский и эрзянский языки. Слова сопровождаются грамматической характеристикой в виде основных грамматических форм.

В настоящее время продолжается работа над составлением «Толкового словаря мокшанского языка» и «Толкового словаря эрзянского языка», начатая в 1995 г. Эти проекты представляют собой подготовку словарных статей, включающих всю основную лексику современных мордовских литературных языков, в которых толкование значений лексем передается средствами мокшанского и эрзянского языков. В качестве иллюстративного материала приводятся примеры из художественной литературы известных мордовских писателей, произведений устно-поэтического творчества мордовского народа, подтверждающие каждое значение того или иного слова. Следует отметить, что словарная работа данного уровня требует больших навыков и хорошего владения мордовскими языками.

Известно, что мокшанский и эрзянский литературные языки, как и любой другой язык, обладают своими нормами, охватывающими все стороны языка: словарный состав, грамматический строй, звуковую систему. Одни нормы относятся как к письменной, так и к устной речи (словарный состав, грамматический строй), другие относятся только к письменной (правила правописания) или только к устной (нормы произношения и ударения) речи. Совокупность норм устной речи, в которых реализуется образование форм слов, принято называть орфоэпией. На сегодняшний день языковеды НИИГН подготовили к изданию первые в лексикографии мордовских языков мокшанский и эрзянский орфоэпические словари. Их основная задача заключается в отражении норм, реализующихся в устной речи (в первую очередь, нормы произношения и ударения). В том числе словари дают сведения об образовании грамматических форм, полно и последовательно раскрывают все особенности мокшанского и эрзянского словоизменения. Подача грамматических форм выстроена таким образом, что словарь полностью охватывает все случаи нестандартного образования форм, все случаи колебания в их образовании, т. е. всего того, что может вызвать затруднение у носителей языка.

В настоящее время сотрудниками отдела языкознания собран, систематизирован и подготовлен к печати свод документов по истории и культуре мордовского края «Национальное языковое строительство в мордовском крае в XX веке: стенограммы и материалы языковых конференций и научных сессий по вопросам мордовского языкознания». Цель проекта заключается в прослеживании динамики развития мордовских языков, путей их становления, совершенствования орфографических, орфоэпических и пунктуационных норм мокшанского и эрзянского языков.

В свод вошли документы, стенограммы, стенографические отчеты и материалы научных языковых конференций, научных сессий по вопросам мордовского языкознания, а также принятые по итогам их работы нормы мокшанского и эрзянского литературных языков. Хронологические рамки сборника охватывают период с 1933 по 1998 г. В процессе подготовки издания был изучен ряд фондов НА НИИГН[8]. Часть извлеченных документов вошла в издание, поскольку

сохранилась лишь в виде рукописей докладов участников конференций, протоколов заседаний, проектов резолюций и материалов для обсуждения. Другую часть составили стенограммы и стенографические отчеты, изданные небольшими тиражами и в единичных экземплярах.

В первом томе свода документов[9] представлены стенограммы 1-й мордовской языковой и 2-й мордовской языковой (терминологической) научных конференций. В раздел «Приложение» вынесены основные правила эрзянской и мокшанской орфографии, установленные языковой конференцией 1933 г.

Второй том включает в себя стенографический отчет 3-й мордовской языковой научной конференции, материалы 4-й мордовской научной языковой конференции по строительству мордовских (эрзя и мокша) языков и научной сессии по вопросам синтаксиса и пунктуации мордовских языков. В собрание материалов 4-й мордовской языковой научной конференции вошли утвержденные по итогам ее работы морфология, орфография и грамматическая терминология эрзянского и мокшанского языков.

Содержание третьего тома составили материалы научной сессии по вопросам мордовского языкознания, включающие доклады участников и нормы мордовских (эрзя и мокша) литературных языков (русскоязычный вариант синтаксиса и пунктуации мордовских языков в доработанном виде был опубликован в 1955 г.); стенографический отчет республиканской научно-практической языковой конференции (1993 г.) и нормы орфографии, орфоэпии и пунктуации мокшанского и эрзянского литературных языков, утвержденные по предложению мокшанской и эрзянской секций этой конференции.

Основная сложность в подготовке книги заключалась в систематизации материалов 2-й мордовской языковой (терминологической) научной конференции, так как ее стенограмма не была опубликована, в отдельных случаях часть докладов оказалась в виде тезисов выступлений и неотредактированных рукописей докладов. Более того, были утеряны некоторые протоколы заседаний, в связи с чем ход работы конференции восстанавливался по отрывочным данным, в том числе на основе рабочих записей, оставленных на полях.

Все тексты документов и материалов в своде представлены в полном объеме, переданы в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации.

Существенное место в работе лингвистов НИИГН занимает переводческая деятельность. С 2009 г. сотрудники отдела языкознания являются членами Ассоциации союза переводчиков Российской Федерации. Результатом их тесного сотрудничества с Институтом перевода Библии* (Стокгольм, Швеция) стал перевод «Евангелия от Матфея» (2012 г.). В настоящее время ведется переводческая работа над «Посланиями апостолов».

Таким образом, многоаспектная научная деятельность отдела языкознания НИИГН способствует расширению информационного поля и языковой среды, использованию национального языка во всех сферах жизнедеятельности человека, восстановлению системы школьного и вузовского обучения.

---

* Научно-исследовательское учреждение, занимающееся переводом Библии на языки неславянских народов.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Чернов А. В., Келина А. Н., Гурьянова Л. А.** Функционирование мордовских языков в современных условиях: общие итоги опроса 2008 г. // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 2 (22). С. 86 — 97.

[2] См.: Рябовы: pro et contra : сб. материалов Рябов. науч. чтений (Саранск, 16 апр. 2002 г.). Саранск, 2002. 246 с. (Науч. тр. / НИИГН ; т. 2 (119)).

[3] См.: Мордовия : энцикл. : в 2 т. Саранск, 2003 ; 2004.

[4] См.: Мордовия, XX век: культурная элита : энциклопед. справ. : в 2 ч. Саранск, 2010 ; 2013.

[5] Электронный словарь мордовских (мокшанского и эрзянского) языков [Электронный ресурс] / Рук. рабочей группы В. А. Юрчёнков; рабочая группа: С. В. Балыков [и др.]. Саранск, 2008. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Систем. требования: процессор Pentium IV 1, 2 ГГц ; операц. система Windows 2000.

[6] См.: Мордовские языки : энцикл. Саранск, 2012. 384 с.

[7] **Водясова Л. П.** [Рецензия] // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 4 (36). 233 — 236. Рец. на кн.: Мордовские языки : энцикл. Саранск, 2012.

[8] НА НИИГН. Я-57 ; Я-58 ; Я-59 ; Я-60 (1-я языковая научная конференция, 1933 г.) ; Я-3 (гранки) ; Я-117 ; Я-273, ч. 1, Я-274, ч. 2 (2-я языковая (терминологическая) конференция, 1934 г.) ; Я-1, Я-2, Я-4 (3-я языковая научная конференция, 1935 г.) ; Я-61, Я-62 (4-я научная языковая конференция по строительству мордовских эрзя- и мокша-языков, 1938 г.) ; Я-9 (гранки; Научная сессия по вопросам синтаксиса и пунктуации мордовских языков, 1940 г.) ; Я-80 ; Я-81 ; Я-84 ; Я-86 ; Я-109 ; Я-125 ; Я-126 ; Я-127 ; Я-128 ; Я-129 ; Я-130 ; Я-131 ; Я-132 ; Я-277 (Научная сессия по вопросам мордовского языкознания, 1952 г.) ; Я-375 ; Я-375а (Республиканская научно-практическая языковая конференция «Язык: проблемы, нормы, перспективы», 1993 г.).

[9] См.: Национальное языковое строительство в мордовском крае в XX веке : Стеногр. и материалы язык. конф. и науч. сессий по вопросам мордов. языкознания : в 3 т. Саранск, 2015. Т. 1. 688 с.

Подготовили
А. Н. Келина, Л. А. Гурьянова, О. Ю. Цыплякова.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА И УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

НИИГН с момента своего создания стал центром, вокруг которого концентрировались литературно-критическая мысль Мордовии и работа по сбору и изучению мордовского фольклора. Подразделение, объединяющее литературоведов и фольклористов, функционирует в институте с первых дней существования, под названием отдел литературы и фольклора — с 2007 г.

В начале 2000-х гг. институт возобновил фольклорные экспедиции с участием сотрудников отдела, приостановленные в 90-е гг. прошлого столетия. Так, в 2000 г. была организована фольклорно-музыкальная экспедиция в Ардатовский и Дубенский районы Республики Мордовия; в 2004 г. — комплексная (фольклорно-лингвистическая) экспедиция в Кочкуровский и Теньгушевский районы республики совместно с ученым Парижского университета Ж.-Л. Леонардом.

В 2002 г. сотрудники отдела работали над программой по реализации закона «О государственных языках в Республике Мордовия», а также разрабатывали научно-методические рекомендации по проблемам сохранения и развития этнокультурной самобытности народов, проживающих на территории республики.

С 2003 г. научная деятельность литературоведов НИИГН была сосредоточена на создании «Истории мордовской литературы XX века» (на мокшанском и эрзянском языках), начатой в конце 1990-х гг. В частности, была исследована дооктябрьская мордовская литература (конец XVIII столетия), рассмотрено ее становление (конец XIX — начало XX в.) и развитие (XX в.), а также этапы формирования литературоведения и критики в Мордовии.

В 2004 г. значимым событием в работе отдела было проведение Республиканской научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора В. В. Горбунова. По итогам конференции в 2006 г. вышел сборник материалов «В. В. Горбунов: служение словом, служение слову»[1].

После длительного перерыва в НИИГН вновь стали публиковаться научные «Труды». В 2008 г. сотрудники отдела литературы и фольклора подготовили и издали 8-й том «Трудов»: «Литературный процесс: история и современность»[2], в котором рассмотрены современные аспекты изучения литературного процесса, осмыслены вопросы истории литературы, проанализированы принципы и характер взаимодействия литературы и фольклора.

В середине 2000-х гг. возобновилась работа отдела над «Литературной энциклопедией Мордовии». Этот проект по праву относится к числу наиболее продолжительных, поскольку его воплощение началось еще в 1991 г. сотрудниками на тот момент сектора мордовской литературы. Под руководством А. В. Алешкина был составлен словник, в течение более 20 лет на основе изучения вопросов теории литературы, мифологии мордвы, произведений фольклора, творчества профессиональных писателей составлялись статьи энциклопедического характера, позже вошедшие в книги «История Мордовии в лицах»[3], «Мордовия» (энциклопедия)[4], «Мордовия, XX век: культурная элита»[5], «Мордовские языки»[6], «Мордовская мифология»[7].

На рубеже XX — XXI вв., когда писалась литературная энциклопедия, в России произошли существенные социокультурные изменения, значительной трансформации подверглась литературоведческая наука, модифицировались подходы к анализу литературных произведений, появились новые писатели. Все это обусловило необходимость уточнения требований к данной академической работе. С учетом новых реалий в 2012 г. в НИИГН была разработана Концепция создания «Литературной энциклопедии Мордовии» на основе обновленных подходов к определению содержания и структуры энциклопедических статей.

Литературная энциклопедия по своему содержанию сориентирована, в первую очередь, на описание и анализ творчества писателей мордовского края (мокшанских, эрзянских, русских, татарских и других), деятельности известных литературоведов (историков литературы, теоретиков литературы и литературных критиков), значимых явлений живого литературного процесса (имен, изданий, терминов и т. п.). В нее войдут статьи о писателях, являющихся авторами отдельных книг, либо произведений, вошедших в коллективные сборники; о литературоведах — авторах работ по истории литературы, теории литературы и литера-

турной критике; о теоретико-литературных и литературно-эстетических понятиях; о литературных изданиях и литературно-общественных организациях.

«Литературная энциклопедия Мордовии» призвана представить целостный эстетический результат всего накопленного в литературе, анализ разных по ценности и художественному содержанию произведений, объединенных общей любовью их создателей к словесному творчеству на родном языке.

В соответствии со сложившейся практикой создания литературных энциклопедий в России «Литературная энциклопедия Мордовии» будет состоять из отдельных словарных статей, а именно:

— о мордовских писателях, создавших и создающих произведения на мордовских (мокшанском и эрзянском) и русском языках, являющихся авторами отдельных книг, либо произведений, вошедших в коллективные сборники, изданные в ведущих издательствах;

— о русскоязычных писателях, проживающих на территории Республики Мордовия;

— о писателях — выходцах из мордовского края;

— о литературоведах (кандидатах и докторах наук), проживавших или проживающих на территории мордовского края, имеющих публикации по проблемам развития художественной словесности;

— о ведущих российских и зарубежных ученых-филологах, занимавшихся проблемами развития мордовской художественной словесности;

— о теоретико-литературных, историко-литературных и литературно-эстетических проблемах, понятиях и терминах, имеющих непосредственное отношение к мордовской художественной словесности;

— об авторах учебников по мордовской литературе;

— о литературно-художественных журналах, в том числе детских;

— о литературно-общественных организациях;

— о мордовском эпосе.

Статьи обобщающего характера составит информация о русских писателях, создавших колоритные мордовские образы (например, А. М. Горький «Мордовка», «Знахарка» и др.); о переводах и изданиях мордовской литературы в России и за рубежом на русском языке, языках других народов мира.

В основу выбора имен писателей положены два основных критерия: художественный уровень произведений и знаковость имен в национальном сознании. Главным в статьях о писателях является целостный анализ их творчества и наиболее репрезентативных произведений. Литературоведческая терминология, где это возможно, дается на трех языках — русском, мокшанском и эрзянском (например: рассказ (мокш. *азкс*, эрз. *ёвтнема*)). На сегодняшний день с учетом новой концепции отредактированы и дописаны тематические статьи, начиная с буквы А до К.

Еще в 1934 г. фольклористы института приступили к разработке темы «Мифология (эрзянская и мокшанская)», и только спустя 70 лет, в 2003 г., отдел начал работу над энциклопедией «Мордовская мифология». Для реализации столь масштабного научного проекта было множество предпосылок. В частности, в последней четверти XX в. в гуманитарной науке Мордовии наметилась тенденция к использованию в исследованиях понятийно-категориального аппарата,

методологии смежных наук для более полного анализа того или иного феномена. Появились удачные попытки обобщения источниковой базы по мордовской мифологии, стали публиковаться работы, охватывающие конкретную сферу жизнедеятельности человека в русле его мифологических воззрений на окружающий мир (Т. П. Девяткина, Н. Ф. Мокшин, Н. Ф. Беляева, Г. А. Корнишина, В. И. Рогачев). Переходный этап обрядовых действ и молений от сакрально-магического к общественно-развлекательному зафиксировал в своих работах искусствовед В. С. Брыжинский. В конце XX в. была предпринята глобальная попытка осуществить подход к современному осмыслению мифологии — совместный международный проект по написанию томов энциклопедий по мифологии финно-угорских народов. Однако в силу ряда обстоятельств работа над запланированным томом «Мордовской мифологии» не была осуществлена. Вместе с тем сам проект получил поддержку в финно-угорском мире, и под руководством редакционной коллегии, возглавляемой тремя соредакторами (венгерским М. Хоппал, финским А.-Л. Сиикала и российским В. Напольских) в его рамках вышло несколько томов, в том числе «Мифология Коми» (1999 г.) и «Мифология Хантов» (2000 г.).

В Мордовии в начале XXI в. появились многоплановые работы Н. Г. Юрченковой, фактически предопределившие направление дальнейших исследований мордовской мифологии, ее взаимосвязи с культурой и искусством, в том числе современным, экстраполяции идеологии, семантики и семиотики в произведениях литературы. В результате этих изменений назрела необходимость в создании универсальной наукоемкой базы, работы, в которой бы реализовались начинания исследователей. Таковой стала энциклопедия «Мордовская мифология», предложение о создании которой было озвучено в 2002 г. руководством НИИГН в лице доктора исторических наук, профессора В. А. Юрчёнкова. Работа осуществлялась широким кругом специалистов института: фольклористами, литературоведами, этнографами, историками, к совместной работе приглашались ученые вузов Мордовии. В результате, в отличие от ранее вышедших в свет трудов, затрагивавших такой многогранный и сложный пласт культуры любого народа, как мифология, при подготовке материалов энциклопедии удалось осуществить действительно научно-объективный, разноплановый, комплексный аналитический подход.

Проект был апробирован в научном журнале «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия», входящем в перечень ВАК, на страницах которого опубликовано свыше 15 а. л. В 2013 г. вышел первый том энциклопедии, уже получивший ряд положительных отзывов. В частности, была опубликована рецензия Председателя Ассоциации финно-угорских исследований ADEFO (Франция), профессора финно-угроведения Института национальных языков и цивилизаций INALCO (Франция), научного сотрудника кафедры этнологии Тартуского университета (Эстония) Евы Тулуз[8], в которой издание характеризуется как значительный источник знаний об обрядах, праздниках, традиционных дохристианских религиозных представлений и в целом о культуре мордовского народа.

Выход в свет первого тома «Мордовской мифологии» дает более полное представление о смыслообразующих компонентах картины мира мордвы, ее

образе жизни, истории народа. Это в некоторой степени уникальное издание международного масштаба, впитавшее в себя научное, духовное наследие, которое, возможно, откроет заново для многих исследователей финно-угорского мира не только сам этнос, но и историографию, библиографию мордовской мифологии. Для широкого круга читателей это издание интересно также представленным видеорядом, насыщенным фотографиями и изображениями археологических, этнографических памятников, произведениями современных профессиональных художников Мордовии (А. Алешкин, Н. Макушкин, Ю. Дырин, Н. Рябов и др.). В первый том энциклопедии вошли биографические и тематические статьи на буквы А — К. В настоящее время готовится к изданию второй том энциклопедии (буквы Л — Я).

В 1972 г. НИИЯЛИЭ была поручена подготовка академического издания мордовского народного эпоса. По ряду причин данная работа не была доведена до логического завершения. Только в 2011 г. сотрудники отдела литературы и фольклора возобновили работу над этим проектом, при этом апробацией явилось издание сводного варианта мордовского народного эпоса в 2009 г. (в 2011 — 2012 гг. на мокша-мордовском и эрзя-мордовском языках). Составители академического свода текстов мордовского эпоса использовали накопленный в экспедициях богатейший материал разных жанров устного народного творчества. В итоге была подготовлена значительная по объему рукопись, охватывающая многовековую разностадийную историю развития мордовского народа от древнейших мифопоэтических воззрений на природу до исторических песен об участии в походах Ивана Грозного на Казань. В отличие от такого подхода, с 2011г. исследовательская деятельность выстраивалась в контексте сложившихся на сегодняшний день в отечественной и зарубежной научной мысли концепций, на которых строится теория эпоса. Работа сотрудников отдела литературы и фольклора фактически позволила по-новому взглянуть на методологическую основу проекта. Из различных источников, прежде всего из фондов НА НИИГН, были извлечены более 2 500 страниц текста, проанализированы многочисленные циклы песен, близкие по содержанию к эпосу. Ряд значимых выводов, безусловно, будет содействовать развитию сходной научно-исследовательской деятельности в других, в первую очередь финно-угорских, регионах. К таким можно отнести решение не включать в свод циклы песен лирической, бытовой и исторической тематики, поскольку они разноплановы сюжетно и вряд ли без специального вмешательства мастеров печатного слова — писателей могут быть объединены в единое повествование, будут разрывать содержание по событиям разных временных уровней и их масштабности в контексте общественной значимости.

В настоящее время постепенно выстраивается структура эпоса, включающая введение, тексты и комментарии к ним. В эпическом своде будут представлены тексты, максимально приближенные к народному стилю изложения, фиксировавшегося в период записей в фольклорных экспедициях. Думается, что такой подход окажется востребованным в контексте сохранения языка и культуры мордовского народа, передающим мироощущение и мировоззрение в богатом устно-поэтическом творчестве. Промежуточные результаты исследований в области мордовского эпоса, материалы по истории его создания публиковались

сотрудниками отдела в научных журналах «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия», «Центр и периферия», озвучивались в докладах на международных и российских научных конференциях.

С 1936 г. НИИГН является центром собирания и публикации мордовских сказок, как и всего мордовского фольклора. С 1936 по 1940 г. состоялись 4 фольклорные экспедиции, по итогам которых были изданы 5 отдельных сборников сказок: «Эйкакшонь ёвкст» («Детские сказки», 1940 г.), «Эрзянь ёвкст» («Эрзянские сказки», 1940 г.), «Мокшень ёфкст» («Мокшанские сказки», 1940 г.), «Идень ёфкст» («Детские сказки», 1941 г.), «Мордовские народные сказки» (1941 г.) и 2 фольклорных сборника: «Эрзянь фольклор» («Эрзянский фольклор», 1939 г.) и «Мокшень фольклор» («Мокшанский фольклор», 1940 г.), включающих в себя около 50 сказок. В серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа» (УПТМН) две части третьего тома были посвящены мокшанским (1966 г.) и эрзянским (1967 г.) сказкам, представленным на языке оригинала и в смысловом переводе на русский язык. После выхода вышеназванных томов «УПТМН» работа такого рода более не велась. Переиздавались уже имевшиеся сборники сказок, составленные М. Евсевьевым, А. Маскаевым, К. Самородовым и др. Однако то были лишь тексты, литературно обработанные составителями новых изданий. В течение долгого времени не было опубликовано практически ни одной новой сказки. В 2014 г. в г. Самаре издана монография А. А. Гагаева, П. А. Гагаева, Н. В. Кудаевой «Философия мордовской сказки. Мокшень ёфксонь философиясь. Эрзянь ёвксонь философиясь»[9], в которой создана модель мокшанской и эрзянской сказки в структуре космо-психо-логоса и сказочного мышления мокши и эрзи. Позднее вышла коллективная монография «Этнокультурная природа и философия сказки: русской, европейской, эрзянской и мокшанской, татарской. Образовательная, религиозная, книжная среда сказки»[10]. В 2016 г. сотрудники отдела литературы и фольклора начали работу над книгой «Мордовская народная сказка», которая ориентирована на три года. В течение этого периода планируется написание введения к книге, где будет подробно рассмотрена история собирания и издания мордовской сказки, произведена ее классификация, названы известные сказочники, рассмотрены основные сюжеты, герои и поэтика сказки, составлены комментарии к текстам и примечания. Материалом к книге послужат сказки, ранее вошедшие в тома «УПТМН», изданные в отдельных сборниках, а также тексты, которые имеются в НА НИИГН, до настоящего времени не публиковавшиеся. Все мордовские тексты будут представлены в оригинале и с переводом на русский язык. По возможности, новые тексты не подвергнутся литературной обработке. Не планируется деления материалов на мокшанские и эрзянские. Репертуар мордовских сказок будет разделен по жанровому принципу на сказки о животных, волшебные и бытовые. Предполагается также подготовка приложения к книге, куда войдут наиболее интересные в композиционном плане мордовские литературные сказки.

С 2016 г. отдел начал разработку новой темы — «История журналистики мордовского края». В монографии планируется рассмотрение истории мордовской журналистики на основе текстов, опубликованных в СМИ.

В настоящее время отдел литературы и фольклора продолжает исследовать проблемы развития современного мордовского литературного процесса, видов

и жанров национальной литературы; анализировать художественные искания современных писателей, актуальные проблемы межнационального и национального развития мордовской литературы; собирать, извлекать и изучать мордовский фольклор, оцифровывать фонды фонотеки. Говоря о плодотворной научной работе отдела, особо следует отметить факт взаимовыгодного сотрудничества с общественными организациями республики: Мордовским региональным отделением общественной организации Ассамблеи народов России, Поволжским центром культуры финно-угорских народов и ведущими вузами республики.

Сотрудники отдела являются рецензентами научных и учебно-методических пособий, издаваемых в МГУ им. Н. П. Огарева, МГПИ им. М. Е. Евсевьева, Мордовском гуманитарном институте и др., по профилю научных специальностей; оппонентами диссертационных исследований; активно публикуются на страницах журналов, входящих в перечень ВАК, и др. печатных изданий; принимают активное участие в работе научно-практических конференций разного уровня.

Библиографические ссылки

[1] См.: В. В. Горбунов: служение словом, служение слову : сб. материалов Респ. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. В. В. Горбунова (Саранск, 2004 г.). Саранск, 2004.

[2] См.: Литературный процесс: история и современность. (Тр. / т. 8 (125)). Саранск, 2008.

[3] См.: История Мордовии в лицах : в 4 кн. Саранск, 1994. Кн. 1 ; 1997. Кн. 2 ; 1999. Кн. 3 ; 2001. Кн. 4.

[4] См.: Мордовия : энцикл. : в 2 т. Саранск, 2003. Т. 1 ; 2004. Т. 2.

[5] См.: Мордовия, XX век: культурная элита : энциклопед. справ. : в 2 ч. Саранск, 2010. Ч. 1 ; 2013. Ч. 2.

[6] См.: Мордовские языки : энцикл. Саранск, 2012. 384 с.

[7] См.: Мордовская мифология : энцикл. : в 2 т. Саранск, 2013. Т. 1. 484 с.

[8] См.: **Тулуз Е.** Энциклопедия «Мордовская мифология»: успех команды авторов в скрупулезной работе // Центр и периферия. 2015. № 4. С. 115 — 116.

[9] См.: **Гагаев А. А., Гагаев П. А., Кудаева Н. В.** Философия мордовской сказки. Мокшень ёфксть философияц. Эрзянь ёвксонть философиясь. Самара, 2014. 109 с.

[10] См.: Этнокультурная природа и философия сказки: русской, европейской, эрзянской и мокшанской, татарской : Образоват., религиоз., книжн. среда сказки / О. В. Бочкарева [и др.]. Саранск, 2016. 437 с.

Подготовили
И. В. Зубов, А. М. Каторова, И. И. Шеянова.

ОТДЕЛ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОГРАММ: ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ КОМПЛЕКСНЫХ ВОПРОСОВ РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Отдел региональных исследований и программ функционирует в НИИГН с июня 2013 г. Научная деятельность этого структурного подразделения связана с проблемами общественно-политического и социально-экономического развития Республики Мордовия. Специфика работы отдела объединяет два гуманитарных направления: региональная экономика (в рамках отделов социально-экономического развития Мордовии, 2001 — 2010 гг.; современного регионального развития, 2010 — 2013 гг.) и политические институты, национальные и политические процессы и технологии (на базе отделов общественно-политических исследований, 2002 — 2010 гг.).

Деятельность по первому направлению заключалась в изучении трансформаций конца XX столетия на федеральном и региональном уровнях, особенностей развития республики, итогов реформирования и адаптации к кризисным условиям региональной экономики и социокультурной сферы. В тематику плановых и внеплановых заданий входили сбор, систематизация и разработка различного уровня концептуальных проектов программно-целевого характера, соответствующих профилю научной работы. Так, в мае 2004 г. по предложению Министерства экономики Республики Мордовия специалисты отдела участвовали в конкурсе по подготовке Концепции Комплексной программы экономического и социального развития Республики Мордовия на 2006 — 2010 гг. При выполнении такого рода работ должны были учитываться следующие требования: объем, содержание, правовая основа, цели и задачи долгосрочной экономической стратегии, этапы реализации стратегических направлений социально-экономического развития республики, стратегические приоритеты ее экономического развития в системе мероприятий по реализации долгосрочных задач развития региона. Жюри конкурса высоко оценило качество концепции программы, подготовленной НИИГН.

Кроме того, в тематический план научно-исследовательских работ НИИГН на 2005 г. было включено проведение с 11 по 13 мая Всероссийской научно-практической конференции «Формирование стратегии устойчивого социально-экономического развития регионов Российской Федерации». Этому мероприятию предшествовала существенная организационная работа. В конференции, проводившейся на базе ОАО «Санаторий „Алатырь“» Ичалковского района Мордовии, приняли участие более 120 чел., в число которых вошли представители органов государственной власти Республики Мордовия, ученые высших учебных заведений республики, г. Москвы, Республики Марий Эл, Нижегородской, Пензенской и Ульяновской областей, директорат ведущих промышленных предприятий региона и бизнес-сообщество, республиканские СМИ. По итогам мероприятия были представлен видеоотчет и подготовлена подробная статья во втором номере журнала «Мордовия: наука, инновации, новые технологии» за 2005 г.[1] Позднее материалы 6 секций научно-практической конференции нашли отражение в двухтомнике «Формирование стратегии устойчивого социально-экономического развития регионов Российской Федерации»[2].

Наличие в рамках одного региона различных, нередко противоположных перспективных экономических интересов, вызвало целесообразность их сочетания и обязательного учета при разработке стратегии экономического развития Республики Мордовия, построенной на научно обоснованной идеологии и взаимном согласовании приоритетов и интересов хозяйствующих субъектов и органов государственной власти по проблемам перспективного комплексного социально-экономического развития территории. В определенном смысле выработка региональной стратегии есть создание сценариев, от выбора одного из которых зависит достижение главной цели стратегического планирования и прогнозирования. Альтернатива таких сценариев задается вариантами сочетания конкретных условий, определяемых экономической политикой региона, наличием доступных ресурсов и возможностью превращения их в факторы развития, степенью восприятия актуальных тенденций и особенностями механизмов включения региона в экономическую систему страны.

Логическим завершением этого направления работы стала монография руководителя отдела, кандидата исторических наук, доцента И. Г. Кильдюшкиной «Стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Мордовия на период до 2015 года»[3]. Систематизация мотивационных, экономических, организационно-административных и иных составляющих основана на сломе сложившихся стереотипов получения из центра стратегических и тактических инициатив, поиске консенсуса в вопросах развития кластеров, переходе от традиционной модели поиска ресурсов и начала их освоения к использованию информационно-аналитических и интеллектуальных ресурсов, инновированию системы управления и персонала управления государственной службы. По мнению автора, эффект региональной стратегии в значительной мере определяется, наряду с оптимальным размещением ресурсов, уровнем концентрации мероприятий на внутреннем потенциале в соответствии с пространственными и целевыми аспектами развития Республики Мордовия.

Накопленный с середины 1990-х гг. опыт в этой области, основанный на учете региональных ресурсных возможностей в контексте с потенциалом формирования внутренней политики Республики Мордовия, а также структурной перестройки и технологического прогресса экономики России, позволил достаточно уверенно прогнозировать основные параметры развития на перспективу. Оценка воздействия государственного вмешательства, проводимого в рамках стратегии развития региона, показала, что целевое (стратегическое) использование ресурсов, и, в частности, уровень эффективности влияния финансово-экономических инструментов, существенным образом повышает соотнесение возможностей социально-экономического развития Мордовии и противодействующих этому процессу факторов. Решение многих из этих проблем на фоне отсутствия практики по формированию экономически обоснованных тарифов на жилищно-коммунальные услуги в регионах и Российской Федерации в целом отразилось в исследовании И. Г. Кильдюшкиной «Разработка концепции и финансово-экономических механизмов реализации энергосберегающей политики в жилищно-коммунальном хозяйстве Республики Мордовия»[4]. Основу работы составили оценка современной инфраструктуры в ЖКХ, анализ ситуации в топливной энергетике и жилищно-коммунальном комплексе региона с выявлением проблемных зон в отрасли и вытекающих из этого

последствий. Изучение республиканских целевых программ по реформированию электроэнергетики в ЖКХ, целостный подход к развитию экономических отношений в области тепло-, электро-, водоснабжения и водоотведения, диагностика существующего перечня мер в области энергосбережения позволили предложить комплекс мер и проекты по модернизации теплоснабжения ряда районов Республики Мордовия, определить основные пути совершенствования тарифной политики по энергосбережению в ЖКХ.

В соответствии с одной из задач Республиканской целевой программы (РЦП) развития Республики Мордовия на 2008 — 2012 гг. по улучшению демографической ситуации и повышению качества предоставляемых услуг в сфере социальной защиты и здравоохранения планировалось реализовать несколько программных проектов. Именно поэтому наряду с плановой работой сотрудники отдела в 2008 г. приняли активное участие в разработке проекта Концепции миграционной политики Республики Мордовия на период до 2020 г. В данном программном документе были отражены общие положения, современная миграционная ситуация в республике, предпосылки миграционной привлекательности региона, цель, приоритетные направления, принципы и основные задачи миграционной политики, механизм реализации, основные этапы и ожидаемые результаты ее реализации в Мордовии. Вышеназванные материалы были переданы в Правительство Республики Мордовия и позднее вошли в Республиканскую программу по улучшению демографической ситуации в Республике Мордовия на 2008 — 2012 гг., Республиканскую программу по оказанию содействия добровольному переселению в Республику Мордовия соотечественников, проживающих за рубежом, на 2007 — 2012 гг.

Следующим значимым направлением в подобной деятельности стал проект РЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Республике Мордовия (2013 — 2018 гг.)», включенный в Тематический план научно-исследовательских работ НИИГН на 2013 г. Целью программы являлось формирование в Республике Мордовия конкурентоспособного туристско-рекреационного комплекса, направленного на стимулирование внутреннего и въездного туризма, вносящего вклад в экономическое и социальное развитие региона.

Предлагаемая система мероприятий разрабатывалась сотрудниками отдела на основе проектного подхода и программно-целевых методов, что позволило определить конкретные шаги по созданию современного туристского комплекса в регионе. В ходе работы было предложено 42 проекта культурно-познавательного, экологического, религиозного, делового и этнического туризма, а также реконструкции историко-мемориальных мест в республике, способствующих увеличению туристической аттрактивности, в том числе 3 проекта по созданию эффективной системы управления и мониторинга туристской отраслью, 20 — по формированию соответствующей туристской инфраструктуры и конкурентоспособного регионального турпродукта, 9 из которых — потенциально-значимые туристские бренды, 19 проектов связаны с развитием туристского комплекса региона и отражают рекламно-информационную деятельность в сфере туризма, 6 проектов обеспечивают кадровое и научно-методическое сопровождение развития туризма в регионе.

В частности, одним из проектов, обеспечивающих информационно-рекламную деятельность по продвижению регионального турпродукта на внутренний и внешний рынки, явилось создание Туристско-информационного центра, который

успешно функционирует с 2014 г. в Республике Мордовия. Инициатива проекта «По Ушаковским местам» была взята на вооружение при разработке туристического маршрута по Темниковскому и Зубово-Полянскому районам республики. Проект «Острог на засечной черте» продолжился при строительстве музейно-туристического многофункционального комплекса на левом берегу Саранки от ул. Рабочей до Ботевградского моста.

Необходимо отметить, что базовый комплекс мероприятий этой программы, утвержденной Постановлением Правительства Республики Мордовия от 1 июня 2013 г. № 253 «Об утверждении республиканской целевой программы „ Развитие внутреннего и въездного туризма в Республике Мордовия (2013 — 2018 годы)“», был согласован с инвестиционными проектами и программами развития культуры, спорта, молодежной политики и образования на уровне предприятий, отраслей и муниципалитетов.

На основании распоряжения Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 2567-р «О Государственной программе „Развитие культуры и туризма“ на 2013 — 2020 годы» в октябре 2013 г. сотрудники отдела региональных исследований и программ совместно с отделом культурологии были привлечены к внеплановому заданию — на базе существующих трех РЦП («Культура Мордовии» на 2011 — 2016 гг. «Развитие внутреннего и въездного туризма в Республике Мордовия (2013 — 2018 годы)», «Патриотическое воспитание граждан, проживающих на территории Республики Мордовия» на 2012 — 2015 гг.), а также Концепции долгосрочного развития театрального дела в Республике Мордовия на период до 2020 г. разработать Государственную программу Республики Мордовия «Развитие культуры и туризма» на 2014 — 2018 гг. Уже в первых числах декабря 2013 г. в Министерство культуры и туризма Республики Мордовия был представлен ее проект для согласования в соответствующих инстанциях. Данная государственная программа, несмотря на сжатые сроки подготовки, 23 декабря 2013 г. была представлена и утверждена на заседании Правительства Республики Мордовия, получив высокую оценку. От своевременности ее разработки зависело обеспечение функций Централизованной бухгалтерии учреждений культуры республики, а также деятельность 16 министерств и ведомств до 2018 г., в том числе полное финансирование НИИГН включительно (функционирование администрации, научных и вспомогательных отделов, технического персонала и деятельность библиотеки, аспирантуры и научных руководителей).

Подпрограммы и включенные в них мероприятия в совокупности составили свод взаимосвязанных мер по достижению поставленных целей, минимизации возможных рисков, а также решению наиболее важных текущих и перспективных задач. В число главных приоритетов государственной программы вошли реализация стратегической роли культуры как духовно-нравственной основы развития личности и государства, единства российского общества; развитие внутреннего и въездного туризма для приобщения граждан к культурному и природному наследию; создание системы патриотического воспитания граждан, проживающих на территории Республики Мордовия. Механизм реализации государственной программы был построен на принципах партнерства исполнительных органов государственной власти Республики Мордовия и хозяйствующих субъектов, а также четкого разграничения полномочий и ответственности всех ее исполнителей.

Государственная программа Республики Мордовия «Развитие культуры и туризма» на 2014 — 2018 гг., разработанная сотрудниками отдела стала необходимым инструментом определения общих подходов к выработке эффективных мер по обеспечению реализации полномочий органов государственной власти и местного самоуправления в Республике Мордовия в области культуры, туризма и патриотического воспитания.

Осуществляемая в этом направлении научно-исследовательская деятельность создала последующую методологическую платформу для применения кластерного подхода в развитии туризма. На основании поручения Председателя Правительства Республики Мордовия В. Ф. Сушкова относительно реализации задачи по обеспечению участия региона в Федеральной целевой программе (ФЦП) «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011 — 2018 гг.)», поставленной перед исполнительными органами государственной власти Республики Мордовия, сотрудниками отдела региональных исследований и программ была подготовлена Концепция создания и развития туристско-рекреационного кластера «Иненармунь». Обоснованием к ее разработке послужило поручение Министерства культуры и туризма Республики Мордовия от 22 сентября 2014 г. № 1-21/642. Концепция дала толчок к построению современной, эффективной и конкурентоспособной туристской отрасли на основе комплексного и устойчивого использования социально-экономических, природно-климатических и культурно-эстетических ресурсов, туристско-рекреационного потенциала и выявления уникальных территориальных предложений для удовлетворения растущего туристского спроса.

Основные направления и механизмы реализации концепции были отражены в публикации «„Иненармунь“. Визитная карточка Мордовии»[5]. По мнению авторов, поэтапная материализация концепции при создании и развитии этого кластера будет способствовать повышению конкурентоспособности регионального турпродукта. Концептуальные предложения не противоречат разработанному в конце 2014 г. специалистами Министерства культуры и туризма Республики Мордовия инвестиционному проекту «Туристско-рекреационный кластер „Город чемпионов“», участвующему в дополнительном конкурсном отборе для последующего включения в перечень мероприятий II этапа ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма…».

Безусловно, это предопределило тематику дальнейшей научно-исследовательской работы отдела региональных исследований и программ, итогом которой стали аналитические проекты, размещенные в 2016 г. на сайте НИИГН[6].

Общественное признание на уровне органов государственной власти Республики Мордовия и Российской Федерации деятельность НИИГН получила после разработки во втором полугодии 2013 г. комплексно-межотраслевого и социально ориентированного проекта — Концепции РЦП «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия на 2013 — 2018 гг.», а затем на ее базе — одноименной государственной программы[7], регламентированной Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 г. № 718 «О Федеральной целевой программе „Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014 — 2020 годы)“».

В этой работе, проведенной совместно с Министерством по национальной политике Республики Мордовия, определены цели, задачи и направления развития

внутренней национальной политики, финансовое обеспечение и механизмы реализации предусмотренных программных мероприятий, согласно Межведомственному плану мероприятий по гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия на 2014 — 2020 гг., а также показатели их результативности. Развитие гармоничных отношений между представителями различных национальностей и конфессий, проживающих на территории республики, предусматривалось не только с учетом их исторической и культурной самобытности, но и гармонизации при реализации языковой политики, национального образования, науки и этнокультурного развития, мероприятий и механизмов регулирования этой сферы.

Не случайно в числе основных приоритетов программы были выдвинуты упрочение гражданской солидарности и общероссийского гражданского самосознания в условиях формирования российской идентичности — осознания принадлежности к многонациональному народу Российской Федерации (российской нации) у ее граждан, проживающих на территории Республики Мордовия; гармонизация межэтнических и межконфессиональных отношений в формате единения региональной полиэтнической общности (народа Республики Мордовия) на основе сохранения и развития этнокультурного и языкового многообразия народов, населяющих республику; обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств; успешная социокультурная адаптация и интеграция внутренних и внешних мигрантов в региональное многонациональное сообщество, противодействие распространению идей экстремизма и ксенофобии.

По состоянию на начало 2014 г. разработанная сотрудниками отдела программа вошла в Рейтинг-20 программ, отобранных Министерством регионального развития Российской Федерации для рассмотрения вопроса финансирования из федерального бюджета до 2020 г. Более того, данная программа прошла конкурсный отбор на получение субсидии в размере 8,5 млн руб. (2014 г.) и 9,5 млн руб. (2015 г.) из федерального бюджета на софинансирование мероприятий ФЦП «Укрепление единства российской нации…».

Государственное управление общественными отношениями при использовании программно-целевых регулирующих инструментов, характер которых призван развивать потенциал проживающих на этой территории народов, в целом способствует выработке единых методов решения важных аспектов реализации государственной национальной политики России со стороны государственных и муниципальных органов, а также различных политических и общественных сил республики. Целереализующий подход, подкрепленный финансовыми и материально-техническими средствами, объединением усилий правоохранительных органов, органов государственной власти и местного самоуправления, институтов гражданского общества, СМИ, учреждений образования и культуры позволяет добиться повышения результативности государственного воздействия на совершенствование межнациональных и межконфессиональных отношений. Общий объем финансирования из средств республиканского бюджета Республики Мордовия на реализацию программы составил 276 400,2 тыс. руб. (в том числе федеральные средства как результат наличия государственной программы).

О ходе исполнения финансовых обязательств в рамках ФЦП «Укрепление единства российской нации…» докладывалось 18 декабря 2015 г. на методическом семинаре-совещании методической поддержки по разработке заявок на получение субсидий из федерального бюджета под патронажем Министерства по национальной политике Республики Мордовия. По словам министра по национальной политике Республики Мордовия А. М. Чушкина, только в 2015 г. на проведение обозначенных в Государственной программе Республики Мордовия «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений…» на 2014 — 2020 гг. мероприятий из федерального бюджета было выделено 9 456,0 тыс. руб. Министр также отметил, что Республика Мордовия заняла 15-е место из 63 субъектов Российской Федерации, участвовавших в конкурсном отборе (20 российских регионов не выполнили условий конкурса), инициированном Министерством регионального развития Российской Федерации (в настоящее время — Федеральное агентство по делам национальностей).

Разработанная Государственная программа Республики Мордовия «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений…» на 2014 — 2020 гг. стала действенным инструментом минимизации негативных фактов и явлений в межнациональных и межконфессиональных отношениях, способствуя росту уровня благополучия жителей Мордовии. По оценке федеральных институтов, республика занимает 2-е место в положительном рейтинге субъектов Российской Федерации по качеству реализации национальной политики и последнюю строчку — по уровню конфликтности. Достигнутое является итогом плодотворной совместной работы органов государственного управления, научного сообщества и населения республики.

Не менее значимой стала разработка Государственной программы Республики Мордовия «Государственная охрана, сохранение и популяризация объектов культурного наследия» на 2015 — 2020 гг., в которой специалисты отдела региональных исследований и программ приняли участие в 2014 г.

Обращение к данной проблематике было вызвано, прежде всего, неудовлетворительным состоянием значительной части объектов культурного наследия федерального и регионального уровня, что характерно и для Республики Мордовия. Следует отметить, что основные приоритеты государственной политики в сфере реализации государственной программы определены в Концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009 — 2015 гг. и Государственной программе Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013 — 2020 гг. Однако отсутствие в Мордовии специализированной программы, направленной на развитие культурного туризма и охрану памятников истории и культуры федерального и регионального значения, вызвало необходимость в ее разработке и реализации.

В результате сбора и систематизации необходимых материалов был подготовлен и передан в Министерство культуры и туризма Республики Мордовия проект данного документа. Однако из-за дефицита финансовых средств для выполнения основных мероприятий государственной программы ее утверждение было отложено на неопределенный срок. Об этом остается только сожалеть, поскольку нивелирование проблем в этой сфере требует конструктивных позиций в выработке эффективных финансово-организационных мер по обеспечению полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления муниципальных

образований республики в сфере сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия.

Таким образом, новые принципы и подходы стратегирования при подготовке региональных программ и инвестиционных проектов развития Республики Мордовия стали инструментом эффективного диалога властей, ассоциаций бизнеса и гражданского сообщества, продуктом партнерства представителей законодательной и исполнительной власти, крупных предприятий, банков, вузов, НИИ, СМИ и общественных организаций. Реализация программно-целевой парадигмы на базе НИИГН прошла апробацию и успешно применяется при разработке проектов государственного масштаба.

В рамках второго направления деятельности отдела региональных исследований и программ исследовались проблемы формирования государства и политической власти, его взаимодействия с институтами гражданского общества, проводился анализ современных тенденций развития политических элит, региональных аспектов становления и развития российской государственности, этнополитической конфликтологии, национальных и политических процессов и технологий, специфики и основных принципов политического прогнозирования.

Так, с 2009 по 2012 г. сотрудники отдела работали над академическим проектом «Экономика Мордовии переходного периода: 1991 — 2000 годы». Первоначальный план-проспект будущей коллективной монографии предполагал формирование материала в двух томах с освещением основных социально-экономических тенденций в развитии республики, всецело обеспечивающих единство исторического, политического и экономического аспектов при передаче информации. В первом томе планировалось отразить эпоху правления Б. Н. Ельцина (1990 — 2000 гг.), во втором — эпоху В. В. Путина (2000 — 2010 гг.). Однако после неоднократных совещаний и обсуждений плана-проспекта книги остановились на подготовке одного тома. В ходе работы над проектом были учтены некоторые существенные пожелания и предложения:

— добавить материал по науке и научному обеспечению, культуре;

— провести четкое разграничение по отраслям между параграфами и тематическими блоками;

— увеличить временной горизонт до 2010 г.;

— проанализировать методологические основы при структурировании книги;

— уменьшить оценочное давление политических составляющих при обзоре определенных социально-экономических ситуаций в регионе;

— акцентировать внимание на структуру промышленного и сельскохозяйственного производства в регионе, представить отраслевой анализ в разрезе экономической политики государства и ее преломления на периферии;

— учесть размещение производительных сил на территории республики и региональную специализацию;

— ознакомиться с разработками варианта реализации экономических реформ в программе союзного правительства под руководством Л. И. Абалкина с целью возможного применения данных принципов представления материала.

В результате план-проспект монографии состоял из 23 глав, сформированных из 7 частей, посвященных анализу групп социально-экономических тем переходного периода, актуальных на российском и региональном пространстве:

предпосылкам трансформации на федеральном и региональном уровнях (ч. 1, гл. 1 — 3);

макроэкономическим процессам и экономической политике переходного периода на региональном уровне (ч. 2, гл. 4 — 9);

институциональным реформам и проблемам адаптации реального сектора экономики региона (ч. 3 — 4, гл. 10 — 17);

социальной стороне последствий реформ в соответствии с общероссийскими характеристиками (ч. 5 — 7, гл. 18 — 20);

динамике общественного мнения на проводимые изменения (ч. 6 — 7, гл. 21 — 23).

Каждая глава представляла собой не исследование по истории экономической политики России (исторический ракурс, конечно, был, он определял характер многолетнего академического труда), а очерк полномасштабной «теории посткоммунистической трансформации» в отдельно взятом регионе страны. В центре внимания находились острые вопросы внутренней экономической политики и направления их решения на региональном уровне. В проекте был осуществлен принципиальный уход от линейной структуры (когда берется конкретная тема и проводится анализ по заданному периоду), в большей степени характерный для учебно-методических изданий.

Авторами тематических блоков монографии выступили сотрудники отдела, имевшие опыт в подготовке различных научно-исследовательских проектов, в числе которых труды НИИГН «Региональная экономика: проблемы эффективности и безопасности» (2003 г.), «Экономика переходного периода: региональные особенности» (2006 г.), материалы Всероссийской научно-практической конференции «Формирование стратегии устойчивого социально-экономического развития регионов Российской Федерации» (2006 г.), отдельные статьи в журналах «Од вий» (2006 — 2009 гг.) и «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» (2006 — 2016 гг.), монографии «Развитие механизма финансового обеспечения социокультурной сферы Республики Мордовия» (2008 г.), «Стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Мордовия на период до 2015 года» (2008 г.), «Разработка концепции и финансово-экономических механизмов реализации энергосберегающей политики в жилищно-коммунальном хозяйстве Республики Мордовия» (2009 г.), «Республика Мордовия: история, экономика, проблемы (вторая половина 1980-х — середина 1990-х гг.)» (2011 г.) и др.

Отдельного внимания заслуживают некоторые существенные проблемы, с которыми исследователи столкнулись при реализации данного проекта. Так, например, не всегда объективно получалось давать оценку результатам проводимой экономической политики переходного периода. Существующие для этого способы (методы ситуационного анализа, проводимого исследовательскими институтами, и изучения общественного мнения по отношению к каким-то проектам) оказались недостаточными, чтобы в полной мере раскрыть механизм принятия решений в тех или иных проблемах региональной экономики. Несоответствие статистической базы реальным процессам (в некоторых динамических материалах прослеживаются искажение цифровых данных в сторону их завышения, разночтение по отдельным экономическим показателям), сравнительно устаревшая методология, используемая российскими статистическими органами (лишь в последнее время начали придерживаться мировых стандартов, что по-прежне-

му ведет к сохранению очень высокой степени латентных отношений в экономике, снижающих качество и надежность статистических показателей) потребовали от мордовских ученых умения реконструировать и оценивать многие статистические данные, используя методы индивидуальных, групповых либо экспертных подходов.

Более того, накопленные мировой экономической наукой к началу 1990-х гг. теоретические знания в области разработок различных моделей развития относились, скорее, к частным вопросам (факторы экономического роста, политико-экономические циклы, соотношение занятости и инфляции, механизмы макроэкономической стабилизации и т. д.), чем к комплексному анализу переходного процесса. В связи с этим многочисленным группам примененных в коллективной монографии источников оказались свойственны некоторые особенности. Во-первых, статистические источники советского периода отличаются преобладанием количественных характеристик над качественными, что не дает развернутой картины о глубинных процессах в экономической и социальной сферах Республики Мордовия. Во-вторых, статистика 1990-х гг. оказалась более приближенной к реальности, поскольку в официальных изданиях содержатся сведения об уровне жизни населения, его минимальной и средней заработной плате, доходах и т. д. Их комплексное использование в совокупности позволяет объективно решить ряд задач и в большей степени избежать сформировавшейся в этот временной лаг информационной асимметрии.

В процессе работы над проектом структурный план монографии трансформировался в 6 частей и 19 глав. Текстовой материал сопровожден приложениями и графическими объектами в виде таблиц, рисунков и диаграмм, усиливающими оценочные показатели социально-экономической и общественно-политической ситуации в республике в рассматриваемый период. Так, первую часть составили 3 главы, в которых содержится анализ предпосылок преобразований социально-экономической системы в конце XX столетия на федеральном и региональном уровнях. Пять глав второй части посвящены макроэкономическим процессам и экономической политике России на региональном уровне в 1992 — 1996 гг. В последующих пяти главах третьей части «Институциональные реформы в региональной экономике» представлен аналитический материал по приватизации как процессу формирования институциональной базы экономических преобразований в республике, формированию и развитию банковской системы, оценке институциональных реформ в региональном агропромышленном комплексе, преобразованиям в социокультурной сфере, специфике выбранной модели реформирования жилищно-коммунального хозяйства и ее реализации в Республике Мордовия. Четвертая часть, состоящая из двух глав, посвящена проблемам адаптации реального сектора региональной экономики. В пятой части «Социальная цена реформ» в трех главах оценивается демографическое развитие республики в 1990 — 2000 гг., выявляются особенности функционирования рынка труда на начальном этапе реформирования российского общества, характеризуются доходы населения Мордовии в период осуществления экономических реформ. В шестой части представлена картина общественного мнения на проводимые в Мордовии социально-экономические реформы с 1985 по 2000 г.

«Экономика Мордовии: 1990 — 2000 гг.», представляя собой комплексное исследование в разрезе проблем экономических трансформаций переходного

периода, открывает широкое поле научно-исследовательской деятельности не только для ученых-экономистов, историков, политологов, культурологов, но и для ученых других гуманитарных направлений.

На Ученом совете НИИГН, состоявшемся 6 февраля 2014 г., рукопись многолетнего академического проекта «Экономика Мордовии: 1991 — 2000 гг.» была утверждена к изданию.

Существенный вклад научные сотрудники данного структурного подразделения внесли в подготовку двухтомной энциклопедии «Мордовия», магистральных переходных тем коллективных монографий «Мордовия в период реформ конца XX века» и «Политическая элита Мордовии. XX век», трех аналитических докладов о состоянии и развитии гражданского общества в Республике Мордовия в 2006 — 2007, 2010 — 2011 и 2013 — 2014 гг., мониторинг текущей общественно-политической и социально-экономической ситуации в регионе в форме аналитической записки (2002 — 2010 гг.) и др.

В настоящее время отдел успешно продолжает решать задачи координации научно-исследовательских проектов по развитию региона, проводимых государственными научными и образовательными учреждениями республики; занимается анализом и прогнозированием актуальных аспектов социально-экономического и этнополитического развития Мордовии; оказывает методическую и консультационную помощь аспирантам по смежным вопросам.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Кильдюшкина И. Г., Яшкин А. В.** Всероссийская научно-практическая конференция «Формирование стратегии устойчивого социально-экономического развития регионов РФ» // Мордовия: наука, инновации, новые технологии. 2005. № 2. С. 16 — 20.

[2] См.: Формирование стратегии устойчивого социально-экономического развития регионов Российской Федерации : в 2 ч. Саранск, 2006.

[3] См.: **Кильдюшкина И. Г.** Стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Мордовия на период до 2015 года. Саранск, 2008. 316 с.

[4] **Кильдюшкина И. Г.** Разработка концепции и финансово-экономических механизмов реализации энергосберегающей политики в жилищно-коммунальном хозяйстве Республики Мордовия. Саранск, 2009. 244 с.

[5] См.: **Кильдюшкина И. Г., Киселева К. Г., Липатова Л. Н.** «Иненармунь» : Визит. карточка Мордовии // Центр и периферия. 2015. № 2. С. 58 — 69.

[6] Развитие внутреннего и въездного туризма в Республике Мордовия : (Результаты выбороч. обследования населения Республики Мордовия как принимающей стороны (въездной туризм)). Саранск, 2016. 49 с. ; Формирование туристско-рекреационного потенциала Республики Мордовия» / И. Г. Кильдюшкина [и др.]. Саранск, 2016. 237 с.

[7] Об утверждении государственной программы „Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия“ на 2014 — 2020 годы» : Постановление Правительства Республики Мордовия от 18 нояб. 2013 г. № 507 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 08.09.2016).

Подготовили
И. Г. Кильдюшкина, Л. Н. Липатова, А. В. Булавин.

ОТДЕЛ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ: ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Отдел теории и истории культуры был создан в 2004 г. Его научная деятельность связана с исследованием актуальных проблем теории и истории культуры мордовского края, изучением исторической динамики культурного пространства провинции, исследованием современного состояния культуры Мордовии, разработкой общетеоретических вопросов межкультурного диалога в мордовском крае.

Первым академическим проектом отдела стал энциклопедический справочник «Мордовия, XX век: культурная элита»[1], ставший закономерным продолжением и дополнением опубликованной ранее энциклопедии «Мордовия»[2]. Несмотря на широту охвата представленных в энциклопедии людей, внесших значительный вклад в социокультурное развитие республики, Ученый совет НИИГН в 2005 г. принял решение значительно увеличить список персоналий, составляющих культурную элиту региона. В итоге новый справочник включил в себя более 2 тыс. биографий научной, творческой, педагогической интеллигенции, управленцев культуры Мордовии.

При отборе персоналий авторский коллектив руководствовался пониманием того, что культурная элита — это особый слой общества, обладающий специфическими способностями, проявляющимися в умении вырабатывать новые идеи, ставить и решать смыслобытийные вопросы. На основе этого в энциклопедический справочник вошли биографии представителей региональной культуры, внесших наибольший вклад в генерирование нового знания (ученые, исследователи, изобретатели и т. п.); участвовавших в создании новых форм эстетического освоения действительности и сыгравших существенную роль в развитии региональной, общероссийской и мировой культуры (художники, музыканты, артисты, писатели и т. п.); создававших условия для достижения запланированных целей в социокультурной сфере (управленцы, руководители и организаторы региональной социокультурной политики); обеспечивавших трансляцию знаний, ценностных ориентаций и опыта, накопленного в обществе (педагоги и организаторы образования).

Биографические данные, опубликованные в справочнике, были собраны из нескольких источников: публикаций в открытой печати, архивных сведений и других изданий справочного характера, а также на основе собственноручно заполненных анкет и личных бесед. Биографическая справка включает в себя сведения о дате и месте рождения, образовании, о времени поступления на службу и занимаемых должностях; наградах, значимых публикациях и работах. Благодаря такому подходу был получен объективный и достоверный социальный портрет представителя региональной культурной элиты.

Дальнейшее направление в работе отдела теории и истории культуры продолжилось в написании и подготовке к изданию коллективной монографии «Культура Мордовии. XX век». Идея создания цикла обобщающих работ по региональной культуре возникла в НИИГН в 2008 г. В этом же году сотрудники отдела приступили к составлению плана-проспекта, а затем к работе над параграфами будущей монографии. За несколько лет проект воплотился в комплексную обобщающую

работу, посвященную истории развития профессиональной культуры в мордовском крае и Республике Мордовия на протяжении всего XX в. В настоящее время исследование полностью готово к изданию. Принципиально важным моментом при написании монографии явился отказ от классового подхода и идеологической предвзятости, что позволило авторам проследить соотношение традиций и новаций. Социокультурный подход в полной мере разрешил исследовать всю палитру взаимоотношений власти и культуры.

В ходе работы над проектом были задействованы архивные материалы ГАПО, ЦГА РМ, НА НИИГН, мемуары, статистические материалы, периодические издания, новейшие научные издания и т. д. Монография имеет четкую, продуманную и обоснованную структуру, в которой отражены все наиболее важные вехи развития региональной культуры на протяжении XX в. Первая часть издания состоит из трех глав и охватывает период с начала XX в. до 1953 г.

В первой главе рассмотрен широкий круг проблем, связанный с социокультурным развитием мордовского края в начале XX в. В ней исследованы особенности демографического и социального развития края в конце XIX — первые десятилетия XX в., выявлены исторические особенности, предопределившие неповторимое своеобразие социальных и межнациональных отношений в регионе. Проанализировано состояние школьного образования в мордовском крае, его развитие; дана оценка деятельности учебных заведений, их роли в формировании образовательного и общекультурного уровня населения в конце XIX — начале XX в. Логичным продолжением темы просвещения в мордовском крае в рассматриваемый период стал параграф, посвященный исследованию библиотечно-издательской деятельности (прослежены организация библиотечного дела, вклад библиотек в социокультурное развитие региона).

В начале XX в. на территории мордовского края проявилась общероссийская тенденция, связанная со становлением и развитием народного любительского театра. В это время в уездных городах края увлечение любительскими театральными постановками становилось распространенным явлением, достигая высокого исполнительского уровня. Другими колоритными элементами культурной жизни мордовского края в это время были благотворительность и меценатство. Особое значение приобрели формы личного участия частного лица или группы лиц в помощи нуждающимся, вклады в строительство или содержание благотворительных учреждений, стипендии и пособия, участие в общественных акциях и т. п.

В первые десятилетия XX в. городская архитектура мордовского края достигла пика своего развития, войдя в пору завершения периода традиционного русского градостроительства.

Предметом исследования авторского коллектива явилась также этноконфессиональная ситуация в мордовском крае. В этот период этноконфессиональный состав населения и социокультурное развитие региона способствовали бытованию нетрадиционных религиозных верований сектантского толка.

Активизация культурной жизни российской провинции второй половины XIX — начала XX в. оказала существенное влияние на интеллигенцию мордовского края, ставшую носителем новой культуры. Если в первой половине XIX в. ведущее место в культурной жизни провинции занимали дворяне, то во второй половине, особенно в конце столетия, — мещане, купцы и священнослужители.

Вторая глава монографии посвящена исследованию особенностей культурного строительства в первое десятилетие советской власти (1917 — 1928 гг.), влияния советской власти и общественно-политических процессов на социокультурное пространство мордовского края.

Приход к власти нового режима, стремившегося стереть все достижения прошлого во всех сферах жизни, оказал существенное воздействие на развитие региональной культуры. Советская власть приступила к осуществлению новой культурной политики, под которой подразумевалось создание нового типа культуры — пролетарской, аккумулировавшей самые революционные и передовые идеи, идеологию марксизма, воспитание нового типа человека, распространение всеобщей грамотности и просвещения, создание монументальных художественных произведений, воспевающих трудовые подвиги простых людей, и т. д. Тем не менее для культуры мордовского края 1920-е гг., несмотря на идеологические перегибы, стали временем зарождения и становления национальных школ, науки, литературы и искусства.

Сложно переоценить вклад советской власти в развитие системы народного образования. В период 1917 — 1928 гг. были заложены основы школьного и среднеспециального образования в регионе. На иной уровень вышли взаимоотношения учительства и власти, которые приобрели политический аспект и перешли в плоскость перевоспитания старого учительства и воспитания новых педагогов, способных стать проводниками новой идеологии.

Идеология оказала решающее влияние и на изменение архитектурного облика региона, что обусловливалось изменением эстетико-мировоззренческой составляющей в культурном сознании населения мордовского края. На тот момент культовые здания утратили прежнюю значимость, став ложными святынями, требовавшими уничтожения и замещения новыми. Другой характерной чертой социокультурной жизни общества в те годы стала антирелигиозная политика государства, проявившаяся в преследованиях и разнообразных ограничительных мерах в отношении практически всех конфессий.

В третьей главе монографии прослежено развитие региональной культуры в сталинскую эпоху (1927 — 1953 гг.). Этот период получил неоднозначную оценку как в истории культуры мордовского народа, так и всей советской культуры. Культура Мордовии в это время развивалась под жестким идеологическим прессингом и контролем партийных органов. Развитие региональной культуры осуществлялось по шаблону указов и партийных директив, не всегда отвечавших реальным потребностям населения. Это отразилось в сложных и противоречивых взаимоотношениях культуры, насаждавшейся «сверху», и реально существовавшей культурной действительностью. С другой стороны, в сталинский период были достигнуты значительные успехи в сферах образования, науки, печати, СМИ, литературы и искусства.

В конце 1920-х — 30-е гг. развитие школьной системы Мордовии проходило под лозунгом внедрения всеобщего обязательного начального, а затем и семилетнего обучение. Четкие и продуманные реформы 1930-х гг. обеспечили окончательное оформление структуры школьной системы Советского государства. В эти же годы шел процесс становления высшей школы Мордовии, которая рассматривалась в качестве главной кузницы высококвалифицированных кадров для

молодой республики. Другим существенным аспектом региональной культуры стало развитие науки. Основными научными центрами Мордовии в послевоенный период стали научно-исследовательские учреждения, заложившие начало систематическому проведению научно-исследовательских работ в области языка, литературы, истории и других наук, в том числе подготовки национальных научных кадров.

Влияние сталинской эпохи прослеживалось также в развитии литературы и искусства Мордовии. В данный период литература выступала как одна из форм общественного сознания, на страницах различных изданий отражались многие нюансы и конфликты общественно-политической жизни. 1928 — 1953 гг. стали временем становления и развития профессионального театрального, музыкального и изобразительного искусства в Мордовии. Характерным явлением для изобразительного искусства региона этого периода были укрепление и развитие социалистического реализма как основного метода изображения действительности.

Развитие средств массовой коммуникации в количественном и качественном измерениях являлось одной из приоритетных задач государственной политики в области культуры. СМИ в качестве первых массовых пропагандистов внесли существенный вклад в просвещение и борьбу с культурной отсталостью населения Мордовии.

Обстоятельно в монографии рассмотрено функционирование региональной культуры в годы Великой Отечественной войны, ее вклад в мобилизацию сил тружеников тыла на выполнение трудных задач военного времени.

Сквозной темой первой части «Культуры Мордовии. XX в.» стала проблема взаимодействия власти и культуры. Это было неизбежно, поскольку развитие культуры в первой половине XX в. происходило в условиях глобальной модернизации общественно-политической и социально-экономической жизни общества и именно государство определяло то, какими должны быть образование, наука, искусство, литература, архитектура, живопись и т. д.

Вторая часть монографии состоит из двух глав. В первой главе рассмотрена культурная политика МАССР в 1950-е — 80-е гг., т. е. периоды хрущевской «оттепели» и «развитого социализма». На основе анализа предшествующих достижений региональной историографии и впервые задействованного в научный оборот богатого архивного материала был выявлен ряд черт, характерных для периода десталинизации в области культуры на территории Мордовии, исследована региональная культурная политика в брежневский период, в частности, раскол культуры на официальную и неофициальную. Подчеркнуто, что в жизни республики 1953 — 1964 гг. социокультурная сфера, несмотря на «оттепель», по-прежнему оставалась под жестким партийным и ведомственным контролем. В отдельных параграфах рассмотрены такие основополагающие сферы культуры республики, как образование, литература и книгоиздательская деятельность, профессиональные и традиционные изобразительное искусство, музыка и театр, в развитии которых преобладали тенденции, в целом характерные для советского этапа с элементами национально-культурных специфических черт. Существенное внимание уделено архитектуре и градостроительству, деятельности творческих союзов в контексте их взаимоотношений с партийно-государственными органами, конфессиональной ситуации в Мордовии. В отдельный параграф выделен обзор инфра-

структуры культуры республики рассматриваемого периода, для которой было характерно укрепление материальной базы культурно-просветительных учреждений, учебных заведений, учреждений искусства.

Развитие системы образования в республике в послевоенный период рассмотрено более подробно в связи со значимостью проблемы и количеством используемых источников. Существенное внимание уделено происходившим трансформациям в среднем образовании: школьным реформам 1958 и 1984 гг., введению всеобщего среднего образования и расширению возможностей среднего специального. В частности, основной целью первой реформы являлось дальнейшее улучшение общеобразовательной и политехнической подготовки учащихся на основе осуществления тесной связи обучения с жизнью. Проведение второй реформы предусматривало дополнение среднего образования молодежи всеобщим профессиональным образованием и обеспечение перехода к нему, возрастание авторитета и значения системы профтехобразования.

Один из параграфов посвящен периоду расцвета советской высшей школы в Мордовии. В конце 1940-х — середине 80-х гг. внимание власти акцентировалось на формировании идейно-политического и культурного облика вузовской молодежи — авангарда советского общества. В результате грамотно проводимой воспитательной работы формировались такие качества молодежи, как патриотизм, коллективизм, интернационализм.

Вторая глава монографии посвящена анализу основных векторов культурного развития Мордовии в постсоветский период. Рассмотрев главные тенденции культурной политики в регионе в перестроечный период, а также роль средств массовой коммуникации в «декоммунизации» социокультурного пространства региона, авторы констатировали возрастание роли новейших СМИ, трансформацию образовательной системы республики, происходившую в трудных условиях ломки прежних стандартов и программ в 1990-е — 2000-е гг. (изменения в статусе учебных заведений, содержании образовательных программ, методики преподавания и др.), децентрализацию управления образованием, пересмотр требований к целям, задачам и функциям муниципального образования (приоритетность в вопросах соответствия качества и содержания образовательных программ потребностям подраставшего поколения, инфраструктуры образовательных учреждений требованиям времени).

Отдельное внимание в главе уделено анализу проблем, стоявших перед наукой, прежде всего вузовской. Реформирование и развитие высшей школы в 1990-х гг. было направлено на диверсификацию существовавшей системы высшего образования (сделать ее более многообразной, гибкой, приспособленной к внутренним потребностям России, изменениям в экономике и общественной жизни, интегрированной в мировое образовательное пространство).

В главе подробно рассмотрены самые значимые направления и тенденции в развитии новейшего мордовского изобразительного искусства, музыки, архитектуры и градостроительства, дана характеристика новым ориентирам в местной литературе. Перестройка, охватившая все сферы жизни общества, привнесла в отечественное искусство переосмысление принципов художественного творчества. Изменения в политической жизни страны легализовали авангардные течения, в том числе в изобразительном искусстве республики. Для развития

музыкального искусства Мордовии указанного периода были свойственны богатство палитры жанров и стилей, интересные концепции, поиски в области музыкальной выразительности, этнической характерности. Литературу характеризовали освобождение от идеологических догм, расширение тематического диапазона, обогащение жанровых форм, усиление исследовательского и аналитического начал.

Существенное внимание в монографии уделено этнокультурной политике, проводимой в регионе, а также особенностям конфессиональной ситуации, сложившейся в связи с возвращением религии как культурного явления и значимого фактора духовной жизни в общественную орбиту республики. Господствовавшую в советский период модель управляемого, в некоторой мере стимулируемого и жестко контролируемого этнического многообразия в конце 1980-х — 90-е гг. сменила политика признания прав народов на свободное самовыражение, сохранение и развитие этнокультурной самобытности. Образовавшийся идеологический и мировоззренческий вакуум интенсивно заполнялся национализмом. Происходили этнокультурное и связанное с ним религиозное возрождение, возвращение к корням этнической идентичности, формирование различных национально-культурных обществ и этнополитических структур, активно функционировавших в условиях новой реальности. Некоторая стабилизация в данной сфере наступила только на рубеже 1990-х — 2000-х гг.

Таким образом, данный проект, с точки зрения современных теоретико-методологических позиций, освещает ключевые проблемы культурного развития мордовского края и Мордовии в XX — начале XXI в.

В течение трех лет (с 2012 по 2014 г.) сотрудники отдела работали над коллективной монографией «Культура Мордовии. XIX век» — первым в региональной историографии обобщающим исследованием культуры мордовского края данного периода. В настоящее время работа полностью подготовлена к изданию.

В монографии на основе использования новых теоретико-методологических подходов, достижений региональной историографии в области культуры систематизирован и изучен документальный и фактический материал, охватывающий значительный культурный пласт мордовского края XIX в. В исследовании отражены и раскрыты ключевые моменты культуры сословий, выявлены основные процессы, оказавшие существенное влияние на формирование социокультурного пространства края. Монография базируется на работах известных региональных ученых: С. Б. Бахмустова, Н. Л. Васильева, И. Д. Воронина, Н. И. Ворониной, С. В. Грачева, В. Л. Житаева, М. П. Кулясова, В. И. Лаптуна, В. Б. Махаева, Н. Ф. Мокшина, Е. Н. Мокшиной, О. М. Савина, А. В. Тюстина, В. А. Юрчёнкова.

Хронологически монография охватывает весь XIX в. Выбранный период определяется многообразием внутренних и внешних общественно-политических событий, влиявших на ход социокультурных процессов как в России, так и в мордовском крае. История культуры XIX в. характеризуется своей неповторимой цельностью. Это столетие чрезвычайно богато и динамично в социально-культурном отношении; оно оставило отечественному культурному наследию уникальные памятники богатой разносторонней культуры различных слоев российского дореволюционного общества. Сословный подход стал определяющим при написании монографии, так как культура XIX в., оставаясь сословной, представ-

ляла собой сложное сочетание культур, порожденных деятельностью социальных групп. Богатая дореволюционная культура российского дворянства, купечества, духовенства и мещанства в советской историографии отражена недостаточно полно. Как правило, внимание акцентировалось на негативных сторонах их жизни, что закономерно привело к потере накопленных культурных традиций разных сословий дореволюционной России. Материалы монографии восполняют пробелы в истории культуры мордовского края, так как представители каждого сословия, сохраняя свои традиции, обычаи и нравы, внесли определенный вклад в развитие культуры.

Материал книги структурирован в два значительных тематических блока: «Культура мордовского края в первой половине XIX века» и «Культура мордовского края во второй половине XIX века», в главах которых рассмотрена культура отдельного сословия. В этой связи следует отметить сложность, кропотливость проделанной работы по сбору и обобщению опубликованных и архивных источников, изучению общей и специальной литературы. Материал для многих глав книги собирался буквально по крупицам, так как некоторые темы ранее не исследовались. В задачу авторов входило как можно полнее раскрыть культуру дворянского сословия, показать его роль в создании и развитии культурного пространства мордовского края.

Существенное внимание в монографии уделено литературному творчеству таких выдающихся представителей местного дворянства, как А. И. Полежаев, Н. П. Огарев, А. И. Пальм, И. В. Селиванов, Д. Ю. Струйский (Трилунный), Н. Е. Струйский. Многие провинциальные дворяне стали яркими выразителями культурных вкусов своего поколения. Их литературные опыты, с одной стороны, являлись выражением претенциозного желания громко заявить о себе, с другой — были данью господствовавшей моде или, что еще прозаичнее, обычным средством досуга. Лишь для немногих избранных литература становилась призванием жизни.

Усадебная архитектура в региональном ландшафте показана сквозь призму владений Струйских, Огаревых, Желтухиных, Полянских и Румянцевых, находившихся на территории мордовского края. На многочисленных примерах продемонстрировано превращение многих имений в подлинные культурные «гнезда» края. В провинции, вдали от элегантного чиновничьего Петербурга и шумной вельможной Москвы, формировалась изящная, нередко наивная в своей благородной простоте архитектура, складывались основы местного ландшафтного проектирования, создавались оригинальные произведения живописи и поэзии; развивался крепостной театр.

На основе воспоминаний В. В. Вигеля, Н. А. Тучковой-Огаревой, Е. Ю. Хвощинской и И. А. Салова в монографии раскрыта театральная деятельность ряда домашних крепостных театров, которые впоследствии составили достойную конкуренцию первому общественному театру губернии. Крепостные театры помещиков Струйских и Араповых, несмотря на то что носили замкнутый усадебный характер, оказали заметное влияние на культурное развитие региона и страны. Дворяне, увлеченные литературой, искусством и театром, писавшие о театре, являлись частью той концентрированной культурной среды, в условиях которой складывалось профессиональное понимание сценического искусства.

Анализ деятельности дворянских библиотек Полянских, Румянцевых, Струйских и Огаревых позволил сделать вывод о значительном вкладе этих библиотек в сокровищницу отечественной культуры, ставших памятниками исторического прошлого. Некоторые экземпляры из их собраний сохранились до сегодняшних дней.

Отдельно в монографии рассмотрена деятельность уроженца Краснослободска, ученого-археографа и коллекционера Петра Ивановича Севастьянова. Результаты его исследований являются высоким образцом служения науке, ценнейшим наследием эпохи. Археографические экспедиции, проведенные с его участием, по своей масштабности сравнимы с аналогичными мероприятиями членов научного кружка графа Н. П. Румянцева — П. И. Строева, К. Ф. Калайдовича и П. И. Кеппена, однако отличались большей эффективностью в связи с использованием фотографии. Нет сомнений, что наследие частных коллекций востребовано в российской культуре сейчас и сохранит свою роль в обозримом будущем.

В пореформенное время дворянская усадьба, утратив привычные функции классической эпохи, не прекратила своего существования. В монографии прослежена эволюция усадеб мордовского края, показано, как они продолжали жить в новых экономических условиях, органически приспосабливаясь к ним, превращаясь в центры экономического и культурного развития края. Владельцы усадеб становились предпринимателями и рачительными хозяевами. Кроме того, дворянские усадьбы по-прежнему играли важную культурообразующую роль: в них концентрировалась научная и художественная жизнь края, а дворянское сословие в пореформенное время оставалось тем социальным слоем, в котором ранее других формировалось гражданское и национальное самосознание. Подробно, в очерковой форме, в книге изложен вклад видных представителей дворянства (помещиков Араповых, Кикиных, Н. М. Сатина, Н. А. Тучковой-Огаревой, И. А. Салова, Н. Ф. Филатова, братьев Филатовых, Н. И. Метальникова) в развитие региональной культуры.

При анализе культурного пространства уездных городов мордовского края были использованы методологические подходы, представляющие собой синтез институционального и социокультурного подходов к изучению истории культуры. Системное исследование динамики социокультурных процессов уездных городов XIX в. позволило дать им объективную оценку, проанализировать роль городских сословных обществ в развитии культуры уездных городов и многообразные культурные практики горожан, направленные как на достижение динамического развития социокультурных процессов, так и на сохранение традиционной городской культуры и отрицание любых новаций в этой сфере.

В первой половине XIX в. формировалась структура городской культуры, поэтому основные акценты в монографии сделаны на развитии образования и библиотек как фактора повышения культурного уровня городского населения и на зарождении традиций регионального художественного искусства. Саранская живописная школа, несмотря на непродолжительный срок своего существования, оставила заметный след в культуре провинции. Почти четверть века она была средоточием художественной жизни мордовского края.

При рассмотрении вопросов формирования и развития гражданской архитектуры уездных городов существенное внимание уделено реконструкции уездных городов, развернувшейся в конце XVIII — начале XIX в. В результате рекон-

струкции города получили новые пространственные элементы: регулярную планировку, типовую застройку кварталов, соборную и торговую площади, прямые улицы с фронтальной застройкой. Несмотря на низкий административный статус городов, их центры проектировались как ансамбли. Решающую роль в формировании нового архитектурного облика провинциальных городов в этот период сыграли общественные здания, ставшие главными образцами регулярного строительства.

В мордовском крае во второй половине XIX в. возросло влияние уездных городов на социально-экономическую и культурную жизнь уездов. В монографии подробно проанализирован процесс интеграции культурных процессов уездных городов и деревень, когда город становился центром распространения сельскохозяйственных знаний. В уездных городах проводились выставки сельских произведений (сельскохозяйственные выставки), окружные сельскохозяйственные съезды, беговые испытания, выставки и премирование лошадей, ярмарочные торги, превращавшие небольшие уездные города в центры экономической и культурной жизни сельскохозяйственной округи. Проведение ярмарок оставалось наиболее популярной формой организации праздничного досуга провинциала. Ярмарка являлась каналом для проникновения в провинциальную среду продукции массовой культуры и популярного искусства. Так, посредством ярмарок в повседневную жизнь городов мордовского края вошли театр и музыка, цирк и кинематограф, литература и живопись.

Значительное внимание в книге уделено градостроительству и городскому благоустройству. Подчеркивается, что в этот период архитектурный облик города зависел не столько от его возраста, административного статуса и размера, сколько от уровня хозяйственного развития. Характерной чертой провинциального города являлась сакрализация культурного пространства, когда главными объектами, определявшими облик города, становились культовые здания и комплексы.

В последние годы многие исследователи обращаются к изучению проблем культуры духовного сословия. Деятельность духовного сословия во все времена не ограничивалась только богослужением. Книжное дело, образование, различные виды искусств, благотворительность, организация приютов и больниц — вот далеко не полный перечень направлений, в которых духовенство принимало активное участие. Благодаря усилиям представителей этого сословия в уездах получили развитие образование и библиотечное дело. Духовенство было самым грамотным сословием, поэтому именно оно в конце XVIII — начале XIX в. составило основную часть учительства мордовского края. Роль духовенства в формировании прослойки грамотного населения трудно переоценить. Как отмечают авторы монографии, система духовного образования первой половины XIX в. оказала существенное влияние на развитие социокультурной среды мордовского края, способствуя созданию условий для формирования единого духовно-культурного пространства региона. Монастырские библиотеки, несмотря на малодоступность для широкого круга читателей, сыграли значимую роль в формировании нескольких поколений представителей духовного сословия.

В исследовании подчеркивается, что духовенство принимало непосредственное участие в храмовом строительстве, которое в XIX в. на территории мордов-

ского края переживало пору расцвета. Об этом свидетельствуют как многочисленность возведенных в данный период приходских церквей, закладка новых монастырских ансамблей, так и разнообразие архитектурных стилей и форм, в которые облекались культовые здания.

В первой половине XIX в. именно благодаря представителям духовного сословия в мордовском крае были заложены базовые основы социального служения, получившие дальнейшее развитие в последующие десятилетия. Социально ориентированная деятельность духовного сословия являлась неотъемлемым атрибутом и негласным условием церковного служения, проявлявшаяся в устройстве школ, приютов, строительстве церквей, организации богаделен, больниц и во многом другом.

В этой связи значительное внимание уделено деятельности православных миссионерских сообществ: Братства святителя Гурия, Братства Трехсвятителей, Братства Великого князя Георгия и Иннокентиевского братства Пресвятой Богородицы, функционирование которых объективно способствовало развитию культуры и образования населения в регионе. Одним из результатов миссионерских усилий стало формирование национальной интеллигенции. Деятельность миссионерских просветителей стала одним из источников, питавших формирование программ национальных просветителей народов региона.

Духовенство Русской православной церкви (РПЦ) принимало активное участие в организации и содержании народных школ по всей России. Основной целью начальных народных училищ являлось утверждение в народе религиозных и нравственных понятий, распространение базовых знаний. В этой связи не осталась без внимания история Краснослободского духовного училища, занимающего значительное место в истории культуры мордовского края.

При написании монографии достаточно сложно было выявить проблемы культурного развития крестьянского сословия в первой половине XIX в., так как преобладавшая в этот период традиционная культура не входила в круг рассматриваемых вопросов. В результате был сделан акцент на христианизацию и трансформацию традиционного мировоззрения крестьян. В данный период основное внимание православной церкви уделялось усвоению основных догматов христианской религии, вытеснению языческих культов, переводу священных текстов и молитв на мордовский язык, составлению учебных пособий церковной направленности. Показателями роста духовности населения мордовского края в первой половине XIX в. было укрепление существовавших и появление новых обителей, численный рост монашества, строительство церквей и храмов.

Значительную опасность в дестабилизации роли РПЦ, по мнению светских властей и духовенства, представляло старообрядческое сектантство, так как коренное население мордовского края в своих религиозных воззрениях сохраняло пережитки язычества. Распространение сектантства сдерживалось не только духовенством, но и правительством, которое путем применения жестких карательных мер стремилось противостоять распространению сектантства и иных неправославных конфессий в регионах Российской империи.

Ярким элементом духовной жизни мордовского края, привлекшим внимание авторов монографии, было сочетание пережитков архаических верований и традиций ислама, которые продолжали сохраняться в мифологии, фольклоре, обыча-

ях и обрядовом комплексе татар-мишарей. Попытки обращения татар-мишарей в православие в первой половине XIX в. успехом не увенчались.

Во второй половине XIX в. одним из основных факторов формирования культурной среды в России в целом и в Мордовии в частности являлся устойчивый рост социальной активности населения. Именно поэтому в монографии важно было продемонстрировать участие крестьянских обществ в развитии культуры. В результате анализа источников был сделан вывод о том, что нередко инициатива открытия школ исходила именно от сельских обществ. Они принимали активное участие в распространении образования (ассигновывали суммы, расходуемые на жалованье преподавателям и на содержание училищных помещений), медицинском обслуживании населения, поддерживали культурные начинания в своем селе (в частности, деятельность крестьянского театра В. С. Серовой). Для крестьянской общины первоочередным являлось сохранение местного бытового и культурного колорита.

Интерес крестьянских обществ проявлялся также в развитии библиотечного дела, переживавшего на рубеже XIX — XX вв. пору расцвета. Возросший культурный уровень и повышение грамотности населения способствовали превращению библиотек-читален в просветительские центры на селе. Потребность сельского обывателя в чтении диктовала необходимость в увеличении их количества, несмотря на неравномерность формирования библиотечной сети в уездах.

Существенное внимание в монографии уделено деятельности земств, сыгравших главную роль в развитии образования на территории мордовского края. На них были возложены расходы по открытию народных школ в сельской местности, создание материальной базы училищ, подготовка профессиональных педагогов. Результатом работы земств явилось развитие таких форм внешкольного обучения, как воскресные школы, народные чтения, библиотеки, народные театры.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что коллективный труд «Культура Мордовии. XIX век» представляет собой академическое научное исследование, ориентированное на современного читателя самого широкого круга.

С 2010 г. научный коллектив отдела теории и истории культуры совмещал энциклопедическую направленность в работе с изданием серии сборников «Свод документов и материалов по истории и культуре мордовского края». В 2013 г. в рамках этой серии вышла книга воспоминаний «Российская провинция первой четверти XIX в. Мордовский край глазами участников и современников Отечественной войны 1812 года»[3].

Издание представляет собой сборник документов мемуарного характера и отрывков из некоторых художественных произведений, подобранных в соответствии с хронологическим принципом и тематически близкими к проблематике Отечественной войны 1812 г. и событиям «околовоенной эпохи» — первой четверти XIX в. Одно из заглавий сборника свидетельствует о том, что в него включены документы, представляющие интерес для изучения такого важного направления российской исторической науки, как региональная история, другое — указывает на тот факт, что все собранные в нем материалы имеют непосредственное отношение к истории мордовского края, который в описываемое время частично входил в Пензенскую губернию.

Научно-справочный аппарат издания, подготовленный и представленный составителями, включает вступительную статью, археографическое предисловие, биографические сведения об авторах произведений, постраничные подстрочные примечания по тексту документов и затекстовые комментарии, поясняющие содержание документов, указатели имен и географических названий, встречающихся в тексте.

Воспоминания являются одним из наиболее ярких, хотя и субъективных, видов исторических источников. Вместе с тем мемуаристика имеет под собой очевидную фактологическую базу, и по этой причине представляет непреходящий интерес для профессионального историка. Мемуарные источники, вошедшие в данный сборник, отражают различные стороны жизни эпохи, а также наблюдения и мнения людей различных социальных групп. Среди авторов мемуаров — представители дворянской элиты (И. М. Долгоруков, Ф. Ф. Вигель), провинциального дворянства (П. И. Юматов, И. Т. Шишкин, К. И. Селунский), немецкие и итальянские военнопленные великой армии Наполеона. В числе материалов содержатся отрывки из художественных произведений, основанных на воспоминаниях их авторов — известных литераторов XIX в. (М. Н. Загоскин, А. И. Пальм).

Воспоминания, включенные в сборник, дают богатый иллюстративный материал к провинциальной действительности первой четверти XIX в., затрагивая такие ее стороны, как закулисная жизнь и традиционный досуг дворянской элиты, военные впечатления ополченцев, быт и нравы местного русского и мордовского населения Пензенской губернии глазами иностранцев. Среди описываемых в них событий — поездки по Нижегородской и Пензенской губерниям дворянских авторов мемуаров, бунт ратников ополчения в Инсаре в декабре 1812 г., заграничные походы 1813 — 1814 гг. участников пензенского ополчения, будни военнопленных наполеоновской армии на территории мордовского края. В своих записках авторы раскрывают разные грани развития общественной жизни края. Так, воспоминания И. М. Долгорукова и Ф. Ф. Вигеля фактически представляют собой энциклопедию нравов провинциального дворянства, преимущественно пензенского. Записки П. И. Юматова, К. И. Селунского и И. Т. Шишкина дают сравнительно полное представление об истории местного ополчения, участники которого в итоге прошли весь путь с русской армией в заграничном походе против Франции. Дневники Х. Йелина, Ф. Зодена, Ф. Фуртенбаха и других военнопленных рисуют отчетливую картину местного быта и образа жизни. Во фрагментах произведений М. Н. Загоскина и А. И. Пальма содержится общая характеристика повседневности провинциальных городов.

В 2014 г. в Казани сборник «Российская провинция первой четверти XIX в. …» был награжден Дипломом лауреата Международного отраслевого конкурса изданий для высших учебных заведений «Университетская книга — 2014: социально-гуманитарные науки» в номинации «Лучшее справочное издание».

Сборник мемуаров в полной мере отражает атмосферу российской провинции рассматриваемой эпохи и может значительно обогатить восприятие данного периода как учеными-историками, так и всеми интересующимися региональной историей. По мнению доктора исторических наук, профессора В. В. Кондрашина, «это важный исторический труд, имеющий большую научную и общественную значимость, свидетельствующий о том, что НИИ гуманитарных наук при Прави-

тельстве Республики Мордовия по праву считается одним из флагманов региональной российской науки»[4].

В 2012 г. в сферу научной деятельности отдела теории и истории культуры входило изучение и извлечение судопроизводственных дел Саранского уездного суда из ЦГА РМ. Итогом архивной работы стала публикация «„Я жил больше сердцем…“ Из судебной практики господина уездного судьи И. В. Селиванова»[5], в которой был проведен сравнительный анализ биографических сведений о писателе, реальных судопроизводственных дел, архивных документов, относящихся к вопросам кадрового и административно-хозяйственного делопроизводства. Исследователи доказали, что мордовский период жизни И. В. Селиванова стал временем накопления материала для его очерков и рассказов.

И. В. Селиванов был одним из видных представителей дворянской интеллигенции, участвовавшим в жизни мордовского края в 40-х гг. XIX в. Его литературное наследие вызывает интерес ввиду связи писателя с мордовским краем: здесь проходила его служба, здесь же был взят основной материал к художественному циклу его сочинений. В 2014 г. в рамках проекта «Свод документов и материалов по истории и культуре мордовского края. Литература» была опубликована книга И. В. Селиванова «Провинциальные воспоминания. Из записок Чудака»[6]. Данное издание явилось первой за более чем полуторавековую историю попыткой полного переиздания сочинений писателя[7].

Воспоминания И. В. Селиванова, представленные в виде отдельных очерков и рассказов, имеют четкую хронологию и основаны на личных впечатлениях и действительных фактах из служебной деятельности автора. Предположительно, повествование охватывает эпоху 1840 — 50-х гг. и относится к современным территориям Мордовии и Москвы.

Особенно ценным является тот факт, что ряд персонажей, географических местностей и сюжетов, приведенных в сочинении, имеют реальные прототипы и события. Таким образом, художественные наблюдения писателя дают возможность проследить современникам некоторые особенности развития региона во второй четверти XIX в.: повседневную жизнь уездного Саранска, порядки помещичьей среды, картины крестьянского быта, нравы дворянского сословия, художественные образы представителей различных социальных слоев, специфику дореформенного судопроизводства. Сюжеты воспоминаний представляют собой нечто среднее между рассказами и мемуарами и, безусловно, интересны для регионально-исторической науки.

При составлении сборника мемуаров не вносились изменения в авторский порядок расположения рассказов. Научно-справочный аппарат издания включает предисловие (вводную статью и археографическое предисловие), примечания по тексту, географический и именной указатели. Переводы иноязычных текстов, значение устаревших слов, жаргонизмов, историзмов и т. п. даются в подстрочных примечаниях. Персонажи, факты, события и явления по содержанию текста, требующие детального пояснения, вынесены в затекстовые комментарии.

В комментариях разъясняются особенности текста (приписки, пропуски, отдельные неправильно используемые слова и т. п.); поясняются исторические события, явления и процессы; приводятся краткие биографические сведения об упоминаемых в рассказах исторических личностях.

Кроме осуществления фундаментальных и прикладных исследований, частью научной деятельности отдела теории и истории культуры являются организация и проведение научных мероприятий, в частности конференций. Так, например, в 2008 г. состоялась конференция «Центр и периферия: культура российской провинции», по результатам которой были опубликованы научные труды НИИГН[8].

Отдел координирует научно-исследовательские работы по проблемам теории и истории культуры мордовского народа, проводимые государственными научными и образовательными учреждениями Республики Мордовия; накапливает и систематизирует научную информацию о теории и истории мордовской культуры, мордовском этносе; подготавливает квалифицированные научные кадры для республики; занимается популяризацией научных знаний по профилю деятельности отдела.

Библиографические ссылки

[1] См.: Мордовия, XX век: культурная элита : в 2 ч. Саранск, 2010. Ч. 1. 416 с. ; 2013. Ч. 2. 400 с.

[2] См.: Мордовия : энцикл. : в 2 т. Саранск, 2003. Т. 1. 576 с. ; 2004. Т. 2. 704 с.

[3] См.: Российская провинция первой четверти XIX в. : Мордов. край глазами участников и современников Отечеств. войны 1812 г. Саранск, 2013. 484 с.

[4] **Кондрашин В. В.** [Рецензия] // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2013. № 4. С. 239. Рец. на кн.: Российская провинция первой четверти XIX в. : Мордов. край глазами участников и современников Отечеств. войны 1812 г. Саранск, 2013.

[5] См.: **Сульдина Л. В., Пивцайкина О. А.** «„Я жил больше сердцем…“ : Из судеб. практики господина уездн. судьи И. В. Селиванова» // Центр и периферия. 2012. № 1. С. 14 — 23.

[6] См.: **Селиванов И. В.** Провинциальные воспоминания : Из записок Чудака. Саранск, 2014. 696 с.

[7] См.: **Селиванов И. В.** Провинциальные воспоминания : Из записок чудака : в 3 ч. М., 1857. Ч. 1 ; 1857. Ч. 2 ; 1861. Ч. 3.

[8] См.: Центр и периферия: культура российской провинции. Саранск, 2008. 204 с. (Тр. ; т. 7 (124)).

Подготовили *Т. М. Гусева, Н. О. Шкердина, О. А. Пивцайкина, Л. В. Сульдина, Д. С. Шукин.*

ОТДЕЛ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ: КОНСОЛИДАЦИЯ НАУЧНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ВОКРУГ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ

Отдел периодических изданий НИИГН был организован в 2009 г. Деятельность отдела связана с информационно-обозревательным и редакторским обеспечением фундаментальных и прикладных научных исследований в периодических изданиях института.

Основными задачами отдела являются формирование издательской политики в целях обеспечения НИИГН научной периодической литературой, организация редактирования и выпуска периодических изданий, контроль за научным и ли-

тературным содержанием периодических изданий и качеством их художественного и технического оформления. Кроме того, в перечень основных задач работы отдела входят организация внешнего рецензирования, работа с авторами, художниками и другими лицами, привлекаемыми к выполнению работ по изданию периодической литературы, контроль за сроками представления статей в периодические издания, подготовка к макетированию.

Отдел готовит к выпуску 2 журнала — научный журнал «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» и научно-публицистический журнал «Центр и периферия».

Научный журнал «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» основан в 2006 г. на базе сборника научных статей аспирантов и соискателей «Од вий» («Молодая сила»), который с момента создания выходил периодичностью 2 раза в год, а с 2008 г. — 4 раза в год. В период с 2006 по 2009 г. было издано 10 выпусков сборника «Од вий». В статьях, опубликованных в научном издании, рассматривались проблемы экономики, региональной истории, политологии, социокультурного развития региона, социальной политики, этнографии, этнопсихологии, фольклористики, литературоведения, филологии и культурологии.

Расширение проблематики публикаций и публикация статей не только аспирантов и соискателей, но и исследователей, имеющих большой теоретический и практический опыт, способствовали тому, что в 2009 г. Ученый совет института принял решение о преобразовании сборника научных статей аспирантов и соискателей «Од вий» в научный журнал «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» — многопрофильное печатное периодическое издание, посвященное современным направлениям региональных исследований по гуманитарным наукам, наукам об обществе и культуре. Журнал был ориентирован на публикацию материалов, отражающих многообразие исследовательских наработок и подходов по экономическим, историческим, политическим, филологическим наукам и культурологии. В связи с этим определялись направления материалов, представляемых вниманию читателей: экономика, история, этнография, филология, политология, теория и история культуры. Основной целью научного издания является формирование среды для эффективного обмена научной информацией, результатами исследований в области гуманитарных знаний.

Высокий уровень публикуемых материалов в журнале, оформление издания, наличие института рецензирования позволили Ученому совету НИИГН в 2010 г. принять решение о подаче заявки в ВАК при Минобрнауки России на включение научного издания в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны публиковаться основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. В связи с этим была проведена работа по оформлению журнала, согласно требованиям ВАК по включению научного издания в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий: издание получило Международный стандартный серийный номер; зарегистрировано как СМИ; зарегистрировано в национальной базе РИНЦ; распространяется по подписке; полнотекстовые версии статей размещены в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на официальном сайте НИИГН в бесплатном режиме доступа.

В 2011 г. ВАК было принято решение о включении журнала в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий как отвечающего критериям, утвержденным решением Президиума ВАК. Это свидетельствует о соответствии журнала стратегическим направлениям по обеспечению единой государственной политики в области аттестации научных и научно-педагогических кадров.

В 2015 г. изменились требования, предусмотренные положением о правилах формирования Перечня рецензируемых научных изданий и журналов. В связи с этим был подготовлен комплект документов, подтверждающий, что научный журнал «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» соответствует списку необходимых критериев. Оформление издания, профессиональная работа редакторов, наличие института рецензирования для экспертной оценки представляемых рукописей, информационная открытость результатов научной деятельности ученых, редакционная коллегия, в состав которой входят известные российские ученые, позволили ВАК рекомендовать научный журнал «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» для включения в обновленный Перечень рецензируемых научных журналов и изданий.

С 2015 г., согласно одному из критериев ВАК, в рецензируемые журналы принимаются статьи по трем отраслям науки. В связи с этим редакционной коллегией было принято решение о публикации в журнале статей по следующим отраслям науки: исторические науки и археология, экономические науки, филологические науки. В итоге сформировались рубрики: «Исторические науки и археология», «Экономические науки» и «Филологические науки», в которых публикуются статьи фундаментального и прикладного характера, представляющие собой результаты завершенных исследований по актуальным проблемам истории, археологии, этнографии, экономики, литературоведения, фольклористики и языкознания, обладающие новизной и представляющие интерес для научной общественности.

За период работы научного журнала возрос импакт-фактор РИНЦ (с 0,011 в 2010 г. до 0,134 в 2014 г.), что свидетельствует о повышении оценки уровня журнала. Выпущено в свет 39 номеров журнала, на страницах которого опубликовано более 800 научных статей аспирантов, докторантов и соискателей из городов России, ближнего и дальнего зарубежья, что способствует активизации деятельности научных школ, консолидации научной общественности российских регионов и зарубежных стран вокруг актуальных проблем и новых направлений развития гуманитарных знаний, активно содействует научному диалогу и сотрудничеству в многонациональном Поволжском регионе.

В 2003 г. Ученый совет НИИГН принял решение об издании научно-публицистического альманаха «Центр и периферия». Первоначально журнал выходил периодичностью 1 раз в год, а с 2008 г. — 4 раза в год. Рубрики «Теоретические проблемы», «Наше прошлое», «Изменяя имперские ландшафты», «Советская цивилизация», «Архив», «Этнокультурный мир», «Портрет на фоне», «Виртуальный музей», «POST SCRIPTUM: рецензии, критика, хроника», определенные первоначально, существуют и сегодня, их дополнили рубрики «Реконструкция», «Города и села» и «Родословная».

С самого начала работы над журналом главный редактор В. А. Юрчёнков подчеркивал важность формирования издательского портфеля. Постепенно на-

лаживались творческие связи с учеными, исследователями, которые стали сотрудничать с журналом. В 2006 г. в состав редколлегии вошли руководители и ведущие специалисты поволжских научных учреждений и вузов Москвы, Казани, Самары, Нижнего Новгорода, Пензы, Ульяновска и др. и альманах получил статус межрегионального. В 2007 г. в состав учредителей вошел ИРИ РАН, что позволило журналу претендовать на известность как в Мордовии и Поволжье, так и за пределами региона. Об этом говорит и признание журнала «Центр и периферия» правлением Фонда Д. С. Лихачева одним из лучших краеведческих периодических изданий (Санкт-Петербург, 2010 г.). В 2010 г. журнал удостоился диплома в номинации «Лучшее периодическое издание» в конкурсе «Университетская книга — 2010». В настоящее время «Центр и периферия» входит в Каталог российских историко-краеведческих изданий. С 2014 г. журнал выходит при поддержке Регионального отделения Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество» в Республике Мордовия.

Журнал представлен в национальной базе РИНЦ (импакт-фактор в 2014 г. — 0,143), имеет свидетельство о регистрации СМИ, выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, включен в подписной каталог «Почта России», представлен в полнотекстовой версии на официальном сайте НИИГН в бесплатном режиме доступа.

За годы развития журнала изменялись подходы к формированию его портфеля. Если первоначально упор делался на эклектический подход, то позднее структура журнала выстраивалась вокруг 2 — 3 основных тем (как правило, одна «историческая» и одна «художественная» — связанная с духовным и культурным наследием народа). Так, были журналы, посвященные XIII в., XVII в., казачеству и крестьянству в годы Гражданской войны и др., что вызывает несомненный интерес как у читателей, так и у исследователей. Следует отметить, что содержательная сторона журнала рассчитана не только на ученых, он интересен широкому кругу читателей.

Общеизвестно, что текст, каким бы интересным и актуальным он ни был, воспринимается «легче», если снабжен иллюстрациями. Остановимся подробнее на том этапе формирования журнала, когда рождается его художественный образ.

Особого внимания заслуживает подбор видеообразов к статьям. Благодаря тому, что издание полноцветное, у авторов журнала «Центр и периферия» есть возможность использовать в качестве иллюстраций любые видеоматериалы: художественные (репродукции картин, открытки и др.), архивные (фото архивных документов и дел), материалы из открытых интернет-источников и т. д.

Выбрать подходящие иллюстрации — целая наука. Правильно подобранный фоторяд оживляет статью, придает ей дополнительный смысл и некоторый стиль. Видеоряд подбирается, как правило, двумя способами: с помощью фотобанков, где в свободном доступе находится огромное количество фотографий и иллюстраций, и через создание собственного фотобанка.

Каждое фото уникально, над каждой иллюстрацией следует серьезно подумать, прежде чем найти ей место на странице журнала. К фотографиям предъявляются определенные требования: они должны соответствовать всем полиграфическим стандартам, не нарушать каких-либо социальных норм и законов, соответствовать

содержанию, гармонично сочетаться с остальными элементами дизайна, вызывать у читателя интерес к тексту, не отвлекая его от самого процесса чтения, к тому же они должны быть хорошего качества. Из фотографий создается композиционный ряд, т. е. они располагаются в строго определенном порядке. Размещение фотографий на полосе требует особого подхода. Следует учитывать их сбалансированность, пропорции, контраст и др. При компоновке на полосе нескольких фотографий, как правило, выделяется главная, которой отводится центральное место (она и по размеру заметно больше остальных), или берутся фотографии одного формата.

В зависимости от функций, выполняемых в тексте, иллюстрации играют в нем главную роль или вспомогательную. Остановимся подробнее на первом случае. Такую роль в журнале «Центр и периферия» играют чаще всего большеформатные фотографии архитектурных объектов (например, в статьях В. Б. Махаева в рубрике «Архив»), музейных экспонатов или танцевальных композиций (в статьях Д. В. Фролова или А. Г. Бурнаева в рубрике «Виртуальный музей»), выполненные непосредственно авторами текстов. Это позволяет автору наиболее полно передать свою мысль и донести ее до читателя в ярком запоминающемся образе.

«Фото — это часть современной профессиональной культуры. Фотографии должны быть выполнены на хорошем качественном уровне.

В своих многочисленных поездках я не расстаюсь с фотокамерами и мое посещение городов — это передвижение по улицам с увесистым кофром в поисках выразительного кадра.

На плане города я выявляю интересующие меня объекты, их может быть 20 — 30 и более (собор, монастыри, дворцы, замки, храмы, вокзалы, музеи, новые постройки), обязательно отмечая, как они ориентированы по странам света. Затем я прочерчиваю три маршрута: первый утренний, через здания, которые будут освещаться утром, второй полуденный и третий послеобеденный — освещенные соответственно в обед и во второй половине дня. Таким образом, я подхожу к нужному объекту в момент оптимального освещения.

При съемке города обязательно надо найти видовые точки, с которых открывается широкая панорама — в первую очередь это набережные, часто являющиеся архитектурным „лицом“ города. Существует масса открыточных видов на городские набережные, так, вспоминается ошеломляющий свой красотой вид на центр Флоренции с горы Давида. С нее сделаны миллионы снимков» (заведующий кафедрой архитектурного проектирования и дизайна МГУ им. Н. П. Огарева, кандидат искусствоведения, профессор В. Б. Махаев).

«Собрание каждого музея является сокровищницей разнообразных экспонатов. Случается, что сохранность или редкость экспоната не позволяют, чтобы он долгое время находился в витринах, поэтому такой предмет становится практически недоступным для рядового посетителя музея. И здесь на помощь приходят научные публикации, позволяющие подробно рассказать о каждом экспонате, показать его всем желающим и ввести в научный оборот.

Часто происходит так, что даже на коллекционной выставке нельзя показать все уникальные предметы (в витринах просто не хватает места или что-то „отбраковывается“ композиционно, тематически и в силу еще бесчисленного коли-

чества причин). Подобному несчастному, находящемуся в вечном плену и неведении для публики предмету шанс может дать только научная публикация, подробно повествующая о нем. И такой шанс у музейных предметов появился в журнале „Центр и периферия“, где для подобных „страдальцев“ есть целая рубрика — „Виртуальный музей“! Рубрика уникальная, как и сам большой глянцевый полноцветный журнал, способный явить миру множество сокровищ старейшего музея города Саранска.

Очень важным является то, что иллюстрации в журнале цветные и значительные по размеру. Данное обстоятельство позволяет детально рассмотреть некоторые уникальные музейные предметы. А для экспоната жизненно необходимо явиться миру во всей его полноте и красоте!» (научный сотрудник отдела средневековой и дореволюционной истории МРОКМ им. И. Д. Воронина, кандидат филологических наук Д. В. Фролов).

«Для восприятия текстов по хореографическому искусству и визуального анализа научной статьи, связанной с результатами экспериментального исследования, необходимы не только дополнительные архивные данные, но и другие материалы, т. е. фотографии, иллюстрирующие различные содержательные данные с визуальными составляющими. Реципиенты в ходе научного анализа статьи должны не только реально оценивать движенческое танцевальное действо по факторам содержания и выражения, но и одновременно менять свое восприятие вербального текста. Именно поэтому его необходимо иллюстрировать» (заведующий кафедрой национальной хореографии МГУ им. Н. П. Огарева, доктор искусствоведения, профессор А. Г. Бурнаев).

Фотоиллюстрации размещаются с различными «эффектами»: без фона; под углом; с наложением друг на друга; с наложением заголовка или текста на фотографию и т. д. В каждом случае редакция журнала стремится к тому, чтобы иллюстрации в статье несли дополнительную информацию, привлекали к ней внимание, передавали атмосферу описанных событий, разбивали текст и останавливали мгновенье.

Таким образом, журналы, выпускаемые отделом периодических изданий, отличают высокий научный и издательский уровень, доступность и оперативность публикации, открытость для дискуссии. К тому же опубликованные материалы составляют, по мнению авторитетных исследователей, основу для разработки многих научно и общественно значимых направлений, установления прочных связей между учеными центра и регионов, развития регионального гуманитарного знания в связи с привлечением к публикациям широкого круга авторов Поволжского региона, России, ближнего и дальнего зарубежья.

Подготовили
О. В. Зарубина, Т. И. Кильдюшкина.

ИННОВАЦИИ НИИГН: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА МОРДОВИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО

Создание отдела визуальной антропологии — требование времени. Эта область аудиовизуального познания культурно-исторической действительности фиксирует и изучает духовные, бытовые, природные, исторические и другие стороны культуры.

В октябре 2011 г. в НИИГН был создан отдел визуальной антропологии под руководством члена Союза журналистов Российской Федерации, тележурналиста В. А. Каланова. Основная задача отдела заключалась в производстве видеофильмов, освещающих историю народов мордовского края. Это стало, своего рода, реакцией на отсутствие в информационном пространстве республики (в эфирах ГТРК «Мордовия», «ТелеСеть Мордовии. 10 канал», Интернете, в системе образовательных технологий и др.) видеопродукции исторической тематики, рассказывающей о малоизвестных, но славных событиях в истории народов мордовского края.

Незадолго до этого, при институте, под патронажем профессора В. А. Юрчёнкова, было создано неформальное творческое объединение «Куйгорож», под грифом которого вышла серия документальных фильмов, созданных в жанре исторической реконструкции. В качестве экспертов в кадре работали ученые НИИГН (В. А. Юрчёнков, А. В. Чернов, В. А. Ломшин, Е. Н. Бикейкин, А. Н. Келина, Л. А. Гурьянова), за кадром звучали голоса сотрудников института Д. С. Щукина, Т. А. Чужайкиной. Результатом совместной научной и тележурналистской деятельности стал цикл видеофильмов (хронометражем 15 — 20 мин) по истории и культуре Мордовии, повествующих о значимых событиях древнейшей истории мордвы.

Кинотрилогия «Битвы Средневековья»:

Фильм I. «Непокоренные. 1237 г.» (о военном союзе мордвы, русских и других российских народов при защите города-крепости Буртас во время Батыева нашествия на Русь; 2009 г.).

Фильм II. «Вместе против Орды. Разгром царевича Мустафы» (о совместном сопротивлении русских и мордвы монголо-татарскому игу: разгром русскими дружинниками и мордовскими ратниками войска царевича Мустафы, совершившего набег на Рязань в 1444 г.; 2010 г.).

Фильм III. «Вместе против Орды. Спасти ополчение. 1612 г.» (о противостоянии воинов мордовского инязора (князя) Баюша Ногайской Орде, защитивших ополчение Кузьмы Минина от удара в тыл; 2011 г.).

Кинотрилогия была награждена Дипломом II степени журналистского конкурса «За серию исторических фильмов по 1000-летию единения мордовского народа с народами Российского государства».

Видеофильмы:

«От Бородина до Парижа» (об участии народов мордовского края в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе против наполеоновской Франции (1812 — 1815 гг.); 2012 г.).

Авторы киноленты (В. А. Юрчёнков, В. А. Каланов) были награждены крестом «За увековечение памяти Отечественной войны 1812 года», Дипломом Главы Республики Мордовия.

«Саранск — юго-восточный форпост Московского государства. 1641 — 1717 гг.» (о строительстве по указу московского государя засечной черты на территории современной Мордовии и ряда крепостей, в том числе Саранска; 2012 г.).

Фильм награжден Дипломом Министерства по национальной политике Республики Мордовия и Поволжского центра культур финно-угорских народов.

«Мордовия: рождение республики» (о стремлении мордовской интеллигенции (Т. В. Васильев, З. Ф. Дорофеев, Д. С. Желтов и др.) к обретению, хотя и условной, государственности, а в итоге — к образованию Мордовской АССР; 2013 г.).

«Непобежденные. Подвиг Красной Слободы. 1670 г.» (о мужестве жителей Красной Слободы, выдержавших осаду разинских войск и сохранивших верность присяге; 2013 г.).

Кинолента признана Союзом журналистов Республики Мордовия «лучшей журналистской работой 2013 года».

«Тюштянь налксемат. Боевые игрища древней мордвы» (о легендарном вожде мордовских племен Тюште, научившем свой народ противостоять набегам степных орд; 2013 г.).

Фильм награжден Дипломом Главы Республики Мордовия, победил в номинации «Лучший сценарий» на фестивале финно-угорских документальных фильмов «Финноугория».

«На сопках Маньчжурии» (об участии мокшанского полка в Русско-японской войне. 1904 — 1905 гг.; 2014 г.).

«Мы шли в поход, когда с зарею сходилась ясная заря…» (о Первой мировой войне в судьбах народов мордовского края. 1914 — 1918 гг.; 2014 г.).

«Неповторимая и уникальная. Этногенез мордвы»; 2014 г.

Кинолента награждена Дипломом Главы Республики Мордовия в республиканском конкурсе в номинации «ИнтоНАЦИЯ».

«Стяжание святой Руси. Новеллы о Патриархе» (о реформаторе Русской православной церкви, мордвине по происхождению, Святейшем Патриархе Московском и всея Руси Никоне; 2014 г.).

«Герой, сын героя» (об участнике Великой Отечественной войны, полном кавалере орденов Славы, сыне полного Георгиевского кавалера И. С. Потешкине; 2015 г.).

Таким образом, видеопроизводство явилось для НИИГН востребованным инновационным продуктом. С 2013 г. документальные фильмы постепенно начали включать в школьные образовательные программы в качестве наглядного пособия по изучению значимых исторических событий, своего рода, иллюстративного материала к теоретической части урока. Они стали важным фактором патриотического воспитания школьников и молодежи республики. Растиражированная видеопродукция под грифом «Куйгорож» была передана на телевидение МГУ им. Н. П. Огарева, на факультет истории и права МГПИ им. М. Е. Евсевьева, представлена в российских регионах — местах компактного проживания мордвы. С мая 2015 г. фильмы демонстрируются в эфире ГТРК «Мордовия». Серия видеофильмов размещена на официальных сайтах НИИГН, «Народного телевидения Мордовии», публичной странице НИИГН ВКонтакте.

В 2015 г. в связи с реорганизацией, проведенной в НИИГН, отдел визуальной антропологии был преобразован в лабораторию, которая вошла в состав отдела информационно-аналитического обеспечения исследований.

В целях освещения деятельности НИИГН в 2010 г. был создан официальный сайт учреждения. В настоящее время сайт состоит из разделов, где размещена основная информация о структуре института, научно-исследовательских проектах, научных событиях. Постоянно ведется работа по подготовке и размещению актуальных новостей из жизни института.

На главной странице сайта содержатся общие сведения по истории и современном состоянии НИИГН. Кроме того, здесь находятся два информационных подраздела: «Объявления и новости» (новостная лента об участии ученых НИИГН в семинарах, конференциях, круглых столах, общественных мероприятиях) и «Новые издания» (представлена информация о новых непериодических трудах, изданных НИИГН, с указанием кратких выходных данных, сведений об авторах, содержания книг).

В разделе «Об институте» приведена подробная информация об истории НИИГН, изменениях его официального статуса, основных научных проектах. В разделе размещена официальная информация о современном статусе и функционировании института, результатах его деятельности за последние несколько лет.

Раздел «Структура» содержит сведения о руководстве НИИГН, Ученом совете, научных отделах и подразделениях, научных сотрудниках, профсоюзном комитете, о биографиях ученых института, основных задачах каждого из научных отделов и проводимых исследованиях.

Раздел «Научная деятельность» состоит из трех частей. Первую представляют направления научно-исследовательской работы, к которым относятся: «Региональная история»; «Археологические исследования»; «Этнографические и этнологические исследования»; «Этнокультурология»; «Лексикография мордовских языков»; «Мордовская фольклористика»; «Социолингвистические исследования»; «Теория и история провинциальной культуры»; «Литературоведение Мордовии»; «Региональная экономика»; «Политические институты, национальные и политические процессы и технологии». Под каждым направлением приведены краткие сведения о проблемах, решаемых в рамках работы НИИГН.

Вторая часть посвящена научным школам. К настоящему времени на базе института сложились 3 научные школы, руководителями которых являются доктор исторических наук, профессор В. А. Юрчёнков; доктор исторических наук, профессор Г. А. Куршева и доктор исторических наук, профессор Л. И. Никонова. На сайте содержится информация об основных направлениях исследований, публикациях, грантовой поддержке научных школ.

В третьей части представлены сведения о научных проектах, которые осуществляются учеными НИИГН в рамках направлений научно-исследовательской работы («Мордовия. XX век»; «Археология мордовского края»; «Власть и общество: российская провинция»; «Мордва России»; «Мордовская мифология»; «Мордовские словари»; «Свод документов по истории и культуре Мордовии»; «Экономика Мордовии переходного периода»; «История культуры Мордовии»; «Города и районы Мордовии»; «Личности»; «Региональный энциклопедизм»; «Этнокультурный мир Мордовии»). Приведен список основных исследований и публикаций.

Еще одной стороне деятельности НИИГН — образовательной, посвящен следующий раздел сайта. Помимо общих данных о работе аспирантуры, здесь содержатся материалы, предназначенные для аспирантов: объявления о кандидатских экзаменах, график учебного процесса, программы вступительных испытаний, правила приема в аспирантуру и контрольные цифры приема, соответствие направлений подготовки в аспирантуре.

В разделе «Научные журналы» приведена информация о периодических изданиях института: научном журнале «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» и иллюстрированном научно-популярном журнале «Центр и периферия». Посетитель сайта может найти общие сведения о самих журналах, а также скачать ранее вышедшие номера. Для авторов в разделе приведены правила оформления научных статей.

Раздел «Статьи энциклопедии» полностью посвящен одному из академических проектов НИИГН — двухтомной энциклопедии «Мордовия». Здесь можно скачать электронную версию издания либо, пройдя по электронной ссылке, просмотреть на сайте Российской национальной библиотеки.

В разделе «Фильмография» размещены короткометражные научно-популярные фильмы, снятые творческим объединением «Куйгорож» НИИГН. За период с 2011 по 2015 г. было создано 13 фильмов, посвященных истории и культуре мордовского края.

Раздел «Контакты» создан для удобства посетителей сайта. Он содержит телефоны основных научных отделов и подразделений, почтовый адрес, факс и электронную почту института.

Еще одним направлением работы отдела визуальной антропологии является загрузка периодических и непериодических изданий НИИГН в Научную электронную библиотеку (НЭБ). РИНЦ является национальной библиографической базой данных научного цитирования. Созданная в 2006 г. при поддержке Минобрнауки России, на сегодняшний день база содержит более 9 млн публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6 тыс. российских журналов.

Между НИИГН и НЭБ заключен договор, согласно которому в систему РИНЦ включены периодические издания института «Вестник НИИГН гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» и «Центр и периферия». Отделом информационно-аналитического обеспечения исследований НИИГН осуществляется работа по загрузке в РИНЦ метаданных (тематические рубрики, названия статей, сведения об авторах на русском и английском языках, ключевые слова, аннотации) и полных текстов публикуемых в научных журналах статей. В настоящее время в электронной библиотеке находится более 800 публикаций из журнала «Вестник гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» (2009 — 2016 гг.) и около 600 публикаций из журнала «Центр и периферия» (2008 — 2016 гг.).

В 2015 г. была создана публичная страница НИИГН ВКонтакте. Помимо информационных материалов, повествующих о различных сторонах научной и общественной деятельности института, практически сразу началось формирование и размещение научной библиотеки по истории мордовского народа как составной части финно-угорского суперэтноса. В некоторых случаях приходилось

прибегать к редактуре репринт-изданий, для отдельных изданий разрабатывались оригинальные обложки.

Здесь в полном объеме, как правило, в формате PDF, представлены энциклопедии, фундаментальные исследования, монографии, научные журналы («Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия», «Центр и периферия», «Ежегодник финно-угорских исследований», «Од вий»), исторические очерки, словари, сказки, пословицы и поговорки, мифы, иллюстрированные этноатласы и альбомы древностей, а также издания XIX — начала XX в. — «Известия Общества истории, археологии и этнографии при Императорском Казанском университете», памятные книжки Симбирской, Пензенской, Нижегородской и Тамбовской губерний, «Пензенские епархиальные ведомости», отдельные статьи из «Нижегородского сборника», «Нижегородского летописца» А. С. Гациского.

В рамках публичной страницы созданы подразделы «Фотоальбомы» (с. Мордовское Давыдово, темниковский край, мордовский край в иллюстрациях и др.), «Видеозаписи» (13 видеофильмов т/о «Куйгорож»).

В 2013 г. НИИГН стал основателем Регионального отделения РВИО. На первом заседании был избран председатель РВИО — директор НИИГН, доктор исторических наук, профессор В. А. Юрчёнков. Общество решило всемерно способствовать восстановлению памятников военной истории, особенно дореволюционного периода, памяти об участниках всех локальных войн, которые вели СССР и Россия в XX в.; изучению и популяризации героев различных войн, военных деятелей (как прославленных, так и малоизвестных); организации и проведению фестивалей исторической реконструкции, а также военно-археологических изысканий поискового движения.

В настоящее время лаборатория визуальной антропологии вносит свой посильный вклад в общую копилку института, работая над такими проблемами, как фиксация и изучение духовных, бытовых, природных, исторических и других сторон культуры; сохранение истории мордовской культуры, выявление ее своеобразия и общечеловеческой сущности; осуществление диалога между представителями разных конфессий, культур и национальностей.

Подготовили
В. А. Ломшин, В. А. Каланов, П. С. Учватов.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 377:316.346.2(470.44)

Л. М. Артамонова
L. M. Artamonova

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ В ДЕЛЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СЕРЕДИНЕ XIX в. (НА ПРИМЕРЕ г. САМАРЫ)*

GENDER ASPECTS OF SOCIAL ACTIVITY IN PUBLIC EDUCATION IN THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF SAMARA)

Ключевые слова: Россия в XIX в., Среднее Поволжье, гендерная история, модернизация, общественная жизнь, женские школы.

В статье на основе архивных и опубликованных источников анализируется появление общеобразовательных женских школ в начале правления Александра II; особое внимание уделяется роли общественности в их создании.

Key words: Russia in the XIX century, the Middle Volga Region, gender history, modernization, social life, schools for women.

The formation of secondary schools for women at the beginning of the reign of Alexander II is analyzed in the article on the basis of archival and published sources. Special attention is paid to the role of society in their organization.

История расширения гендерного состава учащихся общеобразовательных школ в предреформенной провинциальной России за счет появления учебных заведений для девочек хорошо прослеживается на материалах Поволжья, в том числе Самарского края. К сожалению, имеющиеся историографические оценки ее до сих пор не отличаются новизной. Они лежат в русле прежней либеральной и марксистской парадигмы, однозначно характеризующей правительственную политику в сфере просвещения как «реакционную», которой противостояли «прогрессивные» деятели из числа представителей радикальной общественной мысли и близких к ним по взглядам[1].

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Трансформация Самары из уездного города в губернский центр накануне и в начале реформ середины XIX в.: архивные материалы и печать о переменах в административной сфере, формировании гражданского общества, развитии культурной среды», № 15-11-63002 а(р).

© Артамонова Л. М., 2016

Однако в настоящее время «начинает получать поддержку в современной историографии» иной, более адекватный взгляд на политику имперских властей в области просвещения. Б. Н. Миронов считает: «В период империи именно государство, в особенности верховная власть, являлось главным поборником просвещения и прилагало все возможные усилия для его распространения. Именно государство создало в стране целостную систему начального, среднего и высшего образования и финансировало ее»[2]. Цифры и факты при непредвзятом подходе убедительно развенчивают «миф о враждебности царизма просвещению». Более того, усилия царского правительства по развитию народного образования опережали запросы основной массы населения.

В отечественной историографии все чаще говорится о том, что развитие народного образования являлось важной составляющей модернизационных процессов, происходивших в дореволюционной России[3]. Отмечается, что одной из отличительных особенностей социогенеза западной «цивилизации», аналогом которого в отечественных условиях можно считать «вестернизацию», было распространение стремления к образованию среди мужчин и женщин[4].

По мнению большинства исследователей, в том числе по истории имперской периферии, «к середине XIX в. российское общество созрело для реформ»[5]. Наряду с подготовкой отмены крепостного права и деятельностью губернских комитетов по крестьянскому вопросу, демонстрацией стратегии правительства на углубление модернизации и показателем усиления общественной активности стало создание женских общеобразовательных школ совместными усилиями власти и населения. По степени общественного интереса вопросы женского образования стояли вровень с обсуждением освобождения крестьян от крепостной зависимости[6].

Сведения об этом сохранились не только в законодательных памятниках той эпохи, периодических и публицистических изданиях, но и в неопубликованных документах. Большой интерес для нас представляют материалы, хранящиеся в фондах Национального архива Республики Татарстан (НА РТ) в Казани, Российского государственного исторического архива (РГИА) и Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) в Санкт-Петербурге, Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) в Москве, Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО).

Мы не располагаем достоверными сведениями о правильном и регулярном обучении девочек в Самаре и других городах на юго-востоке Европейской России до конца XVIII в., если не учитывать упоминания о традиционных домашних формах образования. В этом отношении эта провинция империи отставала от общероссийских тенденций, проявившихся в царствование Екатерины II. Положительным результатом в деле народного просвещения, достигнутым при ее правлении, следует признать старания создать условия для получения девочками образования, адекватного тому времени. Были намечены разные пути достижения этой цели. С одной стороны, открывались специальные женские учебные заведения, известным из которых стал Смольный институт в Петербурге, основанный в 1764 г.; с другой — школьная реформа, осуществленная в 1780-х гг., предусматривала создание государственной системы общеобразовательных школ (народных училищ) на принципе совместного обучения детей обоего пола. Официальное и обязательное для преподавателей Руководство 1783 г. предостерега-

ло от телесных наказаний, оскорблений и дискриминации учащихся, независимо от социального положения родителей и пола детей: «В рассуждении пола… учитель обязан как учеников, так и учениц наставлять с равным усердием; то же чему в нижних школах учат, и без того равно обоему полу нужно»[7].

Пренебрежительное отношение к школьной реформе Екатерины II, понятное в свете прежней марксистской критики всего, что связано с самодержавием, вызывает недоумение, когда повторяется в современной историографической ситуации. Так, до настоящего времени встречаются необоснованные утверждения, что «замысел императрицы о проведении широкой образовательной реформы» потерпел полную неудачу, и эта реформа «не инициировала развитие женского образования»[8]. Конечно, если раздельное обучение разных полов в общеобразовательной школе не предусматривалось, то женское образование действительно не выделялось как отдельная сфера народного просвещения. Однако именно это обстоятельство характеризует реформу Екатерины II как в высшей степени прогрессивную. Развитие народного образования на принципах совместного обучения детей обоего пола представляется с современной точки зрения наиболее перспективным путем. К сожалению, русское общество в XVIII — XIX вв. к движению по этому пути было не готовым.

В народных училищах Симбирской губернии, включавшей тогда в свой состав значительную часть и Самарского Поволжья, в 1789 — 1799 гг. прошли обучение до тысячи учащихся, среди которых упоминаются всего 8 девочек в школах Карсуна, Тагая и Симбирска. Это были дочери офицеров, чиновников, канцеляристов, служанок и дворовых людей. Ни одной девочки не указано среди учащихся в Алатыре, Самаре, Сызрани и Ставрополе (ныне — Тольятти)*.

По школьному Уставу 1804 г. на смену главным и малым народным училищам екатерининского времени пришли гимназии, уездные и приходские училища. Прямого запрета обучения лиц женского пола в гимназиях и уездных училищах Устав не содержал, и первоначально среди учащихся встречались в небольшом количестве девочки. Так, в 1804 — 1808 гг. в гимназиях Новгорода, Пскова, Новгород-Северского, Могилева и Витебска их насчитывалось от 3 до 20 чел.[9] Вскоре гимназии стали только мужскими учебными заведениями. В уездные училища девочек было запрещено принимать. В школьном Уставе 1828 г. указывалось, что в этих школах «обучаются только дети мужского пола»[10].

В данных уставах говорилось о возможности совместного обучения детей обоих полов только в приходских училищах. При этом девочки туда принимались «не старее 11 лет», хотя для мальчиков верхняя возрастная граница не устанавливалась[11].

С 1851 г. в приходских училищах Самарской губернии было разрешено, чтобы девочки и мальчики занимались в разное время, мальчики — до обеда, девочки — после. Однако из уездного города Бузулука пришло сообщение, где отмечалось, что «губернская секретарша Богатырева уступает помещение для обучения девиц… в собственном своем доме, на один год, без всякого за то от казны возмездия, с обязательством производить на свой счет отопление и чистоту комнат, и …обучение девиц может быть открыто совершенно отдельно от мальчиков»[12]. При проведении

* Подсчитано автором по: РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1187 — 1208.

отдельных занятий с ученицами в приходских училищах по возможности вводилась должность «надзирательницы за обучающимися девицами». Так, в 1855 г. жалованье ей выплачивалось за счет пожертвований помещика Н. Я. Стобеуса, являвшегося с 1837 г. почетным смотрителем уездного училища в г. Бузулуке[13].

Совместное обучение детей обоего пола было больше распространено в сельских школах, массовое возникновение которых пришлось на время царствования Николая I. В училищах ведения Министерства государственных имуществ, открытых в Самарской губернии для государственных крестьян, в 1855 г. было 16 585 учащихся (100 %), в том числе 8 970 чел. мужского пола (54 %) и 7 615 чел. — женского (46 %)[14]. Следовательно, в этих учебных заведениях доля девочек приближалась к естественному демографическому соотношению полов.

Однако и на селе пытались утвердить устройство отдельных школ для девочек с учетом их сословной принадлежности. Первые такие школы появились в 1850 г. в Самарском удельном имении. В них в 1851 г. обучались 470 чел., что составляло 44 % от всех 1 066 учениц женских школ, открытых в имениях удельного ведомства по России. Из-за большего прилежания к учебе и облегченной программы, сокращенной за счет чистописания и арифметики, девочки быстрее оканчивали курс обучения: «Понятливость и способность девочек далеко превосходят мальчиков; они в год и много в полтора оканчивают учение, тогда как мальчики учатся три и четыре года». В этих школах «обязанность учителей приняли на себя грамотные крестьянки, а изъяснение Закона Божьего и надзор за наставницами — местные священники без всякой платы». Учебные пособия должны были приобретать родители, но это не уменьшало числа желавших «поместить свою дочь в школу». Дело «дошло до того, что, по тесноте помещения школ, начальство принуждено было отказывать» некоторым в приеме[15]. Упрощенный подход к женской школе способствовал если не качеству образования, то количественному притоку учениц[16].

В 1842 г. в селах и деревнях Усольской вотчины для мальчиков было устроено 10 школ. В них насчитывались 397 учащихся, а в 7 отдельных школах обучались 118 девочек. В Усолье и соседних селах Самарской Луки такие школы открывали Орловы-Давыдовы и их родственники (в частности, О. И. Орлова-Давыдова заботилась об обучении грамоте девочек). Богатые просвещенные помещики создавали школы и в других имениях[17].

Дворяне, чиновники, горожане в провинции предпочитали давать дочерям домашнее образование или отдавать их в частные пансионы.

Из биографии краеведа, историка, этнографа и мемуариста Н. И. Второва известно, что он посещал пансион в Самаре, где были и мальчики, и девочки. Тем не менее, его младшая сестра обучалась дома. С ней занималась старшая сестра Анна, а во время ее отсутствия уроки поручались 11-летнему Николаю, который серьезно относился к такой обязанности. Он вел дневник, позволяющий заглянуть в процесс обучения провинциальной барышни из незнатной и небогатой, но просвещенной семьи: «Среда 16 июля [1830 г.]… Сегодня я учил Юлиньку, ибо мне Аннушка препоручила: поутру — по-французски, а после обеда — по-русски. Вот как она училась: довольно хорошо, и вела себя также.., два урока выучила, один — из вокаблов, а другой — из катехизиса, писала и повторяла все старое». На другой день сестрица также «училась порядочно: урок из вокаблов знала не

худо, арифметику — хорошо, писала так же; урок из катехизиса знала хорошо». По сравнению с будними днями субботние занятия 19 июля были сокращены. «Сегодня я учил Юлиньку, но мало. Поутру она ходила в баню, а выучила урок из вокаблов. После обеда она вязала чулок, а я читал и рисовал». В воскресенье в занятиях был перерыв, а в понедельник вновь брат «учил целый день Юлиньку». Так продолжалось до возвращения домой старшей сестры, которая вновь принимала обязанности домашней учительницы на себя[18].

Иначе решались подобные проблемы в семьях состоятельных провинциальных дворян. Богатый помещик С. Ф. Желтухин был опекуном своей родственницы — сироты Маши и позаботился о том, «дабы не оставалась она без воспитания». Через хозяйку дома в Пензе, куда он определил на проживание девочку, он договорился о полном и дорогом наборе «образовательных услуг» домашних учителей. Русский учитель «порядился за учение получать в месяц 10 руб. ассигнациями», а живший в Пензе француз обязался учить языку и другим наукам за 25 руб. ассигнациями в месяц. Учителю игры на фортепиано платили 12 руб в месяц. Танцмейстер обязался дать 50 уроков, «получая за каждый урок по 2 руб. ассигнациями же». Все учение, по подсчетам заказчика, «составляло 664 руб. ассигнациями». Крупные траты не смутили опекуна, поскольку соответствовали статусу семьи, а следовательно, и требованиям к обучению девочек этого круга. Однако он настаивал на оплате занятий только после их проведения: «Ибо я знаю таковых молодцов, деньги они вперед взять любят, а обязанности своей не исполняют, а тогда с ними имей процесс». Оплату обучения воспитанницы в 1832 г. должны были покрыть доходы с саратовского имения Немчиновка[19].

Ни домашнее, ни семейное обучение, ни частные пансионы не могли обеспечить массовую и эффективную учебу девочек. Еще в 1829 г. попечитель Казанского учебного округа М. Н. Мусин-Пушкин предлагал создать систему общеобразовательных школ для девочек из дворянских и разночинских семей[20]. Однако его предложение не было поддержано верховной властью и обществом. Ситуация изменилась во второй половине 1850-х гг. На актуализации просветительских намерений в гендерном аспекте сказались и приход к власти Александра II с командой реформаторов, и перерастание патриотического энтузиазма, разгоревшегося в ходе Крымской войны, в общественный подъем.

Активность общества во всех сферах жизни дополнительно стимулировалась с приданием городу статуса губернского центра (1851 г.)[21]. В нем появились такие средства реализации общественных интересов, как периодическая печать, типографии, статистический комитет, библиотеки и т. д.[22]. Позитивной была реакция на проекты и нововведения правительства Александра II со стороны самарской администрации, которую с мая 1853 по апрель 1860 г. возглавлял убежденный сторонник реформ К. К. Грот[23].

Курс на перемены в области женского образования был взят в начале царствования Александра II. 5 марта 1856 г. министр народного просвещения А. С. Норов подал императору всеподданнейший доклад, который был одобрен. На его основании Министерство народного просвещения разослало циркулярное письмо по учебным округам и губернским дирекциям училищ: «Принятые доселе меры к образованию детей женского пола не вполне удовлетворяют потребностям настоящего времени. Заведения, обязанные существованием своим и успехами высоким

попечениям Августейшего Дома, предназначены для дочерей одного сословия дворян и чиновников. Лица среднего сословия в губернских и уездных городах лишены средств дать дочерям своим необходимое образование, соответственное скромному их быту… Поэтому учреждение открытых (общедоступных. — *Л. А.*) школ для девиц в губернских и уездных городах и даже больших селениях дополнило бы великую и стройную систему народного образования, обнимая собой общие и частные нужды всех состояний и обоих полов»[24]. Высочайший приказ предписывал рассмотреть возможность устройства в губернских городах «женских школ, приближенных по курсу к гимназиям». Единственная тогда самарская газета опубликовала этот циркуляр, возбудив интерес всей местной образованной публики.

Отголоски начавшихся в Самаре обсуждений сохранились в деле по поводу просьбы, поданной 24 августа 1856 г., «о вспомоществовании на облегчение… предприятия» выпускницы Екатерининского института благородных девиц дворянки Л. А. Черкасовой (урожденной Дьяковой), желавшей открыть женское учебное заведение в этом городе. Попечитель Казанского учебного округа В. П. Молоствов 3 ноября направил запрос по этому поводу исполнявшему обязанности директора училищ Самарской губернии А. П. Пономарёву*.

26 числа того же месяца последовал обстоятельный ответ, в котором Пономарёв высказался по назревшим проблемам женского образования: «В настоящее время значение влияния женщины на общество, особенно при воспитании и образовании детей так убедительно, что не подлежит ни малейшему сомнению. Дети — будущие члены общества; и, следственно, развитие и направление их духовно-нравственной стороны в юном возрасте установляет и определяет состояние и положение будущего целого поколения. Чтобы дать этому влиянию возможность действовать ко благу истинной пользе общества, необходимо прибегнуть к образованию будущих матерей семейств, чего можно только достигать чрез образование девиц в правильно и разумно устроенных учебных заведениях, а не оставлять их при домашнем образовании под руководством матерей, по большей части, не получивших никого правильного воспитания»[25].

А. П. Пономарёв предполагал, что при открытии женских школ основная тяжесть затрат будет лежать на родителях учениц. Однако он рассчитывал, что

---

* А. П. Пономарёв — педагог, исследователь и общественный деятель. Закончив гимназию в Вятке и проработав четверть века в школах Приуралья и Урала, он был переведен в Самару. За время службы был удостоен благодарностей попечителя Казанского учебного округа за метеорологические наблюдения, «за отличное состояние физического кабинета», «за похвальное и успешное стремление к обогащению себя новыми полезными знаниями».

А. П. Пономарёв был редактором неофициальной части газеты «Самарские губернские ведомости». Он поддерживал интерес редакции, авторов, читателей к вопросам науки, образования, краеведения, народного хозяйства и общественной жизни. Косвенно идейно-политические взгляды и симпатии Пономарёва сказались на ходе не только «локальной», но и «большой» истории. Личная библиотека после отъезда из Самары оказалась в имении его жены и свояченицы, урожденных Бланк, в с. Кокушкине. Подбором книг и периодики эта библиотека поспособствовала окончательному формированию радикальных политических убеждений сына одной из сестер Бланк — В. И. Ульянова-Ленина, оказавшегося там в ссылке в 1887 — 1888 гг. (РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1770. Л. 52 — 62 ; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7004. Л. 416 об. ; **Валентинов Н.** Недорисованный портрет… М., 1993. С. 444 — 458).

казна сможет помочь содержательницам школ в данном конкретном случае с Черкасовой и в других схожих обстоятельствах. Это было необходимо для того, чтобы сгладить недостаточность и неравномерность контингента учениц, последствия произвола в отношении собственных детей и учителей со стороны малообразованных родителей, «хотя ощущающих по современным требованиям общественной жизни необходимость образования, но не получивших правильного воспитания, не сидевших на классных скамьях, а потому и не понимающих совершенно дела воспитания»[26].

За помощь от казны А. П. Пономарёв предлагал «обязать содержательницу принять несколько бесплатных воспитанниц из бедных девушек». Те «своим основательно и правильно приобретенным образованием» будут наглядным примером, который можно противопоставить «пересудам и неуместным требованиям нерассудительных родителей». Кроме того, дворянское и городское общества на свои средства также могут содержать в школе некоторое число бедных учениц, «каждое из своего сословия»[27].

Руководитель народного образования Самарской губернии полагал, что, выдержав «трудный экзамен времени», женские школы смогут привлечь «к себе учащихся» в достаточном количестве для нормальной деятельности. «Когда число своекоштных воспитанниц и вольноприходящих учениц возрастет до того, что сбором платы с них возможно будет удовлетворять все расходы на содержание заведения, — считал он, — денежное вспомоществование должно будет уменьшено или, даже, совсем прекращено»[28]. Вывод А. П. Пономарёва состоял в следующем: «Я признаю настоятельною потребностию заведение в Самаре женского училища, которое должно принесть в будущем великую пользу… населению, хотя начинающему уже чувствовать потребность к образованию, но остающемуся в простоте грубых нравов и своем неразвитии по недостатку средств к образованию»[29]. Под «средствами к образованию» в терминологии той эпохи понимались, прежде всего, сами учебные заведения. Что касается средств на образование в финансовом отношении, то в письме попечителю Казанского учебного округа Пономарёв поддержал просьбу о выделении Черкасовой казенных денег для помощи в оплате учителей и найме помещения. Он полагал, что такое решение может стать практическим способом реализовать намерение «об учреждении в губернских городах женских училищ» применительно к Самаре. Нужно только «план заведения дворянки Черкасовой» составить «сообразно цели правительства»[30].

Письменное ходатайство Черкасовой с изложением позиции А. П. Пономарёва 12 декабря было направлено попечителем учебного округа самарскому губернскому предводителю дворянства и гражданскому губернатору[31].

Первым 31 декабря откликнулся предводитель дворянства А. Н. Чемодуров. Он полагал, что заведение Черкасовой может принести пользу, но только до открытия в губернии «казенного» учебного заведения для девочек, поскольку «казенное учебное заведение полезнее частного, не имеющего правильной организации и верных средств к поддержанию оного». Видимо, он видел в женской гимназии аналог мужской, содержавшейся за государственный счет. Он не отрицал возможности, что на подобное заведение некоторое «пожертвование» во время своего съезда сделает и самарское дворянство, не рассчитывавшее, судя по этому ответу, нести постоянные расходы на женскую школу[32].

28 января 1856 г. Г. С. Аксаков, исполнявший должность губернатора вместо отсутствовавшего К. К. Грота, направил попечителю письмо, в котором содержалось категорическое несогласие «давать от казны вспомоществование частному лицу, притом не известному в деле образования юношества». Г. С. Аксаков также упомянул «предположение открыть женскую гимназию», на открытие которой «потребуются от правительства значительные издержки»[33]. Он вместе с А. Н. Чемодуровым полагал, что верховная власть, как уже часто было, возьмет на себя и организационное устройство, и содержание новых училищ. В результате В. П. Молоствов 12 февраля 1857 г. предложил министру народного просвещения решение, дословно повторявшее формулировки Г. С. Аксакова, зачеркнув в черновике первоначальную фразу о согласии оказать помощь Черкасовой, если того пожелает министр[34].

Сходство мнений первых лиц Самарской губернии и Казанского учебного округа не говорило о справедливости их ожиданий того, что реформа женского образования создаст некий аналог среднего мужского учебного заведения с казенным финансированием. А. П. Пономарёв был ближе к истине, призывая готовиться к тому, что к созданию и поддержанию школ для девочек будут широко привлекаться средства родителей, сословных корпораций и местного управления. К этому же склонялся и губернатор К. К. Грот, который по делу о помощи Черкасовой не высказывался, т. к. занимался обсуждением крестьянского вопроса, часто отлучался в Петербург как по своей должности, так и в качестве участника целого ряда комиссий, куда его привлекали единомышленники-реформаторы[35].

В силу сложившихся обстоятельств К. К. Грот обладал более адекватной информацией об образовательных планах правительства, действительно рассчитывавшего на активное участие общественности в их реализации. Самарская губернская администрация в деле создания женских училищ опережала события и готовила общество к необходимым усилиям и расходам, причем в более широких масштабах, чем предусматривалось в документах 1856 г. Там упоминались лишь средние школы, которых было недостаточно для населения города и губернии.

В апреле 1857 г. в Санкт-Петербурге при сопроводительном письме К. К. Грота была получена рукопись его чиновника особых поручений Н. А. Воронова с описанием прибрежных мест и территорий Самарской губернии. Она была составлена для путеводителя к предполагавшемуся путешествию великого князя Константина Николаевича[36].

К. К. Грот, несомненно, одобрил и, возможно, отредактировал следующую фразу, предназначенную для брата императора и других высокопоставленных читателей: «К сожалению, в г. Самаре до настоящего времени нет ни одного женского учебного заведения ни казенного, ни частного, и потому высочайший указ об учреждении в губернских городах женских училищ для среднего сословия возбудил в здешнем обществе чувство верноподданнической признательности, и мысль об учреждении таких школ встретила живое сочувствие. В настоящее время в пользу этих школ пожертвовано разными лицами до 6 000 р[уб]. сер[ебром]. Эти пожертвования, сделанные в столь короткое время, свидетельствуют достаточно о том, как сильно здесь сознается необходимость женских школ»[37]. Данный фрагмент напоминает не столько справку об образовательной инфраструктуре города, сколько послание «наверх» о готовности местной власти и общественности к действиям, согласно намерениям правительства.

Подобные школы не рассматривались в проекте реформы женского образования. Инициатива губернатора сыграла здесь важную роль, хотя руководство учебным делом не входило в его должностные обязанности. Сам Грот воспринимал эту сферу ответственности не столько служебным, сколько нравственным долгом и выступал в данном случае, скорее, общественным деятелем. Свою активность в школьном вопросе К. К. Грот так объяснял попечителю Казанского учебного округа: «Хотя по закону мне не предоставлено прямого влияния на учебную часть, но, имея убеждение, что умственное и нравственное образование, приспособленное к потребностям и положению различных классов нашего населения, есть, вероятно, единственное средство к введению порядка и благоустройства в России вообще, а тем более в вверенном мне отдаленном крае, я желал бы предоставить все зависящие от меня средства к лучшему устройству существующих учебных заведений и к открытию таковых вновь»[38]. К. К. Грот редко находил «случай оказать содействие в деле образования» жителям, которые сами о том мало перед ним хлопотали, а потому ему приходилось оказывать «нажим» на местное общество. Разумеется, попечитель не возражал против такого «превышения» самарским губернатором полномочий. Он полагал, что пристальное внимание высшего должностного лица губернии «к учебным заведениям составляет одно из самых важных условий их благосостояния».

В одном из писем помощнику попечителя Казанского учебного округа Ф. Ф. Веселаго К. К. Грот подчеркнул, что особенно стремился к распространению образования «между женщинами низшего класса», а потому настойчиво «склонял» жителей Самары к выделению необходимых средств. Именно К. К. Грот в конце декабря 1857 г. предложил городскому самоуправлению создать первое женское приходское училище. Губернатор выразил пожелание «дать возможность купеческому и мещанскому сословиям к образованию своих детей, особенно из бедного класса людей, не имеющих средств нанимать особых учителей». С этой целью он обратился к городскому обществу, «не признает ли оно возможным отпускать ежегодно потребную сумму на содержание такого училища». В феврале 1858 г. Самарское городское общество поддержало его предложение[39].

Горожане определили отпускать на училище ежегодно по 700 руб. серебром из общественной суммы. Губернское правление утвердило это решение и передало его в городскую думу «для надлежащего исполнения», сообщив также о нем исполнявшему обязанности директора самарских училищ. Тот 8 марта обратился с просьбой об открытии женского приходского училища к попечителю Казанского учебного округа Э. А. Груберу, приложив программу «преподавания учебных предметов в этом училище» и смету расходов на него, которые были сделаны вчерне «на первое время» с возможностью исправить их при необходимости, исходя «из опыта» работы[40].

Данная смета предусматривала следующие годовые расходы: жалованье священнику-законоучителю (60 руб.); жалованье учительнице, выполнявшей также обязанности надзирательницы (200 руб.); жалованье учителю (150 руб.) и учителю пения (50 руб.); наем квартиры для училища и жилья учительницы (200 руб.); приобретение мебели, учебных пособий и женских рукоделий, уборка помещений и прочие затраты (40 руб.). Э. А. Грубер утвердил эту смету, а инспектор казенных училищ Казанского учебного округа Н. В. Чашников подчеркнул, что «считает открытие такого училища для города Самары весьма благодетельным»[41].

Необходимо отметить, что эти же слова употребил автор заметки в самарской газете, поспешивший «порадовать горожан благодетельной вестью» о скором открытии женского училища «для детей преимущественно городского сословия», где обучение будет бесплатным. Программа обучения, как сообщалось в газете, включала: 1) чтение книг церковной и гражданской печати и рукописей; 2) чистописание и письмо под диктовку с приучением соблюдать необходимые грамматические правила; 3) Закон Божий по краткому катехизису и Священную историю в рассказах; 4) церковное пение; 5) первые четыре действия арифметики с решением практических задач; 6) женские рукоделия[42].

2 сентября 1858 г. состоялось торжественное открытие первой общеобразовательной школы для девочек в Самаре. Как отмечали очевидцы, оно состоялось «без блеска и церемоний, без обычных угощений, сопровождающих подобного рода торжественные случаи редко из сочувствия к преуспеянию просвещения, а так, чтобы воспользоваться случаем удовлетворить вкусу широкой натуры»[43]. «Мирное торжество», которое прошло непривычно «тихо и скромно», хотя вызвало широкий общественный резонанс, видимо, больше соответствовало не традиционным вкусам российских купцов и чиновников, а немецко-лютеранской сдержанности, присущей К. К. Гроту.

Первым на открытии по традиции выступил новый управляющий дирекцией училищ И. Д. Веретенников, сменивший на этой должности А. П. Пономарёва. Он ознакомил взрослых и детей с законами и правилами, на основании которых была учреждена новая школа[44]. Однако И. Д. Веретенников отступил от официального протокола, указав, «кому одолжено своим открытием это новое училище», имея в виду Грота. На торжестве также присутствовали городской голова В. Е. Буреев, отдававший много сил и средств на нужды города часто в ущерб собственным коммерческим интересам[45], и купцы — представители городского общества, которое взяло на содержание школу, тем самым сделав обучение в ней бесплатным. В речах выступавших прослеживалось успешное взаимодействие губернских властей и общественности, о котором писали позднее в газетах. В. Е. Буреев поблагодарил губернатора «за живое участие в деле учреждения школы», а К. К. Грот в ответном слове отдал должное жителям Самары, поскольку «средства для основания начального училища даны ему городским обществом»[46].

Духовенство также приняло участие в этом событии. Протоиерей Иоанн (Халколиванов), церковный и общественный деятель, литератор и педагог, член губернского статистического комитета[47], совершил молебен и освящение дома, «избранного под сие заведение»[48]. Другой известный в церковной и общественной жизни Самары священник Михаил (Ястребов) предоставил свой дом под училище[49]. С просьбой об этом к нему обратился губернатор. К. К. Грот считал весьма удачным получение этого здания для учебных нужд[50]. Перед началом занятий хозяин отремонтировал дом, чтобы создать более благоприятные условия учителям и учащимся[51]. Побывавшие в этом здании отмечали, что оно «уютно, чисто, светло и может удовлетворить, пожалуй, и прихотливому требованию» и «местоположение открытого училища избрано в этом отношении весьма удачно». Единственным недостатком находили то, что помещение было «не слишком просторное». Однако оно удовлетворяло наличному количеству воспитанниц, которых было принято 17, а задачу расширения училища можно было отложить на более отдаленное время[52].

После открытия первой школы в газетах писали о необходимости создания таких учебных заведений: «Для Самары, нам кажется, одного такого училища недостаточно. Будем надеяться, что это первое не будет последним. Тогда должно будет избрать, для удобства посещения учащимися, место в другой части города»[53]. 15 августа 1859 г. в Самаре было открыто второе женское приходское училище. Наряду с Самарой начальные школы для девочек создавались в уездных городах губернии — Бугуруслане, Бугульме и Бузулуке[54].

В 1859 г. количество учениц в первом приходском училище увеличилось до 44. В их числе насчитывались 12 дочерей дворян и чиновников, 29 — купцов и мещан, 3 — разночинцев и крестьян. Во второе женское приходское училище было принято сразу 72 ученицы[55].

При открытии первого приходского училища для девочек губернатор призвал местное общество поддержать очередное просветительское начинание — создать в Самаре среднее общеобразовательное учреждение для девушек. Этому предшествовал следующий законодательный шаг в ходе реформы женского образования — принятие 30 мая 1858 г. Положения о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения, предусматривавшего создание учебных заведений, удовлетворявших запросам тех родителей, которые стремились дать дочерям более качественное образование, чем начальное. От существовавших институтов и пансионов эти школы отличались всесословным составом учениц и тем, что последние приходили сюда только на классные занятия, то есть не отрывались от семей. В отличие от частных учебных заведений общественные школы требовали от родителей меньших расходов на обучение дочерей.

7 августа 1859 г. в Самаре было открыто женское училище 1-го разряда, которое затем было преобразовано в женскую гимназию. Полный курс обучения в таких школах был рассчитан на 6 лет. К обязательным предметам относились Закон Божий, русский язык, арифметика, география, история, краткие сведения из естественной истории, чистописание и рукоделие. Плата за обучение составляла 25 руб. в год. От нее освобождались бедные девушки из тех сословий, представители которых вносили постоянные взносы на содержание училища, т. е. из дворян и горожан купеческого и мещанского звания. Таким ученицам бесплатно выдавали учебные пособия. К необязательным предметам относились французский и немецкий языки, рисование, музыка, пение, танцы, которые преподавались за особую плату[56].

С появлением новых женских училищ частные пансионы для девочек или закрывались, или преобразовывались в такие же училища. Главной проблемой общеобразовательных женских школ было то, что государство не поддерживало материально создаваемые школы. Забота об их содержании возлагалась на городское общество, которое устанавливало особый ежегодный сбор и ассигновало средства из других городских доходов. Значительные средства на те же цели отпускали приказы общественного призрения — местные учреждения, ведавшие вопросами образования, здравоохранения и социального обеспечения. Самарское дворянство собирало в пользу женского училища единовременно с каждых 1 000 дес. помещичьей земли по 4 руб. 25 коп.[57] Другими источниками поступления денежных средств являлись добровольные пожертвования, устройство благотворительных литературно-музыкальных вечеров, домашних спектаклей, концертов и т. д.

По подобному принципу создавались женские школы в других городах и регионах, например, на Урале[58].

Таким образом, середина XIX в. в России стала временем модернизационного скачка, вылившегося в ряд коренных реформ. Принимая тот факт, что «школа в России всегда ставила на первый план государственную задачу», следует отметить, что роль общественности в деле народного просвещения России возрастала по мере развития страны «в общем русле процессов модернизации»[59]. В разработке, подготовке и продвижении реформы женского образования принимали участие как деятели из числа «просвещенной бюрократии» в центре и на местах, так и представители нарождавшегося «гражданского общества». Из конкретных фактов внимания государственных и общественных деятелей, благотворителей и рядовых жителей к развитию женского образования в предреформенной России складывается картина усиления и расширения гендерных аспектов модернизации в коллективных представлениях, социальных ожиданиях и практических мероприятиях.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Паршина В. Н.** Гендерный аспект образования России второй половины XIX века: историография вопроса // Изв. ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 879 — 884.

[2] **Миронов Б. Н.** Культурный капитал России за тысячу лет // Эконом. политика. 2013. № 1. С. 80 — 81, 88.

[3] См.: **Дашкевич Л. А.** Образование как фактор модернизации российской провинции // Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу. Екатеринбург, 2011. С. 93 — 113.

[4] См.: **Миронов Б. Н.** Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб., 2014. Т. 1. С. 800 — 801.

[5] **Юрчёнков В. А.** Мордовская история : курс лекций. Саранск, 2014. С. 171.

[6] См.: **Корнилов А. А.** Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 255.

[7] Руководство учителям первого и второго класса народных училищ Российской империи. СПб., 1783. С. 88, 106.

[8] **Шилина Т. А.** Эволюция женского образования в России: государственная политика и общественная инициатива (конец XVIII — начало XX в.) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Саратов, 2010. С. 18 — 19.

[9] См.: Материалы для истории и статистики наших гимназий. СПб., 1864. С. 20 ; **Алешинцев И.** История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб., 1912. С. 47.

[10] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 3, № 2501. С. 1104.

[11] Там же. С. 1100.

[12] НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6496. Л. 1 — 3.

[13] Там же. Д. 7004. Л. 417 об., 428 об. — 429.

[14] Там же. Л. 413 об.

[15] Журн. М-ва нар. просвещения. 1852. № 10, отд. 7. С. 30 — 31.

[16] **Григорьева Г. И.** Просвещение удельных крестьян Симбирской губернии в первой половине XIX века // Крестьянство и власть Среднего Поволжья. Саранск, 2004. С. 146 — 147.

[17] ОР РГБ. Ф. 219. Карт. 59. Ед. хр. 80. Л. 6 об. — 7; Ед. хр. 81. Л. 19.

[18] ОР РНБ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 80. Л. 53 об. — 54.

[19] Там же. Ф. 608. Оп. 2. Д. 71. Л. 69 — 70, 99.

[20] НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2918. Л. 2 — 2 об.

[21] См.: **Смирнов Ю. Н.** «Юрьев день» губернского масштаба : Отмена проверки паспортов в Самаре в начале 1850-х гг. // Центр и периферия. 2012. № 1. С. 4 — 9.

[22] См.: **Курмаев М. В.** Самарская книга второй половины XIX — начала XX в. : стат. обзор // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2013. Т. 15, № 1 — 1. С. 33 — 40.

[23] **Смирнов Ю. Н.** Взаимоотношения администрации, общества и самоуправления в Самарской губернии середины XIX в.: от местных инициатив к общегосударственным реформам // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2015. № 11 (133). С. 181 — 192.

[24] Самар. губерн. ведомости. 1858. № 43. 25 окт.

[25] ЦГАСО. Ф. 360. Оп. 7. Д. 45. Л. 1 — 2 об., 3 — 3 об.

[26] Там же. Л. 5.

[27] Там же. Л. 5 — 6.

[28] Там же. Л. 5 об. — 6 об.

[29] Там же.

[30] Там же. Л. 5 об. — 6 об.

[31] НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7209. Л. 8 — 9.

[32] Там же. Л. 10 — 10 об.

[33] Там же. Л. 12 — 12 об.

[34] Там же. Л. 14 — 14 об.

[35] См.: Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель : Материалы для его биографии и характеристики : в 3 т. Пг., 1915. Т. 1. С. 120 — 121.

[36] См.: **Смирнов Ю. Н.** «Просвещенная бюрократия» в провинции накануне Великих реформ : Сотрудник самарского губернатора Грота Н. А. Воронов и его вклад в региональные исследования середины XIX века // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2016. № 1 (134). С. 28 — 39.

[37] См.: **Воронов Н. А.** Описание Волжского прибрежья Самарской губернии и замечательнейших его местностей (1857 г.). СПб., 2015. С. 75.

[38] Константин Карлович Грот... Т. 1. С. 111.

[39] НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7483. Л. 1 — 1 об., 5.

[40] Там же. Л. 1 об., 4.

[41] Там же. Л. 2 — 3.

[42] См.: Самар. губерн. ведомости. № 29. 19 июля.

[43] Там же. № 36. 6 сент.

[44] НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7483. Л. 10.

[45] См.: **Черкасова М. В., Фролова К. В.** Деятельность городского головы В. Е. Буреева (По документам ЦГАСО) // Городская культура и город в культуре : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Самара, 2012. Ч. 1. С. 275 — 283.

[46] Самар. губерн. ведомости. № 36. 6 сент.

[47] См.: **Бирюкова А. Б.** Научная деятельность элиты православного духовенства в дореформенной провинции (По материалам поволжских губерний) // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Нижневартовск, 2015. С. 228.

[48] НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7483. Л. 10.

[49] См.: Самар. губерн. ведомости. № 29. 19 июля.

[50] НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7483. Л. 5 об.

[51] Там же. Л. 11.

[52] См.: Самар. губерн. ведомости. № 36. 6 сент.

[53] Там же.

[54] НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6496. Л. 5.

[55] См.: **Алабин П. В.** Самара: 1586 — 1886 годы. Самара, 1991. С. 67.

[56] Там же. С. 90.

[57] Там же. С. 89.

[58] См.: **Дашкевич Л. А.** Школа в социокультурной среде уральского города конца XVIII — первой половины XIX века // Изв. Урал. федер. ун-та. 2006. Т. 45, № 20. С. 220.

[59] **Куршева Г. А.** Общество, власть и образование в России в конце XIX — первой трети XX в. (На примере мордовского края) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. Саранск, 2007. С. 4, 19.

Поступила 16.08.2016 г.

УДК 94:373(470.343)

И. В. Алметева, А. Г. Иванов, А. А. Филонов
I. V. Almeteva, A. G. Ivanov, A. A. Filonov

МАТЕРИАЛЫ ОТЧЕТОВ УЕЗДНЫХ УПРАВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ МАРИЙСКОЙ ШКОЛЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в.*

MATERIALS OF UYEZD GOVERNMENTS REPORTS AS A SOURCE FOR THE STUDY OF MARI SCHOOLS IN THE SECOND HALF OF THE XIX — THE EARLY XX CENTURY

Ключевые слова: история марийской школы, источники, отчеты уездных управ, информационный потенциал.

В статье рассматриваются материалы отчетов уездных земских управ в качестве одного из важных источников по изучению истории марийской школы второй половины XIX — начала XX в.; показывается своеобразие информационного потенциала данного источника, составленного на основании ежегодных отчетов земских школ.

Key words: history of Mari school, sources, reports of uyezd governments, information potential.

The materials of reports of uyezd zemsky governments as one of the most important sources for the study of history of Mari school of the second half of the XIX century — the early XX century are considered in the article, peculiarity of information potential of this source, compiled on basis of annual reports zemsky schools, is described.

Изучение исторического опыта деятельности земских учреждений России, в том числе и Марийского края, второй половины XIX — начала XX в. имеет большое научное и общественно-политическое значение. Органы местного самоуправления вложили существенным вклад в развитие различных отраслей хозяйственно-экономической и культурной жизни страны, в том числе и народного просвещения.

Среди разнообразных источников по изучению этой темы особое место занимают материалы отчетов уездных управ. Делопроизводственные документы, отложившиеся в земских учреждениях и относящиеся к начальному образованию, довольно полно сохранились в фондах Козьмодемьянской (Ф. 49) и Царевококшайской (Ф. 18) уездных земских управ Государственного архива республики Марий Эл (ГА РМЭ), частично Уржумской (Ф. 860) и Яранской (Ф. 618) уездных земских управ Государственного архива Кировской области (ГАКО), Васильской уездной земской (Ф. 46) и Нижегородской губернской земской управ (Ф. 42) Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО). Большой пласт опубликованных отчетов также имеется в отделах редких книг Национальной библиотеки

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Марий Эл, проект «Марийская школа во второй половине XIX — начале XX веков: исторический опыт», № 16-11-12002.

© Алметева И. В., Иванов А. Г., Филонов А. А., 2016

им. С. Г. Чавайна (г. Йошкар-Ола) и Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена.

Материалы земских отчетов представляют собой особый вид делопроизводственной документации. Ежегодно земские управы готовили подробные материалы о состоянии земского хозяйства для заседаний земских собраний. Они содержат ценные сведения об основных направлениях земской деятельности, позволяют воссоздать процесс работы органов местного самоуправления и рассмотреть реализацию важных мероприятий. Собственно отчеты подразделяются на отдельные информационные блоки: личный состав земской управы; сметы и раскладки; развитие сельского хозяйства; дорожное строительство; взаимное страхование; народное образование; медицина; ветеринарная часть; натуральная повинность; содержание недвижимых имуществ, принадлежащих земству; меры по содействию экономическому благосостоянию населения[1].

Значительное место в этих отчетах отводилось вопросу народного образования[2]. По итогам каждого учебного года учителя и законоучителя земских школ предоставляли подробные сведения о проделанной работе инспектору народных училищ, который в свою очередь направлял сводный отчет уездной земской управе. Данная информация была максимально достоверной. По каждой отдельной школе на основании «вопросных» бланков подавалась следующая информация: I. *Помещения училищ*, куда включались сведения о времени основания школы; краткая историческая справка; описание местности, где располагалась школа; постоянные или временные помещения школ; здания, специально выстроенные или приспособленные; школы, помещающиеся в отдельных зданиях или совместно с другими учреждениями; за чей счет построены школьные здания, кем они нанимаются и содержатся; материал, из которого построены школьные здания; размер классных комнат; квартиры для учителей; отопление школ. II. *Лица, служащие в училище*. В этот пункт входили данные о попечителях; учителях и законоучителях; к какому сословию относятся; национальность; вероисповедание; какое получили образование; в скольких школах преподавали; с какого времени в данном учебном заведении; имеют свидетельство на звание учителя или нет; какие получили награды; распределение предметов между учителями; расписание есть или нет; учителя пользуются квартирой или получают квартирные деньги; когда и кем инспектировалось училище и проводились годичные испытания. III. *Учащиеся*. В данном пункте сообщались общие сведения о количестве учащихся, занесенных в школьные списки за учебный год, с распределением по полу и по отделениям; количество учащихся на 1 декабря каждого года с распределением по полу и по отделениям; численность прошлогодних учащихся; количество вновь принятых; количество выбывших до окончания курса; численность учащихся по спискам в конце учебного года, из них — переведенных в следующие отделения; количество оставленных в прежних отделениях и окончивших учение, в частности — сдавших выпускной экзамен, получивших свидетельство по отбыванию воинской повинности; данные по вероисповеданию, национальности, сословию и возрасту; рост самого большого и самого маленького ученика; количество приходящих учеников и где они находятся после учения (уходят домой, живут в училище или у родственников); численность учащихся с указанием местожительства родителей и расстояния от школы; общее количество учебных часов с указанием

пропусков; количество детей, обучающихся ремеслу, рукоделию, пению, садоводству и огородничеству. IV. *Содержание училищ.* Здесь имелись подробные сведения о бюджете училищ, от кого и какая сумма на содержание училищ поступила и на что израсходована; размер жалованья законоучителя и учителей; плата за преподавание дополнительных предметов; учительские и ученические библиотеки, общее количество книг в них, выписанные книги с указанием названий и суммы; плата за обучение; учебное время и порядок учебных занятий; результаты инспектирования училищ; школьная мебель[3].

На основании полученных сведений уездные земские управы ежегодно готовили отчеты о состоянии начальных народных школ для земских собраний. Начиная с 70-х гг. XIX в. эти отчеты стали публиковаться, некоторые в виде отдельных приложений к журналам уездных земских собраний. Первоначально в них давалась краткая справка о состоянии грамотности и образования в уезде. С 1880-х гг. управы стали готовить отчетный материал, отличающийся большей информативностью. По нашим наблюдениям, к началу XX в. земской управой были выработаны определенные составные части отчетов.

В первой части, *«Число училищ»*, приводились количественные показатели школ (с добавлением вновь открывшихся и закрывшихся учебных заведений). Например, в 1880/81 учебном году Козьмодемьянская уездная управа в своем отчете приводила следующие данные: «В отчетном году на счет земства содержались училища: в городе 2 женских, в уезде — 27»[4]. Уржумская уездная управа за этот же год отмечала: «В Уржумском уезде — 54 училища. В числе них есть такие, которые едва ли заслуживают свое название — некоторые церковно-приходские школы и частные школы, содержащие на счет их учредителей. Помощь со стороны земства в подобных случаях оказывалась только тем школам, у которых состоят назначенный епархиальным начальством законоучитель и потом учитель, имеющий свидетельство на звание учителя, чтобы в этих школах можно было производить экзамены для выпуска кончивших курс учеников со свидетельством на льготу по воинской повинности»[5].

Более подробные сведения содержатся в отчетах начала XX в. В частности, в Козьмодемьянском уезде к 1 июля 1917 г. в ведении Министерства народного просвещения состояло 123 начальных училища, в том числе: приходских по уставу 1828 г.: двухклассных — 0, одноклассных — 1; училищ по инструкции 1875 г.: двухклассных — 4, одноклассных — 0; училищ по положению 1874 г.: двухклассных — 0, одноклассных — 12; инородческих по правилам 1907 г. и 14 июня 1913 г. — 106.

С 1 сентября 1916 г. временно было открыто Серменангерское однокомплектное училище (вследствие пожара сгорело здание (наемное) училища). В селении не нашли соответствующего другого здания, и учащиеся перешли в соседнее (Эсановское) училище, находящееся в $1^{1}/_{2}$ верстах от первого, а учитель был прикомандирован к Кожважскому училищу. В это же время в с. Арде открылось временное начальное училище для детей беженцев (31 чел.), к занятиям с которыми была привлечена учительница-беженка Убродовичского начального училища Холмской губернии Павла Ивановна Василевская за счет содержания, получаемого ею по Убродовическому училищу. Кроме того, при Юркинском (городском) начальном училище ввиду увеличения населения города в октябре был открыт второй комплект, не предусмотренный школьной сетью. «В этом училище к

1 января 1917 года состоит 102 учащихся девочек. Содержание этого нового комплекта временно принято Козьмодемьянским земством за счет уездного земства. Таким образом, к 1 июля 1917 года в инспекции состоит 123 начальных училища, в составе 180 комплектов, при 2 запасных учащих»[6].

В некоторых отчетах приводились сведения об учебных заведениях по национальному признаку. Так, в отчете за 1909/10 учебный год отмечалось, что из 88 начальных училищ Козьмодемьянского уезда русских училищ всего 12: Козьмодемьянское приходское мужское, Козьмодемьянское приходское женское, Юркинское женское, Больше-Юнгинское, Мало-Юнгинское, Засурское, Руткинское, Троицко-Посадское мужское, Троицко-Посадское женское, Ахмыловское, Копанское и Сергеевское. Остальные 76 училищ — инородческие. Из них 69 — чисто инородческих (30 марийских и 39 чувашских) и 7 — смешанных: 5 марийско-русских (Ардинское, Владимирское, Кумьинское, Мало-Сундырское мужское и Мало-Сундырское женское), 1 чувашско-русское (Ильинское) и 1 марийско-чувашское (Кожважское)[7].

Во второй части, *«Помещения училищ»*, содержалась информация, в каких помещениях находились школы — собственных зданиях или наемных помещениях, какую сумму тратило земство на наем зданий. Например, в 1875/76 учебном году Козьмодемьянская уездная управа докладывала уездному собранию: «…из двух городских училищ, мужское помещается в казенном доме уездного училища, с приличною квартирою для учителя в отдельном каменном флигеле; женское в наемном довольно удобном частном доме; инородческая женская городская школа …в устроенном козьмодемьянским купцом Иваном Матвеевичем Зубковым весьма удобном доме. Из сельских училищ в уезде: Малосундырское, Малокарачкинское и Пернягашские мужская и женская школа помещались в собственных домах, все прочие же училища и школы стоят в наемных на счет земства удобных квартирах»[8].

В Царевококшайском уезде в 1914 г. из 79 земских начальных училищ 26 помещались в собственных зданиях, 51 находилось в наемных крестьянских домах, и 2 училища помещались в зданиях, уступленных под школу безвозмездно[9]. В этом же блоке давались сведения о количестве училищ, имеющих участки земли, о занятиях садоводством и огородничеством.

В третьей части, *«Число учащих»*, довольно подробные сведения предоставлялись о преподавателях, в том числе данные о количестве учителей, учительниц и законоучителей, какое образование они получили, размере жалованья. Так, в отчете Царевококшайской уездной земской управы за 1912/13 учебный год отмечалось, что в указанном уезде в земских и министерских училищах состояло 106 преподавателей (40 учителей и 66 учительниц). Из них специальное педагогическое образование имели 4 учителя и 12 учительниц, а всего 16 чел.; среднее образование — 16 учительниц. С низшим образованием, но получивших подготовку на педагогических курсах, насчитывалось 6 учителей и 8 учительниц, а всего 14 чел.; с низшим образованием — 30 учителей и 30 учительниц или всего 60 чел.[10]

В начале XX в. в некоторых отчетах стали выделять национальный состав преподавателей: «В Козьмодемьянском уезде в 1907 — 1908 учебном году из 33 учителей: 14 русских (12 человек состоят учителями в инородческих школах — 7 человек в черемисском и 5 человек в чувашском, 2 человека в русских школах).

Остальные 19 человек инородцы: 15 из чуваш…, 4 человека из черемис… Из общего числа учительниц русских было 46 человек и 16 человек являлись инородцами (8 черемис и 8 чувашек). По национальному составу учителя и учительницы из русских составляли 63,1 %, а из инородцев — 36,9 %»[11].

По годовому окладу жалованья учителя, например, Уржумского уезда в 1914 — 1915 гг. распределялись следующим образом: оклад 780 руб. получал 1 чел.; 660 руб. — 1 чел.; 600 руб. — 23 чел.; 480 руб. — 2 чел.; 460 руб. — 2 чел.; 450 руб. — 1 чел.; 440 руб. — 17 чел.; 420 руб. — 17 чел.; 400 руб. — 24 чел.; 390 руб. — 12 чел.; 360 руб. — 106 чел. «Столь значительное разнообразие в учительских окладах объясняется наличностью оплаты труда заведовавших однокомплектными школами в 30 рублей, двухкомплектными — 60 рублей, а также земскими и министерскими прибавками»[12].

Четвертая часть отчета, *«Число учащихся»*, посвящалась ученикам, где указывалось их количество, сколько поступило, их пол, вероисповедание, сословие, национальность, иногда и возраст учеников, число окончивших курс обучения, выбывших из школ. Например, в 1885/86 учебном году Козьмодемьянская уездная управа давала следующие данные: в уезде в 32 земских училищах обучались 1 488 чел. (1 082 мальчика и 406 девочек), во Второ-Пихтулинской школе Братства святителя Гурия — 32 чел. (26 мальчиков и 6 девочек), в 20 церковно-приходских школах — 677 чел. (586 мальчиков и 91 девочка), в 5 воскресно-повторительных — 87 чел. (83 мальчика и 4 девочки). Всего 2 284 чел. (1 777 мальчиков и 507 девочек)[13].

В конце XIX в. стали появляться сведения о сословной принадлежности детей, вероисповедании, о количестве окончивших курс обучения. Так, в 1895/96 учебном году в земских училищах Козьмодемьянского уезда учились 1 861 чел. (1 385 мальчиков и 476 девочек). Из них детей дворян — 7 чел., духовного звания — 29, городских сословий — 158, крестьян — 1 667 чел. 1 857 православные, 4 раскольника. Окончили полный курс учения 244 чел. (187 мальчиков и 57 девочек). Из них 140 получили похвальные листы. Число окончивших курс составило 13 % от общего числа учащихся[14]. В Яранском уезде к 1 января 1895 г. в начальных народных училищах состояло 5 250 учащихся (4 257 мальчиков и 993 девочки), а к 1 января 1896 г. — 5 254 (4 214 мальчиков и 1 040 девочек). По вероисповеданию почти все были православные, кроме 4 мальчиков и 2 девочек раскольников, 3 девочек римско-католического вероисповедания и 3 девочек «иудейского вероисповедания». Из них детей дворян — 6 мальчиков и 9 девочек, духовного звания — 28 мальчиков и 31 девочка, городского сословия — 16 мальчиков и 74 девочки, сельского сословия — 4 164 мальчика и 926 девочек. Русских — 3 975 мальчиков и 1 021девочка, марийцев — 239 мальчиков и 14 девочек, евреев — 3 девочки, поляков — 3 девочки[15].

В пятой части, *«Занятия учащихся ручным трудом, ремеслами, рукоделием, сельским хозяйством и гимнастикой»*, содержится материал о дополнительных предметах школьного обучения, в каких училищах преподавался тот или иной предмет; количество учеников школы и посторонних, обучающихся этим предметам; учителя и вознаграждение за необязательные предметы.

Царевококшайская уездная управа в своем отчете докладывала, что к 1 января 1914 г. в 6 ремесленных отделениях состояло 81 чел. На все отделения было

потрачено 7 991 руб. Пение преподавалось при 74 земских школах, причем в 60 школах пением руководили сами преподаватели школ, в 14 — посторонние лица (священники, диаконы, псаломщики), а в 5 школах пению не обучали. Преподавателям пения выдавалось вознаграждение — 20 руб. в год. Рукоделие в отчетном году преподавалось в 45 смешанных и женских школах. Для приобретения необходимых материалов на каждую ученицу отпускались деньги в размере 40 коп. На 587 учениц всего было выдано 234 руб. 80 коп. За преподавание рукоделия было выдано вознаграждение 34 учительницам. Школьные сады и огороды были при тех училищах, которые имели собственные здания. Преподаватели указанных училищ получали практическую подготовку на месячных курсах при Казанском земледельческом училище[16].

В шестой части отчета, *«Учебно-воспитательное дело»,* земские управы приводили данные об организации учебного процесса с указанием перечня дисциплин, наличии учебных и методических указаний, форм проведения обучения. В конце XIX — начале XX в. обучение в земских училищах проходило по «примерным программам», утвержденным 7 февраля 1897 г. В русских училищах программа по Закону Божию проходила в три года, а в «инородческих» — четыре года. В последних преподавание Закона Божия велось вначале на родном языке. На третий год обучения, когда учащиеся осваивали русский язык, в большей части училищ законоучителя переходили к преподаванию на русском языке. Обучение грамоте во всех рассматриваемых учебных заведениях велось по звуковому методу. Обучение чтению и письму производилось совместно. В большинстве училищ изучение звуков заканчивалось к середине ноября, после чего учащиеся переходили к связному чтению книг. В «инородческих» училищах в первое полугодие первого года учащиеся обучались чтению и письму на родном языке, и лишь со второго полугодия приступали к русскому чтению по тем же книгам, что и в русских школах. При чтении статей из русских книг преподаватели сначала переводили незнакомые учащимся слова на «инородческое» наречие. Затем ученики под руководством учителя переводили всю статью на родное наречие и на нем передавали ее содержание, а потом только на русском языке.

К церковнославянскому чтению в русских училищах приступали во втором полугодии первого года обучения, а в «инородческих» училищах — на второй год. Сначала учащиеся практиковались лишь в механическом чтении. После усвоения механизма церковнославянского чтения, они постепенно переходили к пониманию славянского текста. Обучение «инородцев» русской разговорной речи в большей части училищ начиналось с поступления учащихся в школу. В русских училищах сразу после обучения грамоте следовали уроки русского правописания, т. е. усвоив алфавит, приступали к связному чтению по книге. В «инородческих» школах указанные уроки начинались лишь со второго года обучения. Вместе с постепенным усвоением, путем практических упражнений главных правил русского правописания, учащиеся понемногу знакомились с элементарной грамматикой русского языка. Так, обучение письму в начальных училищах Козьмодемьянского уезда начиналось одновременно с обучением чтению, при котором учащиеся знакомились с печатным и письменным начертаниями букв. При изучении алфавита школьники упражнялись в письме букв на досках, после его усвоения переходили к письму на бумаге. Так как изучение алфавита обычно оканчивалось в

середине ноября, то с этого времени начинались систематические уроки чистописания. При преподавании арифметики особое внимание уделялось выработке у учащихся навыка в беглом счете и в вычислениях на торговых счетах. При решении арифметических задач от учеников требовалось осмысление своей деятельности. Учителя приучали их анализировать задачу, намечать ход и план ее решения. Для самостоятельных работ в старшем отделении заводились специальные тетради, в которых учащиеся решали задачи с объяснением в форме вопросов, показывающих общий ход решения[17].

Ценные сведения приводились в седьмой части отчета — *«Расходы по содержанию училищ»*. В ней указывалось, откуда поступили деньги и на что они были израсходованы в течение учебного года. Например, сумма, выдаваемая Уржумским земством в 1869 г., расходовалась по следующим пунктам: 6 479 руб. 88 коп. (85,2 %) на жалованье и награды преподавателям, наем квартир, отопление и другие «мелочные» расходы по училищам; 457 руб. 30 коп. (6,0 %) — на выписку училищных книг, 257 руб. 30 коп. (3,4 %) — на их переплет, 335 руб. 20 коп. (4,4 %) — на классные принадлежности, 35 руб. (0,5 %) — «письмоводство» по училищному совету, 36 руб. 46 коп. (0,5 %) — разные расходы, а всего 7 601 руб. $83^{1}/_{2}$ коп. Из приведенных материалов видно, что основная масса денег шла на выплату жалованья преподавателям, далее — на учебную литературу и классные принадлежности[18].

Восьмая часть отчета, *«Инспекция училищ, училищные советы, почетные блюстители и попечители»*, посвящалась руководству земскими школами и результатам проверки учебной деятельности. Так, в Козьмодемьянском уезде в 1916 г. было проверено 123 начальных училища. Ревизия училищ начиналась с проверки знаний учащихся и занятий преподавателей. Нередко после обсуждения уроков давались соответствующие рекомендации. Особое внимание обращалось на постановку и достижение цели и задач урока. Кроме того, просматривались с соответствующими замечаниями письменные работы учеников, каталоги и библиотеки, обращалось внимание как на внутреннее состояние школ, так и на внешний порядок.

Результаты осмотров были таковы: «Большинство учителей и учительниц трудились с большим усердием, а некоторые и с большой любовью, хотя с разным успехом, состоявшим в зависимости, главным образом, от степени подготовки и опытности. При этом, со стороны учительского персонала в большинстве случаев встречалось искреннее желание, при ревизиях действительное состояние школы, выяснить причины недостаточности успеха и ознакомиться с наиболее целесообразными способами и приемами преподавания»[19].

«Внешкольное образование», девятая часть отчета, посвящалась проводимым земскими школами народным чтениям, публичным библиотекам, открытым при училищах, народным библиотекам-читальням.

С начала XX в. обязательной стала *«Врачебно-санитарная часть»*, где приводились сведения о санитарно-гигиеническом состоянии учебных заведений, о здоровье учащихся и мерах по улучшению их физической подготовки.

Итак, материалы отчетов уездных земских управ, составленные на основании документов первичных инстанций (земских школ), аналитического осмысления и переработки его инспектором народных училищ и членами земства, отли-

чаются большой информативностью. Нередко они содержат оценки, данные их составителями, по состоянию школьного дела в уезде. Личная и общественная заинтересованность составителей, несомненно, сказывалась на характере фиксации и интерпретации фактов. Проведенный анализ содержания отчетных материалов и сопоставление имеющихся в них сведений позволяют утверждать о достоверности приводимых в них данных. Ежегодные отчетные материалы дают возможность составить целостную картину состояния и эволюции земских школ того или иного уезда, положения дел в народном образовании, степени его соответствия нуждам и потребностям местного населения.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Алметева И. В.** Козьмодемьянское уездное земское хозяйство в начале XX века // Мар. археогр. вестн. Йошкар-Ола, 2011. Вып. 21. С. 153 — 165 ; **Ее же.** Козьмодемьянское уездное земское хозяйство в 1911 — 1912 гг. // Там же. 2012. Вып. 22. С. 128 — 138.

[2] См.: **Куршева Г. А.** Общество, власть и образование в России в конце XIX — первой трети XX в. (На примере мордовского края) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. Чебоксары. 2007.

[3] ГА РМЭ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 10. Л. 1 — 132 об.

[4] Отчет Козьмодемьянской уездной земской управы за 1880 — 1881 год и постановления XVII очередного и экстренного Козьмодемьянских уездных земских собраний, состоявшихся 2, 3 и 4 октября 1881 года и 28 января 1882 года, со сметами и раскладками на 1882 год. Казань, 1882. С. 30.

[5] Доклады и другие приложения к журналам заседания Уржумского уездного земского собрания XIV очередной сессии. Вятка, 1881. Ч. 2. С. 9 — 10.

[6] **Алметева И. В.** Состояние школьного образования в Козьмодемьянском уезде за 1916 — 1917 учебный год // Мар. археогр. вестн. 2008. Вып. 18. С. 120.

[7] См.: **Алметева И. В., Иванов А. Г., Филонов А. А.** Состояние школьного образования в Козьмодемьянском уезде (по материалам уездной земской управы 1909 — 1910 гг.) // Там же. 2016. Вып. 26. С. 145.

[8] ГА РМЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 291. Л. 29 — 2 об.

[9] См.: Отчет Царевококшайской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства за время с 1 июля 1913 г. по 1 июля 1914 г. 50-му очередному уездному земскому собранию. Казань, 1914. С. 48.

[10] См.: Отчет Царевококшайской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства за время с 1 июля 1912 г. по 1 июля 1913 г. 49-му очередному Царевококшайскому уездному земскому собранию. Казань, 1913. С. 46.

[11] Отчет Козьмодемьянской уездной земской управы о деятельности ее по управлению делами, подлежащими ведению земства и о состоянии уездного земского хозяйства за время с 1-го сентября 1907 г. по 1-е сентября 1908 г. Козьмодемьянск, 1909. С. 55 — 56.

[12] ГАКО. Ф. 860. Оп. 1. Д. 177. Л. 19 об.

[13] См.: Отчет Козьмодемьянской уездной земской управы за 1885 — 1886 годы и постановления XXII очередного Козьмодемьянского уездного земского собрания, состоявшиеся 27 — 29 сентября 1886 года, со сметами и раскладками земского сбора и натуральных повинностей на 1887 год. Казань. 1887. С. 29, 65 — 69.

[14] См.: Отчет Козьмодемьянской уездной земской управы за 1895 — 1896 год. Казань. 1897. С. 78.

[15] См.: Журналы Яранского уездного земского собрания XXX-й очередной сессии (13 — 21 сентября 1896 г.) с докладами уездной управы и другими приложениями. Яранск, 1897. С. 191 — 192.

[16] См.: Отчет Царевококшайской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства за время с 1 июля 1913 г. по 1 июля 1914 г. 50-му очередному уездному земскому собранию. С. 60 — 64.

[17] ГА РМЭ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 585. Л. 12 об. — 13 об.

[18] См.: **Алметева И. В.** История начального школьного образования в Марийском крае во второй половине XIX — начале XX веков. Йошкар-Ола, 2006. С. 153.

[19] **Алметева И. В.** Состояние школьного образования в Козьмодемьянском уезде за 1916 — 1917 учебный год. С. 130 — 131.

Поступила 11.07.2016 г.

УДК 94:316.334.56(470.4)

Ю. В. Арапова
Yu. V. Arapova

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ ГУБЕРНСКИХ ГОРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

SOCIAL PORTRAIT OF A HEAD OF GOVERNORATE CITIES OF THE VOLGA REGION IN THE LATE XIX — THE EARLY XX CENTURY

Ключевые слова: городской голова, Поволжье, Самара, Саратов, Симбирск, самоуправление, городская дума.

В статье на основе архивных материалов и научной литературы рассмотрен социальный статус руководителей городских дум губернских городов Поволжья — Самары, Саратова и Симбирска; установлен их национальный состав, образовательный ценз, сословная принадлежность и другие показатели.

Key words: city head, the Volga Region, Samara, Saratov, Simbirsk, self-government, city duma.

The social status of heads of city dumas in governorate cities of the Volga Region — Samara, Saratov and Simbirsk is considered in the article on basis of archival materials and scientific literature, as well as their national structure, educational level, social class affiliation and other indicators are determined.

В дореволюционный период органы городского самоуправления формировались и совершенствовались с ростом городов. Возрастание значения административных центров в экономической, общественно-политической и культурной жизни Российской империи особенно сильно наблюдалось на рубеже XIX — XX вв. Городское самоуправление было законодательно оформлено в Городовом положении 1870 и 1892 гг. Особый статус приобрел городской голова, который наряду с функциями по избирательным кампаниям города получил функции председателя городской думы и городской управы[1]. Городской голова, имея широкий круг полномочий, должен был обладать личными, профессиональными, организаторскими и деловыми качествами, а также авторитетом среди избирателей. Таким обра-

© Арапова Ю. В., 2016

зом, эффективная работа городских дум во многом зависела от социально-политической активности гласных и в особенности такой значимой фигуры, как городской голова[2].

Роль конкретной личности в истории велика. В связи с этим создание портретных характеристик городских голов поможет лучше понять и оценить их вклад в развитие городского самоуправления.

Специальных исследований о роли городского головы в работе городской думы и развитии города в целом проводилось мало, чаще всего данный вопрос фрагментарно рассматривался в трудах о городском самоуправлении. Следует отметить труды П. С. Кабытова, А. М. Колядиной, Г. В. Алексушина, М. В. Зайцева, А. В. Воронежцева, Е. Н. Ардабацкого, Т. А. Громовой, Е. А. Ерохиной[3].

В г. Самаре должность городского головы занимали в основном почетные граждане, как правило купцы, но впоследствии ситуация изменилась, и этот пост стали занимать дворяне и выходцы из крестьян. За время действия Городового положения 1892 г. самарскими головами являлись следующие лица: Н. Г. Неклютин (1891 — 1896 гг.; 1901 — 1904 гг.), П. А. Арапов (1897 — 1900 гг.), А. Н. Хардин (1842 — 1910 гг.), С. Н. Постников (1905 — 1909 гг.), Д. К. Мясников (1907 — 1910 гг.), М. Д. Челышов (1910 — 1912 гг.), С. Е. Пермяков (1914 — 1916 гг.) (табл. 1).

Таблица 1

Биографические данные самарских городских голов в 1892 — 1917 гг.

ФИО, годы жизни	Сословная принадлежность, вероисповедание, чин, звание	Возраст на момент избрания, образование, семейное положение
1	2	3
Неклютин Николай Гаврилович (1844 — 1904)	Из крестьянской семьи; православный; купец 1-й гильдии; потомственный почетный гражданин Самары, 2 ордена и медаль	47 лет; домашнее; женат, 2 детей
Арычкин Николай Степанович (1841 — 1907)	Из купеческой семьи; православный; титулярный советник со старшинством; 2 серебряные медали, 1 бронзовая и орден	55 лет; курс наук в Симбирской гражданской гимназии; женат, 7 детей
Арапов Петр Александрович (1852 — 1905)	Из дворянской семьи; православный; статский советник; 4 ордена, серебряная медаль и темно-бронзовая медаль	45 лет; Казанская гимназия, юридический факультет Императорского Казанского университета, звание кандидата правоведения; женат, 1ребенок
Хардин Андрей Николаевич (1842 — 1910)	Из дворянской семьи; православный	63 года; Казанская гимназия, С.-Петербургский университет, степень кандидата правоведения; женат, 2 детей

1	2	3
Постников Сергей Несторович (1861 — дата смерти неизв.)	Из дворянской семьи; православный; потомственный дворянин Российской империи; надворный советник; бронзовая медаль	44 года; Симбирская военная гимназия; женат, 3 детей
Мясников Дмитрий Кузьмич (1849 — 1921)	Из купеческой семьи; православный; купец 2-й гильдии; 3 медали	58 лет; домашнее образование; женат, 1 ребенок
Челышев Михаил Дмитриевич (1866 — 1915)	Из крестьянской семьи; старообрядец; личный почетный гражданин	44 года; домашнее образование
Ушаков Василий Павлович (1856 — 1922)	Из крестьянской семьи; православный; потомственный почетный гражданин; 2 медали, нагрудный знак	56 лет; Николаевкое уездное училище, Самарская учительская семинария; женат, 8 детей
Пермяков Сергей Ефремович (1863 — 1930)	Из купеческой семьи; потомственный почетный гражданин	51 год; Казанский государственный университет

Составлена по: ЦГАСО Ф. 153. Оп. 43. Д. 77. Л. 60, 62, 64 ; Оп. 1. Д. 96. Л. 107, 125 ; Ф. 1. Оп. 1. Д. 4339. Л. 91, 103 ; Ф. 170. Оп. 1. Д. 143. Л. 41 ; Ф. 3. Оп. 64. Д. 2. Л. 241 ; **Алексушин Г. В.** Во главе Самары. Самара, 1999.

В Саратове в тот же период официально пост головы города занимали 6 чел.: А. Н. Епифанов (1891 — 1895 гг.), Н. П. Фролов (1895 — 1901 гг.), А. О. Немировский (1901 — 1914 гг.), В. А. Коробков (1905 — 1913 гг.), М. Ф. Волков (1913 — 1917 гг.) и Л. А. Мукосеев (1917 г.) (табл. 2).

Таблица 2

Биографические данные саратовских городских голов в 1892 — 1917 гг.

ФИО, годы жизни	Сословная принадлежность, вероисповедание, чин, звание	Возраст на момент избрания, образование, семейное положение
1	2	3
Епифанов Александр Николаевич (дата рожд. неизв. — 1917)	Купец 2-й гильдии	Домашнее; женат, 2 детей
Фролов Николай Петрович (1847 — 1901)	Из потомственных дворян Рязанской губернии; православный; действительный статский советник; орден, 2 серебряные медали и 1 темно-бронзовая	48 лет; юридический факультет Императорского Харьковского университета
Немировский Александр Осипович (1844 — 1914)	Из купеческой семьи г. Полтавы	57 лет; Московский университет; юрист, кандидат права, Новороссийский университет (Одесса)

1	2	3
Коробков Владимир Аполлонович (1847 — 1919)	Купец 2-й гильдии	Юрист
Волков Михаил Фёдорович (1853 — 1934)	Из мещанского сословия г. Вольска; врач-окулист	60 лет; Императорская медико-хирургическая академия в Петербурге
Мукосеев Леонид Александрович (1878 — 1931)	Ученый врач-эпидемиолог, земский врач	

Составлена по: ГАСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 442. Л. 5 об., 22 об., 23, 68, 160 об., 161, 162 ; Д. 1050. Л. 56 ; Д. 780. Л. 222 ; Д. 5166. Л. 4 ; Д. 5165. Л. 78 ; Д. 1025. Л. 181 — 182 ; Ф. 3. Оп. 1. Д. 4299. Л. 15 ; Ф. 369. Оп. 1. Д. 35. Л. 6 ; **Зайцев М. В.** Состав Саратовской городской думы в 1893 — 1917 гг. // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. № 2 (42). 2008. Вып. 6. С. 83 — 88 ; **Славин И. Я.** Минувшее — пережитое // Волга. 1998. № 2 — 3, 5 — 8.

Симбирскими городскими головами в дореволюционный период были следующие: Н. А. Чебоксаров (1891 — 1893 гг.), А. Д. Сачков (1893 — 1896 гг.), П. С. Балакирщиков (1897 — 1899 гг.), М. А. Волков (1899 — 1909 гг.), Л. И. Афанасьев (1909 — 1917 гг.), Н. И. Сахаров (1917 г.) (табл. 3).

Таблица 3

Биографические данные симбирских городских голов в 1892 — 1917 гг.

ФИО, годы жизни	Сословная принадлежность, чин, звание	Возраст на момент избрания, образование, семейное положение
Чебоксаров Николай Александрович (1831 — 1901)	Купец 1-й гильдии	60 лет; женат, 4 детей
Сачков Александр Дмитриевич (1834 — 1907)	Купец 1-й гильдии; потомственный почетный гражданин, золотая медаль	59 лет; Симбирское уездное училище; женат, 2 детей
Балакирщиков Павел Степанович (1837 — 1899)	Купец 1-й гильдии; потомственный почетный гражданин; серебряная медаль	40 лет; женат, 9 детей
Волков Михаил Алексеевич	Купец; почетный гражданин	женат, 3 детей
Афанасьев Леонид Иванович (1868 — 1926)	Потомственный дворянин	41 год; Симбирская мужская классическая гимназия
Сахаров Николай Иванович (1890 — дата смерти неизв.)	Из купеческой семьи; эсер	27 лет

Составлена по: ГАУО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 304. Л. 32 ; Оп. 36. Д. 86. Л. 8 ; Ф. 187. Оп. 2. Д. 205. Л. 211 ; Д. 35. Л. 98 ; ГАУО. Указатель фамилий и купцов Симбирской губернии [Электронный ресурс]. URL: http://www.ogugauo.ru/ukazateli (дата обращения: 20.07.16).

За 1892 — 1917 гг. в г. Самаре на пост городского головы дважды был избран Н. Г. Неклютин[4], трижды исполнял обязанности Н. С. Арычкин и дважды В. П. Ушаков. В Саратове и Симбирске случаев повторного замещения этой должности не было.

Биографические данные городских голов губернских центров Поволжья указывают на сходства и различия выбранных на эту должность персон. Прежде всего рассмотрим сословную принадлежность, вероисповедание, возраст на момент избрания, семейное положение, образование, общественные должности и звания, профессиональную деятельность.

В губернских центрах Самаре, Саратове и Симбирске должность первого лица города занимали как правило представители купеческого сословия. Происхождение до определенного времени фактически формировало положение человека в дореволюционном российском обществе. Однако уже в начале XX в. все чаще происходили случаи выбора голов без акцента на происхождение или полученных регалий. Если говорить о симбирских городских головах, то все они были из купеческого сословия, кроме Л. И. Афанасьева, который являлся потомственным дворянином. В Саратове в этой должности среди купцов был и потомственный дворянин (Н. П. Фролов), и мещанин (М. Ф. Волков). Если рассмотреть происхождение самарских городских голов, то картина будет другой. П. А. Арапов и А. Н. Хардин были потомственными дворянами. С. Н. Постников получил потомственное дворянство в связи с вручением его отцу ордена Святого равноапостольного князя Владимира IV степени. Крестьянского происхождения были Н. Г. Неклютин, М. Д. Челышев и В. П. Ушаков. Только Н. С. Арычкин, Д. К. Мясников и С. Е. Пермяков имели купеческое происхождение.

В дореволюционной России национальная принадлежность в официальных документах не фигурировала, указывались данные о религиозной принадлежности. Отметим, что преобладающее большинство руководителей городов были русскими и православными. Точно известно, что вероисповедание самарского городского головы М. Д. Челышева было старообрядческим, но учитывая, что значительная часть русского купечества была старообрядцами, то не исключено, что некоторые из рассматриваемых городских голов, чье вероисповедание неизвестно, также могли быть этой веры. Саратовские городские головы А. О. Немировский и В. А. Коробков были евреями, принявшими православие, но в анкетах в графе национальность писали, что они русские[5].

Если оценивать возрастные характеристики, то все лица, занимавшие пост городского головы, были старше 40 лет. Исключением явился единственный случай: в 1917 г. городским головой Симбирска был избран 27-летний эсер Н. И. Сахаров.

Семейное положение голов городских дум было различным. Наличие семьи при занимаемой должности было не обязательным. Однако в основном они были лицами семейными и имели несколько детей.

Образование у городских голов было разное. Большинство выходцев из купечества получили домашнее образование. Среди саратовских руководителей только А. Н. Епифанов имел домашнее образование, Н. П. Фролов, А. О. Немировский, В. А. Коробков, М. Ф. Волков и Л. А. Мукосеев закончили образовательные учреждения, причем трое имели юридическое образование, двое — медицинское. Среди самарских голов Н. Г. Неклютин и М. Д. Челышев полу-

чили домашнее образование[6]. П. А. Арапов закончил Казанскую гимназию, а затем — юридический факультет Императорского Казанского университета. По завершении учебы он защитил диссертацию, получив звание кандидата правоведения. С. Н. Постников закончил Симбирскую военную гимназию[7], а С. Е. Пермяков — Казанский государственный университет[8].

Таким образом, мы видим, что довольно редкими были случаи, когда образовательный статус соответствовал занимаемой должности. Из вышеперечисленных лиц мало кто имел опыт административной деятельности, хотя среди них были люди с юридическим образованием и степенью кандидата правоведения. Некоторые до избрания городским головой работали в структуре местных органов власти. Н. С. Арычкин и В. П. Ушаков[9], имея педагогическое образование и карьеру, сменили род деятельности и занялись административной работой. С. Н. Постников оставил военную службу и также занялся административной деятельностью. Саратовские руководители М. Ф. Волков и Л. А. Мукосеев совмещали свою врачебную практику с административной работой.

Общим для всех голов являлось занятие общественной деятельностью. Самарский голова Н. Г. Неклютин был членом Самарского местного управления Российского общества Красного Креста, членом правления общества Дома трудолюбия, более 10 лет членом учетного комитета Самарского отделения Государственного банка, ктитором церкви и почетным блюстителем хозяйственной части при епархиальном женском училище, почетным попечителем Самарского реального училища имени императора Александра III[10]. С. Н. Постников являлся председателем трамвайной комиссии[11]. М. Д. Челышев совмещал должность городского головы с членством в 3-й Государственной думе, а главным делом всей его жизни была борьба с пьянством[12]. С. Е. Пермяков был коллекционером и заботился о культурно-просветительской составляющей города; являлся директором Самарского публичного музея, возглавлял музейную комиссию; председателем общества народных университетов и членом губернской ученой архивной комиссии[13].

Симбирские городские головы также вели активную общественную деятельность. А. Д. Сачков являлся членом учетного комитета Государственного банка и попечителем учебных заведений г. Симбирска. П. С. Балакирщиков возглавлял Симбирский городской общественный банк, был церковным старостой, членом Карамзинской общественной библиотеки, председателем Совета Симбирского городского общества о бедных, председателем Городского детского приюта[14].

Саратовский городской голова Н. П. Фролов, имея юридическое образование, работал судебным следователем и товарищем прокурора, а впоследствии стал присяжным поверенным (адвокатом) по округу Саратовской судебной палаты; также был почетным мировым судьей. Его преемником на пост городского головы стал А. О. Немировский, который имея юридическое образование и степень кандидата права, служил юрисконсультом в городской управе, управляющим отделом МВД. В. А. Коробков (тоже юрист по образованию) был председателем временного правления городского кредитного общества и почетным мировым судьей[15]. М. Д. Волков, имея медицинское образование, совмещал руководящую должность с медицинской практикой, был заведующим глазной больницей и председателем попечительского совета Александровского городского ремесленного училища. Он оставил свой пост в 1917 г. и передал дела заместителю, члену управы

А. А. Яковлеву[16]. На место городского головы был выбран врач-эпидемиолог Л. А. Мукосеев, который также занимался медицинской практикой[17].

Согласно вышеизложенному, должность городского головы занимали граждане с активной общественной позицией, которые получили признание населения города. Среди них были представители особого класса городских обывателей — почетные граждане. Почетное гражданство имели самарские головы Н. Г. Неклютин, С. Н. Постников и С. Е. Пермяков. М. Д. Челышев был личным потомственным гражданином. В. П. Ушаков в 1911 г. награжден званием потомственного почетного гражданина[18] за особые труды по борьбе с холерой. Среди симбирских городских голов почетными гражданами были А. Д. Сачков, П. С. Балакирщиков и М. А. Волков.

За активную и плодотворную работу городские головы награждались медалями и орденами. Знаки отличия имели Н. П. Фролов, А. О. Немировский, А. Д. Сачков, П. С. Балакирщиков, Н. Г. Неклютин, Н. С. Арычкин, П. А. Арапов, С. Н. Постников, Д. К. Мясников.

На основании приведенных и проанализированных сведений можно сделать вывод, что городские головы губернских городов Поволжья (Самары, Симбирска и Саратова) имели схожие и различные черты. Большинство из руководителей дум были купцами, реже дворянами, но со временем купечество утратило свое доминирование и во властные структуры пришли представители других сословий. Уровень образования был различен и часто не соответствовал занимаемой должности, однако наблюдалась положительная динамика от домашнего образования до юридического со степенью кандидата правоведения. В каждой из рассматриваемых дум возраст распределялся равномерно и был средним (от 45 до 60 лет). В основном городские головы были лицами семейными и имели много детей. Большинство из них были русскими и православными. Должность городского головы занимали люди социально и политически активные, за что получали знаки отличия. В заключении отметим, что превалирующая часть городских голов дум Поволжья имела схожие черты и выбиралась из числа почетных граждан города.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Гусева Т. М., Балясников А. С.** Социальный состав и деятельность органов общественного управления уездных городов Среднего Поволжья во второй половине XIX в. // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 3 (31). С. 52 — 57.

[2] См.: **Гусева Т. М., Тараканова Н. Г.** Уездные города Среднего Поволжья во второй половине XIX в. // Там же. 2013. № 2 (26). С. 160 — 164.

[3] См.: **Кабытов П. С.** Легендарный самарец Петр Владимирович Алабин. Куйбышев, 1990 ; **Колядина А. М.** Самарский городской голова Сергей Ефремович Пермяков // Самарский краевед. Самара, 1994. С. 173 — 183 ; **Алексушин Г. В.** Во главе Самары. Самара, 1999 ; **Ардабацкий Е. Н.** Саратовский городской голова Николай Петрович Фролов // Саратовское Поволжье в панораме веков: история, традиции, проблемы : материалы IX межрегион. науч. краевед. чтений. Саратов, 2000. С. 109 — 117 ; **Его же.** М. Ф. Волков — Саратовский городской голова // Там же. С. 385 — 393 ; **Воронежцев А. В.** Саратовская городская Дума: состав, структура, функции (конец XIX — начало XX века) // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2002. С. 34 — 44 ; **Ерохина Е. А.** Меры органов городского самоуправления по развитию благотворительности, попечительства и здравоохранения : (На примере Симбир. губернии во второй половине XIX века) // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2011. Т. 13. № 3 — 1. С. 62 — 68 ; **Громова Т. А.** Городской голова Леонид Иванович Афанасьев. Ульяновск, 2014 ; **Зайцев М. В.** Городской

голова Саратова А. И. Недошивин: личность и деятельность // Ист. психология гос. управления. 2015. № 2. С. 70 — 78.

[4] См.: **Рогач Ю. А.** Городской голова — Николай Гаврилович Неклютин // Самарский край в жизни и творчестве выдающихся личностей : сб. ст. и материалов III Междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2003. С. 69.

[5] См.: **Зайцев М. В.** Состав Саратовской городской думы в 1893 — 1917 гг. // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. № 2 (42). 2008. Вып. 6. С. 87.

[6] ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 43. Д. 77. Л. 65.

[7] Там же. Л. 62.

[8] Там же. Л. 63.

[9] Там же. Л. 64.

[10] См.: Альбом Городских Голов Российской Империи. СПб., 1903. С. 242.

[11] См.: Самарские судьбы 2011. № 9. Осуществленная мечта С. 110 — 123.

[12] См.: История Самары (1586 — 1917 гг.) / под ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана, О. Б. Леонтьевой. Самара, 2015. С. 386 — 389.

[13] См.: **Колядина А. М.** Указ. соч.

[14] ГАУО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 79. Л. 34 — 37.

[15] ГАСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1050. Л. 3 — 114 об.

[16] Там же. Д. 1083. Л. 9 об. — 10 об.

[17] Там же. Д. 1014. Л. 24 — 59 ; Д. 3864, Л. 8 — 10.

[18] **Кабытов П. С.** История у нас трагична… : Зап. историка. Самара, 1995. С. 16.

Поступила 27.06.2016 г.

УДК 341.321.3»19»

А. И. Лушин, Ю. В. Щербаков
A. I. Lushin, Yu. V. Shcherbakov

ИЗ ОПЫТА СТРОИТЕЛЬСТВА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ НА ОСНОВЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-МИЛИЦИОННОЙ СИСТЕМЫ В 1920-е гг.

FROM THE EXPERIENCE OF CONSTRUCTION OF ARMED FORCES ON BASIS OF THE TERRITORIAL-MILITIA SYSTEM IN THE 1920S

Ключевые слова: Вооруженные силы, Рабоче-крестьянская Красная армия, территориально-милиционная система, система комплектования.

В статье рассматривается исторический аспект реформирования Красной армии в межвоенный период. Основное внимание уделяется принятым руководством РКП(б), высшими органами государственного и военного управления решениям по вопросам реформирования РККА в указанный период, в частности — реорганизации центрального и местного военного аппарата, введения новой системы комплектования Вооруженных сил и др. Показываются результаты получения первого опыта территориально-милиционного строительства в 1920-е гг. и результаты дальнейшего реформирования Красной армии на принципах смешанной (территориально-милиционной в сочетании с кадровой) системы комплектования.

© Лушин А. И., Щербаков Ю. В., 2016

Key words: the Armed forces, the Workers' and Peasants' Red Army, territorial-militia system, recruitment system.

The historical aspect of the Red Army reform in the interwar period is considered in the article. Special attention is paid to the decisions made by leadership of the RCP(b), the supreme bodies of state and military administration on the reformation of the Workers' and Peasants' Red Army in the mentioned period, in particular — on reorganization of the central and local military structure, introduction of new system of the Armed forces recruitment and others. Results of the first experience of territorial-militia construction in the 1920s, as well as results of further reformation of the Red Army on a mixed principle (territorial-militia in conjunction with the personnel) of the recruitment system is demonstrated.

Концепция строительства Вооруженных сил на основе милиционных формирований была сформулирована во второй половине XIX в. К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые исходили из возможности одновременной победы социалистической революции во многих странах[1] и считали, что «…победивший коммунизм во всех или в большинстве стран не будет нуждаться в постоянных вооруженных силах»[2]. В феврале 1893 г. в немецкой газете «Vorwarts» была опубликована статья Ф. Энгельса «Может ли Европа разоружиться?», в которой автор отмечал, что разоружение возможно путем международного установления максимального срока действительной военной службы, постепенного его сокращения и, в конечном счете, перехода к милиционной системе. «Народ будет знать военное дело, — писал Ф. Энгельс, — и в случае опасности сможет использовать свои знания»[3]. «…В милиционной армии воинские части в мирное время состоят из учетного аппарата и немногочисленных кадров командного состава. Весь переменный состав и часть командного состава приписываются к воинским частям, расположенным в районе их места жительства, и проходят военное обучение в свободное от работы время методом вневойсковой подготовки, а также на непродолжительных учебных сборах под руководством военных инструкторов (офицеров и младших командиров), состоящих в штатах милиционных воинских частей и составляющих их основу. При возникновении военной опасности весь приписной состав военнообязанных немедленно вызывается в свои части и приступает к выполнению функциональных обязанностей в подразделениях. За непродолжительное время милиционная армия развертывается до штатов военного времени»[4].

Теоретические воззрения идеологов марксизма, претерпев со времен II Интернационала некоторую эволюцию, начали реализовываться в России после прихода к власти большевиков в октябре 1917 г.

Создаваемая кадровой «по форме», Красная армия на начальном этапе была территориальной «по содержанию», так как первые отряды РККА формировались при местных Советах. В октябре 1917 г. РКП(б) создавала в городах и промышленных центрах Красную гвардию и рабочую милицию, которые состояли из боевых рабочих дружин и отрядов. Эти военизированные организации пролетариата формировались по территориальному принципу — на фабриках и заводах. Дружинники отрядов Красной гвардии и члены народной милиции проходили военную подготовку и выполняли свои общественные обязанности в свободное от работы время, не отрываясь на длительный период от производства. Однако Гражданская война приостановила данный процесс.

Молодая советская республика использовала также систему всеобщего воинского обучения (всевобуч). Приказом Наркомвоена № 325 от 7 мая 1918 г. при военно-учебном управлении Всероссглавштаба был создан отдел по всеобщему военному обучению, развернутый 6 декабря 1918 г. в самостоятельное управление (с 17 января 1919 г. — Главное управление всеобщего военного обучения). Его ведению подлежали разрешение (совместно с Наркомпросом) вопросов по физическому развитию детей школьного возраста; допризывная подготовка трудящихся; популяризация идей всевобуча и милиционной системы; организация и устройство местных органов всевобуча и управление ими; организация, формирование войсковых единиц за счет населения, прошедшего курс всевобуча, формирование частей особого назначения и трудовых частей. В политическом отношении всевобуч подчинялся Революционному военному совету Республики (РВСР). В указанной системе было подготовлено 5 млн чел. допризывного и призывного возрастов[5]. В 1923 г. всевобуч перестал существовать и был возрожден в сентябре 1941 г.

Непосредственное руководство всей деятельностью государства в области строительства Вооруженных сил осуществлял Центральный комитет РКП(б). Военные вопросы систематически обсуждались на пленумах, заседаниях политбюро, оргбюро и секретариата ЦК. Показательно, что с ноября 1920 г. по ноябрь 1922 г. военные вопросы обсуждались многократно: 9 раз на пленумах ЦК РКП(б), 26 — на заседаниях политбюро ЦК, 6 — в Совете народных комиссаров и 17 раз — в Совете труда и обороны. Их рассматривали на VIII и IX Всероссийских съездах Советов, III (1925 г.) и IV (1927 г.) съездах Советов СССР, X — XII съездах партии, февральском и апрельском (1924 г.) пленумах ЦК и т. д.[6] Например, только в период между X и XI съездами партии (за год с небольшим) на заседаниях ЦК РКП(б) было обсуждено 311 военных вопросов[7].

Первым партийным съездом, на котором обсуждался вопрос о создании в России милиционной армии, стал VIII съезд РКП(б). В партийной программе, принятой съездом 18 — 23 марта 1919 г., указывалось, что самую лучшую и непобедимую армию в мире можно создать «на основе обязательного обучения рабочих и крестьян в условиях, близких к их повседневному труду»[8]. Здесь, на съезде, разгорелась дискуссия по военному вопросу, в результате которой появилась так называемая военная оппозиция, в конечном итоге признавшая свое поражение.

Проходивший с 29 марта по 5 апреля 1920 г. IX съезд РКП(б) принял резолюцию о переходе к милиционной системе строительства Красной армии[9]. Однако выполнить ее не удалось, так как буржуазное правительство Польши начало войну против Страны Советов[10].

Отметим, что дискуссия в партийно-политических и военных кругах о дальнейших путях военного строительства велась до конца Гражданской войны. Суть ее сводилась к спору альтернатив: кадровое или территориально-милиционное устройство армии? История развития Вооруженных сил государства выявила две системы их строительства — территориальную (милиционную) и постоянную, кадровую.

Компромиссный вариант был предложен М. В. Фрунзе, который предлагал сочетание кадровой и милиционной систем комплектования[11]. По его замыслу предполагалось создавать территориальные части РККА лишь в тех регионах, где твердо установилась советская власть, и находилось плотное ядро промышленного

пролетариата, считавшегося социальной базой Советского государства. На этом строился расчет по достижению эффекта экономии на содержание кадровых частей РККА при сохранении и постепенном наращивании стратегических воинских резервов.

В центре внимания X съезда РКП(б), проходившего с 8 по 16 марта 1921 г., был поставлен вопрос о реорганизации и укреплении Красной армии, повышении ее боеспособности. Специальным постановлением по военному вопросу съезд подтвердил правильность курса на принятие милиционной системы строительства Вооруженных сил. В тяжелых экономических условиях, сложившихся в результате Гражданской войны и иностранной интервенции, эта система строительства позволяла при минимальных затратах на подготовку и содержание Вооруженных сил иметь необходимый боевой контингент войск[12]. Вместе с тем X съезд РКП(б) отверг предложение некоторой части депутатов о немедленном повсеместном переходе к милиционной системе в Красной армии. Было особо подчеркнуто, что темпы и формы перехода к милиционным формированиям зависят от международной и внутренней обстановки, от продолжительности мирной передышки. На съезде указывалось, что в основу милиционных частей должны быть положены «испытанные в боях кадры полевых частей с очищением их от ненадежных и неустойчивых элементов, а также Всевобуч»[13]. Съезд, тем не менее, допустил возможность создания милиционных формирований лишь в промышленных и пролетарских районах, в частности в Москве, Петрограде, Урале и т. д. В соответствии с решениями X съезда РКП(б) и IX Всероссийского съезда Советов в 1921 г. были созданы первые территориальные формирования (милиционные бригады) в Петрограде и других городах страны, в том числе в Симферополе.

Вопрос об укреплении РККА рассматривался и на XI съезде РКП(б), состоявшимся в марте — апреле 1922 г.[14] Принятую совещанием военных делегатов резолюцию съезд утвердил в качестве постановления по вопросу об укреплении Вооруженных сил. Съезд указал, что партия и впредь будет вести активную работу по повышению боеспособности Красной армии. В качестве практических задач предлагалось следующее: установить твердый численный состав армии на 1922 г.; определить бюджет на ее содержание, сократив расходы на мероприятия, не имеющие прямого отношения к армии; освободить войска от дел, отвлекающих их от прямых и непосредственных обязанностей. В соответствии с Постановлением Пленума ЦК РКП(б) от 8 октября 1921 г. был утвержден численный состав Красной армии в 1 млн 595 тыс. чел. с включением в это число войск ВЧК, отрядов особого назначения, флота, всевобуча и войск Туркестана. Эта цифра не подлежала изменению до 15 января 1922 г.[15]

В 1923 г. высшее военное руководство страны неоднократно докладывало в СНК СССР о состоянии армии, обращая внимание правительства на необходимость повышения уровня боевой подготовки красноармейцев, при этом констатируя, что «армия еще не вышла из состояния длящихся в течение двух лет реорганизации и демобилизации»[16].

В марте 1923 г. Наркомвоеном был представлен в СНК СССР подробный доклад о состоянии Красной армии. По мнению главнокомандующего, «содержание малочисленной кадровой армии целесообразно и допустимо лишь при условии доведения ее до высокого качества... Для этого неизбежны крупные расходы на

ее содержание. Необходимо отказаться от заблуждения, что малочисленная кадровая или милиционная армия является более экономичной в смысле расходования денежных средств. В общегосударственном смысле она исключительно выгодна, так как сокращает до предела число работников, отвлекаемых от производительного труда, в деле же денежных расходов на свое содержание такая армия всегда будет дороже нормальной постоянной армии соответственной численности»[17].

Состоявшийся в апреле 1923 г. XII съезд РКП(б) выдвинул задачу и впредь уделять всемерное внимание нуждам армии и флота, повышать обороноспособность Советского государства. Съезд потребовал уделять больше внимания материальным и культурным нуждам армии и флота. В решении съезда по национальному вопросу предлагалось создавать национальные формирования на строго классовой основе[18]. Это являлось важным условием привлечения для комплектования национальных формирований ранее угнетенных и отсталых народов Советского Союза.

Отметим, что немедленный переход к милиционной системе комплектования армии в 1921 — 1923 гг. был невозможен из-за комплекса внутренних и внешнеполитических факторов.

Основным внутренним фактором, который не способствовал немедленному переходу к милиционной системе, являлся острый политический кризис в стране, вызванный подрывом доверия крестьянства к советской власти в период «военного коммунизма», а также крестьянскими восстаниями во многих районах страны. В этих условиях нужна была кадровая армия, поскольку ее экстерриториальный характер и система комплектования позволяли регулировать классовый и национальный состав армии, иметь политически благоприятную вооруженную опору для подавления антиправительственных выступлений на местах.

Не менее важен был и внешнеполитический фактор. В это время продолжался подъем революционного движения в Европе, особенно в Германии, где в 1923 г. возникла «революционная ситуация». Продолжая надеяться на «всемирную революцию» и выполняя указания политического руководства страны, военное ведомство в этот период активно готовилось к поддержке назревшей в Германии «революции» и защите ее от западных государств. В статье «Будем готовы», опубликованной в конце 1923 г. в журнале «Армия и революция», М. Фрунзе писал: «Нам, работникам Красной армии, следует знать одно: как бы ни кончилось нынешнее революционное движение германского пролетариата, Красная армия должна быть уже теперь в состоянии полной боевой готовности. Этого требует современная обстановка, это будет лучшим козырем нашей дипломатии для сохранения мира. Очень может быть, что наши западные соседи, и в первую очередь Польша, внемлют голосу благоразумия и воздержатся от авантюристической попытки вмешиваться в наши или внутригерманские дела. Во всяком случае, попытка удушения германской революции польскими штыками даром им не пройдет. Выводы очень просты: мирным иллюзиям мы предаваться не можем. Красная армия в любой момент должна быть готова к выступлению»[19].

Перевод армии на мирное положение и подготовка к введению территориально-милиционной системы ее комплектования обусловили необходимость не только перестройки органов военного управления, но и пересмотра структуры Сухопутных войск. Изменения в организационной структуре коснулись и других родов

войск. Созданному 27 февраля 1921 г. Штабу РККА были переданы организация, учет и формирование территориальных войск. По положению, объявленному 14 октября 1921 г., на Главное управление всевобуча возлагались допризывная военная подготовка молодежи, общая подготовка населения и разработка организационных форм для перехода на территориально-милиционную систему; инспектирование территориальных воинских формирований, подготовка инструкторов; государственная организация спорта для оздоровления трудящихся. Начальник управления (он же главный начальник всевобуча) подчинялся главкому, а по вопросам политическим — председателю РВСР.

В состав Штаба РККА было включено Главное управление всевобуча, переименованное в Центральное управление по военной подготовке трудящихся. 28 марта 1924 г. в связи с реорганизацией центрального аппарата НКВМ это управление прекратило свое существование. Вопросы организации военной подготовки трудящихся были переданы в ведение инспектората РККА.

Особое внимание руководство страны уделяло вопросу демобилизации пятимиллионной армии, численность которой тяжелым грузом давила на истощенную экономику Советского государства. В конце 1920 г. Совет труда и обороны утвердил специальную комиссию по демобилизации армии, в которую вошли представители армии, профсоюзов, транспорта и других организаций во главе с М. И. Калининым и Ф. Э. Дзержинским[20]. По состоянию на 1 ноября 1920 г. в рядах РККА числилось около 5,5 млн чел.: в действующей армии — 2 456 тыс., в тылу страны — 2 971 тыс., из них мобилизованными являлись 83,4 % и добровольцами — 16,6 %. В составе РККА было 15 — 20 армий[21].

27 декабря 1920 г. пленум ЦК РКП(б) утвердил проект правительственного сообщения о сокращении (демобилизации) Красной армии. Путем демобилизации и реорганизации с декабря 1920 г. по сентябрь 1921 г. Красная армия была приведена почти полностью на мирное положение[22]. В результате принятых мер 1 января 1922 г. численный состав РККА с 5,0 млн снизился до 1 млн 428 тыс. чел. В литературе и документах приводятся разные данные о численности РККА к концу Гражданской войны — от 4,0 млн до 5,5 млн чел. Чиновники Реввоенсовета оценивали численность армии от 4,0 млн до 4,5 млн в 1921 г.[23] Отметим, что в 1922 г. командующими военных округов была разработана программа сокращения численности армии до 1,0 млн 100 тыс. чел. Однако было получено указание Правительства Республики сократить армию к 1 сентября 1922 г. до 894 тыс. и к 1 ноября — до 800 тыс. чел.[24] 16 ноября 1922 г. выходит Постановление Политбюро ЦК РКП(б), в котором было утверждено предложение Л. Д. Троцкого сократить армию в течение января 1923 г. с 800 тыс. до 600 тыс. чел.[25]

В 1923 г. перевод армии и флота на мирное положение был завершен — численность Красной армии была доведена до 516 тыс. чел.[26] При этом количество граждан призывного возраста осенью 1923 г., по оценке Штаба РККА, составляло около 1,1 млн., из них годных к военной службе по состоянию здоровья — не менее 700 тыс. чел.[27]

На основании решений Политбюро ЦК РКП(б) «О ЧОНе» (части особого назначения. — *А. Л., Ю. Щ.*) от 18 января 1923 г. и «Об усилении Грузинской Красной Армии» от 14 февраля 1923 г. численность Вооруженных сил была увеличена с 600 тыс. до 610 тыс. чел. С 15 сентября 1924 г. на основании приказа

РВС СССР № 1220 от 27 сентября 1924 г. были введены в действие штаты территориальной стрелковой дивизии. В соответствии с этими штатами кадровый состав Красной армии составлял 610 тыс. чел.[28]

Однако строительство армии еще не было окончательно завершено. Требовалось привести ее организацию, техническое состояние и боевую подготовку в соответствие с возросшими задачами обороны страны. Необходимо было разработать твердую систему прохождения воинской службы, новые уставы, ввести более совершенные штаты частей и соединений, отвечающие условиям мирного времени и материальным возможностям государства[29].

Исходя из этих задач ЦИК и СНК СССР, руководствуясь решениями XII съезда РКП(б), 8 августа 1923 г. издали декрет «Об организации территориальных войсковых частей и проведении военной подготовки трудящихся»[30], законодательно закрепивший переход к смешанной системе строительства Вооруженных сил СССР. 1923 г. стал годом официального, закрепленного правовым государственным актом узаконения формирования территориально-милиционных соединений и воинских частей.

Таким образом, период с октября 1917 г. по март 1921 г. следует характеризовать как время теоретической проработки формирования территориально-милиционных частей, в основе которой стояли, прежде всего, политические факторы. На экспериментальном уровне территориально-милиционные части стали создаваться и функционировать с марта 1921 г. по август 1923 г. К концу 1923 г. на территориальную систему было переведено 17,2 % стрелковых дивизий[31].

Библиографические ссылки

[1] См.: **Маркс К., Энгельс Ф.** Обращение Центрального комитета к союзу коммунистов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. М., 1956. Т. 7. С. 262 — 264.

[2] Цит по: **Конюховский В. Н.** Территориальная система военного строительства : (Из опыта организат. деятельности партии по территор. строительству Вооруж. сил). М., 1961. С. 7.

[3] **Энгельс Ф.** Может ли Европа разоружиться? // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 1962. Т. 22. С. 340.

[4] Большая советская энциклопедия. М., 2008. С. 476.

[5] См.: Об обязательном обучении военному искусству : Декрет ВЦИК от 22 авг. 1918 г.

[6] См.: **Ивашов Л. Г., Емелин А. С.** Опыт военной реформы 1924 — 1925 годов // Воен. мысль. 1991. № 4. С. 10.

[7] См.: Отчет ЦК РКП(б) за период с марта 1921 г. по март 1922 г. // Изв. ЦК РКП(б). 1922. № 4.

[8] **Троцкий Л. Д.** Соч. : в 23 т. М. ; Л., 1926. Т. 17, ч. 1.

[9] См.: Отчет ЦК РКП(б)… С. 94 — 95.

[10] См.: Советская военная энциклопедия. М., 1978. С. 286. (Далее — СВЭ).

[11] См.: **Бурцев Л. А.** Территориально-милиционная система в РККА в 1923 — 1928 годы : (На материалах Моск. воен. округа) : дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Иваново, 2009. С. 98.

[12] См.: СВЭ. С. 286.

[13] Десятый съезд РКП(б). 8 — 16 марта 1921 г. : протоколы. М., 1933.

[14] См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). 27 марта — 2 апреля 1922 г. : протоколы. М., 1936.

[15] АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 251. Л. 158.

[16] РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 237. Л. 234 — 248, 249 — 261.

[17] Там же.

[18] См.: Двенадцатый съезд РКП(б). 17 — 22 апреля 1923 г. : стеногр. отчет. М., 1968.

[19] **Фрунзе М. В.** Избранные произведения : в 2 т. М. ; Л., 1927. Т. 2. С. 114.

[20] См.: **Воронов В. Н., Романова Н. В.** Деятельность Реввоенсовета Республики / СССР по организационному укреплению Красной Армии в период ее перевода на мирное положение (1921 — 1923 гг.) // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2013. № 1 (1). С. 69.

[21] См.: Сухопутные войска в России : История создания, становления и развития / А. В. Квашнин [и др.]. М., 2001. С. 306.

[22] АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 251. Л. 159 — 161.

[23] Там же. Л. 62 — 63.

[24] Там же. Д. 252. Л. 81 — 81 об.

[25] Там же.

[26] РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2161. Л. 812 об. — 824.

[27] Там же. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 168. Л. 36.

[28] Там же. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2161. Л. 812 об. — 824.

[29] См.: **Захаров М. В.** Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989.

[30] См.: Вестн. ВЦИК, СНК и СТО Союза ССР. 1923. № 4.

[31] См.: История Коммунистической партии Советского Союза : в 5 т. М., 1970. Т. 5, кн. 1. С. 162.

Поступила 23.08.2016 г.

УДК 94:316.48

Д. И. Люкшин, М. А. Галеева
D. I. Lyukshin, M. A. Galeeva

КАНУН ВТОРОЙ РУССКОЙ СМУТЫ: ДЕМОГРАФИЯ, ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ*

THE EVE OF THE SECOND RUSSIAN TROUBLES: DEMOGRAPHY, ECONOMY, POLITICAL SOCIOLOGY

Ключевые слова: Вторая русская смута, крестьянство, крестьяноведение, крестьянский вопрос, общинная революция, рабочий вопрос, Россия.

В статье рассматриваются причины, обусловившие возможность русских революций 1917 г.; высказывается предположение о природе и характере общинной революции, обстоятельствах и причинах свержения монархии и Временного правительства; особое внимание уделяется социально-политической и хозяйственной обстановке, сложившейся в стране накануне социальных потрясений.

Key words: The second Russian Troubles, the peasantry, the peasantry study, the peasant question, communal revolution, the labour problem, Russia.

The reasons that led to the possibility of the Russian revolutions of 1917 are considered in the article, as well as the nature and character of the communal revolution, the circumstances and causes of the overthrow of the monarchy and the Provisional Government are suggested. Special attention is paid to the social, political and economic situation in the country on the eve of social upheaval.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-12034.

© Люкшин Д. И., Галеева М. А., 2016

Царский режим, непрерывно укреплявшийся в России с XIV в., быстро пал в марте 1917 г., когда Первая мировая война шла к победному концу. Бесповоротность и безальтернативность этих событий породили значительное количество версий относительно причин, характера и природы произошедшего, а развернувшаяся к осени Вторая русская смута, принесшая большевикам статус новых хозяев страны, способствовала легитимации как в массовом сознании, так и в профессиональном сообществе большевистского концепта разрухи как объективной основы революционного возмущения[1]. Однако вопрос о причинах разрухи и степени «усталости» от войны неизменно оставался актуальным на фоне четырех лет гражданской войны, для которой потребовались не только духовные силы, но и серьезные материальные запасы.

Как показывает даже беглый анализ макроэкономических индикаторов и темпов роста в мировой промышленности начала XX в., Россия делила с Германией третье место в мире по объему ВВП, была четвертой промышленной державой и бесспорным мировым лидером по темпам экономического роста. Поэтому обнаружить какое-то особое «обнищание» в России в данный период не представляется возможным. Если же принять во внимание еще и то обстоятельство, что до 1916 г. ни один из мировых политических акторов вообще не считал пролетарскую (равно как и любую другую) революцию в России осуществимой, то очевидно, что проблема кануна русской революции не могла возникнуть вне хронологических рамок мировой войны. Аргумент «Война пожирала все ресурсы страны»[2], слабо подготовленной к мировой войне[3], что вызвало широкое недовольство общественности ходом войны[4], «ненависть и озлобление к царскому правительству среди рабочих, крестьян, солдат, интеллигенции…»[5] все еще является логичным для того, чтобы оставаться на позиции главной причины революции 1917 г.

Между тем статистические данные, использованные российскими специалистами, советскими экономистами, зарубежными авторами и современными исследователями, показывают, что Россия именно в годы Великой войны добилась колоссального и до сих пор недооцененного скачка военного производства. В 1917 г. отечественная промышленность готова была снабдить русскую армию почти всем необходимым, в то время как недостающее готовы были предоставить союзники. Рост военного производства обеспечивался, в частности, значительной по масштабам мобилизацией частной и казенной промышленности, а также наращиванием производственных мощностей и строительством новых предприятий, с колоссальным объемом государственных инвестиций в военное производство. Хотя, по общему мнению, рост доходов населения все же отставал от темпов промышленного роста, однако, безусловно, присутствовал, достигая в некоторых отраслях впечатляющих значений.

Структурные изменения в отечественной промышленности и сельском хозяйстве в годы Первой мировой войны приблизительно совпадали с мировыми трендами: сокращение добычи железной руды и выплавки черных и цветных металлов, добычи минерального топлива, производства продукции легкой промышленности и сельскохозяйственного производства[6]. Хотя в каждой стране были свои особенности, но объективные условия для революционных сдвигов в странах, вовлеченных в войну, не сложились. Вероятно, нет причин полагать, что в

России были какие-то особенно тяжелые условия. Скорее, наоборот, в России не вводилась карточная система на продукты (кроме как на сахар, с августа 1916 г.), а промышленное производство стабильно росло в 1915 и 1916 гг. Поэтому и отсутствует возможность разглядеть непосредственные причины революции в кризисах военного снабжения, командования или производства.

Более перспективным видится определение специфики таких трендов, как демография, экономика и социальные классы, чтобы попытаться здесь найти причины революционных коллизий. Действительно, в начале XX в. не принято было просчитывать демографические последствия политических решений, более того, полагать их серьезными.

Поскольку, как уже отмечалось, в довоенный период динамика этих показателей в России не отличалась от других высокоразвитых стран, то, вероятно, можно и здесь признать уместным «смещение» фокуса на события Великой войны.

Циклопические миграции затронули огромные массы подданных. Необходимо отметить, что 15 млн мужчин (почти 10 % населения) были призваны в армию и, соответственно, перемещены на разные расстояния от мест постоянного проживания. Не менее 5 млн чел. были (добровольно или принудительно) переселены из западных районов и бежали из Турции[7]. Свыше 3 млн военнопленных, оказавшихся на территории России, тоже не укладываются в параметры статистической погрешности. Однако 23 млн маргинального населения — это только вершина айсберга. За годы войны почти вдвое увеличилась численность рабочих, достигнув почти 3 млн чел., которые не были в должной мере обеспечены социальной и хозяйственной инфраструктурой. Сюда же относились еще около 200 тыс. сартов, мобилизованных на тыловые работы из Средней Азии, неучтенных переселенцев и т. п. Осталось только «помножить» эту тридцатимиллионную орду на количество перемещений и средний размер человеко-километров, пройденных мигрантами… Хотя таких данных на сегодняшний день нет, однако, не составит особого труда представить себе не только масштабы этого великого переселения, но и проблемы, с которыми приходилось сталкиваться мигрантам, аборигенам и администрации.

При этом людские потоки перекрывали друг друга, человеческие волны сталкивались, заполняя социокультурные лакуны, образовавшиеся в результате предыдущих мобилизаций, что способствовало маргинализации довольно крупных социальных сегментов. Естественным итогом одномоментного протекания значительного количества разновекторных процессов оказалось беспрецедентное расширение сегментов девиантной культуры, объективно формулировавших социокультурный вызов для российской идентичности. Например, трудовая мобилизация сартов, с одной стороны, явилась следствием поспешной и неоправданной мобилизации, оголившей ряд важных сегментов народного хозяйства, с другой — сделалась причиной крупного восстания, не только нанесшего существенный материальный урон среднеазиатским провинциям, ставшего причиной деградации имперской структуры в регионе, но и потребовавшего отвлечения крупных воинских формирований. Наплыв азиатов (вместе с военнопленными) в обезмужичившие деревни стал катализатором целого пучка социальных конфликтов, провоцировал дезертирство и способствовал моральному разложению армии и населения.

Если демография Великой войны — это область в наименьшей степени осмысленная историками, то экономика — наиболее романтизированная, в том смысле, что наибольшее количество мифов касаются именно состояния и динамики российского хозяйства в период Первой мировой войны. Причем легенды эти, как правило, не патриотические. Чего стоят только «патронный», «ружейный», «гранатный» и «снарядный» кризисы: России действительно катастрофически не хватало всего, что было необходимо для войны. Через полгода после начала войны неожиданно выяснилось, что в русской армии запасы оружия и боеприпасов не отвечали военным условиям. За это приходилось расплачиваться человеческими жизнями. Но за пределами антропоцентристского дискурса ситуация вовсе не была катастрофической: во-первых, к концу 1916 г. потребности фронта были практически полностью удовлетворены. Так, 1918 г. должно было быть выпущено 3,8 млн винтовок (увеличение в 7,5 раза по отношению к мобилизационным мощностям 1914 г.), что перекрывало заявки Ставки в 1,5 раза. Запланированный выпуск патронов на 1918 г. составлял 3 млрд.

Тяжелая артиллерия к концу 1918 г. была сопоставима по численности с французской, при этом уже в 1917 г. начал формироваться переизбыток боеприпасов тяжелой артиллерии, а легкая артиллерия, поскольку на почве снарядного кризиса в начале войны русское командование было охвачено чем-то вроде истерики в плане запасания 3-дюймовыми выстрелами, подошла бы к 1918 г. с откровенным затовариванием боеприпасами, а при сохранении и хотя бы ограниченном наращивании темпов производства и поставок к концу 1918 г. склады вообще ломились бы от снарядов. К концу 1917 г. бомбометов в армии было вдвое больше штата, а выпуск боеприпасов к ним пришлось сворачивать, поскольку был переизбыток.

Показательно, что хотя большая программа строительства военных заводов требовала не менее 800 млн руб., но проблем с выделением этих средств не было, а строительство крупных военных предприятий велось во многих случаях ударными темпами.

Во-вторых, констатация проблем отечественной военной мобилизации не означает их отсутствие у других стран, скажем, «снарядный» кризис начался и закончился в Англии и в России примерно в одно и то же время. В европейских странах тоже сокращались выплавка металлов, добыча угля, производство легкой промышленности, продуктов питания и т. д. Причем если сравнить с Россией, то падение бывало и более серьезным. Однако промышленность всех этих стран продолжала работать в военных условиях до конца 1918 г., вероятно, и в России не было причин всерьез опасаться за снабжение армии. Скорее, наоборот, если бы трудами правительства не было создано циклопических военных запасов, то нечем было бы поддерживать пламя братоубийственной бойни на протяжении почти четырех лет. Например, импортные пулеметы Льюиса оставались на вооружении РККА до середины 1920-х гг., затем хранились на военных складах вплоть до начала Великой Отечественной войны, когда ими были вооружены части ополченцев, защищавшие подступы к Москве и Ленинграду (вопрос дефицита запчастей и боеприпасов не возникал).

Поэтому, тезис об экономической разрухе как объективной причине революции тоже может быть снят. Остается взглянуть на общественные группы.

По мнению советских историков, во Второй буржуазно-демократической революции буржуазия, помещики и правые социалисты выступали против интересов народа[8] (однако не совсем понятно, как при таком раскладе «гегемония пролетариата обусловила успех революции»[9]), в то время как в октябре «возглавляемый партией большевиков рабочий класс, в союзе с крестьянской беднотой, при поддержке солдат и матросов свергает власть буржуазии…»[10]. Эта версия, оставленная научным сообществом еще во второй половине 1990-х гг. (по причине своей неработоспособности), оказалась полностью дезавуирована в последнее десятилетие, поскольку новые данные позволяют определить именно так называемую буржуазию в качестве единственного последовательно революционного класса, имевшего не только возможность, но и мотивы для свержения монархии. При этом, оценивая шансы на победу, соратник А. И. Гучкова говорил: «Спасение в одном: в организации себя, с одной стороны, и в организации рабочих, с другой… Если мы будем… мешать им, то мы лишь будем содействовать собственной гибели»[11]. Создание рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета (ВПК) и рабочих отделов при ВПК по стране весной 1916 г. позволило к лету мобилизовать рабочих на борьбу с политическим режимом. В июле 1916 г. на съезде областных ВПК перед рабочей группой были поставлены предельно конкретные задачи устранения «нынешнего режима и создание на его месте Временного правительства, опирающегося на… самодеятельный и самостоятельный народ»[12]. А. И. Гучков и его соратники буквально пестовали рабочую группу, благодаря чему она, под руководством видных лидеров рабочего движения К. А. Гвоздева и Б. О. Богданова, превратилась в настоящий Клуб петроградских рабочих, в котором кипела жизнь[13]. По едкому замечанию Н. Е. Маркова, «…пока революция в России делалась бомбистами и разрушителями, она неизменно проваливалась. Возглавляемая же господами в белых перчатках и произведенная во имя спасения Родины революция сразу получила широкий успех…»[14].

Рабочий вопрос оказался той политической новеллой, с помощью которой решительно настроенные противники старого порядка смогли мобилизоваться для захвата власти в 1917 г. Строго говоря, во втором десятилетии XX в. в России партии можно было условно разделить на «перспективные» и «неперспективные», т. е. те, руководство которых имело реальные шансы преуспеть на поле политики, и те, которые их не имели. Раздел проходил в области определения мейнстрима конфликтной коммуникации с правительством. Проще говоря, партии и акторы, сменившие, после провального дебюта крестьянства на политической сцене в 1905 — 1907 гг., риторику крестьянского вопроса на актуальные слоганы вопроса рабочего, решительно повели дело к устранению монарха. Реальный шанс реализовать свою программу представился лишь во время Великой войны, когда, нуждаясь в общественном содействии, царское правительство решилось привлечь к работе общественные организации, которые, получая из казны весьма значительные ресурсы, фактически бесконтрольно ими распоряжались. Создаваемые таким образом сетевые структуры заменяли собой органы административно-государственного управления. Когда лидеры движения сочли ситуацию вполне назревшей, хватило легкого беспорядка, чтобы устранить трехсотлетнюю династию. В свою очередь те, кто задержался со сменой бренда, реальных шансов добраться до власти не получили.

Проблема, однако, заключалась в том, что маргинальная надстройка российского социума, сложившаяся во время войны, и существенно отяжелевшая за счет вдруг оставшихся не у дел представителей имперской администрации, оказалась настолько объемной, что ее колебания вывели из состояния гомеостаза всю общественную структуру. После того как в марте 1917 г. сорвалась «рокировка» монархов, оказалось, что «цари и их коррумпированная политическая система были сброшены лишь для того, чтобы быть замененной посредниками власти новой коррумпированной политической системы»[15]. Если бы новым правителям России удалось удержать ситуацию под контролем, возможно, мы бы по настоящее время гордились Великой и Бескровной революцией. Однако эти «…трусы, болтуны, самовлюбленные нарциссы и гамлетики махали картонным мечом — и даже монархии не уничтожили!»[16]. Между тем, как разбуженные ими социальные демоны, принявшие форму новой пугачевщины, религиозного оскудения и нравственного помрачения русской народной души[17], уже «выворачивали власть из рук этих господ в белых перчатках», пока не привели к полной анархии и дезорганизации и большевикам, опоздавшим к февральским событиям, тоже выпал шанс попробовать взять ее, хотя осенью 1917 г. вряд ли кто всерьез считал, что им удастся эту власть удержать, поскольку ленинцы даже не рассматривали национальный сценарий для своего переворота, их идея мировой революции, которая, как тонко подметил В. В. Путин на заседании Совета по науке и образованию 21 января 2016 г., нам не нужна была, явно не коррелировала с устремлениями и социальными сценариями большинства населения, которое почти на девять десятых оставалось крестьянским. Оно искренно собиралось насладиться плодами общинной революции, избавившей деревенские миры от ярма государственного тягла, не подозревая, что в исторической перспективе, не такой уж, кстати, и дальней, история страны крестьянской утопии окажется всего лишь недолгой прелюдией к истории большевистской тирании и советского раскрестьянивания.

Собственно говоря, явившаяся, подобно граду Китежу, из ниоткуда сельская Россия, остается самой большой загадкой 1917 г. Натиск модернистских институтов и индустриальной культуры обернулся тотальной рурализацией социума, широко шагнувшей в годы пятилеток за околицы деревень и границы колхозов. Эти вопросы невозможно решить вскользь, сославшись на обман народа или тотальное подавление инакомыслия. Следовательно, истоки разнуздания инстинктов и падения нравов предстоит искать в природе самого российского мира, хотя бы и с большой неохотой, переступая через лубочный образ народа-богоносца, соблазненного «мировой закулисой».

Библиографические ссылки

[1] См.: История Гражданской войны в СССР : в 5 т. / Я. Л. Берман [и др.]. М., 1935. Т. 1. С. 27 — 28 ; История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). М., 1941. С. 166 — 167.

[2] История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). С. 166.

[3] См.: История гражданской войны в СССР. С. 27.

[4] См.: **Пайпс Р.** Россия при большевиках. М., 1997. С. 7.

[5] История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). С. 167 ; **Figes O.** A Peopleis Tragedy : The Russian Revolution 1891 — 1924. Sydney, 1996. P. 308 — 309.

[6] См.: **Шигалин Г. И.** Военная экономика в первую мировую войну. М., 1956.

[7] **Курцев А. Н.** Беженцы первой мировой войны в России [Электронный ресурс]. URL: http://historystudies.org/2012/07/kurcev-a-n-bezhency-pervoj-mirovoj-vojny-v-rossii (дата обращения: 01.11.2016).

[8] См.: **Трапезников С. П.** Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 1 : Ленинские аграрные программы в трех русских революциях. М., 1983. С. 274.

[9] История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). С. 170.

[10] Там же. С. 214.

[11] Цит. по: Крас. арх. 1934. Т. 67. С. 30.

[12] **Козодой В. И.** Александр Иванович Гучков и Великая русская революция. Новосибирск, 2015. С. 166.

[13] Там же. С. 167.

[14] **Марков Н. Е.** Войны темных сил. М., 2008. С. 146.

[15] **Саттон Э.** Уолл-стрит и большевистская революция. М., 1998. С. 6.

[16] **Ленин В. И.** К четырехлетней годовщине Октябрьской революции // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1960. Т. 44. С. 145.

[17] См.: **Ильин И. А.** Русские писатели, литература и художество. Вашингтон, 1963. С. 196.

Поступила 02.11.2016 г.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 314.1

Н. В. Чубриков
N. V. Chubrikov

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ В ОБЛАСТИ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

REGIONAL ASPECTS IN THE SPHERE OF POPULATION

Ключевые слова: демография, рождаемость, смертность, естественный прирост, депопуляция, миграция, ожидаемая продолжительность жизни, плотность населения, размещение населения, демографическое старение, демографическая политика.

В статье анализируются актуальные проблемы народонаселения и демографическая ситуация в регионах; рассматривается необходимость усиления государственных мер, направленных на улучшение демографической политики; прослеживается взаимообусловленность социально-экономических процессов и демографических показателей.

Key words: demography, fertility, mortality, natural increase, depopulation, migration, life expectancy, population density, population distribution, demographic aging, demographic policy.

The present-day problems of population and demographic situation in the regions are analyzed in the article. The need to strengthen government measures aimed at improving the population policy is considered, as well as interdependence of social and economic processes and demographic indicators are observed.

Сложившаяся демографическая ситуация, показатели народонаселения являются важной характеристикой социально-экономического развития государства, ее территориальных образований и одновременно индикаторами уровня и качества жизни населения.

В Программе развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) в 2010 г. был опубликован юбилейный доклад о развитии человека, в котором указывалось, что «национальное развитие следует оценивать не только по национальному доходу, как это долго практиковалось, но также по ожидаемой продолжительности жизни и уровню грамотности»[1]. Тезис о важности и целесообразности учета демографической ситуации при определении параметров социально-экономического развития страны и регионов содержится практически в каждом докладе ПРООН. Так, в 2013 г. указывалось, что управление демографическими изменениями является одним из важных четырех импульсов к развитию наряду с предоставлением равных возможностей, в том числе гендерном измерении; расширением

© Чубриков Н. В., 2016

политического участия граждан и права голоса; противодействием экологическому загрязнению[2].

С одной стороны, демографическая ситуация является своеобразным зеркальным отражением уровня социально-экономического развития. Развитая экономика — это активные и долгоживущие граждане, отсутствие депопуляции, низкая безработица, высокий устойчивый уровень жизни населения и т. д. Так, в 34 странах Европы наблюдается корреляционная связь между среднедушевым валовым национальным доходом и темпами прироста населения[3].

С другой стороны, развитие производительных сил страны и территориальных образований во многом обусловлено особенностями воспроизводства населения, т. е. процессами рождаемости, смертности и миграции. Современные демографические тенденции внутри страны и на международной арене во многом являются следствием политических, социально-экономических преобразований во всех сферах жизнедеятельности общества, а также различных военных событий.

Процессы перехода к рыночной экономике в России сопровождались не только экономическими, но и демографическими кризисами. Сущность современного демографического кризиса заключается «не только в заметном ухудшении развития народонаселения, что выражается в уменьшении темпов роста численности населения в развитых странах (а в некоторых из них и снижении этого показателя до минусовой отметки), но и в определенном кризисе института семьи, в быстром демографическом старении и т. п.»[4]. В связи с этим в «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» определены следующие основные цели:

— приостановление негативного процесса депопуляции населения и стабилизация численности населения;

— формирование необходимых предпосылок роста численности населения России;

— улучшение качества жизни народа;

— обеспечение роста ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) до 70 лет к 2015 г. и до 75 лет к 2025 г.[5]

В Российской Федерации за последний межпереписной период (2002 — 2010 гг.) наблюдался негативный процесс депопуляции населения за счет естественного движения, т. е. превышения показателей смертности над показателями рождаемости, в результате чего численность населения за 8 лет уменьшилась на 2,3 млн чел. До Октябрьской революции некоторые показатели естественного движения населения были не лучше, однако при этом наблюдался прирост населения: «…по смертности Россия занимает первое место среди западноевропейских государств. Особенно много умирает детей от плохого питания и малого надзора. Хотя смертность в России огромная (34 чел. на 1 000 жителей), но все-таки ежегодный естественный прирост населения составляет 1,5 млн человек»[6].

Необходимо отметить, что в отдельных субъектах РФ демографические процессы имели неоднозначный характер. За анализируемый период только в Центральном и Северо-Кавказском федеральных округах наблюдался прирост населения соответственно на 1,1 и 5,6 п. п. В остальных 6 округах было уменьшение

численности населения в переделах 0,7 — 6,0 п. п., как и в целом в Российской Федерации, численность населения которой уменьшилась на 1,6 п. п.[7]

Успешное развитие демографической политики возможно при условии стабильного экономического роста, уменьшения резкой дифференциации населения по доходам, а также всестороннего развития социальной сферы — образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты населения и т. д. В целом в РФ достаточно успешно реализуются задачи демографической политики. В 2012 г. в стране численность населения составляла 143,0 млн чел. (увеличилась по сравнению с 2011 г. на 0,1 млн чел.); в 2013 г. население страны увеличилось еще на 0,3 млн чел. и на начало 2014 г. составило 143,7 млн чел.[8]

Если на уровне страны наметились тенденции к изменению демографических процессов, то на уровне отдельных территориальных образований переломный момент еще не наступил. Так, в Республике Мордовия процесс сокращения численности населения был зафиксирован еще при переписи населения 1979 г., когда по сравнению с переписью 1970 г. население уменьшилось на 43 400 чел. и составило 989 509 чел. Основной причиной сокращения населения было отрицательное сальдо миграции, которое не перекрывалось естественным приростом. «В 1990-е годы Республика Мордовия относилась к числу регионов с наиболее неблагоприятной демографической ситуацией, характеризующейся одновременно естественной убылью (с 1992 г.) и миграционным оттоком населения (за исключением 1992 — 1994 гг.)»[9].

В 1991 — 2014 гг. в Приволжском федеральном округе (ПФО) численность населения сократилась на 2 122,0 тыс. чел. Из 14 регионов ПФО только в Республике Башкортостан и Республике Татарстан наблюдался прирост численности населения соответственно на 2,8 и 4,9 п. п., что в абсолютном выражении в совокупности составило 290,0 тыс. чел. Для остальных субъектов ПФО был характерен процесс уменьшения численности населения: в Удмуртской Республике — на 6,1 %, Пермском крае — 12,7, Пензенской области — 12,4, Нижегородской области — 13,3, в Ульяновской области — на 11,2 %[10].

Доля населения РМ составляет 2,7 % от численности населения ПФО (по состоянию на 1 января 2014 г.); плотность населения — 31,1 чел. на 1 км^2, в то время как по РФ в целом средний уровень заселенности — «8,0 человека на 1 кв. км., что в 4 раза меньше, чем в США, в 15 раз — чем в ЕС, в 17 раз — чем в Китае и в 43 раза — чем в Индии»[11]. Россия не должна значительно отставать от других стран по плотности населения, чтобы не перейти в разряд нежизнеспособных государств. Напротив, для обеспечения передовых позиций в мировом сообществе численность населения России и ее регионов должна расти или быть стабильной.

Исследуя демографическую ситуацию 1990 — 2000-х гг., специалисты отмечают нетипичную для национальных республик демографическую динамику[12]. Численность населения Мордовии за анализируемый период уменьшилась на 151,7 тыс. чел., или на 15,7 %. За последнее десятилетие XX в. численность населения сократилась на 4,7 % (45,4 тыс. чел.), а за первое десятилетие XXI в. абсолютное уменьшение составило 79,2 тыс. чел. (8,6 %; таблица). В 2010 — 2014 гг. население региона уменьшилось на 27,1 тыс. чел. Ежегодно численность населения республики с 2004 по 2013 г. уменьшалась в среднем на 1,0 %.

Таблица

Основные демографические показатели Республики Мордовия за 1990 — 2014 гг.

Показатель	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Численность населения, всего, тыс. чел.	963,8	918,4	871,8	839,2	833,3	825,4	818,5	812,1
В том числе:								
городское	547,2	545,1	510,9	504,0	504,7	503,1	502,0	492,7
сельское	416,6	373,3	360,9	335,2	328,6	322,3	316,5	319,4
Доля возрастных групп, %:								
моложе трудоспособного	23,6	20,2	18,9	15,8	14,3	14,5	14,9	15,0
трудоспособного*	55,2	57,2	59,1	62,3	62,5	61,4	59,8	59,0
старше трудоспособного	21,2	22,6	22,3	21,9	23,3	24,1	25,3	26,0
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, число лет, все население	70,9	67,7	67,0	69,3	70,1	70,7	70,6	71,4
мужчины	64,6	60,4	60,1	63,4	64,1	64,6	64,8	65,2
женщины	75,4	73,9	74,0	75,3	76,2	76,9	76,4	77,7
На 1 000 чел. населения:								
родившихся, всего	13,4	7,8	8,5	9,5	9,5	10,0	10,1	10,0
умерших, всего	11,4	16,2	17,1	15,7	14,8	14,5	14,8	14,3
Из них детей в возрасте до 1 года**	16,4	9,4	9,1	6,3	5,2	8,0	7,4	6,0
Естественный прирост, убыль (-) населения	2,0	-8,4	-8,6	-6,2	-5,3	-4,5	-4,7	-4,3
Число браков	8,8	5,8	6,5	7,0	7,7	7,3	7,1	6,8
Число разводов	2,6	3,4	3,5	3,6	3,7	3,8	4,2	3,9
Миграционный прирост на 10 000 чел. населения	-34,4	-28,5	-3,3	-9,4	-41,3	-38,2	-31,5	2,7

* Мужчины 16 — 59 лет, женщины 16 — 54 года.

** На 1 000 родившихся живыми.

Составлена по: Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2008. С. 29, 42 — 51 ; 2015. С. 38, 52 — 88.

С 1992 г. вследствие превышения показателей смертности над показателями рождаемости в Мордовии (как и в Российской Федерации в целом) начался процесс депопуляции населения, который продолжается по настоящее время, в то время как в Российской Федерации этот негативный процесс приостановился. Число родившихся на 1 000 чел. населения в 1992 г. составило 10,6 чел., умерших — 12,0 чел., в результате чего наблюдалась естественная убыль — 1,4 чел. на 1 000 чел. населения; в 2003 г. естественная убыль достигла своего максимума — 8,8 чел. на 1 000 чел. населения[13].

При этом следует отметить, что в сельской местности республики процесс депопуляции начался значительно раньше. В 1985 г. естественный прирост сменился естественной убылью населения и составил 1,1 промилле, а к 2005 г. достиг максимального значения (-14,5 промилле). В городской местности рассматриваемый процесс начался с 1993 г. и своего пика достиг в 2003 г. (-5,3 промилле).

Если численность городского населения уменьшилась только на 10,0 %, то сельского — на 23,3 %. Абсолютное сокращение численности городского населения республики в 1990 — 2014 гг. составило 54,5 тыс. чел., сельского — 97,2 тыс. чел. Данное явление связано с теми изменениями, которые происходили в обществе, когда активно шел процесс административно-территориальных преобразований внутри субъектов РФ. Если в 1999 — 2014 гг. число городов в РМ осталось неизменным, то количество поселков городского типа уменьшилось на 7,1 % (на 1 января 2015 г. их было 13); число сельских населенных пунктов сократилось на 3,7 % (на 1 января 2015 г. составило 1 240, в 1999 г. — 1 287). Количество сельсоветов уменьшилось на 18,7 %, по состоянию на 1 января 2015 г. их было 344[14].

По размещению население РМ отличается от общероссийских показателей. Городские жители среди россиян составляют 73,0 % , в республике — 60,7 %, соответственно, 27,0 % россиян — сельские жители, в республике — 39,3 %. Городское население РМ проживает в 7 городах, 3 из которых (Саранск, Ковылкино, Рузаевка) — республиканского подчинения, которые аккумулируют около половины всего населения (48,8 %)[15].

Некоторые положительные моменты отмечаются по показателям ОПЖ, которые являются одновременно интегральными индикаторами качества жизни населения и одними из ключевых показателей индекса человеческого развития.

Установленная планка в 70 лет была достигнута в 2012 г., когда ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России для всего населения составила 70,2 года. Для мужчин этот показатель был значительно ниже — 64,6 года, для женщин — 75,9 года. Разница составила 11,3 года, в 2014 г. — 11,2 года (в 2014 г. в РФ зарегистрировано максимальное значение ОПЖ для женщин — 76,5 года, для мужчин — 65,3 года; для всего населения страны ОПЖ составила 70,9 года)[16]. В других странах эта разница была значительно меньше: в Японии — 6,5 года, в Канаде — 4,6, в Норвегии — 4,0 года и т. д. Наличие относительно большой разницы по продолжительности жизни в гендерном измерении также является показателем демографического неблагополучия в РФ и требует пристального внимания правительственных структур и научной общественности.

Позитивная динамика этого важного показателя характерна не только для страны в целом, но и для региона. Как в ПФО, так и в Республике Мордовия в 2005 — 2014 гг. ожидаемая продолжительность жизни при рождении возросла соответственно на 4,9 и 4,7 года и составила в 2014 г. 70,2 года в ПФО и 71,4 года в РМ. Первое место по уровню продолжительности жизни населения принадлежит Северо-Кавказскому федеральному округу (74,1 года), 2-е — Центральному (72,1), 3-е — Южному федеральному округу (71,7 года). Приволжский федеральный округ занимает 6-е место по данному показателю. В 2014 г. в ПФО лучшие показатели были у Республики Татарстан (72,2 года), худшие — Оренбургской области (68,7 года). В 2013 г. Республика Татарстан находилась на 13-м месте в РФ по показателю продолжительности жизни, в то время как Мордовия занимала 56-е место. Из всех субъектов РФ на последнем (83-м) месте по продолжительности жизни находится Республика Тыва (61,8 года)[17]. Рост продолжительности жизни является результатом прогрессивных изменений в экономической и

социальной сферах жизнедеятельности общества, прежде всего в здравоохранении и в распространении принципов здорового образа жизни.

Важной демографической характеристикой является половозрастная структура населения. По переписи 2010 г. зафиксировано характерное для населения страны и ее регионов значительное превышение численности женщин над числом мужчин. В 2010 г. в Республике Мордовия мужчины составляли 45,8 % всего населения, женщины — 54,2 %[18].

Возрастная структура населения страны и регионов характеризуется увеличением доли лиц старших возрастных групп при одновременном уменьшении доли лиц младших возрастных групп, то есть демографическим старением населения. Основными причинами старения населения традиционно считаются падение рождаемости и увеличение ожидаемой продолжительности жизни.

Однако в настоящее время существует точка зрения, в соответствии с которой рост продолжительности жизни препятствует процессу старения: «чем выше продолжительность жизни, тем позднее в среднем наступает старость», при этом в качестве критерия старости предлагается использовать принадлежность человека к возрастной группе, ожидаемая продолжительность жизни которой составляет менее 15 лет[19].

Процесс демографического старения населения России и ее регионов в конце XX — начале XXI в. происходил на фоне сложной демографической ситуации, когда рождаемость стала снижаться, а смертность — расти, что привело к отрицательному естественному приросту, который не компенсировался положительным сальдо миграции. До 2012 г. в России основным факторам старения населения было резкое снижение показателей рождаемости. В настоящее время начал действовать и второй фактор — увеличение продолжительности жизни. Для оценки степени старения населения используются различные показатели, однако наибольшее практическое применение имеют две классификации. Согласно классификации польского демографа Э. Россета, население страны считается демографически старым, если доля лиц в возрасте 60 лет и старше в общей численности населения составляет 12,0 % и больше. По классификации ООН, население относится к старому, если удельный вес лиц в возрасте 65 лет и старше превышает 7,0 %. Так, по классификации Э. Россета, удельный вес лиц в возрасте 60 лет и старше в общей численности населения России составляет 18,3 %, что соответствует развитому уровню старости; по шкале ООН — доля лиц в возрасте 65 лет и старше составляет 12,7 %, что также свидетельствует о высокой степени старения населения. По первому критерию население РМ находится на этапе развитого уровня старости (20,8 %), а по критерию ООН — удельный вес лиц в возрасте 65 лет и старше составляет 14,1 % , что подтверждает высокий уровень старения населения.

При анализе возрастной структуры населения обращают внимание на гендерные различия индикаторов старения. Так, в Мордовии удельный вес лиц в возрасте 60 лет и старше среди мужчин составлял 15,3 %, среди женщин — 25,5 %, по критерию ООН — соответственно 9,3 %, 18,3 %.

Другим важным критерием старения населения является увеличение среднего возраста населения. Если на 1 января 1990 г. средний возраст в РФ составлял 34,9 года, то на 1 января 2014 г. он увеличился на 4,5 года и составил 39,4 года[20]. Более динамичное увеличение среднего возраста за этот период наблюдалось в

Республике Мордовия — с 35,8 года до 41,1 года (на 5,3 года)[21]. Для количественной оценки степени старения населения рассчитывается также доля лиц в возрасте 75 лет и старше (80 лет и старше) в общей численности лиц в возрасте 60 лет и старше.

При анализе возрастного состава появляется возможность более глубокого и всестороннего изучения социально-экономических и демографических процессов для выявления особенностей воспроизводства населения. Необходимо отметить, что изменение возрастной структуры населения зависит как от естественных процессов демографического развития, так и от кризисных факторов (войны, перестроечные процессы, эпидемии и т. д.), которые нарушают нормальный ход демографического развития и ведут к появлению демографической разрывности. «Демографическая разрывность есть результат резких колебаний в уровнях рождаемости и смертности отдельных поколений, переживших глубокие социальные потрясения. Она вызывает в динамике возрастной структуры волнообразные колебания, сопровождающиеся значительными экономическими, социальными последствиями, связанными с различной численностью когорт, вступающих в дееспособный возраст»[22].

Большое значение придается показателям старения, связанным с демографической нагрузкой, которая определяется как отношение численности детей и лиц старше трудоспособного возраста к численности населения трудоспособного возраста. Следует отметить, что коэффициент демографической нагрузки (число лиц нетрудоспособного возраста на 1 000 чел. трудоспособного возраста) имеет тенденцию к возрастанию. Так, если в 2005 г. в РФ этот коэффициент был равен 589 чел., то в 2014 г. он вырос на 21,1 % и составил 713 чел. Аналогичная динамика наблюдалась во всех субъектах России, в том числе Мордовии, где коэффициент демографической нагрузки в 2005 — 2014 гг. увеличился на 18,6 % и составил 696 чел. на 1 000 чел. трудоспособного возраста. В общей демографической нагрузке РМ в 2014 г. доля детей составляла 36,6 %, доля лиц старше трудоспособного возраста — 63,4 %[23].

Важным фактором изменения численности и состава населения является миграция, на которую оказывают воздействие социально-экономические и политические процессы, административно-территориальные преобразования, военные события и т. д. Особенно усилились миграционные процессы на современном этапе как внутри страны, так и на международном уровне. Рассматривая международную миграцию, можно отметить, что «одним из наиболее значимых проявлений центр-периферийных отношений в современной Европе являются центростремительные миграционные потоки, оказывающие существенное и многообразное влияние на европейские экономики»[24]. Эти миграционные потоки, несмотря на проблемы интеграции иммигрантов, оказывают положительное влияние на демографическую ситуацию стран европейского ядра (страны Западной Европы и северные страны), так как препятствуют процессам депопуляции и существенно замедляют процессы старения населения.

В Российской Федерации 1990 — 2014-е гг. характеризовались положительным сальдо миграции. В целом в Мордовии за анализируемый период отмечался отрицательный миграционный прирост (за исключением 1992 — 1994 гг., когда численность населения за счет миграции увеличилась соответственно на 1 585 чел.,

1 512 и 1 932 чел.)[25]. Большая миграционная убыль населения республики наблюдалась в 2001 г. (3 865 чел.). В 2014 г. Мордовия входила в число 6 регионов ПФО с положительными коэффициентами миграционного прироста в расчете на 10 000 чел. населения: Самарская область (22), Республика Татарстан (19), Саратовская (12), Нижегородская (5), Пензенская (3) области и Республика Мордовия (3). В 8 регионах округа наблюдалась миграционная убыль населения, особенно в Республике Марий Эл (-28), Кировской области (-27) и Чувашской Республики (-21)[26].

Рассмотренные тенденции в области народонаселения свидетельствуют о необходимости серьезной трансформации демографической ситуации в стране, которая позволит перейти к интенсивному типу расширенного воспроизводства человеческих ресурсов, что создаст основу для формирования и развития будущего человеческого потенциала. Таким образом, успешная реализация демографической политики возможна при тщательном изучении вопросов демографической ситуации как на уровне страны, так и отдельных субъектов Российской Федерации. Выравнивание региональных демографических показателей во многом будет содействовать укреплению национальной безопасности и созданию условий успешного социально-экономического развития регионов.

Библиографические ссылки

[1] Реальное богатство народов: пути к развитию человека : докл. о развитии человека М., 2010. С. 4.

[2] См.: Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире : докл. о человеческом развитии. М., 2013. С. 6 .

[3] См.: **Клупт М. А**. Центр-периферийные отношения в Европе: демографический аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 2. С. 60.

[4] Социальная политика : энциклопедия. М., 2006. С. 57.

[5] Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: http:demoscope.ru/weekly/knigi/koncepciya/koncepciya25.html (дата обращения: 19.08.2016).

[6] **Курдов К. М.** География Российской империи. М., 1913. С. 59.

[7] См.: **Зотова Е. В., Катайкина Н. Н., Чубрикова Л. Н.** Человеческий потенциал региона: формирование и развитие. Саранск, 2013. С. 230.

[8] См.: Россия в цифрах : краткий стат. сб. М., 2016. С. 79.

[9] **Липатова Л. Н.** Народонаселение России в постсоветский период: федеральный и региональный аспекты : учеб. пособие. Саранск, 2014. С. 41.

[10] См.: Регионы России: социально-экономические показатели : стат. сб. М., 2006. С. 37 ; Российский статистический ежегодник. М., 2015. С. 70.

[11] **Илышев А., Багирова А., Павлова Л.** Демографическая программа: приоритеты и механизм реализации // Экономист. 2008. № 6. С. 47.

[12] См.: **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Солдатов А. А.** Формирование трудового потенциала предприятия в условиях демографического кризиса // Регионология. 2009. № 1. С. 183 — 192 ; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Абелова Л. А.** Народонаселение Республики Мордовия в трансформационный период // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. № 2 (14). С. 41 — 47 ; **Их же.** Демографические факторы формирования трудового потенциала Мордовии // Вестн. Мордов. ун-та. 2010. № 2. С. 196 — 202 ; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Солдатов А. А.** Социально-экономические факторы воспроизводства трудо-

вого потенциала Мордовии // Там же. С. 202 — 208 ; **Их же.** Воспроизводство трудового потенциала Мордовии в современных условиях // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. № 3 (15). С. 7 — 13 ; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Фадеев В. Ю.** Развитие народонаселения России в 1990-е — 2000-й гг. // Там же. 2013. № 2 (26). С. 7 — 18 ; **Липатова Л. Н., Сивиркина Н. Н.** Демографическая динамика как фактор формирования трудового потенциала АПК Республики Мордовия // Там же. 2014. № 2 (30). С. 114 — 128 ; **Липатова Л. Н., Бирюков И. Г.** Региональные аспекты экономического развития (человеческий потенциал) // STUDIUM. 2014. № 1 — 2. С. 30 — 31 ; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Лещев Д. М.** Влияние миграции на формирование трудового потенциала населения // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 1 (29). С. 106 — 119 ; **Игнатьева М. В., Липатова Л. Н.** Человеческий потенциал экономического развития: федеральный и региональный аспекты // Регионология. 2014. № 3 (88). С. 127 — 134 ; **Имяреков С. М., Липатова Л. Н., Юртаев К. П.** Сравнительная характеристика условий формирования трудового потенциала регионов Приволжского федерального округа // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2014. № 4. С. 49 — 56 ; **Бирюков И. Г., Липатова Л. Н.** Статистическая оценка человеческого развития // Статистика и вызовы современности : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. М., 2015. С. 56 — 61 ; **Липатова Л. Н., Модин Е. В.** Социально-демографические факторы экономической безопасности // Международное сотрудничество: социально-экономические и правовые аспекты — XV Макаркин. науч. чт. Саранск, 2015. С. 363 — 371 ; **Липатова Л. Н.. Градусова В. Н.** Демографические основы формирования трудового потенциала сельского хозяйства: региональные аспекты // Аграрная политика современной России: научно-методологические аспекты и стратегия реализации — Никонов. чт. — 2015. М., С. 370 — 373 ; **Чушкин А. М., Логинова Н. Н., Реброва Т. П.** Демографическая ситуация Республики Мордовия на современном этапе. Саранск, 2015 ; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Модин Е. В.** Региональная дифференциация социально-экономического развития как угроза экономической безопасности // Управленческое консультирование. 2016. № 5 (89). С. 102 — 112.

[13] См.: Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2015. С. 74.

[14] Там же. С. 37.

[15] Там же. С. 52, 58.

[16] См.: Российский статистический ежегодник. М., 2015. С. 90.

[17] См.: Регионы России… 2015. С. 54 — 57.

[18] См.: Республика Мордовия в цифрах : краткий стат. сб. Саранск, 2011. № 4. С. 22.

[19] См.: **Клупт М. А.** Указ. соч. С. 64.

[20] См.: Демографический ежегодник России. М., 2014. С. 32.

[21] См.: Мордовия. 2014. С. 57.

[22] **Писарев А. В.** Возрастная структура населения России и показатели ее старения // Народонаселение. 2005. № 2. С. 58.

[23] См.: Регионы России… 2015. С. 47 — 48.

[24] **Клупт М. А.** Указ. соч. С. 65.

[25] См.: Мордовия. 2015. С. 53.

[26] См.: Регионы России… 2015. С. 62 — 63.

Поступила 19.08.2016 г.

УДК 330.564.2

Г. М. Щукин
G. M. Shchukin

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УРОВНЯ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ

REGIONAL DIFFERENTIATION OF THE LEVEL OF POPULATION INCOME

Ключевые слова: уровень потребления, денежные доходы на душу населения, среднемесячная заработная плата, потребительские расходы, финансовые активы населения, прирост денег у населения, вклады на душу населения, миграция населения.

В статье сопоставляются доходы населения Республики Мордовия и других субъектов Приволжского федерального округа (ПФО) со средними показателями по Российской Федерации; осуществляется сравнительный анализ структуры расходов населения субъектов РФ.

Key words: level of consumption, money income in per capita, average monthly wages, consumer expenses, financial assets of the population, growth of the money of population, deposits in per capita, migration of the population.

The income of the population of the Republic of Mordovia and other subjects of the Volga Federal District are compared in the paper with the average indicators in the Russian Federation, a comparative analysis of the structure of expenditures of the population of the subjects of the Russian Federation is made as well.

Сложившиеся диспропорции в экономическом развитии регионов являются главной причиной, препятствующей иметь человеку одинаковые права на количественные и качественные параметры потребления по сравнению с другим гражданином, проживающим на другой территории, не способствуют обеспечению единых социальных конституционных гарантий[1].

Главным индикатором, характеризующим уровень потребления, является среднедушевой доход населения, включающий доходы лиц, занятых предпринимательской деятельностью, выплаченную заработную плату наемных работников (начисленную заработную плату, скорректированную на изменение просроченной задолженности), социальные выплаты (пенсии, пособия, стипендии, страховые возмещения и прочие выплаты), прибыль от собственности в виде процентов по вкладам, ценным бумагам и др.

В 2008 — 2013 гг. наблюдалась устойчивая динамика роста среднедушевых доходов населения РФ (табл. 1).

Согласно табл. 1, в ПФО по данному показателю лидировали Удмуртская Республика (194,6 %),Ульяновская область (191,0), Нижегородская область (187,4) и Республика Татарстан (184,7 %). Темпы роста среднедушевых доходов населения Республики Мордовия совпадали со средним показателем по России (174,4 %) и были ниже показателя ПФО (176,4 %). Это привело не только к сохранению отставания республики по доходам на душу населения от средних показателей по РФ, но и к некоторому увеличению разрыва между показателями по ПФО и уменьшению рейтинга среди регионов страны (табл. 2).

© Щукин Г. М., 2016

Таблица 1

Динамика среднедушевых денежных доходов населения, %

Регион	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	В среднем за 2008 — 2013 гг.
Российская Федерация	14 864	16 895	18 958	20 780	23 221	25 928	174,4
Приволжский федеральный округ	12 392	13 962	15 840	17 282	19 663	21 864	176,4
Республика Башкортостан	14 245	16 125	17 499	19 030	21 267	23 892	167,7
Республика Марий Эл	7 825	9 205	10 336	11 328	12 532	14 517	185,5
Республика Мордовия	8 270	9 522	11 294	11 948	13 081	14 433	174,4
Республика Татарстан	14 164	15 892	18 424	20 223	24 004	26 161	184,7
Удмуртская Республика	9 587	11 060	12 984	14 452	16 694	18 660	194,6
Чувашская Республика	8 732	9 586	11 066	12 083	13 759	15 264	174,8
Пермский край	16 398	17 975	19 834	21 307	23 329	26 054	158,9
Кировская область	10 370	11 245	13 331	14 675	16 733	18 012	173,7
Нижегородская область	13 078	14 491	16 477	18 337	21 732	24 503	187,4
Оренбургская область	10 508	12 008	13 557	14 892	16 542	18 628	177,3
Пензенская область	10 044	11 416	12 920	14 171	15 924	17 815	177,4
Самарская область	15 564	18 021	20 223	21 756	24 696	26 865	172,6
Саратовская область	9 156	10 485	12 147	13 097	14 280	16 035	175,1
Ульяновская область	9 728	10 763	13 132	14 312	16 375	18 580	191,0

Составлена по: Регионы России: социально-экономические показатели : стат. сб. М., 2010. С. 164 — 165 ; 2014. С. 132 — 133.

Таблица 2

Соотношение показателей денежных доходов на душу населения по Республике Мордовия и регионам ПФО и РФ, %

Показатель	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Приволжский федеральный округ	66,7	68,2	71,3	69,1	66,5	66,0
Российская Федерация	55,6	56,4	59,6	57,5	56,3	55,6
Рейтинг РМ среди 83 субъектов РФ	76	75	74	78	79	80

Составлена по: Регионы России… 2010. С. 164 — 165 ; 2014. С. 132 — 133.

В 2008 — 2010 гг. наблюдалась тенденция к сокращению разрыва между уровнем среднедушевых доходов населения республики и средних показателей по России и ПФО. По этому показателю Республика Мордовия поднялась с 76-го места на 74-е. С 2011 г. наблюдалась обратная тенденция. Соотношение среднедушевых доходов населения Мордовии и аналогичного показателя по Российской Федерации и ПФО уменьшилось (соответственно на 4,0 и 5,0 п. п.). Республика с 74-й позиции опустилась на 80-ю. Среднедушевой доход населения республики в 2013 г. составлял 55,6 % к среднероссийскому уровню и 66,0 % — к ПФО.

Нарастание разрыва среднедушевых доходов населения РМ от средних показателей по РФ и ПФО происходит при сокращении (хотя и незначительном) разницы по производству валового регионального продукта[2]. Это свидетельствует о слабости, возможно, и отсутствии государственной политики территориального выравнивания уровня доходов населения.

Основную часть денежных доходов населения (более 65,0 %) составляет заработная плата, следующая по значимости статья — социальные выплаты (18,6 %)[3]. Учитывая тот факт, что размеры социальных выплат практически не отличаются по регионам, дифференциация доходов населения по территориям предопределяется в основном уровнем заработной платы в субъектах Российской Федерации. В 2008 и 2013 гг. наблюдался более высокий темп роста средней заработной платы в Республике Мордовия по сравнению со средними показателями по РФ и ПФО (табл. 3).

Таблица 3

Индексы роста реальной среднемесячной заработной платы, %

Регион	2007 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Российская Федерация	100,0	111,5	107,6	110,6	113,7	123,3	129,2
Приволжский федеральный округ	100,0	111,0	106,2	109,6	113,1	123,1	129,5
Республика Мордовия	100,0	113,7	104,8	108,3	111,9	121,9	136,9

Составлена по: Регионы России… 2010. С. 162 — 163 ; 2014. С. 130 — 131.

Как видно из табл. 3, среднемесячная реальная заработная плата работников организаций Республики Мордовия по сравнению с 2007 г. выросла на 36,9 % (РФ — на 29,2 %, ПФО — на 29,5 %). Однако уровень среднемесячной заработной платы работников организаций республики был значительно ниже среднего показателя по России и ПФО[4] (рис. 1).

В 2013 г. уровень средней номинально начисленной заработной платы работников организаций республик составил 18 101 руб., или 60,8 % к среднему показателю по России и 80,5 % по ПФО. За последние годы ситуация практически не изменилась. Среди регионов ПФО Мордовия по средней заработной плате зани-

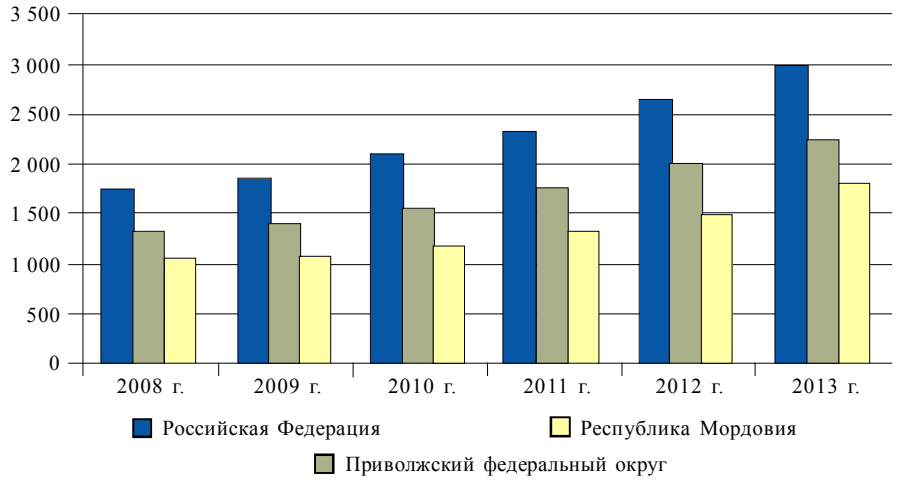

Рис.1. Среднемесячная заработная плата работников организаций

мает последнюю (14-ю) позицию, среди субъектов РФ — 79-ю, опередив Республику Ингушетия (16 835 руб.), Республику Калмыкия (17 471), Карачаево-Черкесскую Республику (17 858) и Алтайский край (18 011 руб.). В ПФО лидерами по среднемесячной заработной плате являются Республика Татарстан (26 035 руб.), Пермский край (24 716), Нижегородская область (23 573) и Самарская область (23 470 руб.). В этих регионах средняя заработная плата в 1,3 раза выше, чем в Мордовии. Однако ни в одном регионе округа средняя заработная плата не соответствует среднему российскому показателю — 29 792 руб.[5]

Разница в уровне средней заработной платы между крайними по этому показателю регионами — Ямало-Ненецким автономным округом (69 192 руб.) и Республикой Ингушетия (16 835 руб.) — составляет более 4,1 раза, по отношению к Республике Мордовия — 3,8 раза.

Величина денежных доходов населения определяет объем его потребительских расходов (возможностей). Однако, сравнивая доходы и потребительские расходы на душу населения по Российской Федерации, регионам ПФО и Республике Мордовия, мы не находим этому подтверждения. Так, если соотношение денежных доходов населения Республики Мордовия и аналогичных показателей по ПФО и РФ в 2013 г. составило соответственно 66,0 % и 55,6 %, то соотношение потребительских расходов домашних хозяйств на душу населения — 53,9 % и 46,6 %[6].

Распределение доходов по регионам приведено в табл. 4.

Таблица 4

Расход денежных доходов населения на потребительские цели и прирост финансовых активов в 2013 г.

Регион	На душу населения в месяц, руб.			Доля в доходах, %			
	доходы	потребительские расходы	розничная торговля и платные услуги	потребительских расходов	розничной торговли и платных услуг	прироста финансовых активов	прироста денег у населения
Российская Федерация	25 928	19 075	17 777	73,6	68,6	10,8	0,7
Приволжский федеральный округ	21 864	16 497	15 660	75,5	71,6	12,0	4,8
Республика Башкортостан	23 892	19 632	18 826	82,2	78,8	7,7	3,4
Республика Марий Эл	14 517	10 509	9 955	72,4	68,6	13,9	5,0
Республика Мордовия	14 433	8 888	8 564	61,6	59,3	22,6	12,7
Республика Татарстан	26 161	21 130	20 132	80,8	77,0	7,2	0,8
Удмуртская Республика	18 660	13 317	12 438	71,4	67,7	12,3	5,6
Чувашская Республика	15 264	11 276	10 595	73,9	69,4	11,6	-0,4
Пермский край	26 054	19 415	18 264	74,5	70,1	13,6	4,4
Кировская область	18 012	13 126	12 317	72,9	68,4	11,4	3,3
Нижегородская область	24 503	18 212	17 262	74,3	70,4	14,1	6,3
Оренбургская область	18 628	13 842	13 027	74,3	69,9	12,1	7,3
Пензенская область	17 815	12 950	12 349	72,7	69,3	15,5	1,8
Самарская область	26 865	19 033	18 015	70,8	67,1	17,9	10,5
Саратовская область	16 035	11 994	11 445	74,8	71,4	10,6	4,0
Ульяновская область	18 580	12 993	12 488	69,9	67,2	9,6	4,9

Составлена по: Регионы России… 2014. С. 132 — 133, 166 — 169, 633 — 644, 686 — 687.

Как видно из табл. 4, в Республике Мордовия наблюдается самая низкая доля потребительских расходов в доходах населения — 61,6 % (при среднем показателе по России — 73,6 % и по ПФО — 75,5 %). Если другие регионы отличаются от среднего показателя по ПФО не более чем на 5,0 п. п., то Мордовия — почти на 14,0 п. п.

Поскольку потребительские расходы населения рассчитываются на основе выборочных обследований бюджетов населения, то возможна определенная искаженность информации. В связи с этим для повышения достоверности информации мы рассчитали долю розничных покупок и платных услуг в денежных доходах на душу населения. По смысловому значению потребительские расходы населения и оборот розничной торговли и платных услуг населению — один и тот же показатель, рассчитываемый разными способами. Оборот розничной торговли и платные услуги определяются на основе обязательных форм статистической отчетности, предоставляемых ежемесячно организациями в статистические органы, и имеют более высокую степень достоверности.

В Республике Мордовия доля розничных покупок и платных услуг в денежных доходах на душу населения республики в 2013 г. составляла 59,3 % (при среднем показателе по России — 68,6 %, по ПФО — 71,6 %). Другие регионы отличаются от среднего показателя по ПФО только на 4,4 п. п., Мордовия — на 12,3 п. п. Таким образом, наблюдается аналогичная ситуация, что и по доле потребительских расходов.

Противоположная картина складывается по доле прироста финансовых активов в структуре использования денежных доходов населения. М. В. Тингаева отмечает то, что бедное население Мордовии тратит на прирост денежных сбережений значительно большую часть доходов, чем в среднем по России[7]. Доля прироста финансовых активов на душу населения в доходах населения Республики Мордовия в 2013 г. составляла 22,6 %, из них прироста денег у населения — 12,7 % (при аналогичных показателях по Российской Федерации — 10,8 и 0,7 %, по ПФО — 12,0 и 4,8 %).

Высокая доля прироста денег у населения наблюдается с 2000-х гг., поэтому очевидным должен быть больший размер вкладов (депозитов) на душу населения Республики Мордовия по сравнению с другими регионами и со средними показателями по РФ и ПФО[8]. Однако в действительности наблюдается иная картина (рис. 2).

Так, в 2013 г. размер вклада (депозита) физических лиц в кредитных организациях на душу населения в республике составил 41 291 руб., что в 2,4 раза меньше, чем в среднем по России и 1,5 раза — по ПФО. Республика Мордовия по средним вкладам занимает предпоследнюю (13-ю) позицию среди регионов ПФО и 66-ю — по РФ.

Различия доли потребительских расходов и прироста денег у населения Республики Мордовия в денежных доходах от средних показателей по РФ и регионов ПФО могут быть объяснены следующими причинами:

— население республики не доверяет банковским учреждениям и склонно держать денежные сбережения в основном дома. Отсюда небольшой размер вклада (депозита) физических лиц в кредитных организациях на душу населения (при высоком уровне прироста денег у населения);

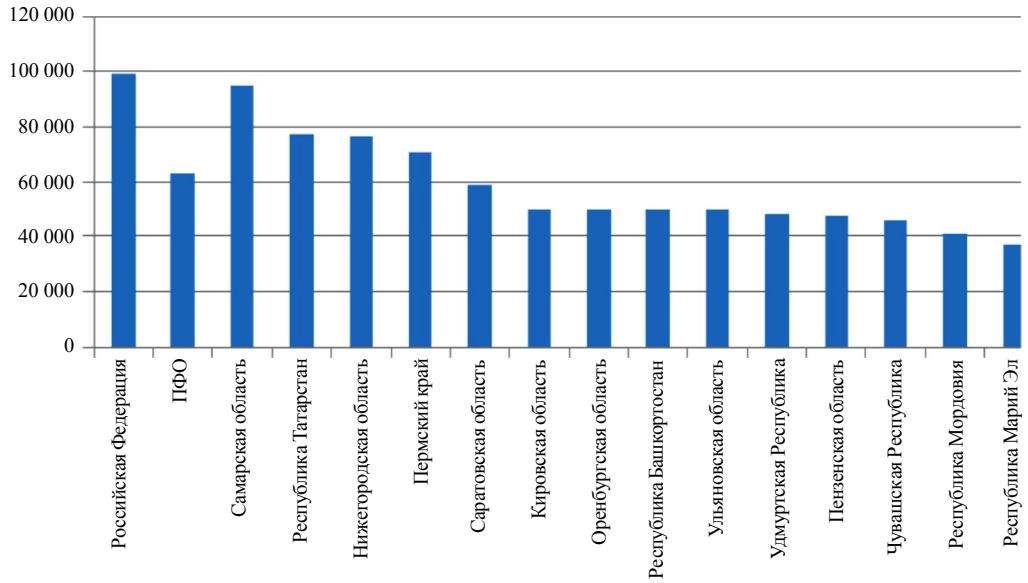

Рис. 2. Размер вклада (депозита) физических лиц
в кредитных организациях на душу населения в 2013 г.

— большая доля (по сравнению с другими регионами и со средним показателем по Российской Федерации) оборота розничной торговли и объема платных услуг Республики Мордовия функционирует в теневой экономике и не отражается официальной статистикой. В результате потребительские расходы населения и их доля в доходах занижаются, а доля прироста сбережений в целях сведения баланса завышается;

— завышена величина среднедушевых доходов населения.

Первую причину мы исключаем, т. к. предположение о склонности населения РМ (в отличие от населения других регионов) держать денежные сбережения дома (а не в банковских вкладах) безосновательны.

Две последние причины, на наш взгляд, соответствуют действительности. Так, например, по данным статистического сборника «Регионы Росси» (2014 г.), средняя заработная плата преподавателей вузов Республики Мордовия в 2013 г. составила 29 955 рублей[9]. Считаем, что при заработной плате кандидатов наук, доцентов на тот период не больше 16 000 руб., даже при высоком уровне оплаты труда вузовских руководителей, средняя заработная плата преподавателей не может составлять 30 000 руб. Сомнения вызывают статистические показатели средней заработной платы и других категорий работников социальной сферы и науки.

Отчитываясь перед федеральными органами власти о выполнении Указа Президента Российской Федерации[10], предусматривающего мероприятия по повышению средней заработной платы отдельных категорий работников социальной сферы и науки, республиканские органы власти завышали показатели по заработной плате.

Большая разница в уровне доходов населения сказывается на демографическом потенциале субъектов Российской Федерации. В регионах с низким уровнем социально-экономического развития наблюдается более интенсивная миграция населения и уменьшение его численности (табл. 5).

Таблица 5

Динамика численности населения Российской Федерации и субъектов ПФО в 2013 г.

Регион	Численность населения на конец года			Изменение численности населения, %		
	1990 г.	2002 г.	2013 г.	2002 г. к 1990 г.	2013 г. к 2002 г.	2013 г. к 1990 г.
Российская Федерация	148 274	144 964	143 667	-2,2	-0,9	-3,1
Приволжский федеральный округ	31 837	31 104	29 739	-2,3	-4,4	-6,6
Республика Башкортостан	3 962	4 102	4 070	3,5	-0,8	2,7
Республика Марий Эл	756	727	688	-3,8	-5,4	-9,0
Республика Мордовия	962	886	812	-7,9	-8,4	-15,6
Республика Татарстан	3 675	3 778	3 838	2,8	1,6	4,4
Удмуртская Республика	1 617	1 568	1 517	-3,0	-3,3	-6,2
Чувашская Республика	1 340	1 312	1 240	-2,1	-5,5	-7,5
Пермский край	3 022	2 814	2 636	-6,9	-6,3	-12,8
Кировская область	1 649	1 499	1 311	-9,1	-12,5	-20,5
Нижегородская область	3 773	3 516	3 281	-6,8	-6,7	-13,0
Оренбургская область	2 160	2 176	2 009	0,7	-7,7	-7,0
Пензенская область	1 548	1 449	1 361	-6,4	-6,1	-12,1
Самарская область	3 247	3 235	3 211	-0,4	-0,7	-1,1
Саратовская область	2 705	2 663	2 497	-1,6	-6,2	-7,7
Ульяновская область	1 421	1 379	1 268	-3,0	-8,0	-10,8

Составлена по: Регионы России. 2010. С. 56 — 57 ; 2014. С. 37 — 38.

Если численность населения Российской Федерации уменьшилась в 2013 г. по сравнению с 1990 г. на 3,1 %, ПФО — на 6,6 %, то Республики Мордовия — на 15,6 %. Большинство регионов с низкими показателями социально-экономического развития имеют высокую отрицательную динамику численности населения. Так, более чем на 9,0 % уменьшилась численность населения в Кировской области (20,5 %), Нижегородской области (13,0), Пермском крае (12,8), Пензенской области (12,1), Ульяновской области (10,8), в Республике Марий Эл (9,0 %). В отличие от Нижегородской области и Пермского края эти регионы имеют самые низкие показатели уровня социально-экономического развития в ПФО.

Положительная динамика роста численности населения наблюдается только в республиках Башкортостан и Татарстан. Это связано с более высокими показателями социально-экономического развития и традиционно более высокой рождаемостью мусульманского населения.

Необходимо отметить, если в целом по Российской Федерации с 2000-х гг. наблюдается тенденция к уменьшению темпов сокращения численности населения, то в ПФО, наоборот, к увеличению. Так, если по РФ в 1990 — 2002 гг. население уменьшилось на 2,2 %, то за 2002 — 2013 гг. — на 0,9 %, соответственно в ПФО — на 2,3 % и 4,4 %. Во всех регионах ПФО в 2000-е гг. темпы сокращения численности населения были выше, чем в 1990-е гг. В регионах с поло-

жительной динамикой изменения численности населения (Республика Башкортостан и Республика Татарстан), наоборот, рост численности населения в 1990-е гг. был выше, чем в 2000-е гг. (это несмотря на то, что для бесспорности выявленных тенденций в первый период (1990 — 2002-е гг.) включили 12 лет, во второй (2002 — 2013 гг.) — 11 лет). Это во многом объясняется сохранением традиционного отставания социально-экономического развития Поволжья. Так, региональный продукт на душу населения в ПФО составляет к среднему показателю по Российской Федерации 76,5 %[11], а денежные доходы на душу населения — 84,3 %[12].

Таким образом, среднедушевые доходы населения республики в 2013 г. составляли 14 443 руб., или 55,6 % к среднероссийскому уровню и 66,0 % к ПФО. Среди регионов РФ Республика Мордовия по среднедушевым доходам населения опустилась с 76-й позиции (в 2008 г.) на 80-ю (в 2013 г.). В 2013 г. уровень средней номинально начисленной заработной платы работников организаций республик составил 18 101 руб., или 60,8 % к среднему показателю по России и 80,5 % по ПФО. Среди регионов ПФО по средней заработной плате Мордовия занимает последнюю (14-ю) позицию, среди субъектов РФ — 79-ю. В связи с этим различия в уровне доходов населения сказываются на демографическом потенциале субъектов РФ. В регионах с более низким уровнем социально-экономического развития наблюдается более интенсивная миграция населения.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Минакир П. А.** Пространственные диспропорции: мифы и вызовы // Основные направления преодоления диспропорций социально-экономического развития регионов России : сб. материалов. М., 2008. С. 66.

[2] См.: **Щукин Г. М., Тингаев В. К., Агафонова И. А.** Дифференциация регионов Приволжского федерального округа по уровню экономического развития // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 2 (38). С. 117 — 132.

[3] См.: Российский статистический ежегодник. М., 2014. С. 132.

[4] См.: Регионы России: социально-экономические показатели : стат. сб. М., 2010. С. 166 — 167 ; 2014. С. 134 — 135.

[5] Там же. С. 134 — 145.

[6] Там же. С. 166 — 167.

[7] См.: **Тингаева М. В**. Особенности и структура потребительских расходов населения Российской Федерации и Республики Мордовия // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. № 2 (18). С. 40 — 41.

[8] См.: Российский статистический ежегодник. С. 521 — 522.

[9] См.: Регионы России… 2014. С. 142 — 145.

[10] О мероприятиях по реализации государственной социальной политики : Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 597 [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru>70170951/ (дата обращения: 12.10.2015).

[11] См.: Регионы России… 2014. С. 349 — 350.

[12] Там же. С. 132 — 133.

Поступила 12.10.2015 г.

УДК 336.531.2

А. В. Булавин, К. Г. Четаева
A. V. Bulavin, K. G. Chetaeva

К ВОПРОСУ О МЕРАХ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ ИНВЕСТИЦИОННЫХ РЕСУРСОВ В РЕГИОНАЛЬНУЮ ТУРИСТСКУЮ ИНФРАСТРУКТУРУ

ABOUT MEASURES TO ATTRACT INVESTMENT RESOURCES TO REGIONAL TOURISM INFRASTRUCTURE

Ключевые слова: инвестиционный потенциал, внутренний и въездной туризм, инвестиционная привлекательность, инвестиционный поток, государственно-частное партнерство, конкурентоспособный региональный турпродукт.

В статье исследуется инвестиционная политика Республики Мордовия в сфере внутреннего и въездного туризма в преддверии проведения Чемпионата мира по футболу в 2018 г.; предлагается системный подход по улучшению инвестиционного климата региона, использованию механизмов государственно-частного партнерства в рамках инвестиционных проектов по выработке единой маркетинговой стратегии формирования конкурентоспособного регионального турпродукта.

Key words: investment potential, domestic and inbound tourism, investment attractiveness, investment flow, public-private partnership, competitive regional tourist product.

The investment policy of the Republic of Mordovia in the field of domestic and inbound tourism on the eve of the FIFA World Cup in 2018 is studied in the paper; a systematic approach to improve the regional investment climate, as well as to use mechanisms of public-private partnership within the framework of investment projects aimed at the development of a unified marketing strategy for the formation of a competitive regional tourist product are proposed.

В настоящее время туризм как обособленная отрасль имеет существенный потенциал для социально-экономического развития региона. Наличие различных форм собственности, сильные общественные функции развивающихся государственных институтов, выражающиеся в увеличении бюджетных расходов на образование, культуру и науку, а также в широком использовании на практике программно-целевых инструментов реализации внутренней социальной политики, являются структурообразующими компонентами обеспечения комфортных условий жизни населения и создания в Республике Мордовия гостеприимной среды.

Результаты оценки туристско-рекреационного потенциала, итоги которой были отражены в аналитической записке «Развитие внутреннего и въездного туризма в Республике Мордовия»*, показали, что регион располагает благо-

* Аналитическая записка «Развитие внутреннего и въездного туризма в Республике Мордовия» подготовлена сотрудниками отдела региональных исследований и программ НИИГН при Правительстве Республики Мордовия и представлена в Министерство культуры и туризма Республики Мордовия 30 декабря 2015 г.

© Булавин А. В., Четаева К. Г., 2016

приятными условиями для развития отрасли. Наличие уникальных, отличающихся историко-архитектурной ценностью, культурно-познавательной и духовно-нравственной насыщенностью, ярко выраженным местным колоритом, рекреационных ресурсов на фоне благоприятной экологической обстановки поддерживает емкость регионального рынка туризма на уровне, достаточном для удовлетворения потребностей в отдыхе и оздоровлении как российских, так и зарубежных гостей.

В то же время реализация туристического потенциала в Мордовии сдерживается рядом проблем, характерных для каждого субъекта Российской Федерации: инфраструктура, кадры, маркетинг, предпринимательская среда и законодательная политика. Развитие туристической отрасли в регионе характеризуется диспропорциональностью в результате неоднородности социально-экономического положения районов республики. Большая часть проблем носит унаследованный и системный характер, вследствие чего они не могут быть решены за короткий период. В связи с этим возникают трудности при проведении единой стратегии социально-экономических преобразований в сфере туризма и формировании рынка туристско-рекреационных услуг.

Создание современной высокоэффективной и конкурентоспособной туристической отрасли в качестве одной из социальных сфер экономики, успешно пополняющих доходную часть консолидированного бюджета Республики Мордовия, должно быть ориентировано на обеспечение спроса потребителей в разнообразных рекреационно-развлекательных услугах и социально-экономическое развитие региона в целом.

Рост местного туристического предпринимательства положительно повлияет на развитие связанных с туризмом отраслей и повысит уровень жизни населения[1]. Подобный сценарий развития предполагает активную инвестиционную деятельность на федеральном и региональном уровнях в сфере туризма по построению устойчивых финансовых потоков. Использование частного капитала, в том числе зарубежных инвестиций, позволяет органам государственного управления решать многие социальные и экономические вопросы без дополнительного привлечения бюджетных средств.

Основные формы инвестиционной деятельности в туристской сфере определены В. С. Боголюбовым, С. А. Быстровым и С. А. Боголюбовой и включают в себя следующие направления:

— инвестирование, осуществляемое гражданами, негосударственными предприятиями, туристскими ассоциациями, обществами и товариществами, а также общественными и религиозными организациями, иными юридическими лицами, основанными на праве коллективной собственности;

— государственное инвестирование, проводимое органами государственного управления Российской Федерации за счет средств бюджета, внебюджетных фондов и займов, а также государственными предприятиями и учреждениями за счет собственных и заемных ресурсов;

— зарубежное инвестирование, осуществляемое нерезидентами России;

— совместное вложение инвестиционных средств российскими и иностранными гражданами, юридическими лицами и государствами;

— финансовое посредничество, выполняемое инвестиционными фондами и компаниями, аккумулирующими и более эффективно размещающими инвестиционные ресурсы[2].

Указанные формы взаимодействия приемлемы и для Республики Мордовия, поскольку здесь функционируют такие институты инвестиционной инфраструктуры, как ЗПИФ «Региональный венчурный фонд инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере», АУ «Гарантийный фонд кредитного обеспечения Республики Мордовия», ГКУ «Бизнес-инкубатор Республики Мордовия», Центр трансфера технологий Инновационно-технологического комплекса ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева», ЗПИФ смешанных инвестиций «Региональный фонд инвестиций в субъекты малого и среднего предпринимательства Республики Мордовия», ООО «Инжиниринго-консалтинговый центр», АУ «Региональный центр микрофинансирования Республики Мордовия» и др.[3]

Кроме того, с 2011 г. в республике реализовывалась Программа повышения инвестиционной привлекательности Республики Мордовия на 2011 — 2015 годы[4], целью которой являлось улучшение жизненного уровня населения путем ускорения инвестиционной составляющей в ее развитии. С одной стороны, мероприятия проекта были направлены на формирование эффективной инвестиционной инфраструктуры, стимулирование технологической модернизации отраслей экономики, улучшение инвестиционного климата и создание новых, высокопроизводительных рабочих мест на основе лучших региональных практик; с другой — структура инвестиций по ключевым направлениям вложений носила в основном поддерживающий характер, вызвав снижение влияния инвестиционного процесса на социально-экономическое развитие, незначительный уровень инвестирования в обучение персонала и инновационные технологии.

Необходимо отметить, что Саранск считается одним из самых благоустроенных городов страны, поскольку с 2004 по 2012 г. являлся многократным призером ежегодного федерального конкурса среди городов России[5]. Однако этого нельзя сказать о состоянии промышленных зон столицы Мордовии и районов, где сосредоточены важные составляющие ее экономического потенциала. Места, расположенные рядом с индустриальными объектами, интересные для коммерческого туризма, имеют нереспектабельный вид и требуют кардинального переобустройства. Малопривлекательными в этом плане являются предприятия промышленного и аграрного блоков, расположенные в муниципальных образованиях республики. Существенной проблемой, сдерживающей инвестиционную активность территории, является наличие административных ограничений.

Следует добавить, что Республика Мордовия 2003 — 2013 гг. традиционно входила в число «регионов-аутсайдеров» по показателю инвестиционного потенциала (таблица).

По данным статистики, с 2003 г. объем инвестиций в основной капитал в Республике Мордовия увеличился в 6,1 раза. Если в 2003 г. было привлечено около 8,8 млрд руб., то в 2013 г. — 53,7 млрд руб. Правительство Республики Мордовия ставило перед собой задачу добиться достижения объема инвестиций до 71,1 млрд руб. к 2015 г.[6]

Таблица

Ранги составляющих инвестиционного потенциала Республики Мордовия

Год	Ранг потенциала	Средневзвешенный индекс потенциала (Россия = 1)	Составляющие инвестиционного потенциала*								
			1	2	3	4	5	6	7	8	9
2003	62	0,450	53	68	55	60	69	47	34	66	—**
2005	65	0,417	52	67	62	61	67	46	34	67	64
2007	65	0,412	50	69	59	65	68	53	33	65	59
2009	64	0,517	48	68	58	65	59	54	36	64	60
2011	66	0,497	52	69	58	—	66	46	33	63	60
2013	67	0,467	55	70	61	67	66	53	41	63	62

* Составляющие инвестиционного потенциала: 1 — трудовой, 2 — потребительский, 3 — производственный, 4 — финансовый, 5 — институциональный, 6 — инновационный, 7 — инфраструктурный, 8 — природно-ресурсный, 9 — туристический.

** — Нет данных.

Составлена по: Инвестиционный потенциал российских регионов в 2014 году // Рейтинговое агентство RAEX («Эксперт РА»). 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.raexpert.ru/rankingtable/region_climat/2014/tab03 (дата обращения: 17.11.2015).

Несмотря на ежегодный прирост финансовых вложений, другие регионы ПФО в настоящее время выглядят более инвестиционно-привлекательными, что объясняется, на наш взгляд, более низкими инвестиционными рисками и высокими инвестиционными возможностями этих субъектов (например, в 2013 г. Республике Татарстан были присвоены индексы инвестиционного потенциала (2,517) и инвестиционного риска (0,183)[7]). Это свидетельствует о том, что Республике Мордовия необходимо менять инвестиционную политику по линии создания инфраструктуры инвестиционного рынка, определения приоритетных направлений вложения инвестиций, обеспечения условий для привлечения внебюджетных источников финансирования, в том числе иностранных инвестиций, а также интеграции регионального и международного рынков инвестиционных ресурсов. В связи с этим одной из важных задач государственных и бизнес-структур республики является развитие новых направлений туристского бизнеса, которое во многом зависит от рационального использования инвестиционного потока.

По данным Агентства стратегических инициатив, в Национальном рейтинге состояния инвестиционного климата в субъектах РФ на 2015 г. Республика Мордовия входит в число регионов с комфортными условиями для ведения бизнеса, а также в число регионов-лидеров по направлению «Эффективность институтов для бизнеса» по показателям наличия и качества институтов защиты и улучшения инвестиционной среды[8]. Подобный рейтинг проводился первый раз по 4 направлениям: «Регуляторная среда», «Институты для бизнеса», «Инфраструктура и ресурсы» и «Поддержка малого предпринимательства». По его результатам также эффективными оказались работа организационных механизмов поддержки бизнеса, финансирование, качество и доступность трудовых ресурсов, результативность процедур по выдаче разрешений на строительство, получению

лицензий, подключению к электросетям, а также качество дорожных сетей и телекоммуникационных услуг.

Регион показал хорошие результаты и занял 24-е место по России из 76 субъектов, участвовавших в рейтинге. Однако остаются нерешенными конкретные проблемы по поддержке малого предпринимательства и развитию инвестиционной инфраструктуры в регионе. В частности, в соответствии с лучшими управленческими практиками и рекомендациями Агентства стратегических инициатив была разработана «дорожная карта» по повышению позиций Республики Мордовия в Национальном рейтинге. В настоящее время вносятся изменения по отдельным мероприятиям для улучшения инвестиционного климата в регионе. Сформирована рабочая группа, в состав которой входят представители органов исполнительной власти, территориальных управлений федеральных ведомств, субъектов естественных монополий и бизнеса.

Вместе с тем в Республике Мордовия существуют некоторые стоп-факторы для ведения инвестиционной деятельности в сфере туризма, в число которых, по нашему мнению, входят следующие:

— регуляторные и административные барьеры, усложняющие инвестору вхождение на рынок (долговременное получение разрешительных документов, бюрократизация процессов освоения инвестиционных ресурсов);

— затрудненный доступ к различным видам ресурсов, снижающий производительность и конкурентоспособность туристского бизнеса;

— ограниченность финансовых ресурсов, вызванная финансово-экономическим кризисом;

— неопределенность конкретных приоритетов развития и потребности в инвестиционных ресурсах различных видов туристской деятельности вследствие отсутствия соответствующих программ на муниципальном уровне;

— низкое информационное обеспечение инвестиционной деятельности и неосведомленность потенциальных инвесторов о возможных объектах инвестирования, отсутствие информации о перспективных планах развития территорий и наличии потенциальных ресурсов для развития туризма;

— недостаточная проработка инвестиционных предложений, учитывающих социально-экономические интересы жителей отдельных территорий и интересы потенциальных инвесторов, противоречия между местными жителями и бизнесменами по поводу застройки и расположению туристских объектов;

— отсутствие необходимых материалов и документов, подтверждающих инвестиционную привлекательность тех или иных турпродуктов;

— высокая степень изношенности значительной части инфраструктурных объектов в районах республики.

Инвестиционный климат Республики Мордовия, определяемый высокими издержками на строительство объектов инженерной инфраструктуры для создаваемых туристических комплексов, отсутствием доступных инвесторам долгосрочных кредитных инструментов с процентными ставками, позволяющими окупать инвестиции в объекты туризма в приемлемые для инвесторов сроки, создает серьезные препятствия к развитию отрасли.

В условиях наступившего экономического кризиса одних лишь региональных ресурсов для восстановления экономического роста недостаточно даже в ре-

гионах-экспортерах минерально-сырьевых ресурсов, а федеральное правительство продолжает постепенно сокращать трансферты в региональные бюджеты[9]. В связи с этим снижение инвестиционной активности местных предприятий обусловливает привлечение прямых инвестиций из-за пределов Республики Мордовия, в том числе иностранных. Поэтому Правительству Республики Мордовия и бизнес-структурам, заинтересованным в развитии туризма, необходимо прилагать максимальные усилия в позиционировании региона как благоприятного места для ведения туристской деятельности, открытого для сотрудничества в профильном бизнесе.

На фоне недостаточного прямого финансирования из республиканского и федерального бюджетов основными формами участия государства в инвестиционных процессах, нацеленных на развитие туриндустрии, должны быть следующие:

— снижение цены инвестиций в туристические проекты, включая займы по выгодным процентным ставкам, посредством возмещения правительством разницы между фиксированной и рыночной процентными ставками;

— продажа, аренда земли или инфраструктурных объектов по цене ниже рыночной;

— налоговые преференции и каникулы, защита от двойного налогообложения;

— прямое субсидирование или гарантийное обеспечение инвестиционных вложений.

При этом не следует забывать про механизмы привлечения инвестиционных ресурсов на базе использования принципов проектного инвестирования, уже применяющегося в республике в качестве альтернативы инвестиционному кредитованию (например, при реализации государственных и целевых программ развития туризма на региональном и муниципальном уровнях). Необходимо также активнее использовать принцип многоканального привлечения государственных, частных и смешанных инвестиций.

Кроме того, целесообразным представляется выработка единой маркетинговой стратегии формирования регионального турпродукта по двум основным направлениям, первое из которых связано с развитием и совершенствованием существующего туристического потенциала, второе — подразумевает разработку новой инновационной турпродукции, в частности, ее брендирование.

Необходимо отметить, что города и районы Мордовии могут успешно продвигать себя с помощью уникальных аттракций, присущих той или иной территории: локальные исторические и природные памятники, достопримечательности в виде объектов культурного наследия (музеи, архитектурные и исторические памятники, религиозно-паломнические, этнические и спортивные сооружения и др.), известные личности в диапазоне конкретных хронологических рамок и исторических условий, уникальные турпродукты (услуги), в том числе национально-культурное, ландшафтное разнообразие и особо охраняемые территории для развития экологических троп и других видов индустрии туризма. Претендовать на получение права использования и продвижения, например, бренда «Товары Мордовии» могут только те предприятия и индивидуальные предприниматели, которые соблюдают обязательные условия: производство продукции только на территории Республики Мордовия, наличие системы менеджмента качества (для промышленных

предприятий), Технического регламента (ТР ТС 021/2011) и системы менеджмента безопасности пищевой промышленности в соответствии с ГОСТ Р ИСО 22000-2007 (МС ISO22000:2005, для предприятий перерабатывающей промышленности).

Подобный бренд продемонстрирует ответственность за качество произведенной в республике продукции, придавая тем самым определенную аутентичность и покупательскую ассоциативность. Впоследствии товары с подобной территориальной принадлежностью и маркировкой будут пользоваться большим спросом у местного населения и туристов, посещающих регион. Отличительные признаки придадут ему дополнительные специфические характеристики, создавая зрительный образ территории или местности как геоизображение. Для жителей он является показателем качества и натуральности, для туриста — сувениром или аргументом к впечатлению от путешествия[10].

Нельзя говорить, что бренд того или иного продукта привлекает дополнительный поток туристов, но можно утвердительно констатировать, что он дарит гостям новый спектр ощущений от состоявшегося культурного или делового (профессионального) визита, повышает лояльность к бренду и узнаваемость этой территории, симметричную с дальнейшей позитивно-эмоциональной параллелью между качественным продуктом и регионом-производителем.

Привлечению инвестиций способствует также учет территориальной специфики развития туристского комплекса, который должен предусматривать полную реализацию рекреационного потенциала всех районов республики и базироваться на объективно складывающейся дифференциации рекреационных территорий в соответствии с конкурентоспособностью на рынке туристских услуг, инфраструктурными, экологическим и иными условиями для развития зон отдыха. Однако для республики характерным является значительный дисбаланс в сторону концентрации инфраструктурных объектов и достопримечательностей в столице.

Потенциально интересным для инвесторов может стать открытие школ менеджмента для персонала, туристских представительств, проведение рекламных кампаний, направленных на повышение интереса иностранного потребителя к возможностям отдыха на территории Мордовии[11]. Изменение уровня качества и подхода к сервису, развитие сувенирного бизнеса и распространение соответствующей продукции за рубежом позволит активизировать инвестиционные процессы, увеличить поступление финансовых средств в республиканский бюджет Республики Мордовия и создать благоприятные условия для перехода к инвестиционно-инновационной модели развития экономики.

С учетом ключевых факторов, которые будут определять разворачивание нового этапа становления туристского рынка, приемлемой для региона моделью развития является последовательная работа с разными субъектами экономической деятельности от базовой инфраструктуры к созданию турпродукта международного уровня. Принимая это во внимание, важной становится разработка единой стратегии развития туристического потенциала территории и комплексной программы по ее реализации, что позволит активно привлекать инвестиции для развития туризма и продвигать региональный турпродукт на внутрироссийский и международный рынки.

Стратегическое планирование развития туризма в республике должно включать следующие основные направления:

— интенсификация производства и диверсификация турпродукта;

— развитие туристской инфраструктуры (дорожная сеть, гостиницы, музейные комплексы, предприятия общественного питания и т. д.);

— формирование маркетинговой политики для продвижения портфеля турпродукта на внутренний и внешний рынки;

— создание современной системы сбора, анализа и распространения статистической информации по туристической деятельности для выявления и оценки резервов отраслевой системы, экономической рентабельности затрат в воспроизводстве туристско-рекреационного потенциала и отдельных его элементов, эффективности его использования, а также своевременного устранения негативных тенденций.

В Республике Мордовия имеются широкие возможности для кластеризации туристской отрасли на основе всестороннего взаимодействия участников туриндустрии при создании в регионе многопрофильного туристско-рекреационного кластера как системы взаимосвязанных предприятий и организаций, учреждений и государственных органов исполнительной власти, формирующих и обслуживающих туристские потоки на территории республики. Это особенно актуально в связи с подготовкой и проведением в 2018 г. Чемпионата мира по футболу.

Концепт формирования и развития туристско-рекреационного кластера является предпосылкой построения современной, эффективной и конкурентоустойчивой туристской отрасли на основе комплексного применения социально-экономических, природно-климатических и культурно-эстетических ресурсов и выявления уникальных территориальных предложений для удовлетворения растущего туристского спроса. Туристско-рекреационные маршруты и зоны в целом должны учитывать интересы гостей и жителей республики, предусматривать транспортную и пешеходную доступность, предоставлять оздоровительные и профилактические услуги, а также обеспечивать полноценный досуг и развлечения[12].

В силу географического положения Республика Мордовия не может стать местом массового въезда туристов, предпочитающих традиционный пляжный отдых, являющийся одним из самых высокодоходных видов туризма. Тем не менее, грамотная маркетинговая стратегия, сконцентрированная на ключевых сегментах туристского рынка региона, способна сделать въездной туризм прибыльной составляющей региональной экономической системы.

Системный подход к решению накопившихся в отрасли комплексных проблем требует расширения опыта применения механизмов государственно-частного партнерства в рамках инвестиционных проектов по формированию конкурентоспособного регионального турпродукта. Кроме того, важной задачей для органов государственной власти и местного самоуправления должно стать принятие необходимых мер по обеспечению комплексного сервисного обслуживания в местах въезда и выезда туристов, а также на маршрутах их передвижения. Гармоничное развитие элементов турпродукта (историко-культурные и природные объекты, коллективные средства размещения, предприятия общественного питания, развлечения и торговля, транспортное обслуживание, информационное и кадровое обеспечение) создаст платформу устойчивого развития туризма, изменив его положение в экономике региона. Появление строки собственных доходов от

туристической деятельности существенно дополнит консолидированный бюджет Республики Мордовия.

Активное внедрение различных мер государственной поддержки субъектов туристского комплекса, совершенствование транспортной и гостиничной инфраструктуры, сети заведений общественного питания, а также мест, прилегающих к объектам туристической привлекательности и зонам гостеприимства, окажут положительное влияние на образ республики во внешнеполитическом и экономическом пространстве.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Тен С. Б.** Инвестиции как фактор развития регионального туризма // Науч. журн. КубГАУ. 2013. № 91 (07). С. 46 — 60.

[2] См.: **Боголюбов В. С., Быстров С. А., Боголюбова С. А.** Экономическая оценка инвестиций в развитие туризма : учеб. пособие. М., 2009. С. 8 — 9.

[3] **Моисеева И. В., Пронина Ю. Г.** Развитие малого бизнеса в Республике Мордовия // Региональное развитие. 2014. № 2 : электр. науч.-практ. журн. [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-malogo-biznesa-v-respublike-mordoviya (дата обращения: 02.12.2015) ; Развитие гражданского общества в Республике Мордовия в 2013 — 2014 годах : аналит. докл. Саранск, 2015. С. 51 — 58.

[4] Об утверждении Программы повышения инвестиционной привлекательности Республики Мордовия на 2011 — 2015 годы : Постановление Правительства Республики Мордовия от 27 июня 2011 г. № 213 [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/8961029/#ixzz3yQnVp7ec (дата обращения: 12.12.2015).

[5] Самый благоустроенный город России [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Самый_благоустроенный_город_России (дата обращения: 15.12.2015).

[6] См.: Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2008. С. 381 — 382 ; 2014. С. 387 — 388.

[7] Рейтинговое агентство RAEX («Эксперт РА») [Электронный ресурс]. URL: http://www.raexpert.ru (дата обращения: 19.12.2015).

[8] Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ : Результаты 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.asi.ru (дата обращения: 12.12.2015).

[9] См.: Затяжной прыжок // Тематическое приложение к газете «Коммерсантъ». 2015. № 228. 10 дек.

[10] См.: **Кильдюшкина И. Г., Радайкин А. А., Григораш Д. Р.** Бренд Республики Мордовия как фактор ее конкурентоспособности // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 2 (38). С. 133 — 142.

[11] См.: **Лашманкина К. Ю.** Приоритетные направления модернизации регионального туристского комплекса // Регионология. 2011. № 3. С. 296.

[12] См.: **Кильдюшкина И. Г., Киселева К. Г., Липатова Л. Н.** «Иненармунь» : Визит. карточка Мордовии // Центр и периферия. 2015. № 2. С. 58 — 69.

Поступила 10.02.2016 г.

УДК 341.321.3:005.2

М. А. Калинин
M. A. Kalinin

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОЦЕНКИ УПРАВЛЯЕМОСТИ ВОИНСКОГО КОЛЛЕКТИВА

INSTRUMENTATION FOR ASSESSMENT OF MILITARY COLLECTIVES CONTROL

Ключевые слова: управляемость коллектива, анкетный опрос, параметр, социальное состояние, алгоритм, факторный анализ, линейное программирование.

В статье излагается авторская трактовка категории «управляемость коллектива», обосновывается необходимость ее использования для оценки эффективности деятельности коллективов непроизводственных секторов экономики (в частности, воинского подразделения), приводится пример визуализации разработанного инструментария для его реализации на практике.

Key words: control of a collective, questionnaire survey, parameter, social condition, algorithm, factor analysis, linear programming.

The article represents the author's interpretation of the category "control of a collective"; the necessity of its use for evaluating the effectiveness of activity of collectives of non-productive sectors of the economy (in particular, of a military division) is substantiated and an example of visualization of developed instrumentation to implement it in practice is given.

Основной целью деятельности воинского коллектива в период боевой подготовки и выполнения поставленной руководством стратегической задачи по сохранению национальной безопасности является обеспечение боеготовности и боеспособности подразделения. Результат воинского труда реализуется в специфической форме общественного товара — «военной услуге», необходимость оказания которой обусловлена потребностью обеспечения мирных условий для всего процесса общественного воспроизводства.

В соответствии с Федеральным законом № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. последняя представляет собой особый вид государственной службы, подразумевающий исполнение государственными служащими должностных обязанностей, реализуемых в процессе труда служащих, в том числе военнослужащих[1]. Однако в отличие от гражданских сфер деятельности воинский труд более жестко ограничен уставами, должностными инструкциями и регламентами исполнения служебных обязанностей, определяющими совокупные показатели эффективности труда воинского подразделения, внутреннюю готовность его субъектов исполнять возложенные на них служебные функции.

Оценка эффективности труда государственных служащих, в том числе военнослужащих, относится к числу важных нерешенных проблем менеджмента. Некоторые исследователи в области управления персоналом считают, что категория «эффективность» применительно к воинскому труду не поддается описанию в чистом виде ни с позиций экономики, ни с позиций социальных дисциплин[2]. Это утверждение обоснованно, поскольку результативность государственной службы (в отличие от сфер материального производства и услуг) невозможно измерить

© Калинин М. А., 2016

натуральными показателями — тоннами, метрами, единицами мощностей и пр. Функции подобных субъектов труда объектированы в нематериальном виде — в форме услуг по созданию различного рода условий, итог исполнения которых определяется, во-первых, их состоянием, характеризуемым с точки зрения управляемости класса систем, выражающейся в ненатуральном виде, во-вторых, адекватностью исполняемых функций предписанным бизнес-процессом, реализуемой в должностных инструкциях, обязанностях и регламентах.

Изучению отдельных аспектов управляемости коллектива уделяли пристальное внимание А. Б. Белоус, И. В. Дубинин, С. А. Козолуп, В. Г. Куликов, М. В. Рубцова, З. М. Рыбалкина и др., принципиально требуя отличать понятие «управляемость коллектива (персонала)» от широко используемого словосочетания «управляемость коллективом (персоналом)»[3]. Последнее связано с определением необходимой и достаточной численности работников, находящихся в подчинении руководителей. Работы вышеупомянутых авторов в основном посвящены типологии заданных уровней управляемости (высокий, средний, низкий), видам управляемости (командный, самоорганизационный, интерактивный), а в поле зрения коллектива различные цели деятельности не входят. Это не логично, поскольку с целью достижения основных результатов деятельности, для актуализации которых и существует коллектив, следует рассматривать категорию управляемости.

Для изложения понимания сути категории «управляемость коллектива» целесообразно принять следующие исходные положения:

— каждое воинское подразделение функционирует в соответствии с определенными социально заданными целями деятельности подразделения, не противоречащими целям социально-экономической системы более высокого порядка — вышестоящей единицы в системе Министерства обороны РФ, а также муниципального образования, региона расположения, и направленными на удовлетворение экономических (потребности в услугах подразделения, а также иных материальных и финансовых договорных требований и обязательств) и социально-экономических (обеспечение оплаты труда, условий труда и жизнедеятельности персонала, соблюдение норм законодательства по социальной защите) требований и обязательств;

— функционирование конкретного воинского подразделения обусловлено комплексом природно-климатических, технических, технологических, организационных, экономических и социальных условий.

При выработке управленческих решений сначала следует учитывать те цели, которые могут быть эффективнее реализованы в существующих условиях с последовательным формированием максимально необходимого социального состояния, в котором коллектив будет управляем по отношению к основной цели.

В процессе управления реактуализируются конкретные для каждого случая субъектно-объектные отношения, подразумевающие способность и возможность руководства одновременно осуществлять управленческие воздействия и готовность коллектива, как объекта управления, выполнять свои функции в соответствии с этими воздействиями. Любое управляющее действие преследует достижение конкретных целей, количество которых не ограничено какими-либо рамками. В то же время внешние факторы (экономические, социальные, технологические и пр.) определяют внутреннее состояние воинского коллектива. Его реакция

на управляющие воздействия будет зависеть не только от целей управления, но и от его внутреннего самочувствия.

Важным представляется дифференциация дефиниций фактической и потенциальной управляемости коллектива. О фактической управляемости коллектива может идти речь только при анализе ретроспективы, свершившихся фактов управления. Потенциальная управляемость — это ожидаемая в будущем реакция коллектива на управляющие воздействия, ориентированные на достижение конкретной цели, или на готовность изменять в нужном направлении свое внутреннее состояние, находясь в конкретных условиях внешней среды. Она оценивается как вероятность успешного реагирования коллектива на управляющие воздействия в русле определенной конкретной цели. Оценка управляемости, выражаемая в процентах, не означает стопроцентного достижения ожидаемого результата с указанной вероятностью от любого управляющего воздействия. Данный индикатор зависит также от степени его адекватности целям управления, а не только от внутреннего состояния коллектива. Именно второй аспект мы выбрали в качестве предмета научной гипотезы. В связи с этим необходимо подробнее рассмотреть методические инструменты, используемые в работе, включающие в себя сбор и обработку исходной информации. Информационной базой для оценки управляемости послужили данные анкетных опросов военнослужащих воздушно-космических сил Западного военного округа Министерства обороны РФ.

Итоговые материалы (297 анкет) социологического исследования обрабатывались в три этапа: на первом этапе — с помощью специально разработанных для этого алгоритмов подготовки исходной информации; на втором — посредством метода факторного анализа с применением пакета *Statgraphics*; в основе третьего этапа находился метод линейного программирования с использованием программы *LINDO*.

В результате анкетного опроса были получены ответы на вопросы, характеризующие качественные показатели жизнедеятельности военнослужащего в коллективе. В перечень совокупности переменных параметров жизнедеятельности военнослужащего вошли следующие:

Y2 — «Удовлетворенность жилищными условиями»;

Y3 — «Удовлетворенность медицинским обслуживанием по месту жительства»;

Y4 — «Удовлетворенность бытовым обслуживанием»;

Y5 — «Удовлетворенность организацией службы»;

Y6 — «Удовлетворенность условиями и безопасностью труда»;

Y7 — «Удовлетворенность денежным довольствием»;

Y8 — «Удовлетворенность психологическим климатом в коллективе»;

Y9 — «Удовлетворенность уровнем материально-технического обеспечения служебной деятельности».

В качестве критерия выражения цели деятельности воинского коллектива выбран вопрос «Считаете ли Вы, что свои служебные обязанности выполняете с полной отдачей?», который дает субъективную оценку личной производительности труда (Y1).

Как отмечалось, обработка результатов анкетирования стала возможной при разработке специализированных алгоритмов методами факторного анализа и линейного программирования. Использование подобного инструментария позволило

решить следующие важные проблемы: во-первых, определить направленность параметров в матрице исходной информации, т. е. какие из вариантов ответов (например, «удовлетворен» или «неудовлетворен») следует учитывать при расчете индексов показателей; во-вторых, представить массив дихотомических переменных в виде рядов натуральных чисел. В итоге получилась матрица исходной информации для решения факторной задачи, строки которой соответствуют формируемым в алгоритме выборкам из исследуемого массива анкет, а столбцы — ее основным параметрам. В результате решения данной задачи на сформированной базе данных была получена повернутая матрица, состоящая из трех факторов (таблица).

Таблица

Повернутая матрица факторных нагрузок

Параметры	Факторы		
	x1	x2	x3
Y1	-0,84479	0,20455	0,03222
Y2	0,45599	-0,31523	0,67535
Y3	-0,10651	0,92478	-0,56440
Y4	0,86895	0,01251	0,26956
Y5	-0,94099	-0,15832	0,00922
Y6	-0,26431	-0,89046	0,05358
Y7	0,89186	0,27172	-0,08422
Y8	0,97235	0,03849	-0,08715
Y9	-0,56895	0,10626	0,69385

На основе полученной факторной модели строится модель линейного программирования (ЛП), структура которой полностью соответствует факторной матрице. Графическое изображение матрицы (см. табл.) и оптимизационной модели отбора факторов (рисунок) приводятся исключительно для визуализации взаимного соответствия аналогичных двух последовательных этапов расчетов.

Формально показателем управляемости коллектива воинского подразделения по критериальному вопросу является доля объясненной суммарной дисперсии связанных параметров в матрице факторных нагрузок. Показатель управляемости, выражаемый в процентах, может принимать значения от 0 до 100. Чем больше его величина, тем выше уровень управляемости коллектива по исследуемому критериальному признаку.

В данном примере распределение объясненной доли дисперсии по факторам складывается следующим образом: 1-й — x1 — 61,6 %; 2-й — x2 — 24,8 %; 3-й — x3 — 13,5 %.

В решение оптимизационной задачи по критерию «максимальная производительность труда» вошли 2-й и 3-й факторы, в сумме дающие 38,3 % дисперсии параметров (24,8 % + 13,5 %). Следовательно, в рамках первоначально заданной совокупности анализируемых показателей исследуемый объект управляем по критерию «производительность труда» (Y1) на 38,3 %. Другими словами, вероятность успешной реализации каких-либо практических рекомендаций по повышению производительности труда составляет менее 40,0 %.

max -0,84479x1 + 0,20455x2 + 0,03222x3
0,45599x1 – 0,31523x2 + 0,67535x3 =< 1
-0,10651x1 + 0,92478x2 – 0,56440x3 =< 1
0,86895x1 + 0,01251x2 + 0,26956x3 =< 1
-0,94099x1 – 0,15832x2 + 0,00922x3 =< 1
-0,26431x1 – 0,89046x2 + 0,05358x3 =< 1
0,89186x1 + 0,27172x2 – 0,08422x3 =< 1
0,97235x1 + 0,03849x2 – 0,08715x3 =< 1
-0,56895x1 – 0,10626x2 + 0,69385x3 =< 1

Рисунок. Оптимизационная модель отбора факторов

Необходимо указать на нетрадиционное использование метода ЛП в разработанном инструментарии. В нем не преследуется цель решения классической оптимизационной задачи поиска оптимальных значений переменных, соответствующих заданному функционалу. Алгоритм ЛП используется в данном случае для дополнительного «сжатия» исходной информации и отбора факторов, ориентированных в сторону заданного функционала, хотя численные значения вошедших в задачу ЛП индикаторов нас не интересуют по той причине, что на первом этапе «сжатия» исходной информации незамедлительно решается факторная задача. Расписать оптимизационную задачу для всех случаев не представляется возможным, поскольку матрица факторных нагрузок, как и результат решения факторной задачи, уникальна для каждого конкретного коллектива на момент анкетирования.

Таким образом, предложенный методико-диагностический инструментарий управляемости воинского подразделения применим для любого коллектива. На основе полученной в каждом конкретном случае оценки управляемости можно говорить о полноте использования человеческого потенциала в воинском контингенте для решения поставленных Министерством обороны РФ служебных задач.

Библиографические ссылки

[1] О воинской обязанности и военной службе : Федер. закон от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_dos_LAW_18260/ (дата обращения: 05.04.2016).

[2] См.: **Одегов Ю. Г., Карташова Л. В.** Управление персоналом: оценка эффективности. М., 2002 ; **Смелик Р. Г**. Воинский труд в системе рыночных отношений. Новосибирск, 2004.

[3] См.: **Рубцова М. В**. Управляемость: теоретико-социологический анализ понятий // Социол. исслед. 2007. № 12. С. 32 — 38 ; **Белоус А. Б.** Теория управляемости фирмы. СПб., 2010 ; **Дубинин И. В., Козолуп С. А.** Управляемость как фактор эффективности деятельности подразделения // Вестн. Воен. ун-та. 2010. № 4 (24). С. 143 — 149 ; **Дубинин И. В.** Социально-психологические факторы управляемости воинского подразделения : дис. на соиск. учен. степ. канд. психол. наук. М., 2011 ; **Куликов В. Г.** Развитие управляемости организации // Вестн. ВГУ. 2011. № 1. С. 276 — 285 ; **Рыбалкина З. М.** Повышение управляемости организации за счет построения рациональной организационной структуры управления // Изв. ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 28. С. 494 — 497.

Поступила 05.04.2016 г.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 82.09(=511.152)

Ю. Г. Антонов, С. В. Шеянова
Yu. G. Antonov, S. V. Sheyanova

ОБРАЗЫ КНЯЗЕЙ В МОРДОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

IMAGES OF PRINCES IN THE MORDOVIAN LITERATURE: SOCIAL AND CULTURAL ASPECTS

Ключевые слова: образ, князь, историческая личность, исторический хронотоп, авторская концепция.

В статье дается характеристика и функционально-семантический анализ образов князей-предводителей эрзян и мокшан, их личностных качеств, обусловленных социально-политическими обстоятельствами эпохи; исследуется логика художественной трансформации образа исторического лица в соответствии с индивидуально-авторской эстетикой и концептуальностью.

Key words: image, prince, historical figure, historical chronotope, the author's concept.

The article deals with the characteristics and functional and semantic analysis of images of the princes-leaders of the Erzya and the Moksha, their personal qualities, substantiated with social and political circumstances of the era; the logic of the artistic transformation of a historical person in accordance with the individual author's aesthetics and conceptuality is studied.

Типологический подход к образной системе позволяет эксплицировать особенности художественного мышления писателя, его концепцию мира и личности, выявить содержательно-смысловые связи между образами в опытах ряда авторов, а также актуализировать существенные закономерности литературного процесса в целом. Изучение персонажной сферы мордовской литературы относится к одним из наиболее разработанных исследовательских проектов, однако предложенный в данной статье аспект проблемы в таком контексте актуализируется впервые. Социокультурный подход к изучению литературного произведения направлен не только на исследование арсенала художественных средств структурирования эстетического целого, но и на осмысление роли личности в обществе, социальном континууме определенной исторической эпохи.

Согласно историческим исследованиям[1], начало XIII столетия — экстремальное время в истории мордовского народа, обусловленное перемежением сложных экономических и политических процессов с борьбой за сохранение национальной идентичности. Необходимы были люди с выраженными качествами лидера, вождя, вдохновителя, организатора, способные защитить интересы народа в настоя-

© Антонов Ю. Г., Шеянова С. В., 2016

щем, смоделировать его будущее. Такими личностями были первые известные мордовские князья — эрзянский инязор Пургаз (Пургас) и мокшанский каназор Пуреш (Пурейша). Необходимо уточнить, что вопрос о личности Пуреша до настоящего времени является спорным. Существует несколько контрастных версий, согласно одной, Пуреш — мокшанский князь, по другой — половецкий хан. По утверждению Н. Ф. Мокшина, «Патриаршая или Никоновская летопись называет его „ротником Юрьевым“, иными словами человеком, давшим „роту“ (клятву) в верности князю Юрию»[2]. Проанализировав летописные данные, ученый высказал сомнение относительно мордовской принадлежности Пуреша. Доводом, который, по мнению Н. Ф. Мокшина, может подтвердить половецкую принадлежность Пуреша, являются составляющие имени: *пурей + ш(ах)*. Морфема *шах* (*ша*, *шахи*) продуктивна при образовании тюркских антропонимов и часто выступает в качестве то первого, то второго компонента имени: Шагали, Шахигирей, Арапша и др. В связи с этим историк предлагает считать Пуреша половецким военачальником[3]. В. К. Абрамов согласен с мнением Н. Ф. Мокшина, что «в двадцатых годах тринадцатого столетия Пуреш становится „ротником“ (союзник, вассал) великого князя владимирского Юрия»[4]. Однако ученый настаивает на том, что Пуреш все же был мокшанским князем, современником Пургаза и его основным соперником в борьбе за верховную власть над всей мордвой.

Образы Пургаза и Пуреша воссозданы в достаточно узком ряде произведений мордовских литераторов, в частности в предании «Возмездие» В. Ф. Егорова[5], романе-сказании «Пургаз» К. Г. Абрамова[6], драме «Каназор» А. И. Пудина[7], тем значимее осознается художественная и историческая ценность данных образцов. Следует отметить, что вышеназванные авторы едины в решении спорного вопроса о личности Пуреша и позиционируют его каназором (князем), объединившим под своей властью мокшанские племена.

Оригинальную поэтическую интерпретацию народных сказаний и образов князей представляет В. Егоров в литературном предании «Возмездие», характеризующемся синтезом фольклорно-эпической традиции и авторского сюжетно-образного кода. Поэт отказывается от документальной конкретики, осознанно искажает исторические факты. Согласно исследованиям историков[8], эрзяне и мокшане совместно не возглавляли военного союза против внешних врагов, однако между ними не возникало столь острой конфронтации, к какой апеллирует В. Егоров, в частности «коварного» убийства эрзянским князем предводителя мокшанских племен. По утверждению ученых, «обстоятельства гибели мокшанского князя Пуреша представляются загадочными»[9]. Справедливости ради следует отметить, что автор вводит в нарратив вполне объективное историко-этнографическое описание («Мокшане возвратились с поля брани. / Довольны жены воинов добычей. / Горят костры. / Детей мордвинки кличут. / И тихо льется сладкий дух бараний…»[10]), фрагментарный комментарий о социально-политических отношениях эрзян и мокшан с другими народами («Суру и Мокшу рвут в клочки собаки. / Они хотят, чтоб мы им были уре, / гуляют плети их по нашей шкуре, / рубцы по спинам ползают, как раки. / По-волчьи печенеги и булгары / меха и мед, и рожь, и вишь сжирают…»[11]).

Небольшое по объему произведение отличается оригинальным сюжетно-композиционным решением. Автор включает в архитектонику предания свое-

образную экспозицию-презентацию главного героя мокшанского князя Пуреша, персонажи раскрываются в монологах, диалогах, молитве и клятве. Данные структурные элементы полифункциональны: расширяют исторический хронотоп повествования, раскрывают глубинные интенции героев, представляют психологическую мотивацию их действий и поступков, усиливают драматизм событий и времени.

Основной принцип репрезентации образов в предании В. Егорова — контраст. При этом автор, на наш взгляд, воплощает две крайности человеческого характера: открытость/правдивость и хитрость/коварство. Воплощением идеалов благородства и воинской славы в художественной концепции автора становятся князь Пуреш и его сын, давший клятву отомстить Пургасу за убийство отца. При моделировании образа Пургаса В. Егоров отказывается от синтеза и представляет его «предателем», бесчестным воином, «хитрым и самодовольным», бескомпромиссным «коварным врагом», обманным путем заманившим «гордого и непреклонного» Пуреша в западню. Пургас обрисован слишком однозначно, он лишен духовных движений и каких-либо позитивных интенций. В тексте находим несколько, на первый взгляд, положительно характеризующих героя эпитетов («Пургас велик», «Присел (Пургас — *Ю. А., С. Ш.*) на пень. Задумчивый. Суровый»), однако становится очевидным, что в контексте повествования они получают негативную окраску. В художественном пространстве анализируемого произведения Пургас предстает не только отрицательным персонажем, он демонизируется, осмысливается «убийцей», «злодеем», виновником несчастья всего народа. Такой способ «строения» образа, на наш взгляд, приводит к его психологическому упрощению и «размыванию» реалий исторической эпохи.

В романе-сказании К. Абрамова «Пургаз» образ эрзянского инязора Пургаза и исторические реалии конца XII — начала XIII в. реанимируются посредством мифофольклорной и этнографической традиции. Чтобы вооружиться определенными знаниями и сведениями, необходимыми для реконструкции неповторимого своеобразия конкретного периода национально-исторической жизни и эстетического осмысления динамики общественно-политического процесса, писатель в большей степени, чем В. Егоров, опирается на научные источники («Очерки мордвы» П. И. Мельникова-Печерского), обращается к «Повести временных лет» (XII в.), Патриаршей, или Никоновской, летописи (XVI в.), к «Слову о погибели Русской земли» (XIII в.)[12].

Фрагментарные сведения о социально-политической деятельности мордвы содержатся в Лаврентьевской летописи, Московском летописном своде конца XV в., Воскресенской, Никоновской и Симеоновской летописях[13]. Интересны упоминания о «Пургасовой волости», так летописец назвал формирующуюся мордовскую государственность, кроме этого свидетельствовал не только о «Мордве с Пургасом», «Мордве Пургасовой», но и о «„Руси Пургасовой“ — русском населении, подвластном Пургасу»[14]. Однако о биографии самого Пургаза практически нет фактологических данных. При осмыслении роли инязора в исторической судьбе эрзянского народа ученые высоко оценивают его личностные качества, отмечая, что «нахождение в трагические годы во главе крупнейшего княжества такого незаурядного деятеля как Пургаз в немалой степени способствовало выживанию народа. …Глава независимого и сильного государства он предстает как прекрас-

ный организатор. <…> Пургаз также был выдающимся полководцем»[15]. В. А. Юрчёнков называет Пургаза «первым известным политиком в истории мордовского народа, <…> одной из главных составляющих внутриполитического курса которого явилась взвешенная миграционная политика», а также «закладка и строительство новых поселений-твердей, <…> что преследовало цель стягивания больших территорий в единое целое, что являлось, в свою очередь, обычной практикой для формирующихся государственных образований»[16]. Летописные материалы и свидетельства историков не позволяют сомневаться также в дипломатических способностях инязора, осмысливаемого «организатором связей с внешним миром, представителем интересов своего государственного образования»[17], в его таланте военачальника, возглавившего несколько военных кампаний.

К. Абрамов в романе отражает основные этапы жизни своего героя, детально описывает отдельные фрагменты его детства и юности. Говорить об исторической достоверности данного материала неправомерно, это авторский вымысел, но органичный и оправданный. Автор воссоздает биографические эпизоды такими, какими они могли бы быть.

Романист воспроизвел социально-объективные условия появления выдающейся личности, оказавшейся способной создать новую общественную систему. Пургаз предстает выразителем созревших в недрах общества тенденций, направленных на объединение эрзянских и мокшанских племен в пределах единого государства. К. Абрамов не уходит за пределы исторической типологии, улавливая в бурном потоке событий общее, закономерное. Писателю удалось показать роль незаурядной личности в судьбе народа, подчеркивая, что выдающаяся личность не может проявить и выразить себя вне национальной почвы, вне связи с родным этносом. «В изображении писателя инязор не одинок в своих стремлениях и понимании законов бытия. Рядом находятся люди, которые сочувствуют ему, помогают, дают советы, спорят с ним, делают что-то лучше его, и все это, вместе взятое, способствует построению нового уклада жизни. Биография народа и биография Пургаза слиты: их развитие, движение вперед идет одновременно. Народ и его руководитель дополняют друг друга»[18].

К. Абрамов сосредоточивается не только на историческом, но и на культурологическом и психологическом аспектах повествования. Прошлое в романе предстает не только как момент времени, но и как ожившее действие, событие, психологическое переживание. Заслугой писателя следует считать то, что он подходит к описанию исторической личности как одаренный психолог, часто прибегает к воссозданию внутреннего состояния персонажей. Показателен в этом плане следующий эпизод. Ради спасения родной земли, народа от разорения и гибели Пургаз решается на убийство главы одного из мокшанских родов Тенгуша, стремящегося разорвать отношения с Пургазом и соединить свой род с Пурейшей. Характеризуя своего героя как натуру цельную, глубокую, целенаправленную, автор выделяет его нравственный стержень. Читатель видит его мучения, терзания, отчаяние и горечь от совершенного поступка. Душевная боль заставляет его, инязора, воина, мужчину, плакать. С другой стороны, Пургаз хорошо продумал и осмыслил свой поступок: была бы у него еще одна возможность — он поступил бы так же. Кровавая тайна не дает покоя Пургазу-человеку в то время, когда Пургаз-инязор после избрания новым главой рода Помраза, старшего сына

покойного Тенгуша, спокойно говорит в доме старейшин: «Твой отец был хорошим человеком, но он почему-то стал искать друзей среди своих врагов. …Мы еще пройдем этой дорогой, чтобы отплатить им за убийство»[19]. Только беседа с другом, братом, помощником Промзой и услышанные слова поддержки и понимания возвращают инязору душевный покой: «Я не сержусь на тебя, Пургаз. Ты прав. Когда я все понял, мне нелегко было оправдать тебя. Да я и не хотел тебя оправдывать — ты нарушил обычай рода! Теперь я знаю — ты видел дальше меня. Поэтому я говорю: старик Тенгуш умер вовремя, и в том нет твоей вины. Ты сохранил Мордовскую землю»[20]. Пургаз, организатор убийства, не получает негативной оценки автора и читателя, потому что им двигали не личные амбиции, а мысль о благополучии, процветании родной земли. На вопрос Промзы, пожертвовал бы он ради своей земли сыном, инязор спокойно ответил: «Не пожалел бы и самого себя, Мордовская земля — это мое тело, в ней моя жизнь. Без нее не станет и меня»[21]. Раскрытием сложных, порой противоречивых сторон характера своего героя К. Абрамов добивается эффекта цельности изображаемой натуры.

Предводитель малочисленного народа Пургаз сумел с достоинством и на равных противостоять экспансии более сильных соседей — русских князей, половцев. Он не склонил колен даже перед многочисленным войском Батыя. Когда оборвалась его жизнь, неизвестно. «Среди восточно-европейских правителей, приезжавших к Батыю за ярлыком на княжение, — отмечает В. К. Абрамов, — имя Пургаза не упоминается. Скорее всего, он погиб, защищая одну из последних крепостей — один из последних клочков родной земли, за независимость и процветание которой боролся всю свою жизнь»[22]. К. Абрамов не берет на себя смелость восполнить эту неизвестную страницу истории. Однако, на наш взгляд, это объясняется не недостатком писательского мастерства и опыта, а желанием дать читателю надежду на то, что его герой пережил Батыево нашествие, спасся и со своим народом стал обживать другие места, претворяя в жизнь идею о сильном государстве.

В ходе повествования в романе часто упоминается не являющийся действующим лицом Пурейша. По утверждению историков, «Пуреш перешел на сторону русских, заключив союз с князем Юрием против Пургаза, ведя наступление против его армии. Этот союз значительно ослабил Пургаза и весь мордовский край в целом…»[23]. Указанный факт находит яркое отражение в романе: противостояние двух инязоров не способствует консолидации мордвы и объединению территории под единым руководством, что значительно ослабляет оборонительную способность армий Пургаза и Пуреша, в одиночку не способных противостоять набегам завоевателей. У К. Абрамова Пурейша — человек, предавший интересы своего народа ради службы у русского князя. Чем руководствовался Пурейша, принимая сторону завоевателей Мордовской земли, К. Абрамов не поясняет. Автор не ставит перед собой цели осмыслить психологические мотивы и нюансы поведения каназора, что, на наш взгляд, обусловлено сюжетной стратегией произведения. Очевидно стремление писателя эксплицировать общественную полиментальность, также ощущается авторская поляризация героев на своих и чужих. К. Абрамов сосредоточивается на актуализации социопсихологической проблематики — рассматривает личность Пургаза во взаимосвязи с социумом,

обусловленности социально-политическими обстоятельствами эпохи, осмысливает роль выдающейся личности в общественно-историческом процессе.

Традиция художественного реанимирования событий, обстоятельств начала XIII в., в частности создания первых политических объединений под властью Пургаза и Пуреша, продолжена в драме А. Пудина «Каназор». Сюжетно-композиционная структура пьесы, как и вышерассмотренных произведений, характеризуется неуравновешенностью документального и художественного начал в пользу последнего. Однако данный факт не исключает достоверности художественной, достигаемой драматизмом и эмоциональностью разрешения конфликта, психологической мотивацией персонажей, лексической аргументированностью. В пьесе наблюдается определенная трансформация немногочисленных документальных сведений, на основе которых строится художественная версия личностей Инязора и Каназора. Несмотря на документальную «нестабильность» автора, приведенные в пьесе оценки деятельности Пургаса и Пуреша вполне объективны. А. Пудин, на наш взгляд, не стремится к разделению героев на правых / неправых, своих / чужих. Он адекватно воспринимает и осмысливает диалектику исторического процесса, в чем проявляется его мастерство драматурга-историка.

В художественном континууме пьесы репрезентованы две сложные, многогранные личности со своими военно-политическими амбициями, этническими принципами («законами»), осмысливающие свою историческую роль в судьбе народа и ответственность за него. А. Пудин целесообразно выбирает социально-психологический аспект изображения героев, не только воссоздает образы исторических личностей, но и отражает национальный колорит эпохи и, главное, драматизм времени.

Актуализированная автором сложная проблема объединения мордовских земель получает в пьесе двоякое решение. Пургас ратует за объединение эрзянских племен с мокшанскими. «Каназор! Наши народы — родные! Наша судьба — быть вместе, в одной упряжке»[24], — призывает он Пуреша. При этом преследует определенную цель — объединившись, соответственно став сильнее, возвратить земли своего народа, захваченные русскими князьями. Пуреш, как мудрый политик и дипломат, не является сторонником бескомпромиссной, порой доходящей до абсурда, вооруженной борьбы, пытается избежать войны, ради сохранения народа усмиряет свою гордость — идет на уступки половецкому хану, покоряется русским князьям (его сын Наруш становится ратником Юрия). По утверждению В. К. Абрамова, «княжество Пуреша со всех сторон было окружено более сильными противниками и самостоятельно сохранить независимость не могло. Именно этим можно объяснить политическое лавирование Пуреша: заключение им союзов то с русскими, то с половцами, то с монголами. Каназор не имел тех возможностей для борьбы, на которые могли надеяться Пургаз или князья северо-восточной Руси. Его владения, расположенные большей частью в лесостепной зоне, были совершенно открыты для степной конницы и хорошо знакомы половцам. Сражение с огромной армией захватчиков ставило под угрозу само существование и так уже немногочисленного населения мокшанского края»[25]. В драме А. Пудина действия и решения Пуреша обусловлены социально-историческими и военно-политическими условиями и обстоятельствами, но не личной выгодой и корыстью, о чем свидетельствует декларация им своей твердой позиции: «Думаю

о своем народе. Война с русичами ему не нужна. Войну надо избежать. <…> Самое великое дело сегодня — сохраниться самим…»[26].

Предложение Пургаса совместно взять князя Юрия «на щит», завоевать построенный на эрзянской земле Новый Город вызывает у него сомнения, противоречивые мысли. Он понимает преимущества объединения племен, однако осознает несвоевременность такого шага. «Пуреш. Если мы сегодня объединимся с Пургасом, нас быстро в пыль превратят. И у меня есть горячее желание быть вместе с родственным народом. Но это должно было произойти чуть раньше, когда времена были спокойнее и земли было больше…»[27]. Обладая тонким чувством предвидеть дальнейшее развитие исторического процесса (надвигающееся монголо-татарское иго), каназор отказывается объединяться с эрзянским инязором, что соответствует исторической правде. Почему же Пуреш не пошел на союз с Пургазом? В. К. Абрамов допускает возможность личных конфликтов между родоправителями-инязорами, однако более реалистичной выглядит версия о том, что мокшанский князь искал пути спасения своего народа, один из которых выдел в сближении с русскими. Данная позиция обыгрывается А. Пудиным, который вкладывает в своего героя осознание того, что русские князья не позволят эрзянам и мокшанам превратиться в сильного соперника. «Если мы объединимся — это будет сила. Но кому нужен сильный сосед? Как только мы объединимся — войны не избежать. Русичи не будут закрывать глаза на нашу силу. Они уничтожат нас! Всех! Не будет ни твоего народа, ни моего. А поодиночке мы сохранимся…»[28], — излагает Пуреш свою позицию Пургасу.

А. Пудин последователен в экспликации взаимосвязи хода истории и характера, который, впитывая трагизм времени, становится ментально выразительнее, психологически сложнее, что подтверждается представленным в динамике образом Пуреша. Чувство выполненного долга перед народом (на его земле «…воцарился мир. У людей и хлеба в достатке, и меда. <…> Народ крови не видит. <…> Мокшане счастливы»[29]), уважение и преклонение сородичей перед его мудростью омрачаются душевными терзаниями каназора о судьбе «своего, кровного» Пургаза и «родственного» эрзянского народа. Умелый дипломат и мудрый государственный деятель, он не мог и предположить, что его сын Наруш, полностью подчинившись воле Юрия, возглавит поход на Пургасову волость. Расчетливость и предусмотрительность Пуреша не помогли избежать невосполнимых потерь.

Авторская интерпретация исторического континуума в пьесе подводит к пониманию сложности и противоречивости исторического процесса, побуждает к дискуссии, вызывает к жизни различные гипотезы о том, как могла бы сложиться судьба эрзян и мокшан в иных социально-политических обстоятельствах и условиях. Актуализированные драматургом проблемы «о соотношении благих целей и жестоких средств в историческом деянии, своеобразной цене осуществления насущных потребностей времени, …ответственной миссии человека и его долге перед эпохой»[30] созвучны с настоящим, волнуют наших современников.

В заключение отметим, что воссоздание исторического контекста в рассмотренных нами произведениях, естественно, имеет отпечаток субъективности, самобытной авторской манеры, так как в процесс включаются жизненный опыт, мировоззрение, образ мышления писателей. Вместе с тем правомерно эксплицировать общее начало: историческое лицо предстает в них как индивидуальность, облада-

ющая инициативой, самосознанием, волей, ценностными приоритетами, духовными и физическими характеристиками, однако оно неразрывно связано социальными узами, не может обособиться от сообщества и мыслиться без него. Данное выражение соотносимо с личностями князей Пургаза и Пуреша, ставшими порождением той трагической эпохи, в которую жили, творили, где были востребованы их способности и таланты. Разноплановое художественное осмысление писателями их образов отвечает потребностям современного общества, «отражает культурно-исторические и духовные ценности нации, особенности уклада жизни и природного характера, способствует воспитанию чувства национального, формированию нравственной и гражданской ответственности, вызывает интерес к всемирному культурному наследию по принципу: от этнического — к общечеловеческому»[31].

Библиографические ссылки

[1] См.: **Мокшин Н. Ф.** Этническая история мордвы. Саранск, 1977 ; **Его же.** Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 1993 ; **Абрамов В. К.** По следу времени : Очерки об извест. ист. деятелях. Саранск, 1991 ; **Юрчёнков В. А**. Мордовский народ: вехи истории. Т. 1. Саранск, 2007 ; **Его же.** Начертание мордовской истории. Саранск, 2012 ; **Его же.** Пургасова Русь: от исторической загадки к исторической реальности // Центр и периферия. 2013. № 4. С. 4 — 13 ; **Его же.** Пургасова волость: проблемы политогенеза у мордвы в историографии // Там же. 2014. № 1. С. 4 — 11 ; **Васильев Т. В.** Мордовия. Саранск, 2007 ; **Беговаткин А. А.** Проблема Пургасовой волости в историографии // Центр и периферия. 2008. № 2. С. 27 — 37.

[2] **Мокшин Н. Ф.** Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. С. 50.

[3] См.: **Мокшин Н. Ф.** Тайны мордовских имен. Саранск, 1991. С. 42 — 43.

[4] **Абрамов В. К.** Указ. соч. С. 43.

[5] См.: **Егоров В.** Возмездие // Знамя. 1968. 17 февр.

[6] См.: **Абрамов К.** Пургаз : роман-сказание. М., 1989.

[7] См.: **Пудин А**. Каназор // Пудин А. Пьесы : в 3 кн. Саранск, 2007. Кн. 2. С. 12 — 68.

[8] См.: **Мокшин Н. Ф.** Мордовский этнос. Саранск, 1989 ; **Абрамов В. К.** Указ. соч. ; **Юрчёнков В. А**. Мордовский народ: вехи истории.

[9] **Абрамов В. К.** Указ. соч. С. 47.

[10] **Егоров В.** Указ. соч. С. 4.

[11] Там же.

[12] См.: **Мельников П. И. (Андрей Печерский).** Очерки мордвы. Саранск, 1981 ; Повесть временных лет. М. ; Л., 1950 ; Полное собрание русских летописей. Т. 10. Никоновская летопись. М., 2000 ; Слово о погибели Русской земли // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. М., 2005. Т. 5.

[13] См.: Русские летописи. Т. 12. Лаврентьевская летопись. Рязань, 2001. С. 429 ; Там же. Т. 8. Московский летописный свод конца XV в. Рязань, 2000. С. 169 ; Полное собрание русских летописей. Т. 7. Воскресенская летопись. М., 2000. С. 135 ; Там же. Т. 10. Никоновская летопись. М., 2000. С. 97 ; Там же. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 53.

[14] **Мокшин Н. Ф.** Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. С. 47.

[15] **Абрамов В. К**. Указ. соч. С. 40.

[16] **Юрчёнков В. А.** Пургас: историко-психологический портрет // Центр и периферия. 2014. № 3. С. 4 — 5.

[17] Там же. С. 6.

[18] **Федосеева Е. А.** Исторический роман Мордовии. Саранск, 2000. С. 22.

[19] **Абрамов К**. Указ. соч. С. 320.

[20] Там же. С. 325.

[21] Там же. С. 321.

[22] **Абрамов В. К**. Указ. соч. С. 41.
[23] Там же. С. 44.
[24] **Пудин А**. Указ. соч. С. 52.
[25] **Абрамов В. К.** Указ. соч. С. 45.
[26] **Пудин А.** Указ. соч. С. 52, 55.
[27] Там же. С. 55.
[28] Там же. С. 53.
[29] Там же. С. 64, 66 — 67.
[30] **Антонов Ю. Г.** Зарождение и пути развития мордовской драматургии. Саранск, 2012. С. 234 — 235.
[31] **Шеянова С. В.** Современный мордовский роман: национальная идентичность и пути ее реализации // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2014. Вып. 87. С. 130.

Поступила 07.06.2016 г.

УДК 82-3

В. Б. Бакула
V. B. Bakula

МЕМУАРНО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА САМСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

MEMOIRS AND AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF SAMI WRITERS

Ключевые слова: российские саамы, новописьменная литература, самобытная культура, мемуарно-автобиографический жанр, автобиографический герой, автобиографическое время.

В статье рассматриваются становление и особенности мемуарно-автобиографического жанра в литературе российских саамов.

Key words: the Sami of Russia, literature in new written language, original culture, memoirs and autobiographical genre, autobiographical hero, autobiographical time.

The formation and peculiarities of memoirs and autobiographical genre in literature of the Sami of Russia are considered in the article.

Литература саамов Кольского полуострова относится к новописьменным литературам, возникновение которых связано с появлением письменности[1]. К российским саамам письменность пришла после создания в 1979 г. алфавита А. А. Антоновой. Литература российских саамов началась на русском языке с 1983 г., когда вышел первый сборник стихов «Солнце над тундрой» А. А. Бажанова, на саамском — с 1990 г. с выхода в свет первой книги стихов на йоканьгском диалекте «Ялла» О. В. Вороновой. Таким образом, саамской литературе нет еще тридцати лет. Сегодня она существует на кильдинском диалекте, который признан литературным, что связано с сохранностью четырех восточносаамских диалектов: носителей йоканьгского диалекта менее двадцати человек[2], на нем никогда не велось

© Бакула В. Б., 2016

обучение в школах, не создавалось художественной литературы. Литература кольских саамов включает в себя около двадцати писателей, чье творчество наиболее полно представлено в «Антологии саамской литературы»[3].

Феномен новописьменной литературы российских саамов еще не получил достаточного освещения в научных исследованиях как российских, так и зарубежных исследователей. Между тем ее самобытность не вызывает сомнений[4].

Для исследования мемуарно-автобиографического начала в литературе российских саамов необходимо разграничить оба понятия, хотя сделать это достаточно сложно, поскольку место мемуаров среди других жанров литературы не определено, как не определено и само понятие «мемуарный жанр», что связано с прозрачностью и подвижностью границы жанров автобиографии и мемуаров. Основным качеством мемуарной прозы является «присутствие в структуре произведений автобиографических элементов»[5]. Автобиография — «повествовательный текст с ретроспективной установкой, который реальная личность рассказывает о собственном бытии, и притом ударение ставит на свою личную жизнь, собственно историю становления своей личности»[6]. «Мемуары делают акцент на эпохе, автобиография — на личности автора, однако и в мемуарах есть более или менее ясный образ автора на фоне эпохи, и в автобиографии есть образ эпохи, в которую жил и действовал автор»[7].

Обращение писателей народов Севера к жанру автобиографии традиционно[8]. «У новописьменных литератур общими закономерностями в становлении прозы являются автобиографизм, т. е. художественное отображение мира и действительности через авторское мироощущение, мировоззрение и опыт»[9]. Это связано с тем, что «литературный дискурс является недавно освоенным способом „говорения этноса о себе“, а потому — своеобразным медиумом-проводником из прошлого в настоящее и из настоящего в прошлое, то есть „ретранслятором в новых условиях“, основополагающим для этноса „культурной памяти“»[10]. Через автобиографическую прозу начинается осознание себя и своего этноса в мире, в течении времени, познание истории своего народа, формирование этнической принадлежности. «Воссоздание, возвращение себе своей истории и ее осмысление — задача насущная для этнических литератур»[11]. Формирование саамской мемуарно-автобиографической прозы подтверждает мысль Г. Д. Гачева об ускоренном развитии литератур[12]. Если этот процесс в мировой литературе занял несколько столетий, то в литературе российских саамов он ограничен временными рамками неполных тридцати лет существования самой литературы.

Первой в саамской литературе стала автобиография прозаика Н. П. Большаковой (1957), представленная в цикле рассказов «Тиррв — по-саамски здравствуй!»[13]. Рассказы отличает творческая и жизненная зрелость писателя — ей 43, многое передумано, понято, оценено и переоценено. Жанр автобиографии помогает высказаться, облечь свои переживания и мысли в слова, поэтому автобиографические рассказы Н. Большаковой отличает исповедальность. Писатель не боится открывать свой внутренний мир, через который становится доступной окружающим. В повествовании она искренна, максимально точна фактологически, кроме того, сопрягает события своей жизни с событиями в стране. При всей личностности и субъективности, она пишет не только свою биографию, но и биографию своего рода, поселка, которая отражается в историях жизней каждого из

героев. В ее рассказах тесно переплетаются время личное и время историческое, душевная жизнь персонажа-рассказчика и духовная жизнь своего рода.

Сборник рассказов «Тиррв…» имеет подзаголовок «Рассказы о ловозерском детстве». Так обозначены временные рамки повествования, которые далее в рассказах раздвигаются. Указанный прием характерен для Н. Большаковой, позже он ярко заявит о себе в первом саамском романе «Алхалалалай» (2003). Автобиографическим героем является девочка с саамскими и русскими корнями. Через ее личные переживания прослеживается типичное для русских саамов.

Осознать себя помогает память. Первый рассказ сборника «Куда уходит детство?» начинается с традиционной словесной формулы «помню», которая отсылает нас к прошлому автора. Она характерна и для других рассказов, таких как «Рыбьи головы», «По озеру Ловозеру путь лежит к Сейдозеру». В то же время это заявка главной темы не только первого рассказа, но и всего сборника. Память как символ связи прошлого и настоящего помогает осознать себя в потоке времени, сравнить себя взрослую, настоящую с маленькой, прошлой. Память — возможность переосмыслить многое из того, что случилось с писателем в детстве и ее народом, понять истоки происходящего.

В первом рассказе сборника задаются темы, которые станут потом главными в творчестве Н. Большаковой — любовь к родным местам, к людям, их населяющим, осознание себя причастной всему, что происходит дома. Через сравнение своих чувств и чувств пришлых людей к Северу происходит формирование самосознания маленького ребенка и формирование этнической идентичности, хотя в случае с Большаковой об этом можно говорить в контексте географической идентичности: корни ее уходят в Поморье и Лапландию. География жизни ребенка ограничивалась селом Ловозеро, местом традиционного проживания саамов и сегодня, поселком Ревда (Ловозерский район), где жили родители Надежды, и деревней Кушерека Онежского района Архангельской области, родиной отца-помора. Общение с бабушкой-саами, открывшей поэтический мир народных сказаний, с саамскими детьми, с которыми она проводила все свои каникулы, дали ей возможность идентифицировать себя как коренную жительницу Севера: «Откуда им понять, пришлым людям, что вот, например, я считаю себя частью этих гор, берегов, озер, частью тундры. Как же так взять и вырвать себя из Кольской земли? Не приживусь в другом месте, зачахну с тоски».

Родившись в смешанном браке (отец русский, мать саами), девочка долгое время не задумывалась о своей национальности, руководствуясь мнением старших. Символичен такой диалог с бабушкой: «— Ты у меня настоящая лопарка, как твоя бабушка. — Нет, я русская, мне так папка говорил, а я вся в него». Бабушка не сердилась: «Пускай русская, а головы ешь все равно как лопарка. Мамка твоя и то есть так не умеет, хоть лопарка. А ты молодец!» («Рыбьи головы»). Н. Большакова вспоминает: «О том, что лопари есть еще и саами, узнала только, когда получала паспорт. Мама предложила записаться саами, мол, так легче будет поступить в Герценовский педагогический институт в Ленинграде. Жутко оскорбясь, отказалась: „Я что, недоразвитая, что по национальности скидки буду получать?“ И записалась по отцу — русской. Так Русь с отцовскими генами вошла не только в кровь, но и в сознание». В сознание ребенка вошла и страна предков — Лапландия вместе с саамскими генами: «Ловозерцы — добрейший народ, особенно

лопари», «Ловозеро и я, маленькая русская лопарка». В одном из лирических отступлений, характерных для стиля писателя, она признается: «Может, поэтому очень часто кажется, что второй своей сущностью я живу вдали от цивилизации, каменных домов, живу на своем озере детства Сейдозере». Результатом поиска самоидентичности становится вывод, сделанный в рассказе «Моя родословная»: «Главное, что я уяснила, составляя родословную, в корнях крепость рода: чем богаче род, тем интереснее твоя собственная жизнь и судьба».

Большое место в рассказах Н. Большаковой занимает образ Сейдозера, которое становится символом ее малой родины. Это пространство любви бабушки-саами, тот самый сказочный мир детства, который сформировал мировоззрение и стиль писателя, ее творчество. Поэтому не случайно первой ее книгой стал сборник сказок «Подарок чайки»[14]. Для автобиографических рассказов писателя характерны вкрапления легенд. Это легенды о Сейдозере: «Говорят, это у вулкана чаша, потому на Иванов день по берегам его папоротники цветут, а зимой среди льда ключи кипят косматые. Говорят, что вьют там гнезда лебеди. Они, словно души лопских предков, охраняют озеро от глаз пришлых людей… У Сейдозера есть озера подземные, сказывают, и рыба из верхнего Сейдозерского озера уходит в подземное, и тогда лови не лови — толку нет! Что правда, а что сказка?»; легенда о Куйве, главаре чуди, врагов саамов, который окаменел в скале и стоит, озеро сторожит; это и легенды о жителях Ловозера, как, например, о Васе-лопаре (Василий Хатанзей, в прошлом богатый оленевод, а теперь старый, никому не нужный человек). Вкрапление легенд становится в творчестве Большаковой едва ли не основным художественным приемом, и это не случайно — в среде саамов всегда высоко ценились знатоки и рассказчики бывальщин и преданий, что было связано с устной традицией остававшегося долгое время бесписьменным народа.

Рассказы Н. Большаковой знакомят нас с традиционным саамским обществом, его укладом и ценностями. Выросла она в среде, для которой было характерно языческое мировосприятие: мифологическое объяснение бабушкой всего окружающего, одушевление природы. Все это удовлетворяло любопытство ребенка и накладывало отпечаток на ее мировоззрение, которое позже развилось в мифопоэтическое отношение к жизни, стало особенностью творчества. Воспитывала будущего писателя народная педагогика, а учителем стала бабушка. На вопрос ребенка, в чьем доме они остановились для сборов морошки и чьи в нем продукты, она отвечала: «И твои, и мои, и всем по труду — дом родной. Дрова сгорят — новые принеси, продукты поистратились — свои положь, не один путник такой едой спасся. На том живем-держимся». Взаимоотношения бабушки и внучки — яркий пример передачи знаний от поколения к поколению в традиционном саамском обществе. Бабушка передает и заветы своих родителей: «Семь раз головой подумай, что язык твой выкинуть хочет. От хороших слов глаза блестят, сердце поет. От злых, грубых слов — брови сходятся. Тяжелое слово человека убить может…» («Старики ушли с островов»), «Помни, внученька, земля — мать родна. Землю пожалеешь — станешь мудрей. Воду чти, без воды человек что пень сухой. Воду испьешь — молодость вернешь. Вода рыбку дает, рыбку съешь — умной станешь» («Тоска по озеру»). Языческое мировосприятие на самом деле оказалось экологическим. С детства воспитывалось в саамских детях бережное, не

потребительское отношение к ранимой природе Севера: «Умываться к озеру пойдешь — в воду не лезь. Тихонько с Сейдушкой поздоровайся» («По озеру Ловозеру путь лежит к Сейдозеру»).

Н. Большакова много размышляет о своих корнях, скоротечности жизни, любви к родине, о счастливом детстве. Детство для писателя — «другая жизнь», жизнь в любви, на родной земле. Все было не так, все было прекрасно: и детские игры, и мечты, заветные и осуществимые. Жизнь начиналась с бабушкиных сказок: «А бабушка к вечеру печь растопит, дверку откроет, чтоб тепло побыстрей на горницу дохнуло, присядет к нам при том свете печном и начнет сказки рассказывать. С тем и уснем» («Куда все ушло»). И уже взрослой, став членом Союза писателей России, Надежда признается: «Мой мир — мир фантазий, сказок, приключений».

В далеком детстве в сознание ребенка входит образ родной земли — в этом секрет патриотизма, когда не задумываешься о том, что такое любовь к родине, но понимаешь, что это то, «без чего нельзя». Детство осмысляется как «образ мифологического первовремени, первоначала, истока гармоничного и целостного бытия»[15].

Наряду с автором главными героями рассказов становятся родные и знакомые ей люди: крестная Софья, тетушка Анна Ефимовна, дед Иван, двоюродные дедушки и бабушки, жители поселка. Интерес к их жизни и своему месту среди них позже выльется у Н. Большаковой в интерес к генетическим корням, и она составит свою родословную до 1716 г., о чем напишет в очерке «Кто я есть».

Историческое время в рассказах дано сквозь призму восприятия маленького ребенка и одновременно через оценку взрослого человека — автора. Н. Большакова не акцентирует внимание на политических событиях, не вскрывает причины такой жизни саамских людей, признаваясь в одном из рассказов, что далека от политики. Она верно передает атмосферу того времени, запечатлевает факты, доносит до читателя рассказы и выводы очевидцев, и все становится ясным, вырисовывается картина жизни саамских людей прежде и теперь. Однако традиционное противопоставление «прежде и теперь», свойственное литераторам коренных малочисленных народов Севера, получает в творчестве Н. Большаковой другое звучание. Прошлое выступает истоком, опорой, а цивилизация — разрушающей нравственные устои силой: «Раньше по озеру только на веслах ходили, моторов не было. С Вороньей реки на Ловозеро идут — несколько остановок делают. <…> А теперь что получается? На моторах меж друг дружки промчатся — даже в лицо не взглянут… Это оттого, что земля и вода перестали быть нам кормилицами» («Старики ушли с островов»). Писатель постепенно подводит нас к выводу: отлучение от традиционного образа жизни приводит к необратимым последствиям — разрушается нравственность этноса. Вывод звучит из уст бабушки, символизирующей мудрость саамского народа: «Сейчас саамам чужие дела навязали, свои исполнять некогда. Вот народ и меняется на глазах» («Баба Настя»). В результате нарушается самый главный закон саамской жизни — закон гармоничного существования человека и природы: «Как старики наши ушли с островов, так те словно умерли, будто кто острова на замок закрыл» («Баба Настя»).

Повествование Н. Большаковой неспешно, в традициях устного народного творчества. Устная традиция прослеживается в отсылках к далекому прошлому:

«когда я родилась», «в младенчестве», «отец рассказывал», «приехала я как-то», «иду я как-то», «я училась в пятом классе», в большом количестве диалогов, использовании разговорных оборотов «мол», «положь», «озеро слушайте, …на ем шуметь нельзя», обращениях «девонька», «мил человек», «голубонька», в использовании поговорок и прибауток. Время историческое передается более точно: датами, отсылками к событиям в судьбе страны — «в войну», «после войны», «до 1956 года», «в 70-е годы», «в октябре 1994 года», «на девятых саамских играх». За рамками автобиографии — война в судьбах саамских женщин, репрессии, колхозное строительство. Жизненное вкрапливается незаметно, не акцентируя внимание на себе, это реальность, о которой говорится как бы вскользь, маленькому ребенку не осознать, что за этим стоит. Тем трагичнее оно представлено в рассказах, как, например, ассимиляционные процессы, которые выразились в отношении администрации поселка к Васе-лопарю. Не раз отправляли его в дом престарелых, исходя из собственного менталитета, не понимая, что саам в тундре одиноким не бывает («Вася-лопарь»). Итог преобразованиям в жизни коренного народа Севера подводит бабушка: «На своей земле по-воровски живем, по-воровски сети ставим, рыбу ловим, все по-воровски» («Старики ушли с островов»).

Не обошла писатель и тему репрессий, о которых узнала в детстве не из книг, а из рассказа родственницы — двоюродной бабушки Насти, муж которой был репрессирован. Та говорит вскользь: «Многие люди в тюрьмах сидели. Посадить дело нехитрое, не многие только выходили оттуда», но за судьбой ее семьи — знакомая нам трагедия народа. История своей страны становится ближе и понятнее через историю своей семьи, рода («Баба Настя»). О трагедии коллективизации скупо повествуется через историю жизни двух дедов писателя — саамские пастухи коров не понимали, к оленям были привычны, не знали, что коровы тундру не чувствуют, и потеряли их в туман на болоте. Вот и попали они в тюрьму с традиционной для того времени формулировкой «За вредительство Советской власти». Кроме того, «дело „саамских националистов“ повесили на седые головы» («Одна судьба на двоих»).

Исповедальность произведений ярко проявляется в обвинениях Н. Большаковой самой себе: «Саамка безъязыкая!» («Куда все ушло?»), в понимании невозвратимости времени: «Эх, кабы сейчас прижаться к ней, забыть все проблемы, снять все заботы…» («Хлебные горбушки»), в горьких выводах: «Запамятовав тропы своей родины, мы спешим, только забрезжит лето, увезти детей на юг, отрывая тем самым их от корней, от родной земли, от того, что мило сердцу, от того, без чего нельзя» («Куда уходит детство?»). Не раз звучит в рассказах сожаление писателя о том, что вовремя не было понято: «Чудными, как сказка, казались мне тогда саамские слова, и отошли потом, полузабылись, как те сказки детства. А от слова, которое в памяти, до сих пор сказкой веет…». Это было время забывания языка, которое позже обернулось трагедией народа: сегодня саамский язык относится к исчезающим.

Автобиографическая проза саамской поэтессы и сказочницы Екатерины Коркиной (1944) представлена одним рассказом — «Детство», напечатанным в «Антологии саамской литературы». Форма этого рассказа скорее напоминает автобиографическую зарисовку — он краток, временные рамки четко не обозначены, хотя поэтесса говорит: «Так прошли мое детство и школьные годы». Воспоминания

автора написаны от первого лица с большой теплотой, сосредоточены на быте саамской семьи: детских забавах, работе отца-оленевода, домашних хлопотах матери и других саамских женщин. Читатель узнает о саамском воспитании — в 5 — 10-летнем возрасте, оставаясь дома одни, дети умели хозяйничать: убирали со стола, мыли посуду, приносили дрова к печи. Основным развлечением для них долгое время оставались песни и сказки, которые преимущественно пелись саамами. Под сказки и песни ребята засыпали и во сне переносились в сказочный мир. Дни проходил в работе, в заботах о насущном, такой образ жизни перенимали дети. Все, что воспринялось в детстве, стало основой занятий Е. Коркиной — в 1985 г. на общественных началах она организовала фольклорно-этнографический ансамбль «Ойяр» («Круги на воде»), в 1994 г. вышла ее первая детская книга стихов на саамском языке «Чуррпа — Уррпа».

К жанру автобиографии Мария Медведева (1949) обращается в цикле «Рассказы о детстве в Воронье», которые напечатаны в «Антологии саамской литературы». Ранее они выходили в газете «Ловозерская правда». Это маленькие автобиографические зарисовки, написанные с тонким юмором. Цикл предваряет небольшое предисловие, в котором М. Медведева затрагивает одну из самых страшных для саамов трагедий — укрупнение поселков. Ее родное Воронье было затоплено, и на его месте в начале 1960-х гг. построили Серебрянскую ГЭС. Тем не менее мы не слышим ноток горевания, словно бы не печалится Мария по этому поводу. Все ее рассказы посвящены детству, самому счастливому периоду в ее судьбе. С теплотой и любовью повествует она об отце, талантливом рассказчике, умевшем и сказкой потешить, и рассмешить до слез; о библиотекаре, приобщившем ребенка к чтению классической детской литературы; о молодой учительнице, научившей детей танцевать «самый прекрасный танец на земле — вальс». В ткань повествования вплетается правда жизни саамского поселка в те годы — клубный просмотр фильмов, во время которого саамские женщины приспособились заниматься вязанием; снабжение поселка продуктами, во время перевозки которых по морю они намокали. Однако нет в повествовании М. Медведевой обиды на неустроенность жизни, наоборот, эти события дают ей силу с юмором глядеть на происшедшее, с теплотой вспоминать о слипшихся карамельках, которые продавец магазина мог только распиливать ножовкой. Другая культура воспринималась через сравнение со своей, поэтому было отвергнуто «заморское лакомство» — яблоко, сок которого не походил на любимую морошку. Автобиографические рассказы М. Медведевой рисуют нам мир саамов в прошлом, которое было прекрасным с точки зрения уже взрослой женщины, автора рассказов.

Автобиография Ольги Перепелицы (1937) представлена небольшим рассказом «Я — дочь Севера и тундры», который строится на анкетных данных. Повествование только изредка прерывается лирическими отступлениями, например: «Прекрасна летняя тундра с ее природой: зеленью, ягодами, речками, голубыми озерами. И тишина!» или «Я — дочь Севера и тундры. Люблю я его во все времена года». В рассказе нет исповедальности, скорее проявляются проповеднические интонации: «Людей надо любить такими, какие они есть». Многократно встречаются слова благодарности родителям за то, что они вложили в дочь «крепкий нравственный стержень». Повествование О. Перепелицы лишено теплоты воспоминаний о детстве, хотя не раз отмечено, что становление саам-

ской девушки проходило в тяжелых условиях несмотря на то, что большую часть юности (до 19 лет) она прожила с родителями в тундре. В то же время автобиография поэтессы ценна тем, что мы узнаем о жизни саамов в тундре, в многодетной семье оленеводов, о тяжелой доле женщины — чум-работницы, вскользь — о колхозной жизни саамских семей. Подробности тяжелой жизни О. Перепелицы остаются за рамками рассказа. Перед нами — типичный жизненный путь советской девушки-саами.

Виктору Чернышихину (1962 — 2008) принадлежит рассказ в автобиографическом жанре не совсем обычной формы. Он написал его «по воспоминаниям и от лица» своей матери — Анисьи Николаевны Чернышихиной. Такая форма автобиографии встречалась у Н. Большаковой, которая представила рассказы от лица своей крестной — Софьи Якимович («И фильм про мафию пригодился», «Брошеные куклы»). Трудно сказать, насколько поэтика рассказа принадлежит самой Анисье Николаевне.

Перед читателем судьба саамской девушки, студентки ленинградской школы при Академии художеств. Жизненные коллизии развертываются на фоне судьбоносных событий в стране — войны и блокады Ленинграда. Воспоминаний о детстве немного, но они говорят о суровом периоде в жизни саамской женщины: смерти отца, после похорон которого ушли последние сбережения, переезде к родственникам, чтобы не погибнуть с голода в родной семье, тяжелой работе по дому, из-за которой приходилось пропускать занятия в школе. Воспоминания окрашены не совсем радостными красками. Единственной отрадой для ребенка было увлечение рисованием. Талант к живописи привел 12-летнюю саамскую девушку в школу при Академии художеств в Ленинграде, где началась другая жизнь — в многонациональной среде, так как учениками школы были дети со всех концов Советского Союза. Ранним уходом из своей этнической среды объясняется малое количество воспоминаний о саамском прошлом. Судьба А. Н. Чернышихиной — типичная судьба саамской интеллигенции, когда с раннего детства ребенок социализировался в русской среде, уезжая учиться в Академию художеств или в Институт народов Севера в Ленинграде.

С большой теплотой вспоминает саамская женщина своих сокурсников, со многими из которых подружилась на всю жизнь; преподавателей живописи, умевших поддержать и развить талант юного художника. Самопознание личности и открытие собственного «я» проходило в творческой среде, способности развивались под влиянием таких мастеров кисти, как Рембрандт, Рубенс, Серов, Врубель. Это была типичная судьба коренного жителя Севера, который волею судьбы погрузился в другую культуру, отличную от своей, и восхитился ею, принял ее. В то же время А. Чернышихина оставалась представителем своего этноса до конца, что выражалось в тематике и манере ее художественного творчества: ей легко давалась живопись, умение подбирать краски удивляло зрелых мастеров, а композиции в основном были о Севере — «оленьи гонки, северное сияние, рыбаки, тянущие огромный невод».

Ощущая себя прежде всего гражданином советской страны, А. Чернышихина сосредоточивает свой взгляд на событиях, масштабных для всего народа. Становление характера девушки проходило в тяжелые для всей страны годы — голод ленинградской блокады, когда человек проверялся на дружбу и порядоч-

ность, прочность нравственных задатков. Именно в это время столкнулась она со смертью друзей, таких же молодых, как и она, поняла цену жизни, взаимопомощи.

В жанре мемуаров написана книга Нины Мироновой (1936) «Йоканьга» (2011). В повествование об истории одного из саамских древних зимних погостов (поселков) вплетаются воспоминания автора о себе и людях, с которыми довелось встретиться в течение жизни. Н. Миронова начинает книгу рассказом об истории поселка, в то же время повествует о быте и нравах йоканьгских саамов, которые жили в этом погосте зимой, занимаясь охотой и оленеводством. Автор приводит сухие точные данные о количестве населения поселка в 1608 г., во время колхозного строительства, перечисляя жителей, состав их семей, количество оленей. Точные данные приведены о месторасположении поселка, традиционных промыслах, постройке в 1903 г. церкви и функционировании ее до 1938 г., рассказано о советских преобразованиях Саамского района после революции.

«Прежде» в воспоминаниях Н. Мироновой было тяжелым и трудным — это в традициях изображения жизни до революции. Однако она не объясняет, в чем трудности, вспоминает только сдачу пойманной рыбы за бесценок скупщикам. Интересны зарисовки о ликвидации безграмотности, за формулировкой-отчетом о выполнении которой докладывали: «В районе работали два ликвидатора по неграмотности. За время первой пятилетки неграмотность была ликвидирована». Невольно усомнишься: за 6 лет при помощи домашнего обучения был обучен грамотности весь район. Все объясняет следующая строчка: «Самое главное, чему научились — расписываться: кто ставил две начальные буквы своей фамилии, а кто и больше». С фактологической точностью запечатлены имена будущих первых саамских интеллигентов, уехавших учиться в Ленинградский институт народов Севера. О коллективизации сказано в цифрах и фактах, субъективная оценка звучит в словах «…трудно было идти в колхоз. Нужно было отдать все, что у тебя было. А что было у саамов? Олени. Они кормили семью, одевали». Не конкретизирует Н. Миронова и жизнь после революции, ограничиваясь оценкой «трудно жилось».

Отдельной главой выделены сведения о клеймах оленей, о быте саамов после перехода к оседлому образу жизни. В рассказах дан этнографический материал о шитье народной одежды, изготовлении ниток, лыж, о народной медицине, праздниках и развлечениях молодежи.

Более подробно останавливается Н. Миронова на 1930-х гг. в истории поселка, в частности на раскулачивании: «1937 год — черное пятно в жизни нашей деревни и наших саамов, год выселения врагов народа». Под такое клеймо попали умные и грамотные саамы, которые противились вступлению в колхоз, за что и были сосланы в Архангельскую губернию. Не менее суровыми испытаниями считает Н. Миронова годы войны: гибель родных, односельчан, хлебные карточки, спасение в бомбоубежищах и занятия детей в школе даже в военное время; не раз говорит о тяжелом труде саамских женщин, которые должны были выполнять и свою, и мужскую работу в семье и поселке. Особой теплотой наполнены воспоминания о маме, о ее душевных песнях — а саамы всегда пели за работой.

Отдельно выделяется рассказ об оленетранспортных батальонах — ядре транспортных подразделений армии, которые выполняли неоценимую работу по

вывозу раненых и больных с линии фронта, перевозили боеприпасы, военные грузы и продовольствие. В своих воспоминаниях Н. Миронова опирается на рассказы отца, свидетелей и очевидцев происходивших событий. Не обошла вниманием послевоенное время — «трудно было восстанавливаться после военных лет». Воспоминания заканчиваются на событиях укрупнения поселков. Скупо пишет Н. Миронова о своих чувствах, но строй речи выдает глубокую боль из-за свершившейся несправедливости. «К сожалению, …не пришлось работать на родной земле», так как в 1963 г. Саамский район, к которому относился поселок Йоканьга, был упразднен, колхоз ликвидирован, «народ остался без родного очага, языка, дела». Погостом в саамском языке назывался поселок, а в русском это слово имеет совсем другое значение: «Теперь деревня наша, наш Йоканьгский погост, стал действительно погостом, если уточнить значение данного слова. Тишина и безлюдье живут там. Прилетит журавлиная стая весной, а осенью с печальным криком улетит. Прокричат чайки, тоскуя о людях. Наша Йоканьга — точка на карте Кольского полуострова, а реально — два покосившихся дома на возвышенности, два старых кладбища». На такой печальной ноте заканчивает Н. Миронова повествование о родном поселке.

В ткань повествования вкраплены рассказы о людях Йоканьги. Иногда они короткие до нескольких предложений, как, например, о русском переселенце П. А. Шмакове, который оставил о себе не совсем добрую память, о Горник (Даниловой) Анастасии Ивановне, телефонистке поселка. Иногда они разрастаются до самостоятельных рассказов. Такие воспоминания составили одну из последних глав книги «О семьях и о людях». Книга Н. Мироновой «Йоканьга» — дань огромной любви и уважения к своим сородичам, дань памяти их силе, стойкости, жизнелюбию. «Вероятно, сама жизнь заставляла быть мудрыми, выносливыми, такими и детей воспитывали», — заключает она.

Популярными в северных литературах стали формы «детской автобиографии», первые из которых были созданы уже в 1930-е гг. В литературе российских саамов к ним относятся рассказы «За морошкой» и «Смерть бабушки» из книги «Тиррв — по-саамски здравствуй» Н. Большаковой, но в большей степени — основная часть рассказов книги Екатерины Мечкиной (1949) «Воспоминания о детстве», которые имеют подзагловок «Короткие рассказы и сказки для детей» (2014). Они соответствуют жанровым составляющим «детской автобиографии» и, как автобиографии северян, резко отличаются от европейской литературы разомкнутостью мира ребенка в большой мир, коллективное «мы». Такая форма автобиографии «представляет процесс формирования этнической личности, равной всем другим, своим предкам, своему роду, своей культуре»[16]. Рассказы Е. Мечкиной написаны для детей, поэтому являются ярким примером саамской народной педагогики. Каждый акт коммуникации оканчивается определенным поучением, но без назидательности. Традиционные знания ненавязчиво передаются маленькому ребенку во время летней прогулки или зимнего кочевания: как следы лося увидеть, детей нянчить, порядок в доме поддерживать, шерсть прясть, оленей перевязывать на новые места кормежки, веслами управлять лодкой, рыбу ловить.

В 2014 г. вышла еще одна книга автобиографических рассказов — «Правдинки Василия Селиванова» в обработке Н. Большаковой. Автобиографический

герой этих рассказов — саамский мальчик с дошкольного возраста до юношества, и это по-своему интересно, так как литература саамов Кольского полуострова в основном литература женская[17]. Читатель узнает о забавах и воспитании саамских ребят, будущих оленеводов и охотников, о малоизвестных страницах истории соседства коми-ижемцев и саамов, о формировании собственной идентичности в соприкосновении с другой культурой («Коми народ твердый, а саамы — мягкий, покладистый»). Рассказы, полные этнографической информации, знаний, отражают период формирования самосознания ребенка, умений будущего саама — хозяина тундры, подготовленного к жизни в ней, умеющего имать оленей и «узлы саамские вязать, чтобы они по требованию в один миг развязывались». Поражает сообразительность саамского мальчика, который, чтобы сделать удобным катание на коньках, привязанных к валенкам веревочками и палочками, окунал их в прорубь вместе с подошвами валенок и потом давал примерзнуть к подошве («Как я на коньках катался»); усовершенствовал косьбу сена и «валил» его справа налево и слева направо («С нулевым КПД»); приспособил бутылку для ловли рыбы («Смекалка»). Большой след в памяти В. Селиванова оставила война, которой он посвятил несколько рассказов.

Формирование традиционных знаний происходило постепенно, в работе и помощи взрослым. Особенно ярко это описано в рассказах «Первые шаги на пути становления любителя рыбалки и охоты», «Неудачная рыбалка», «Первый заработок». О семейном воспитании говорится в поучительном рассказе «Учи ребенка, пока он поперек лавки лежит». Дань памяти автор отдает своей бабушке, сказительнице, главной в семье: «Бабушка в нашем доме царицей была, ее все слушались и повиновались ей. Она была не только грамотная, но и мудрая, с богатым жизненным опытом, который щедро передавала нам, красиво говорила, была настоящим лидером». Именно ей обязан внук умением читать.

Границей автобиографического времени является приезд юноши на учебу в Ленинградский институт. Кардинальное изменение в сознании юноши происходит после пяти лет учебы на физмате — он окончательно разуверился в Боге, поняв, что все можно объяснить с научной точки зрения, тем самым окончательно были развеяны языческие представления об устройстве мира, что не могла принять бабушка. Символично звучит заключительная мысль книги, отражающая народную мудрость: «Навыки, в детстве приобретенные, сохраняются на всю жизнь».

Мемуарно-автобиографические произведения саамских писателей разные по своей жанровой форме, объему и глубине анализа представленных в них событий. Это и воспоминания, и записки о своей жизни. Известно, например, что Н. Большакова долгие годы вела дневники, которые потом стали материалом ее произведений. Названия книг указывают на жанр — «Рассказы о ловозерском детстве», «Рассказы о детстве в Воронье», «Воспоминания о детстве». Не во всех автобиографиях присутствуют исповедальность, лиричность. Более точная фактография, перечисление наиболее важных событий жизни, упоминание имен реальных людей и попытка анализа событий встречаются в рассказах Н. Большаковой и А. Черышихиной. Все мемуарно-автобиографические произведения являются важным источником знаний не только о жизни писателя, но и о судьбе саамского человека в потоке времени.

Обращение саамских писателей к жанру автобиографии может быть объяснено несколькими причинами. «Жанровая структура организует жизненный материал и позволяет сформировать представление о концепции мира и человека, мере таланта писателей, чьи факты жизни, творческое наследие долгие годы были недосягаемы из-за «информационной блокады»[18]. Как известно, саамская литература долгое время не заявляла о себе. Тем не менее саамские писатели появились не внезапно, таланты их развивались постепенно. Можно по-разному оценивать их вклад в литературный процесс, но нельзя при этом забывать, что саамская литература находится «в развитии и по сей день»[19], кроме того, она мало представлена в мировой литературе[20], также мало известно западным ученым об исследовании литературы саамов в России[21].

Автобиографическая проза есть особое, объективное явление духовной жизни, поскольку «в ней отражаются именно переломные этапы умственного развития личности, понимания человеком „себя в мире“ и „мира в себе“»[22]. Саамская литература активно стала заявлять о себе в период смены политических ориентиров и, как следствие, религиозных и нравственных установок личности.

Обращение к мемуарно-автобиографическому жанру связано с ростом социального и национального самосознания саамов, который наблюдается в последние десятилетия. Автобиографический герой саамской литературы — человек, взгляд которого обращен в прошлое, но у него нет устремленности в будущее и уверенности в том, что «оно целиком зависит от его способности двигаться вперед, идти наперекор жизненным препятствиям, умения сохранить цельность личности»[23]. Это связано с особенностями исторического развития саамского этноса, с менталитетом и вытекающим из него характером народа. Саамская автобиографическая проза не всегда характеризуется глубоким анализом тех процессов, которые влияли на судьбу этноса. Писатели часто намеками говорят о трагических событиях в истории своего народа.

Таким образом, особенности саамской мемуарно-автобиографической прозы определяются самобытной культурой народа и органической связью с историческими судьбами своей страны: Великой Отечественной войной, репрессиями, коллективизацией, перестройкой, что позволяет ей быть включенной в российский и мировой литературный контекст.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Полторацкий И. С., Силантьев И. В., Широбокова Н. Н.** Некоторые теоретические аспекты изучения младописьменных литератур // Сибир. филол. журн. 2013. № 4. С. 128.

[2] См.: **Scheller E.** Kola Sami language revitalisaition — opportunities and challenges // Ethnic and Linguistic Context of Identity : Finno-Ugric Minorities. Uralica Helsingiensia 5. Helsinki, 2011. S. 392 — 394 ; **Eadem.** The Sami Language Situation in Russia. Ibid. S.79 — 96.

[3] См.: Антология саамской литературы. Мурманск, 2012.

[4] См.: Финно-угорские народы России: генезис и развитие : учеб. пособие. Саранск, 2011 ; Финно-угорские народы России: аксиология культуры : учеб. пособие. Саранск, 2012 ; Финно-угорские народы России: диалектика жизненных ценностей : учеб. пособие. Саранск, 2013.

[5] **Антюхов А. В.** Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII в. : дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук. Брянск, 2003 [Электронный ресурс]. URL: http://cheloveknauka.com (дата обращения: 07.06.2016).

[6] **Погодина Е. В.** Специфика речевого функционирования категорий «пространство» и «время» в автобиографической прозе : дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. СПб., 2002 [Электронный ресурс]. URL: http://cheloveknauka.com (дата обращения: 05.06.2016).

[7] **Сутаева З. Р.** Жанровые особенности автобиографической и мемуарной прозы : дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1998 [Электронный ресурс]. URL: http://cheloveknauka.com (дата обращения: 04.06.2016).

[8] См.: **Огрызко В.** Литература отчаяния и надежды // Хантыйская литература. М., 2002. С. 20 ; **Соколова З.** Мир многоцветен // Там же. С. 150 ; **Бикмухаметов Р. Г.** Утверждение личности // Нанайская литература. М., 2002. С. 225.

[9] **Окорокова В. Б.** Пути и проблемы развития прозы в литературах народов Якутии, жанрово-стилевые процессы : Якут., юкагир., эвен., эвенк. проза XX в. : дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук. Якутск, 1999 [Электронный ресурс]. URL: http://www.dissercat.com (дата обращения: 07.06.2016).

[10] **Гончаров С. А., Гончарова О. М.** Этнокультурная самобытность автохтонного слова (опыт младописьменных литератур Севера, Сибири и Дальнего Востока) // Культура и текст. 2014. № 3. С. 91.

[11] **Ващенко А.** Мы – ваша совесть // Хантыйская литература. С. 290.

[12] См.: **Гачев Г. Д**. Ускоренное развитие литературы. М., 1964. С. 7.

[13] См.: **Большакова Н. П.** Тиррв — по-саамски здравствуй : Рассказы о ловозер. детстве. Мурманск, 2000.

[14] См.: **Большакова Н. П.** Подарок чайки : Сказки о Лапландии. Мурманск, 1994.

[15] **Гончаров С. А., Гончарова О. М**. Этнокультурная самобытность автохтонного слова. С. 91.

[16] Там же. С. 98.

[17] См.: **Большакова Н. П**. Гендер в саамской литературе // Гендер в творчестве современных писателей коренных народов Европейского Севера России : учеб. пособие. Петрозаводск, 2005. С. 150 — 156.

[18] **Маратканова С. С.** Автобиографический жанр в пермских литературах начала XX века : Кедра Митрей, К. Жаков : дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Саранск, 2006 [Электронный ресурс]. URL: http://www.dissercat.com (дата обращения: 09.06.2016).

[19] **Domokos J.** Bazhanov's poetical journey as a typical example for an East Saami author // Бажанов А. А. Стихи и поэмы о саамском крае = Verses & poems on the Saami land. Berlin, 2009. S. 186 — 189.

[20] См.: **Домокош П.** Этот удивительный мир // Ненецкая литература. М., 2003. С. 290 — 303.

[21] См.: **Bakula V.** Sami writers of the Kola peninsula // L'Image du Sápmi II. Örebro University, 2013. S. 444 — 459 ; **Bolchakova N.** Hommes et femmes à travers la mythologie et le folklore sames et chez les auteurs sames // Ibid. S. 460 — 485.

[22] **Маратканова С. С**. Автобиографический жанр в пермских литературах начала XX века.

[23] Там же.

Поступила 24.06.2016 г.

УДК 81′344=511.152.2

Г. С. Иванова, В. В. Кирдяев
G. S. Ivanova, V. V. Kirdyaev

ДИСТРИБУЦИЯ ФОНЕМЫ *I* В ÄКАЮЩЕМ ДИАЛЕКТЕ МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА

DISTRIBUTION OF THE PHONEME *I* IN MOKSHA DIALECT WITH ÄKANYE

Ключевые слова: мокшанский язык, диалект, фонема, гласный, дистрибуция, фонетическая позиция, аллофон, консонант.

В статье рассматривается совокупность возможных фонетических окружений, в которых встречается фонема *i* в äкающем диалекте мокшанского языка.

Key words: the Moksha language, dialect, phoneme, vowel, distribution, phonetic position, allophone, consonant.

The complex of possible phonetic environments, where the phoneme *i* in dialect with äkanye of the Moksha language can be met, is considered in the article.

В языкознании под дистрибуцией понимается класс всех контекстов, в которых может встречаться данная языковая единица, противопоставляемых всем тем окружениям, в которых она встречаться не может[1], или «распределение фонем по своим произносительным условиям»[2].

В äкающем диалекте мокшанского языка, основую часть которого составляют краснослободско-темниковские говоры[3], система вокализма состоит из семи единиц: шести гласных полного образования — *i, ä, e, u, o, a* и одной редуцированной гласной *ə* (некоторые исследователи признают две редуцированные гласные фонемы[4]).

По своим дифференциальным признакам *i* является нелабиализованным гласным переднего ряда верхнего подъема. Относительно позиции в слове фонему *i* из общемокшанского **i* можно найти лишь в первом слоге — в абсолютном начале или в первом прикрытом слоге. Однако ее употребление ограничено фонетическими позициями. Так, в начале слова *i* встречается:

— перед мягким парным консонантом, за которым следует гласный переднего ряда (VC’), например: *ir’d’əs* «ребро», *id’əms* «защитить», *id’* «ребенок», *in’əz’i* «малина», *il’i* «прут», *il’äd’* «вечер», *il’ät’* «вечером», *in’d’^z’əd’əms* «строгать»;

— реже — перед мягким парным согласным, за которым в последующем слоге стоит гласный заднего ряда, например: *is’ak* «вчера», *iz’n’ams* «победить»;

— перед твердым непарным консонантом (VCнп), за которым в последующем слоге может находиться любой по качеству гласный, например: *iməš* «ягода», *iŋgəl’* «передняя часть», *ivad’əms* / *juvad’əms* «крикнуть», *iŋgəldams* «опередить»;

— редко — перед мягким непарным *č*, например: *ičəms* «мять, разминать», *ičkəz’i* «далеко»;

© Иванова Г. С., Кирдяев В. В., 2016

— в безударной позиции — перед твердым парным консонантом (VC), например: *ila* «праздник», *isa* «ветла», *inzams* «бороновать», *inksət* «из-за тебя; за тобой».

В начале слова фонему *i* невозможно найти перед твердым парным консонантом, за которым в последующем слоге следует гласный переднего ряда или переднерядный аллофон редуцированной фонемы.

В первом прикрытом слоге употребление фонемы *i* ограничено следующими фонетическими позициями:

— СнпVC': *pin'ə* «собака», *mil'ə* «пест», *vid'ə* «прямой», *pil'ə* «ухо», *pid'əms* «сварить», *kir'd'əms* «держать, удержать», *kir'əms* «сократиться, уменьшиться»;

— C'VC': *c'il'gə* «бородавка», *s'is'əm* «семь», *n'il'ə* «четыре», *s'it'ən'* «дотошный»;

— C'VCнп: *t'ikla* «тыква», *t'išə* «трава, сено», *t'ift'ən'* «по одному», *s'ivəl'* «мясо», *s'ivəms* «съесть», *s'ift'əm* «сито», *s'ifən'd'əms* «просеять»;

— СнпVC'нп: *pičə* «сосна», *kičkər* «кривой, кривоногий», *vij* «сила», *viJn'ən'* «твою силу», *pij* «зуб», *piJt'* «зубы»;

— C'VC'нп: *l'ijəms* «лететь», *l'iJt'ama* «мы летим», *t'ijəms* «сделать», *l'iJt'ada* «вы сделаете».

Гласная фонема *i* не встречается в позиции инлаута между палатальным или палатализованным и велярным парным согласными (C'VCп, СнпVCп).

В рассматриваемом диалекте после велярного непарного *š*, независимо от качества последующего консонанта, а также после велярного парного *s* в слове *sîj* «гной» и в производных от него, вместо *i* выступает несколько отодвинутый к заднему ряду позиционный аллофон *î*, например: *šî* «солнце, день», *šîftəmə* «без солнца (дня)», *šînkcə* «из-за солнца (дня)», *šîn'* «дневной, солнечный», *šîn'ä* «солнышко»; *kšî* «хлеб», *kšîftəmə* «без хлеба», *kšîn'* «хлебный»; *sîjijaftəms* «гноиться», *sîjijaftî* «гноится», *sîji* «гнойный, гноящийся» и т. д.

В говорах с. Вертелим, Кулдым, Темяшево, Красновка, пос. Красный Старошайговского района; с. Старый Шукстелим, Новый Шукстелим, Подгорное Канаково, Польское Цыбаево, Польское Ардашево, Лесное Ардашево Темниковского района, как и в ельниковской подгруппе говоров икающего диалекта[5] с населенными пунктами Большие Мордовские Пошаты, Мордовское Корино, Большой Уркат Ельниковского района после твердого сибилянта *s* (в других диалектах *s'*) наблюдается веляризация гласной переднего ряда *i*, например: *sîvəl'* «мясо», *sîr'ə* «старый», *sîft'əm* «решето», *sîn'* «они», *sîvəms* «съесть, скушать», в других диалектах *s'ivəl'*, *s'ir'ə*, *s'ift'əm*, *s'in'*, *s'ivəms* (рис. 1).

Отметим, что варианты с аллофоном *î* появляются в тех мокшанских говорах, которые претерпели эрзянское влияние.

Иногда в одной и той же позиции наблюдается чередование *i* с *e*, например: *pir'f* «двор» и *per'ams* «отгородить»; *t'ijəms* «сделать» и *t'ev* «дело»[6].

В некоторых рыбкинско-мамолаевских говорах[7] в ударном первом слоге после велярных непарных *p*, *m*, *v* перед палатальным согласным вместо *i* первого слога отмечается гласный *ə*, например: *mər'd'ə* «муж», *pəl'ə* «ухо», *pəl'gə* «нога», *kər'd'əms* «держать, удержать»; в других говорах *mir'd'ə*, *pil'ə*, *pil'gə*, *kir'd'əms*; в группе слов *i* > *ə* и в позициях СнпVCнп, C'VC', например: *pəks* «веревка», *s't'ər'*

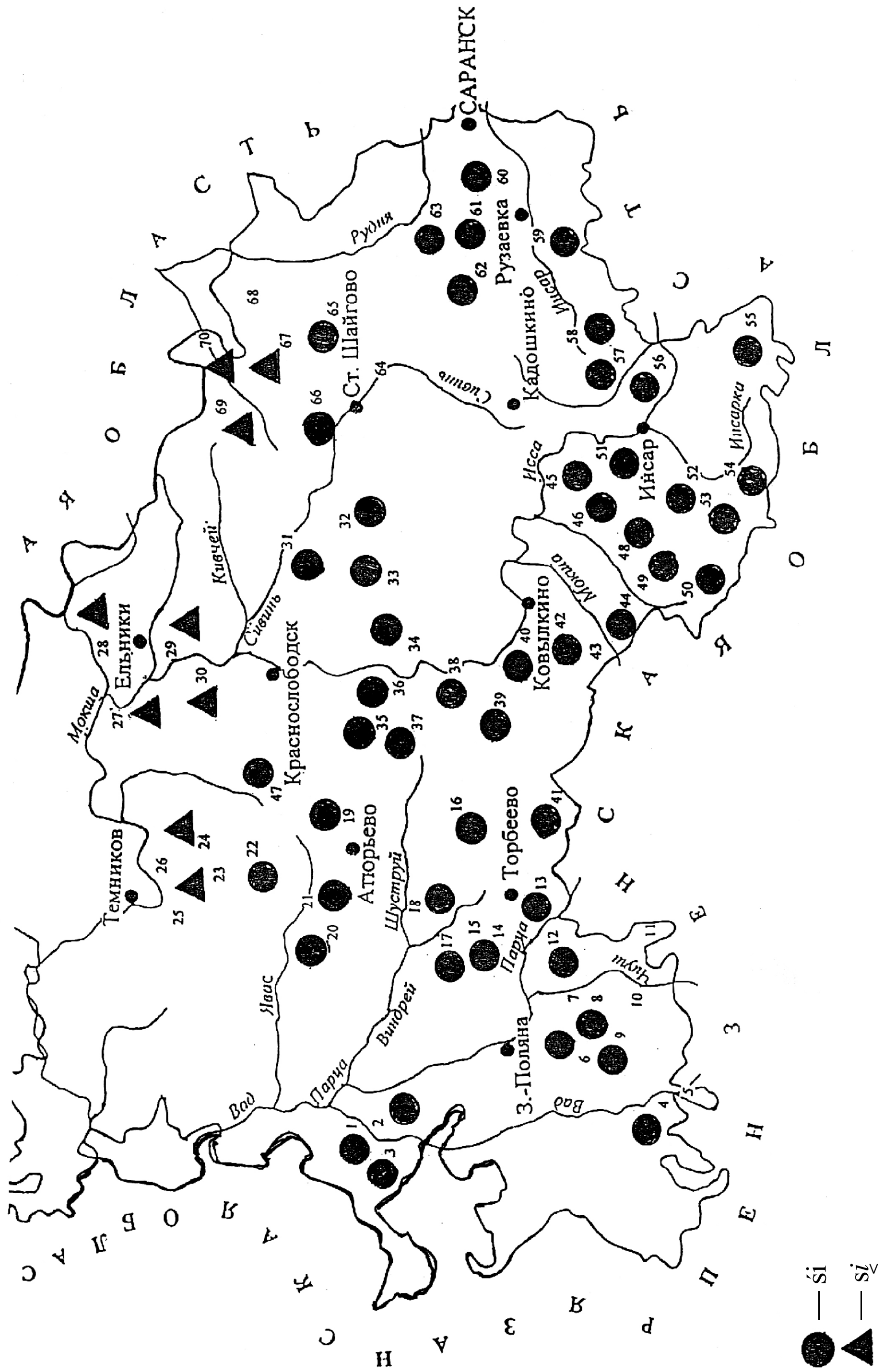

Рис. 1. Изоглоссы (s')i/(s)i

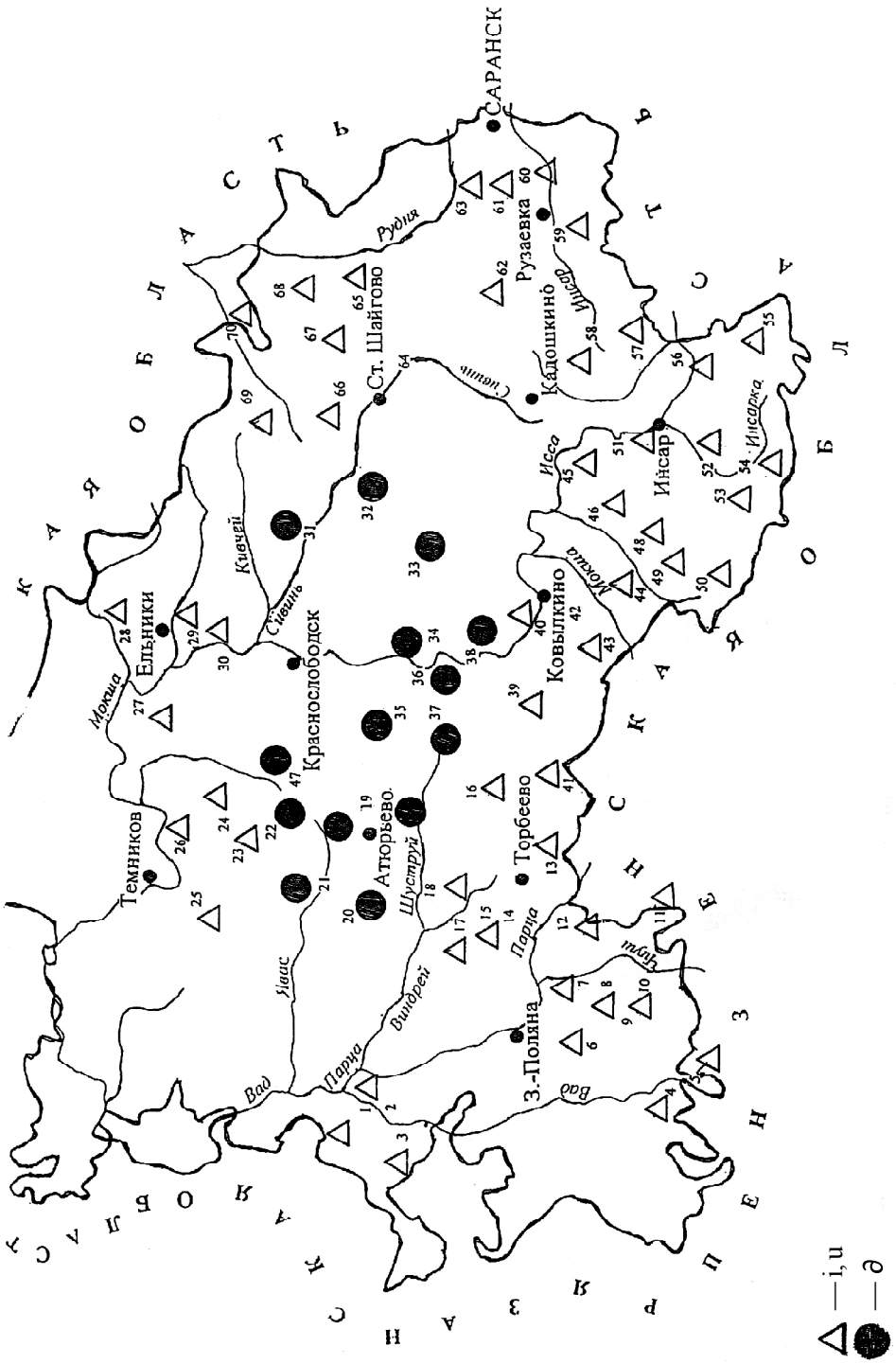

Рис. 2. Сфера распространения u // ə, i // ə в ударном первом слоге

«девушка», *kšt'ər'* «веретено», *t'əd'äj* «мама»; в других говорах äкающего диалекта *piks*, *s't'ir'*, *kšt'ir'*, *t'id'äj*.

Распространение гласного неполного образования *ə* вместо *i* наблюдается в говорах с. Старое Мамангино, Старое Синдрово, Колопино, Мамолаево, Мордовские Парки Краснослободского района; Курташки, Арга, Мордовская Козловка, Кушки Атюрьевского района; Курнино, Новое Мамангино, Рыбкино, Старая Самаевка, Волгапино Ковылкинского района. В последующем слоге обычно стоит такой же гласный неполного образования (рис. 2).

В рассматриваемом диалекте *i* первого слога под ударением может находиться в том случае, если вне первого слога:

— только гласные верхнего подъема, например: *il'i* «прут», *s'imi* «он пьет», *t'iji* «он (она) делает», *n'il'i* «он (она) глотает»;

— гласный неполного образования, например: *iL't'əms* «вывести, проводить», *pičəc* «его (ее) сосна», *pičə* «сосна», *pil'gə* «нога», *pil'gəc* «его нога»;

— узкие гласные и гласный неполного образования, например: *in'əz'i* «малина», *t'ijən'd'i* «делает», *pičəd'iJt'* «переживают», *pil'gən'd'i* «для ноги (ног)»[8].

При появлении вне первого слога широкого гласного *a* или *ä* ударение переходит на эти гласные[9], например: *s'ivəms* «съесть», *s'ivən'd'əms* «съедать», *s'ivi* «он съест», *s'iviJt'* «они съедят», но *s'ivan* «я съем», *s'ift'amə* «мы съедим», *s'ivat* «ты съешь».

Распространение фонемы *i* в непервом слоге связано с дифтонгическими сочетаниями **ij (îj)*, которые в результате исторического развития в абсолютном исходе слова сократились до гласного: *mac'i* «гусь» < **mac'ij*, *äšî* «колодец» < *äšîj*. Выпавший согласный сохранился в прикрытом слоге в форме множественного числа, где он встречается в позиции перед глухим *J*: *mac'iJ-t'* «гуси», *mac'iJ-n'ə* «эти гуси»; восстанавливается древний дифтонг **ij* перед интерфиксальным гласным в формах генитива, датива и каузатива основного склонения: *mac'ij-ə-n'*, *mac'ij-ə-n'd'i*, *mac'ij-ə-nzə*.

Итак, в äкающем диалекте мокшанского языка употребление фонемы *i* < **i* распространяется на первый слог слова; вне первого слога встречается гласный *i*, исторически восходящий к дифтонгическому сочетанию **ij*. В ряде говоров после фрикативных *š* и *ž* и сибилянта *s* выступает позиционный аллофон фонемы *i* — *î*, а в ударном первом слоге после велярных непарных *p*, *m*, *v* перед палатальным консонантом вместо *i* наблюдается редуцированный гласный *ə*.

Условные обозначения

С — консонант велярный
С' — консонат палатальный
Снп — консонант непарный велярный
С'нп — консонант непарный палатальный
V — вокал

Библиографические ссылки

[1] См.: **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 137.
[2] **Реформатский А. А.** Введение в языковедение : учебник для вузов. М., 2003. С. 217.

[3] См.: **Кукушкина Н.Ф.** Фонетика мокшанских диалектов в лингвогеографическом аспекте : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Саранск, 2012. С. 8.

[4] См.: **Феоктистов А. П.** Мокшанские диалекты // H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, 1990. S. 71 — 72 ; **Иванова Г. С., Кукушкина Н. Ф.** Степень изученности фонетического строя мокшанских диалектов // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. № 4 (20). С. 99.

[5] См.: **Иванова Г. С.** Система гласных в диалектах мокшанского языка в историческом освещении : дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук. Саранск, 2006. С. 101.

[6] Там же.

[7] См.: **Липатов С. И.** Рыбкинско-мамолаевские говоры мокша-мордовского языка : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Тарту, 1972. С. 9.

[8] См.: **Иванова Г. С.** Некоторые особенности мокшанской акцентуации // Гуманитар. науки и образование. 2014. № 3 (13). С. 105 — 106.

[9] См.: **Бубрих Д. В.** Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск, 1953. С. 172.

Поступила 01.03.2016 г.

СОБЫТИЯ. ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ

РАБОЧИЙ СЕМИНАР ОСНОВНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ НАУЧНОГО ПРОЕКТА «КРЕСТЬЯНСТВО И КАЗАЧЕСТВО В РОССИИ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: РЕГИОНАЛЬНО-НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ»*

7 июля 2016 г. в Саранске, в НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия состоялось заседание рабочего семинара основных исполнителей научного проекта РГНФ «Крестьянство и казачество в России в годы революции 1917 года и гражданской войны: регионально-национальный аспект». В мероприятии приняли участие Г. А. Куршева (Саранск), П. П. Щербинин (Тамбов), Л. В. Липатова (Ульяновск), А. В. Чернов (Саранск), Е. Н. Бикейкин (Саранск) и Т. Ю. Задкова (Саранск). Вел заседание руководитель проекта В. А. Юрчёнков.

Основными вопросами, вынесенными на обсуждение, стали подготовка сборника документов и материалов по тематике проекта, предусмотренного планом работы на 2016 г., и план-проспект коллективной монографии «Крестьянство и казачество в России в годы революции 1917 года и гражданской войны: регионально-национальный аспект».

Информацию о состоянии дел по подготовке сборника документов и материалов представил Е. Н. Бикейкин. В своем выступлении он, прежде всего, отметил, что абсолютное большинство документов, отобранных для публикации, вводятся в научный оборот впервые. Их выборка была осуществлена из Центрального государственного архива Республики Мордовия, государственных архивов Пензенской, Ульяновской и Тамбовской областей, Государственного архива новейшей истории Ульяновской области, а также из Научного архива НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Кроме того, в фондах краеведческого музея Енгалычевской средней школы Дубенского района Республики Мордовия были выявлены документы, касающиеся «чапанного» восстания.

В готовящемся сборнике представлен достаточно широкий спектр разных видов документов и материалов, включая протоколы заседаний уездных исполкомов, партийных ячеек, собраний крестьян, телеграммы, телефонограммы, постановления различных органов власти, воспоминания, выдержки из периодической печати и т. д. Как подчеркнул выступавший, хронологические рамки подборки охватывают период с конца октября 1917 г. до середины июля 1920 г.

Переходя к описанию структуры сборника, Е. Н. Бикейкин отметил, что в настоящий момент она насчитывает пять разделов.

---

* Мероприятие проведено в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-12034.

Первый раздел, получивший рабочее название «Община и революция», включает документы и материалы, содержащие информацию о сопротивлении, противостоянии общинного крестьянства, как носителей общинных традиций, землевладельцам и власти. Это противостояние проявляется в разных формах: митинги, бунты, восстания против помещиков, погромы, их подавление, практика разрешения имущественных, в первую очередь, земельных споров земельными комитетами и коллегиями, наказы крестьян уездным съездам, протоколы общих собраний сельчан, документы, характеризующие реакцию крестьянства на новую власть, ее утверждение и самые первые инициативы.

Во втором разделе — «Крестьянство и армия» — представлены документы, характеризующие отношение крестьянства к мобилизации, армии, войне в целом. Большая часть раздела отдана публикации отчета мобилизационного отдела Первой революционной армии Восточного фронта о деятельности по проведении мобилизации людей и лошадей в Симбирской губернии и о формировании пополнения воинских частей. Кроме того, в этот раздел вошли документы о дезертирстве и борьбе с ним.

В содержание третьего раздела вошли документы о крестьянском сопротивлении советской власти в самых его разнообразных проявлениях: от вооруженных массовых движений и восстаний до неповиновения властям и элементарного саботажа. Здесь также представлена информация о методах подавления такого сопротивления и профилактике антисоветских настроений. Данная часть сборника включает подразделы, в которых собраны документы и материалы о наиболее крупных и резонансных контрреволюционных выступлениях в Среднем Поволжье, в частности, подборки по восстанию в с. Лада (ныне Ичалковский район Республики Мордовия), Мироновскому мятежу, «чапанному» движению, восстанию в с. Большая Ижмора и Малая Ижмора (ныне Земетчинский район Пензенской области).

Четвертый раздел посвящен хозяйству. Вошедшие в него документы и материалы отражают экономическую политику власти на селе и состояние сельского хозяйства. В их числе следующие: решения, постановления, приказы, распоряжения органов власти по вопросам сельского хозяйства; статистические сводки и данные, как, например, сельскохозяйственная перепись 1920 г.; материалы и резолюции сельских сходов; протоколы заседаний различных органов советской власти по вопросам состояния экономики села; доклады ответственных лиц о развитии сельского хозяйства; многочисленные ходатайства и жалобы сельчан; документы, относящиеся к вопросам землепользования и распределения земель; решения земельных споров; документы об организации коллективных хозяйств; материалы, свидетельствующие о борьбе власти с негативными проявлениями в сельской экономике того времени (спекуляции, различного рода хищения и т. д.). Особо выделяется в этом разделе блок, связанный с организацией и деятельностью комбедов, а также с налогообложением сельчан.

Документы, собранные в пятом разделе, иллюстрируют, в первую очередь, состояние дел в сферах образования и здравоохранения, борьбе с социальными болезнями (пьянство, самогоноварение и т. д.) и негативные проявления в этих областях. Также здесь представлены документы о первых попытках строительства в селах и проведения электричества, организации первых сельских кинотеатров и т. п. Отдельный блок материалов связан с религиозными вопросами, а также

взаимоотношениями в системе «власть — крестьянство — церковь». И, наконец, особое место в этом разделе занимают документы, характеризующие то или иное направление политики советской власти в социокультурной сфере и ее проявление на региональном уровне.

Как подчеркнул выступавший, внутри каждого раздела документы будут располагаться в хронологическом порядке, что позволит проследить динамику событий.

Археографическое оформление документов выполняется в соответствии с действующими правилами издания исторических документов[1].

В заключение Е. Н. Бикейкин сообщил, что костяк всех пяти разделов практически сформирован, обработано в общей сложности 1024 с. текста. Завершается работа по приведению в соответствие с названными правилами оформления подборки, представленной О. А. Суховой и насчитывающей около 70 с.

В состоявшемся по итогам выступления обсуждении участниками семинара были затронуты вопросы о сроках представления дополнительных материалов для сборника, целесообразности включения в него раздела с комментариями представленных документов, а также географического и именного указателей.

Для ускорения начала работ по редактированию и верстке макета сборника было принято решение ограничить срок принятия документов до конца августа. Кроме того, чтобы избежать необходимости переработки представляемых материалов, было рекомендовано сделать рассылку вовлеченным в подготовку сборника членам проекта подготовленных к изданию документов для их использования в качестве образца для оформления.

Также было поддержано предложение П. П. Щербинина об отказе от комментариев к документам в пользу написания большой вводной статьи, которая открывала бы сборник и подробно отражала его общее содержание. Как отметил В. А. Юрчёнков, такой подход вполне приемлем и очень часто используется в изданиях такого рода[2]. По его мнению, сама публикация документа с сохранением орфографии, существовавших в тот период выражений, гораздо интереснее и гораздо весомее, чем современные комментарии.

В заключение дискуссии участники семинара согласились, что и именной, и географический указатели без сомнения усилили бы издание. Вместе с тем, оценивая потенциал именного указателя как средства отражения участия людей в исторических событиях, было принято решение включить в сборник только именной указатель, и поддержана инициатива Л. В. Липатовой выступить в качестве его составителя.

Работа семинара была продолжена обсуждением плана-проспекта коллективной монографии, изданием которой, по условиям конкурса РГНФ, должна завершиться работа по проекту. В начале своего выступления В. А. Юрчёнков отметил, что представляемый план-проспект носит рабочий характер и по итогам коллегиального осмысления предполагается его доработка и уточнение с учетом мнения членов авторского коллектива.

---

[1] См.: Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990.

[2] См., например: Пензенская губерния в годы Первой мировой войны. 1914 — март 1918 : в 2 кн. Прага, 2014 ; Великая Отечественная война: устная история : Свидетельства участников боев, работников тыла и детей войны : в 5 т. Саранск, 2015.

Выступавший высказал предположение, что название монографии будет созвучно названию самого проекта. Он предложил открыть книгу историографическим разделом, основной тематикой которого станут крестьянский вопрос как фактор революции и Гражданской войны в российской провинции, крестьяноведение и проблемы социальных конфликтов, историографии крестьянства и казачества. Таким образом, первые две темы будут иметь теоретический характер, а оставшиеся — историографическими, предполагающими не обзор, а историографический анализ рассматриваемых вопросов. По мнению В. А. Юрчёнкова, данный раздел является наиболее проработанным, с достаточно понятным кругом возможных авторов, включая самого докладчика, Д. И. Люкшина и др. В качестве имеющегося задела рассматривается уже опубликованная историографическая статья по крестьянству[3], а также работа, которая ведется по историографии казачества.

Тематика второго раздела — Первая мировая война и крестьянство российской провинции — по мнению В. А. Юрчёнкова, может быть связана, прежде всего, с мобилизационными кампаниями, а именно деятельностью местных властей и оценками крестьянством их действий. Здесь же можно рассмотреть массовые настроения и социальное поведение провинциального крестьянства, военные реалии и систему управления на местах, войну как вызов массовому сознанию. В раскрытии этих тем основным ориентиром являются исследования О. А. Суховой по Пензенской и, частично, Самарской и Саратовской территориям[4].

Кроме того, было предложено включить в раздел тему повседневной жизни россиянок и нижних чинов, женщин в русской армии, крестьянок в русской армии и т. п., рассматривая в качестве ее основного автора П. П. Щербинина, который разрабатывает, в том числе, и эти вопросы[5].

Для этого раздела можно использовать и сюжет о мордовском казачестве накануне 1917 г., который, как подчеркнул выступавший, возник благодаря выяв-

---

[3] См.: **Юрчёнков В. А., Куршева Г. А., Чернов А. В.** Крестьянство в период социальных конфликтов первой четверти XX в.: реалии современного историографического осмысления // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 3 (37). С. 93 — 104.

[4] См.: **Сухова О. А.** Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. 1902 — 1922 гг. : (По материалам Сред. Поволжья) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. Самара, 2007 ; **Ее же.** Мобилизационные кампании периода Первой мировой войны в восприятии и поведении российского крестьянства: итоги и перспективы изучения проблемы // Изв. высших учеб. заведений : Поволж. регион : Гуманитар. науки. 2014. № 1 (29). С. 39 — 49 ; **Ее же.** «Подумайте, какая радость великая стала будто бы похоже на мир»: социальное восприятие реалий Первой мировой войны : (По документам личного происхождения) // Центр и периферия. 2014. № 2. С. 24 — 31 ; **Ее же.** История повседневности эпохи Первой мировой войны: методология и источники // Вестн. архивиста. 2014. № 3. С. 35 — 51 ; **Белоусов С. В., Сухова О. А., Юдин С. О.** Пензенская губерния в эпоху Первой мировой войны. Пенза, 2015.

[5] См.: **Щербинин П. П.** Женщины в русской армии в XVIII — XIX вв. // Военно-историческая антропология : ежегодник. 2005/2006. М., 2007. С. 359 — 366 ; **Его же.** Правовой статус солдатских жен в Российской империи в XIX в. // Вестн. Тамбов. ун-та. 2009. Ч. 1. С. 230 — 238 ; **Его же.** Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в 18 — начале 20 в. Saarbrucken, 2010 ; **Его же.** Пропедевтика революционного сознания аграрного социума периода Первой мировой войны 1914 — 1918 гг. сквозь призму гендерного анализа // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 3 (35). С. 33 — 45 ; **Щербинин П. П., Алехина Е. В., Двухжилова И. В.** Патриотическая деятельность тамбовского земства в годы Первой мировой войны 1914 — 1918 гг. Тамбов, 2015.

ленным в Научном архиве НИИГН записям по мордовскому казачеству (Оренбургское казачество). В перспективе эта часть может быть расширена за счет материалов по Донскому и Симбирскому казачествам с привлечением к авторской работе Л. В. Липатовой.

В целом, было отмечено, что раздел будет иметь вводный характер и будет раскрывать предпосылки ситуации 1917 г. и Гражданской войны.

Для названия третьего раздела была предложена формулировка «Смута и „общинная революция“», а для его основной тематики — события 1917 г. На основе предложений О. А. Суховой, Д. И. Люкшина и А. В. Посадского, в данной части для рассмотрения были обозначены вопросы, включающие политико-правовую сферу в крестьянском сознании в 1917 г., крестьянскую войну в Пензенской губернии образца 1917 г., «черный передел» земли и власти в Казанской губернии, крестьянскую революцию в казармах гарнизонов Казанского военного округа, крестьянство в политическом процессе и крестьянские организации[6]. В качестве своеобразного итога — тема взаимоотношения крестьянства и власти на уровне волости. В. А. Юрчёнков отметил, что задел на примере Мордовии уже сделан, проанализирован материал вплоть до сельских Советов (их формирование) и рассмотрен до уровня волости[7].

По мнению выступавшего, тематика раздела требует дальнейших размышлений и внесения предложений.

Следующий раздел посвящен собственно Гражданской войне. Для этой части О. А. Сухова предложила тему рождения нового мира — управление в условиях Гражданской войны. В. А. Юрчёнков выразил готовность предоставить материал по советскому строительству в Мордовии и регионе в целом. Темы, связанные с социально-экономическими представлениями крестьянства и образами «новой власти» в представлениях крестьян, предлагаются как своеобразный выход из общинной революции с опорой на материалы Д. И. Люкшина[8] и О. А. Суховой[9]. Здесь же может быть рассмотрена тема крестьянства и военной службы, включая дезертирство, на основе работ А. В. Посадского[10], а также всех, кто готов участвовать в ее раскрытии. Со своей стороны В. А. Юрчёнков предложил для данного раздела тему военно-мобилизационных мероприятий с опорой на материалы Первой армии Восточного фронта, связав монографию с готовящимся сборником документов. Как было подчеркнуто, она формировалась на территории Пензенской и Симбирской губерний, действовала на территории Самарской и Саратовской губерний,

---

[6] См.: **Посадский А. В.** Военно-политическая самоорганизация российского крестьянства в 1905 — 1945 годах : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. Саратов, 2004 ; **Люкшин Д. И.** Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006 ; **Сухова О. А.** «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века : (По материалам Сред. Поволжья). Пенза, 2007.

[7] **Юрчёнков В. А.** Крестьянство и власть (1917 — весна 1918 г.): уровень волости // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 3 (35). С. 55 — 77.

[8] **Люкшин Д. И.** Указ. соч.

[9] **Сухова О. А.** Указ. соч.

[10] См.: **Посадский А. В.** Крестьянское добровольчество в Красную Армию 1918 года : (Опыт регион. анализа) // СОЦИС. 2006. № 10. С. 132 — 137 ; Крестьянский фронт 1918 — 1922 гг. : сб. ст. и материалов. М., 2015.

пошла в Среднюю Азию и, таким образом, анализом может быть охвачен весь регион. Также было высказано предложение рассмотреть в разделе вопросы аграрной политики, социализации земли в условиях возникновения голода 1921 г. и крестьянского хозяйства, увязывая последнюю со сборником документов. По мнению выступавшего, представляемый раздел имеет шанс стать самым весомым и объемным.

Основное тематическое направление пятого раздела — крестьянское сопротивление. При формировании ее содержания были принять во внимание предложения А. В. Посадского о включении темы массовых выступлений крестьян, их механизмов и разновидностей, рассмотрении повстанческой и партизанской борьбы крестьянства с охватом территорий, которые были под Комучем в 1917 г., и феномена крестьянской самообороны. Также было учтено предложение О. А. Суховой по теме социального протеста в 1918 — 1922 гг. и самого докладчика — по крестьянским выступлениям в мордовском регионе. Было подчеркнуто, что данный раздел может получиться достаточно большим и весомым, так как его тематика имеет актуальный характер.

Далее В. А. Юрчёнков предложил раздел, связанный с вожаками крестьянского и казачьего движений. Основным материалом для него послужат исследования А. В. Посадского, связанные с вожаками германской и Гражданской войн, атаманщины[11]. Было высказано предложение Л. В. Липатовой, имеющей работы по данной тематике[12], подключиться к написанию раздела. Также отмечена готовность предоставить материал, использованный в статье о Ф. К. Миронове[13], где проанализирована написанная им в Саранске программа крестьянской и казачьей партии.

Заключительным, по мнению В. А. Юрчёнкова, мог бы стать раздел монографии, связанный с вопросами социокультурного развития. В его содержание вписываются темы становления системы народного образования[14], языкового строительства[15], языка Гражданской войны — языка прокламаций, всей ритори-

---

[11] См.: **Посадский А. В.** Указ. соч. ; **Его же.** Великая война и военные карьеры простолюдинов Гражданской войны: тезисные соображения // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 1. Архангельск, 2014. С. 58 — 62 ; «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры : сб. ст. и материалов. М., 2015.

[12] См.: **Липатова Л. В.** Время и люди: обобщенный портрет лидеров поволжских Советов рабочих и солдатских депутатов в 1917 году // Вестн. Евразии. 2003. № 3. С. 98 — 120.

[13] См.: **Юрчёнков В. А.** Ф. К. Миронов как идеолог казачества и крестьянства // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 4 (36). С. 74 — 82.

[14] См.: **Куршева Г. А.** Образование и власть в Мордовии. 1917 — 1941 гг. Саранск, 2007 ; **Ее же.** Подготовка педагогических кадров в 1917 — 1928 гг. : (По материалам Поволжья) // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. № 4 (20). С. 55 — 62 ; **Ее же.** Становление системы образования в Поволжье в 20-е гг. XX в. (историографический обзор) // Там же. 2012. № 2 (22). С. 65 — 72 ; **Ее же.** Формирование советской модели системы народного образования и крестьянство: региональный аспект // Там же. 2015. № 3 (35). С. 87 — 102.

[15] См.: **Чернов А. В.** Особенности языкового строительства в Мордовии в 1920 — 30-е гг. // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. № 4. С. 156 — 164 ; **Его же.** Языковые конференции и национальное языковое строительство в мордовском крае в XX веке // Национальное языковое строительство в мордовском крае в XX веке : в 3 т. Саранск, 2015. Т. 1. С. 7 — 27 ; **Его же.** Национально-языковые вопросы в контексте событий российской истории начала XX века // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 1 (37). С. 19 — 27.

ки Гражданской войны. Здесь же, по мнению выступавшего, могла бы быть реализована идея отражения Гражданской войны в художественной литературе, особенно в произведениях, которые авторы выпускали в 1920-е гг., например, Артём Весёлый «Россия, кровью умытая»[16].

В продолжение дискуссии В. А. Юрчёнковым был сформулирован ряд принципиальных, с его точки зрения, для монографии вопросов, ответы на которые должны быть выработаны коллегиально в результате обсуждения.

Прежде всего, это вопрос хронологии, вытекающий из самой формулировки и проекта, и монографии. По мнению выступавшего, он следует из дискуссионного характера периодизации Гражданской войны, т. е. ее начала и окончания. В этом контексте участники семинара обсудили существующие концептуальные позиции[17] и приняли решение ограничить хронологические рамки сборника документов 1917 — 1920 гг., а коллективную монографию — 1917 — 1922 гг.

По вопросу толкования термина «общинная революция» участники семинара согласились продолжить его осмысление, принимая во внимание материалы Д. И. Люкшина и О. А. Суховой.

Такое же мнение было высказано в отношении проблемы вожаков, кого относить к данной категории, а также целесообразности введения в монографию проблемы политических партий в контексте обсуждения крестьянства и казачества.

Кроме того, был предложен на осмысление вопрос самого казачества: насколько тезис В. П. Данилова и Т. Шанина о совпадении интересов крестьянства и казачества действительно реален в условиях, когда в целом по стране у крестьян была проблема земли, а у казаков ее не было. Земли хватало, но на Дону у казаков была проблема иногородних. При этом в Сибири и в Оренбуржье она отсутствовала.

Было подчеркнуто, что все поставленные вопросы имеют теоретико-методологический характер и будут присутствовать в монографии.

В заключение участники семинара вынесли решение принять представленный план-проспект монографии в качестве рабочей основы.

Подготовил *А. В. Чернов*.

---

[16] **Артём Весёлый.** Россия, кровью умытая. Куйбышев, 1979.

[17] Имеются в виду, прежде всего, подходы авторов пятитомной «Истории Гражданской войны в СССР» Т. Шанина, В. П. Данилова, В. Д. Поликарпова, В. В. Кондрашина и др.

РЕЦЕНЗИИ

Чушкин А. М. *Демографическая ситуация Республики Мордовия на современном этапе / А. М. Чушкин, Н. Н. Логинова, Т. П. Реброва ; М-во образования и науки РФ, М-во по нац. политике РМ. — Саранск, 2015. — 164 с.*

Изучение демографической ситуации является ключевой темой, своеобразной константой познавательного интереса не только для социологов, демографов и исследователей других гуманитарных направлений, но и политологов и специалистов любого уровня, занимающихся проблемами управления и прогнозирования, к мнению которых следует прислушиваться во избежание научно-теоретической и практической ассиметрии при разработке стратегических планов, концепций, доктрин, стратегий, программ и проектов социально-экономического развития территории. С 1992 г. демографические показатели в России характеризовались сокращением общей численности населения и некоторым прогрессом в рождаемости и средней продолжительности жизни. Согласно среднему варианту прогноза Госкомстата (на основе данных Всероссийской переписи населения 2002 г.), к 2026 г. прогнозируется стремительная естественная убыль трудоспособного населения страны, что позволяет специалистам оценить современное демографическое положение Мордовии как беспрецедентное для мирного времени. Установившийся в настоящее время в республике тип воспроизводства населения — сверхвысокая смертность и сверхнизкая рождаемость — характерен только для длительно воющих стран. Иммиграция превращается в одно из стратегических направлений государственной миграционной политики, и в этом плане Мордовия является одной из наиболее проблемных национальных республик России. Из 14 регионов ПФО к 1999 г. численность населения (по сравнению с 1989 г.) сократилась в четырех: в Кировской области — на 6,1 %, Пермском крае — на 4,4, Нижегородской области — на 1,5 и в единственной из шести национальных республик — Мордовии — на 3,6 %, что актуализирует любые демографические исследования. Рецензируемая коллективная монография «Демографическая ситуация в Республике Мордовия на современном этапе» А. М. Чушкина, Н. Н. Логиновой и Т. П. Ребровой посвящена именно этим проблемам, в чем и заключается ее прикладная ценность.

В работе авторы обращают пристальное внимание на региональные аспекты и основные тенденции развития демографических процессов в Мордовии. Они отмечают, что «в настоящее время темпы сокращения численности населения в регионе остаются одними из самых высоких. Несмотря на некоторый рост рождаемости и сокращение смертности населения, Мордовия по-прежнему входит в число наиболее демографически неблагоприятных регионов России, а демографическая ситуация выступает в качестве важного фактора, сдерживающего региональное развитие. Активная социально-демографическая политика, проводимая

федеральными и региональными властями, несколько улучшила, но радикально не изменила сложившуюся демографическую ситуацию» (с. 5).

В первой главе на уровне муниципальных образований и городов анализируется демографическая картина в регионе. При этом авторы оперируют появившимся с конца 1970-х гг. в научных трудах термином «социальная демография», или «социодемография». Комплекс специфичных объективных и субъективных факторов для каждой конкретной территории они ранжируют на группы (демографические, социальные, экономические, экологические и расселенческие), закономерно объясняя их проявления, взаимодействия с региональным социумом, условия регулирования, а также четкое пространственное выражение в условиях глобализации и геодемографического поведения населения России (с. 9 — 14).

При описании специальных методов изучения демографической ситуации в регионе авторы указывают не только на сложности, связанные с поиском эмпирических взаимосвязей в обширном цифровом материале, отсутствием соответствия демографической информации (как первичной, так и вторичной) определенным требованиям (полноты, детализированности, многоаспектности и систематичности) с целью проведения мониторинга динамики ее наиболее важных показателей (индикаторов), отражающих оценки и сопоставления различных характеристик жизни индивида, но и на непригодность применения западных теорий, концепций и понятийно-концептуального аппарата к российским стандартам, что, по мнению исследователей, снижает качество проводимых работ, а следовательно, не дает возможности корректировать курс социально-экономических реформ и демографических программ (с. 14 — 15).

Прикладной блок монографии (вторая и третья главы) представлен значительным объемом статистической и фактической информации, всесторонне характеризующей изучаемые процессы и явления. На основе достоверных источников и статистических данных авторы рассматривают исторические предпосылки, условия и факторы формирования современной демографической ситуации в Республике Мордовия, динамику и компоненты изменения численности населения, плотность и его размещение, формирование половозрастной и этнической структуры, современную картину расселения мордвы, русских и татар на территории республики, основные тенденции и особенности естественного и механического движения населения, динамику бракосочетания и развода, влияния миграционных процессов на формирование населения региона (с. 45 — 132).

Бесспорным преимуществом этих разделов являются хорошо в картографическом плане выполненные графические объекты, сопутствующие текстовому материалу, которые позволяют идентифицировать удобную для зрительного наблюдения и анализа информацию или явление. Хотя проигрышными являются их масштаб и отсутствие цветовой палитры, которые, по сути, не ставятся в вину авторскому коллективу, скорее, упираются в финансовую составляющую. Другим достоинством работы являются умело применяемые авторами историко-географические аспекты, которые прослеживаются практически по всему формату исследования. Легкий и доступный для восприятия стиль подачи материала, сопровождаемый системой ссылок на используемые источники и приложения, привлекает внимание как специалиста, так и рядового читателя. Высокой оценки заслуживает информация, приведенная исследователями в приложении, свя-

занная с демографической ситуацией в муниципальных образованиях Республики Мордовия по демотипу, уровню рождаемости, смертности, показателям естественной убыли населения, младенческой смертности, смертности от внешних причин, доле населения трудоспособного возраста, демографической нагрузке населения, соотношению между численностью мужчин и женщин, доле женщин репродуктивного возраста, а также уровню депопуляции.

Итогам многолетней работы авторов по анализу региональной демографической политики посвящена четвертая глава исследования. Основываясь на прогнозе Мордовиястата по динамике показателей естественного движения населения на период до 2030 г., авторы рассматривают различные варианты развития демографических процессов, в основном нерадушные, а также возможности их корректировки на федеральном и региональном уровнях (с. 133 — 148). Демографические угрозы по-прежнему связываются с естественной убылью населения, которая, по мнению А. М. Чушкина, Н. Н. Логиновой и Т. П. Ребровой, будет оставаться в ближайшие годы одной из самых высоких среди регионов ПФО. Кроме того, на общее сокращение численности населения до 2030 г. и дальше будут влиять миграционный отток, изменения в репродуктивном поведении населения, рост общего коэффициента смертности и показателя старения населения, обусловливающие ряд негативных закономерностей в изменении явлений экономического и демографического свойства.

В заключительной части монографии излагаются предложения по улучшению сложившейся ситуации в регионе на основе научно обоснованной Концепции демографической политики в регионе, реализация которой, как считают ее авторы, должна учитывать правовое регулирование демографической политики, возрождение позитивного отношения к институту семьи и его ценностям, расширение мероприятий по увеличению продолжительности жизни, сокращению смертности и укреплению здоровья населения, охрану матери и ребенка, развитие сети перинатальных центров, профилактику и снижение числа абортов, повышение уровня и качества жизни. Необходимо согласиться и с такими авторскими замыслами, как радикальная социально-экономическая реконструкция производственной и социальной сфер экономики, позиционирование на национальной объединяющей идее и позитивной социальной перспективе, сосредоточенной на материальной и духовно-нравственной платформе, социальной защите брачно-семейных отношений и возрождении фамилистической культуры общества.

В целом монография высоко оценивается в научном и практическом планах. Исследование следует продолжить в направлении изучения динамики половозрастной, брачной, образовательной, национальной и других структур населения, изменений в его расселении по территории (городское и сельское население), распределения по числу членов домохозяйств, уровню и структуре доходов, статусу занятости, состоянию здоровья, социальной стратификации, соотношению показателей с другими регионами и странами по индексу развития человеческого потенциала.

Л. Н. Липатова,
доктор социологических наук, доцент,
И. Г. Кильдюшкина,
кандидат исторических наук, доцент.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алметева Ирина Витальевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Марийского государственного университета, e-mail: almetevaiv@gmail.com

Антонов Юрий Григорьевич — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой финно-угорских литератур Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: antonov-ug69@yandex.ru

Арапова Юлия Викторовна — аспирант кафедры Российской истории Самарского национального исследовательского университета им. С. П. Королева, e-mail: arapovay84@gmail.com

Артамонова Людмила Михайловна — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Отечества Самарского государственного института культуры, e-mail: artamonovoi@mail.ru

Бакула Виктория Борисовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и массовых коммуникаций Мурманского арктического государственного университета, e-mail: museum-vs@yandex.ru

Бибин Михаил Андреевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории НИИГН, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Бикейкин Евгений Николаевич — кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом истории НИИГН, e-mail: otdel_ istorii@mail.ru

Булавин Антон Викторович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела региональных исследований и программ НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Видяйкин Сергей Васильевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории НИИГН, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Галеева Мариям Арслановна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета, e-male: galeeva_mariyam@mail.ru

Глазкова Елена Вячеславовна — ведущий научный сотрудник — заведующий редакционно-издательской лабораторией отдела информационно-аналитического обеспечения исследований НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Гурьянова Любовь Александровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания НИИГН, e-mail: guniign@ list.ru

Гусева Татьяна Михайловна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник — заведующий отделом теории и истории культуры НИИГН, e-mail: tatiana. guseva@mail.ru

Задкова Татьяна Юрьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории НИИГН, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Зарубина Ольга Владимировна — главный научный сотрудник — заведующий отделом периодических изданий НИИГН, e-mail: vestnikniign@list.ru

Зоркова Нина Николаевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории НИИГН, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Зубов Игорь Васильевич — кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Иванов Ананий Герасимович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Марийского государственного университета, e-mail: anani@marsu.ru

Иванова Галина Софроновна — доктор филологических наук, профессор кафедры мордовских языков Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, e-mail: galina17-05@yandex.ru

Ивлиев Сергей Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории НИИГН, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Каланов Валерий Александрович — научный сотрудник отдела информационно-аналитического обеспечения исследований НИИГН, e-mail: guniign@ list.ru

Калинин Максим Александрович — аспирант отдела региональных исследований и программ НИИГН, e-mail: kma_im@list.ru

Каторова Александра Михайловна — доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Келина Антонина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом языкознания НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Кемаев Евгений Николаевич — научный сотрудник отдела археологии НИИГН, e-mail: evg.kemaev@yandex.ru

Кильдюшкина Ирина Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом региональных исследований и программ НИИГН, e-mail: irakil1967@mail.ru

Кильдюшкина Татьяна Ивановна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела периодических изданий НИИГН, e-mail: tiev@mail.ru

Кирдяев Виктор Васильевич — аспирант отдела языкознания НИИГН, e-mail: kirdyaev93@mail.ru

Куршева Галина Александровна — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Липатова Людмила Николаевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, e-mail: ln.lipatova@yandex.ru

Ломшин Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом информационно-аналитического обеспечения исследований НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Лушин Александр Иванович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии Северо-Западного института управления — филиал РАНХиГС, e-mail: sziu@sziu.ru

Люкшин Дмитрий Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета, e-mail: 1dlyuksh@kpfu.ru

Никонова Людмила Ивановна — доктор исторических наук, профессор главный научный сотрудник — заведующий отделом этнографии и этнологии НИИГН, e-mail: congress7@ list.ru

Охотина Татьяна Николаевна — старший научный сотрудник отдела этнографии и этнологии НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Пивцайкина Ольга Александровна — научный сотрудник отдела теории и истории культуры НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Пронин Александр Сергеевич — научный сотрудник отдела археологии НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Ставицкий Владимир Вячеславович — доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом археологии НИИГН, e-mail: stawiczky.v@yandex.ru

Сульдина Людмила Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Торопова Мария Михайловна — научный сотрудник отдела этнографии и этнологии НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Учватов Павел Сергеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела информационно-аналитического обеспечения исследований НИИГН, e-mail: uchvatov.pavel@yandex.ru

Филонов Александр Анатольевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Марийского государственного университета, e-mail: fil88meat@rambler.ru

Цыплякова Ольга Юрьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания НИИГН, e-mail: guniign@ list.ru

Чернов Алексей Викторович — кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора — ученый секретарь НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Четаева Кристина Геннадьевна — аспирант отдела региональных исследований и программ НИИГН, e-mail: kg_kiseleva@inbox.ru

Чубриков Николай Вячеславович — аспирант отдела региональных исследований и программ НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Шеянова Ирина Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Шеянова Светлана Васильевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры финно-угорских литератур Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: sheyanovas@mail.ru

Шкердина Надежда Олеговна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры НИИГН, e-mail: Shnadejda@bk.ru

Щербаков Юрий Вадимович — преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева, e-mail: vatt@mail.ru

Щукин Григорий Матвеевич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела региональных исследований и программ НИИГН, e-mail: shukin_grigorim@mail.ru

Щукин Дмитрий Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры НИИГН, e-mail:schukin53@rambler.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Almeteva Irina Vitalyevna — Candidate of History, Associate Professor of Department of National History, Mari State University, e-mail: almetevaiv@gmail.com

Antonov Yury Grigoryevich — Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Finno-Ugric Literatures, N. P. Ogarev Mordovia State University, e-mail: antonov-ug69@yandex.ru

Arapova Yuliya Viktorovna — Postgraduate Student of Department of Russian History, Samara National Research University named after S. P. Korolev, e-mail: arapovay84@gmail.com

Artamonova Lyudmila Mikhaylovna — Doctor of History, Professor, Head of Department of History of Fatherland, Samara State Institute of Culture, e-mail: artamonovoi@mail.ru

Bakula Viktoriya Borisovna — Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian Philology and Mass Communications, Murmansk Arctic State University, e-mail: museum-vs@yandex.ru

Bibin Mikhail Andreyevich — Doctor of History, Leading Researcher of Department of History, NIIGN, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Bikeykin Evgeny Nikolayevich — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Principal Researcher – Head of Department of History, NIIGN, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Bulavin Anton Viktorovich — Candidate of Philosophy, Senior Researcher of Department of Regional Studies and Programs, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Vidyaikin Sergey Vasilyevich — Candidate of History, Senior Researcher of Department of History, NIIGN, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Galeeva Mariyam Arslanovna — Candidate of History, Associate Professor of Department of National History of Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan (Volga Region) Federal University, e-mail: galeeva_mariyam@mail.ru

Glazkov Elena Vyacheslavovna — Leading Researcher — Head of Editorial and Publishing Laboratory of Department for Information and Analytical Support of Studies, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Guryanova Lubov Aleksandrovna — Candidate of Philology, Senior Researcher of Department of Linguistics, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Guseva Tatyana Mikhaylovna — Doctor of History, Principal Researcher — Head of Department of Theory and History of Culture, NIIGN, e-mail: tatiana.guseva@mail.ru

Zadkova Tatyana Yuryevna — Candidate of History, Senior Researcher of Department of History, NIIGN, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Zarubina Olga Vladimirovna – Principal Researcher — Head of Department of Periodicals, NIIGN, e-mail: vestnikniign@list.ru

Zorkova Nina Nikolayevna — Candidate of History, Senior Researcher of Department of History, NIIGN, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Zubov Igor Vasilyevich — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Principal Researcher — Head of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Ivanov Anany Gerasimovich — Doctor of History, Professor, Head of Department of National History, Mari State University, e-mail: anani@marsu.ru

Ivanova Galina Sofronovna — Doctor of Philology, Professor of Department of Mordovian Languages, N. P. Ogarev Mordovia State University, e-mail: galina17-05@yandex.ru

Ivliev Sergey Aleksandrovich — Candidate of History, Senior Researcher of Department of History, NIIGN, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Kalanov Valery Aleksandrovich — Researcher of Department for Information and Analytical Support of Studies, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Kalinin Maksim Aleksandrovich — Postgraduate Student of Department of Regional Studies and Programs, NIIGN, e-mail: kma_im@list.ru

Katorova Aleksandra Mikhaylovna — Doctor of Pedagogics, Professor, Leading Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Kelina Antonina Nikolayevna — Candidate of Philology, Associate Professor, Principle Researcher — Head of Department of Linguistics, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Kemaev Evgeny Nikolayevich — Researcher of Department of Archaeology, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Kildyushkina Irina Gennadyevna — Candidate of History, Associate Professor, Principal Researcher — Head of Department of Regional Studies and Programs, NIIGN, e-mail: irakil1967@mail.ru

Kildyushkina Tatyana Ivanovna — Candidate of History, Senior Researcher of Department of Periodicals, NIIGN, e-mail: tiev@mail.ru

Kirdyaev Viktor Vasilyevich — Postgraduate Student of Department of Linguistics, NIIGN, e-mail: kirdyaev93@mail.ru

Kursheva Galina Aleksandrovna — Doctor of History, Professor, Deputy Director on Scientific Work, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Lipatova Lyudmila Nikolayevna — Doctor of Sociology, Leading Researcher of Department of Regional Studies and Programs, NIIGN, e-mail: ln.lipatova@yandex.ru

Lomshin Vladimir Aleksandrovich — Candidate of History, Associate Professor, Principal Researcher — Head of Department for Information and Analytical Support of Researchers, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Lushin Aleksandr Ivanovich — Doctor of History, Professor of Department of History and Political Science of Northwestern Institute of Management — Branch of RANEPA, e-mail: sziu@sziu.ru

Lyukshin Dmitry Ivanovich — Candidate of History, Assistant Professor of Department of National History of Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan (Volga Region) Federal University, e-male: 1dlyuksh@kpfu.ru

Nikonova Lyudmila Ivanovna — Doctor of History, Professor, Principal Researcher — Head of Department of Ethnography and Ethnology, NIIGN, e-mail: congress7@list.ru

Okhotina Tatyana Nikolayevna — Senior Researcher of Department of Ethnography and Ethnology, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Pivtsaykina Olga Aleksandrovna — Researcher of Department of Theory and History of Culture, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Pronin Aleksandr Sergeyevich — Researcher of Department of Archaeology, NIIGN, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich — Doctor of History, Associate Professor, Principal Researcher — Head of Department of Archaeology, NIIGN, e-mail: stawiczky.v@yandex.ru

Suldina Lyudmila Viktorovna — Candidate of History, Senior Researcher of Department of Theory and History of Culture, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Toropova Mariya Mikhaylovna — Researcher of Department of Ethnography and Ethnology, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Uchvatov Pavel Sergeyevich — Postgraduate Student of Department of History, NIIGN, e-mail: uchvatov.pavel@yandex.ru

Filonov Aleksandr Anatolyevich — Candidate of History, Senior Lecturer of Department of National History, Mari State University, e-mail: fil88meat@rambler.ru

Tsyplyakova Olga Yuryevna — Candidate of Philology, Senior Researcher of Department of Linguistics, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Chernov Aleksey Viktorovich — Candidate of Philology, Associate Professor, Deputy Director — Academic Secretary, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Chetaeva Kristina Gennadyevna — Postgraduate Student of Department of Regional Studies and Programs, NIIGN, e-mail: kg_kiseleva@inbox.ru

Chubrikov Nikolay Vyacheslavovich — Postgraduate Student of Department of Regional Studies and Programs, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Sheyanova Irina Ivanovna — Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Sheyanova Svetlana Vasilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Finno-Ugric Literatures, N. P. Ogarev Mordovia State University, e-mail: sheyanovas@mail.ru

Shkerdina Nadezhda Olegovna — Candidate of History, Associate Professor, Senior Researcher of Department of Theory and History of Culture, NIIGN, e-mail: shnadejda@bk.ru

Shcherbakov Yury Vadimovich — Lecturer of Department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines, Military Academy of Logistics named after General of the Army A. V. Khrulyov, e-mail: vatt@mail.ru

Shchukin Dmitry Sergeyevich — Candidate of History, Senior Researcher of Department of Theory and History of Culture, NIIGN, e-mail: schukin53@rambler.ru

Shchukin Grigory Matveyevich — Candidate of Economics, Senior Researcher of Department of Regional Studies and Programs, NIIGN, e-mail: shukin_grigorim@mail.ru

СОКРАЩЕНИЯ

АП РФ — Архив Президента Российской Федерации

ГА РМЭ — Государственный архив Республики Марий Эл

ГАКО — Государственный архив Кировской области

ГАСО — Государственный архив Саратовской области

ГАУО — Государственный архив Ульяновской области

КубГАУ — Кубанский государственный аграрный университет

НА РТ — Национальный архив Республики Татарстан

НИИГН — Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

РГВА — Российский государственный военный архив

ЦАНО — Центральный архив Нижегородской области

ЦГАСО — Центральный государственный архив Самарской области

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2016 г.

Научные статьи

Исторические науки и археология

Алметева И. В., Иванов А. Г., Филонов А. А. Материалы отчетов уездных управ как источник по изучению марийской школы второй половины XIX — начала XX в. — № 4

Арапова Ю. В. Социальный портрет городского головы губернских городов Поволжья в конце XIX — начале XX в. — № 4

Артамонова Л. М. Гендерные аспекты общественной активности в деле народного образования в середине XIX в. (На примере г. Самары) — № 4

Баршова О. А. Институт директоров и инспекторов народных училищ мордовского края в системе государственного контроля сферы образования — № 2

Баязитова Р. Р. Семиотика пищи в традиционной культуре башкир — № 3

Бойко Н. С. Двойственность в сфере полномочий губернаторов в России (середина XIX — начало XX в.) — № 2

Бойко Н. С. Сельское общество и его роль в управлении на местах в дореволюционной России — № 2

Булавин А. В. Гражданское общество и власть: основные формы и модели взаимодействия в публичном пространстве региона — № 3

Булучевская Е. А. Особенности русской эмиграции в Италию в начале 1920-х гг. — № 3

Гришаков В. В., Давыдов С. Д. Мужское захоронение XI в. с рыболовными принадлежностями из Шокшинского могильника в Нижнем Примокшанье — № 1

Дубовиков А. М. Антироссийские учебники истории на постсоветском пространстве: «комплекс младшего брата» или элемент заказа на изоляцию России? — № 3

Иванов А. А., Иванов А. Г., Соловьев А. А. Земельное обследование ЦСУ 1922 года: информативные ресурсы — № 2

Кечайкина Е. М., Брежнев И. В. Из истории становления службы по борьбе с экономическими преступлениями в системе советских органов внутренних дел в 1917 — 1947 гг. (На примере Республики Мордовия) — № 2

Климкина Э. В. Реформирование в сфере высшего и среднего образования в последние годы правления Николая I — № 3

Кузнецова Ю. В., Финаева М. В. Традиционные представления о сне и сновидениях в народной культуре мордвы — № 3

Кулачков В. В. Особенности массового сознания крестьянства Западного региона России в период Первой мировой войны — № 3

Кулачков В. В. Роль податных инспекторов в повседневности крестьян Западного региона России в начале XX в. — № 1

Лаптун В. И. Развитие православного духовного образования в Среднем Поволжье в постсоветский период — № 2

Лушин А. И., Щербаков Ю. В. Из опыта строительства отечественных Вооруженных сил на основе территориально-милицияннной системы в 1920-е гг. — № 4

Люкшин Д. И. Необоснованно списанные со счетов: российское крестьянство в политических коллизиях семнадцатого года — № 2

Люкшин Д. И., Галеева М. А. Канун Второй русской смуты: демография, экономика, политическая социология — № 4

Михайлик А. Г. Провал операции «Конрад»: отражение советскими войсками контрудара противника в районе Будапешта в январе 1945 г. — № 1

Нагорных О. С. «Оттепель» в идеологии и исторической науке. 1953 — 1964 гг. (На материалах Горьковской области) — № 2

Осипов А. А. Тухатмăш — персонаж чувашской свадьбы — № 1

Охотина Т. Н., Сосновский А. В. Похоронно-поминальные обряды мордвы — индикаторы народной культуры — № 3

Пивкина С. В. Магия и заговоры в духовной культуре мордвы-эрзи (К материалам экспедиций 2000 г.) —№ 1

Пигарёв Е. М. Красноярский комплекс: городище и могильники (История, этапы развития, название) — № 2

Потапкин И. И. Поверья и суеверья мордвы, связанные с жилищем — № 2

Реут Е. В. Травматизм на Калининградском вагоностроительном заводе в первые послевоенные годы (1947 — 1951) — № 2

Рогачев В. И., Чужайкина Т. А., Деникаева Е. А. Основные группы мордовских украшений и их семантическое значение — № 1

Седышев О. В. Общие тенденции развития предметов снаряжения верхового коня в XI — XIII вв. (На примере материалов из мордовских могильников) — № 3

Созинов И. В. Отражение кредитных отношений дворян дореформенной России в «Сенатских объявлениях» (На примере имений Самсоновых) — № 3

Соколов А. В. Деревня, канувшая в Лету (Деревня Вяткино Царевококшайского уезда Казанской губернии в XVII — XVIII вв.) — № 1

Стариков С. В., Иванов А. Г., Иванов А. А. Национально-государственное строительство народов Среднего Поволжья в трудах профессора Е. К. Минеевой — № 3

Сухова О. А. Дезертирство в период Гражданской войны в России: культурно-антропологический аспект — № 2

Толстова Н. Ю. Эвакуированное население в Чувашии в годы Великой Отечественной войны: региональная историография второй половины XX в. — № 2

Учватов П. С. Трансформация региональной элиты в 1970-х — первой половине 1980-х гг.: Совет министров Мордовской АССР — № 1

Федотова А. А. Советский опыт системы среднепедагогического образования в регионах России и его значение на современном этапе развития (На примере Республики Мордовия) — № 1

Харьков Е. В. Спорт высших достижений в Пензенской области в 1991 — 2012 гг. — № 3

Чернов А. В. Национально-языковые вопросы в контексте событий российской истории начала XX в. — № 1

Чирков М. С. Сельскохозяйственная политика СССР периода «хрущевской оттепели» в зарубежной историографии — № 2

Широков О. Н., Козлов А. А. Опыт научно-технического сотрудничества промышленных предприятий Чувашской АССР со странами СЭВ в 1957 — 1965 гг. — № 3

Щербинин П. П. Развитие аграрных беспорядков в 1917 г. как пролог участия крестьян в Гражданской войне: уездный уровень — № 2

Юрчёнков В. А., Куршева Г. А., Чернов А. В. Крестьянство в период социальных конфликтов первой четверти XX в.: реалии современного историографического осмысления — № 1

Экономические науки

Богданова Е. Н. Стратегия развития системы управления в сфере ЖКХ Республики Мордовия — № 2

Булавин А. В., Четаева К. Г. К вопросу о мерах по привлечению инвестиционных ресурсов в региональную туристскую инфраструктуру — № 4

Жулина М. А., Кицис В. М., Фирстов М. И. Перспективы развития туристского комплекса г. Саранска на основе кластерного подхода — № 1

Земсков В. М. Управление затратами на ремонт основных средств — № 1

Имяреков С. М., Четайкина Ю. В., Каргин Ю. И. Особенности инновационного развития АПК Республики Мордовия — № 3

Калинин М. А. Инструментарий оценки управляемости воинского коллектива — № 4

Кильдюшкина И. Г., Радайкин А. А., Григораш Д. Р. Бренд Республики Мордовия как фактор ее конкурентоспособности — № 2

Киселева К. Г., Кильдюшкина И. Г. Реализация политики кадрового обеспечения в сфере туризма Республики Мордовия — № 3

Липатова Л. Н., Волчков В. Н., Бирюков И. Г. Динамика и главный фактор производительности труда в современной российской экономике — № 3

Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Тулапин С. А. Основные направления и результаты государственной поддержки малого бизнеса в Республике Мордовия — № 1

Савкин С. П. Основные принципы взаимодействия представителей политикума и бизнес-элит региона в сфере государственно-частного партнерства — № 2

Тугушев Д. К. Состояние и перспективы развития рынка интеллектуальной собственности Республики Мордовия — № 3

Чубриков Н. В. Региональные аспекты в области народонаселения — № 4

Шиндаков Д. М. Проблемы управления рисками в коммерческих банках Республики Мордовия — № 1

Щукин Г. М. Региональная дифференциация уровня доходов населения — № 4

Щукин Г. М., Агафонова И. А., Тингаев В. К. Дифференциация регионов Приволжского федерального округа по уровню экономического развития — № 2

Якимова О. Ю., Нуянзина М. М. Основные подходы к определению продовольственной безопасности — № 3

Яковлев А. Н. Развитие теории и практики управления конкурентоспособностью авиапредприятий — № 1

Филологические науки

Антонов Ю. Г., Шеянова С. В. Образы князей в мордовской литературе: социокультурный аспект — № 4

Бакула В. Б. Мемуарно-автобиографическая проза саамских писателей — № 4

Баркович А. А. Метаязыковая специфика моделирования компьютерно-опосредованного дискурса — № 3

Бирюкова О. А. Прецедентные имена в тексте: к вопросу об исследовании средств межтекстовой связи в современной лингвистике — № 1

Васильев Н. Л. Опыт сопоставления поэтических лексиконов А. И. Полежаева и М. Ю. Лермонтова — № 1

Галай К. Н. Французские модернисты в раннем творчестве И. Эренбурга — № 2

Горинова Н. В. Малые драматургические формы в творчестве Г. Юшкова — № 3

Гурьянова Л. А. Употребление местоимений в функции подлежащего в эрзянском и венгерском языках — № 2

Иванова Г. С., Кирдяев В. В. Дистрибуция фонемы [*i*] в äкающем диалекте мокшанского языка — № 4

Иванова Г. С., Кирдяев В. В. Парадигматические возможности притяжательных местоимений в Каньгушанском говоре мокшанского языка — № 2

Каторова А. М. Проблемы развития мордовской драматургии в аспекте творческой активности и художественного мастерства писателей (2010 — 2015 гг.) — № 1

Крыжановская В. А. Эргоним в современной ономастической терминосистеме — № 2

Кустов В. В. Философская лирика Константина Смородина — № 3

Лебедев А. В. Репрезентация концепта «сотворение мира» в переводах Библии на английский и русский языки — № 3

Нечаева Н. А. Понятие интеграции в лингвистике — № 3

Парамонов Д. В. Трансформация понятия «свобода» в лирике М. Ю. Лермонтова: контекстный подход — № 3

Поляков О. Е., Лёвина М. З. Стилистические ресурсы мордовских языков — № 1

Пономаренко И. Н. Геометрия гармонии в основе поэтической формы — № 3

Склизкова А. П. Метаморфоза примирения в драме Г. Гауптамана «Праздник примирения» — № 2

Тепаева М. Н. Тема войны в лирике Александра Арапова — № 1

Цыплякова О. Ю. Союзные сравнительные конструкции в эрзянском языке (На материале романа «Баягань сулейть» («Тени колоколов») А. Доронина) — № 1

Чаткина М. Г. Коммуникативные стратегии как основополагающий принцип взаимодействия СМИ и аудитории (На примере работы целевых радиостанций «Авторадио» и «Дорожное радио») — № 1

Наши проекты

«Мифология мордвы». Буква О, П — № 1
«Мифология мордвы». Буква П — № 2
«Мифология мордвы». Буква Р — № 3

События. Факты. Комментарии

Аспирантские научные чтения — 2015 — № 2
Научная деятельность НИИГН в 2015 г. — № 1
Научно-исследовательский институт: страницы современной истории — № 4
Отчет о работе аспирантуры за 2015 — № 1
Рабочий семинар основных исполнителей научного проекта «Крестьянство и казачество в России в годы революции 1917 года и гражданской войны: регионально-национальный аспект» — № 4

Наши юбиляры

Кожурин Юрий Федорович (1956 — 2008) (К 60-летию со дня рождения) — № 1
Каторова Александра Михайловна (К 60-летию со дня рождения) — № 3

Памяти ученого

Мартьянов Владимир Николаевич (1934 — 2015) — № 1

Рецензии

Гусева Т. М. Рецензия на книгу «Правительственная политика и изменения в составе городского населения пореформенной России (На материалах Нижегородской губернии)» Поповой В. В. — № 2
Каторова А. М. Рецензия на учебные пособия Маскаевой С. Н. «История мордовской литературы», Маскаевой С. Н., Салаевой М. Н., Швечковой Н. И. «Мокшэрзянь литература: тонавтома книга», Азыркиной Е. И., Налдеевой О. И. «Родной литература: учебнай пособия» — № 2
Липатова Л. Н., Кильдюшкина И. Г. Рецензия на книгу «Демографическая ситуация Республики Мордовия на современном этапе» Чушкина А. М., Логиновой Н. Н., Ребровой Т. П. — № 4

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала приглашает к сотрудничеству ученых, занимающихся проблемами развития региональной гуманитарной науки, и просит авторов при оформлении статьи придерживаться следующих правил и рекомендаций:

1. Статья представляется в печатном (1 экз.) и электронном виде.

2. К статье, направляемой в редакцию, должны прилагаться *две рецензии*, подписанные специалистом и заверенные печатью учреждения, а также отзыв научного руководителя (для аспирантов).

3. Все статьи публикуются на русском языке. Статьи, представленные на английском языке, должны содержать русский вариант перевода. Авторы могут выполнить его как самостоятельно, так и при помощи редакции.

4. *Объем основного текста* должен составлять 0,5 — 1,0 печатного листа (12 — 24 страницы).

5. *Текст статьи* набирается в программе Microsoft Office Word 2003 шрифтом Times New Roman, размер кегля 14 через 1,5 интервала. Формат бумаги А 4, поля: слева — 3 см, справа и сверху — 2 см, снизу — 2,5 см, абзац — 1,25 см.

Статья оформляется следующим образом:

1) инициалы и фамилия автора на русском и английском языках;

2) название статьи на русском и английском языках;

3) не более 7 ключевых слов или словосочетаний на русском и английском языках;

4) аннотация объемом до 500 знаков на русском и английском языках;

5) текст статьи;

6) литература (для этнографов — литература и полевой материал авторов);

7) приложения (если есть);

8) сведения об авторах.

6. *Иллюстрации*:

внедряются в электронную версию статьи в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подрисуночные подписи выполняются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12 и вставляются в иллюстрацию в режиме Вставка;

иллюстрации не должны превышать размеры текстового поля;

обязательно должны упоминаться в тексте.

7. *Формулы* и *буквенные обозначения* по тексту:

набираются в среде редактора формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв — Symbol, для остальных — Times New Roman, основной размер кегля 14;

буквы латинского и греческого алфавитов набираются курсивом, кириллицы — прямым шрифтом;

при выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

8. *Таблицы*:

выполняются в режиме Таблица шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

могут быть с заголовками и без них. Заголовок набирается строчными буквами полужирным шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

располагаются после ссылки в тексте.

9. *Библиографические ссылки*:

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12; фамилия и инициалы авторов выделяются полужирным шрифтом;

располагаются в конце статьи и имеют сплошную нумерацию;

оформляются согласно ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», например:

ссылки на произведения одного, двух и трех авторов:

П е р в и ч н а я

Юрченков В. А. Взгляд со стороны : Мордов. народ и край в соч. западноевроп. авторов VI — XVIII столетий. Саранск, 1995. 286 с.

П о в т о р н а я

Юрченков В. А. Взгляд со стороны. С. 25.

П е р в и ч н а я

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры (на примере народов Закавказья, проживающих в Республике Мордовия) // Этнокультурное и этноконфессиональное образование: проблемы и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (9 — 11 дек. 2008 г.). Саранск, 2008. С. 89 — 93.

П о в т о р н а я

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры... С. 90.

П е р в и ч н а я

Юрченков В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка и государственной безопасности // Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. : в 2 т. Саранск, 2005. Т. 2. С. 97 — 110.

П о в т о р н а я

Юрченков В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка... Т. 2. С. 100.

ссылки на произведения четырех и более авторов:

П е р в и ч н а я

Власть и общество в XX в.: региональный аспект (историографический обзор) / В. А. Юрченков [и др.] // Власть и общество: XX век. Саранск, 2002. С. 7 — 33. (Науч. тр. / НИИГН ; т. 1 (118)).

П о в т о р н а я

Власть и общество в XX в. ... С. 30.

П е р в и ч н а я

Мордва юга Сибири / Л. И. Никонова [и др.] ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2007. 312 с. (сер. «Мордва России»).

П о в т о р н а я

Мордва юга Сибири. С. 126 — 127.

При последовательном расположении первичной и повторной ссылок текст повторной ссылки заменяют словами «Там же», или «Ibid.» (Ibidem):

П е р в и ч н а я

[5] **Келина А. Н**. Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Саранск, 1996. С. 10.

П о в т о р н а я

[6] Там же. или [6] Там же. С. 15.

П е р в и ч н а я

[3] **Mainof W.** Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Socirtr Finno-Ougrienne. Helsingissa, 1889. Vol. 5. P. 50 — 52.

П о в т о р н а я

[4] Ibid. or [4] Ibid. P. 60.

В повторных ссылках на одно и то же произведение, созданное одним, двумя и тремя авторами, не следующих за первичной ссылкой, употребляются словосочетания «Указ. соч.», «Цит. соч.», или «Op. cit.», при условии, что ссылки делаются только на одно произведение данного автора (авторов):

П е р в и ч н а я

[1] **Чернов А. В.** Языковое строительство и процесс коренизации в Мордовии в середине 1920-х — 1930-е гг. // Центр и периферия. Саранск, 2008. № 2. С. 86.

П о в т о р н а я

[5] **Чернов А. В.** Указ. соч. или [5] Чернов А. В. Указ. соч. С. 90.

П е р в и ч н а я

[2] **Paasonen H.** Mordwinisches Worterbuch. Helsinki, 1992. Bd 2. S. 590.

П о в т о р н а я

[6] **Paasonen H.** Op. cit. or [6] **Paasonen H.** Op. cit. Bd 2. S. 600.

Если ссылки делаются на разные произведения одного автора (авторов), то указывается фамилия автора (авторов) и полное или сокращенное название произведения (см. оформление произведения одного, двух и трех авторов).

Если текст цитируется не по первоисточнику, а по другой работе, то в начале ссылки приводятся слова «Цит. по:», например:

В т е к с т е

В ноябре 1919 г. А. Г. Шляпников открыто писал в газете «Экономическая жизнь»: «Фабричные и заводские комитеты... свели на нет последние остатки дисциплины и, кроме того, разграбили заводской инвентарь»[142].

В с с ы л к е

[142] Цит. по: Гражданская война в России, 1917 — 1922 гг. М., 2006. С. 269.

Комплексная ссылка содержит несколько ссылок, которые отделяются друг от друга знаком «;» с пробелами до и после него. Каждая из ссылок в составе комплексной ссылки оформляется по общим правилам.

Если в комплексную ссылку включено несколько ссылок на произведения одного и того же автора (авторов), то его фамилия во второй и последующих ссылках заменяется словами «Его же», «Ее же», «Их же», или «Idem», «Eadem», «Iidem», например:

[20] Юрченков В. А. Новый мир — новые традиции // Блокнот агитатора. Саранск, 1983. № 20. С. 19 — 21 ; Его же. Рост общественно-политической активности трудящегося крестьянства Мордовии в первые годы Советской власти (1917 — 1920 гг.) // Общественно-политическая жизнь села Советской Мордовии. Саранск, 1987. С. 26 — 43. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 87).

Ссылки на электронные ресурсы, например:

П е р в и ч н а я

Лэтчфорд Е. У. С Белой армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт армии генерала А. В. Колчака : сайт. URL: http://east-front.narod.ru/memo/lachford.htm (дата обращения 23.08.2007).

П о в т о р н а я

Лэтчфорд Е. У. Указ. соч.

П е р в и ч н а я

Жизнь прекрасна, жизнь трагична... [Электронный ресурс] : 1917 год в письмах А. В. Луначарского А. А. Луначарской /отв. сост. Л. Роговая ; сост. Н. Антонова ; Ин-т «Открытое о-во». М., 2001. URL: http://www.audisium.ru/looks/473 (дата обращения 20.09.2010).

П о в т о р н а я

Жизнь прекрасна...

П е р в и ч н а я

Уральская семья народов : крат. информ. справ. о финно-угор. и самод. народах [Электронный ресурс] / сост. П. Симпелев, О. Лапшина. Сыктывкар, 2008. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

П о в т о р н а я

Уральская семья народов.

Ссылки на архивные документы, например:

ЦГА РМ. Ф. Р-40. Оп. 1. Д. 32. Л. 12, 13, 15.

РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1042. Л. 66, 121, 123 ; Д. 1043. Л. 141 ; Д. 1124. Л. 60.

Прокаев И. Ф. Предисловие и история Петровского мордовского педагогического техникума // НА НИИГН. И-579. Л. 1 — 2, 13 — 15.

10. *Сведения об авторах*:

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

содержат фамилию, имя и отчество каждого из авторов, ученую степень, занимаемую должность, место работы (наименование учреждения) и адрес электронной почты; приводятся на русском и английском языках.

11. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья непринята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

Вся ответственность в решении любых вопросов соблюдения авторских прав возлагается на автора, в том числе получение необходимых разрешений для воспроизведения любых материалов, защищенных авторским правом.

12. Плата за публикацию рукописей не взимается.

В Е С Т Н И К

НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

№ 4 (40) 2016

Редакторы: *Т. А. Чужайкина, Л. А. Гурьянова, О. Ю. Цыплякова*

Макет *Л. А. Челкановой*

Перевод на английский язык *А. В. Чернова*

Подписано в печать 07.12.2016. Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 20,8. Тираж 300 экз. Заказ №

ГГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия».
430005 г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в ГУП РМ «Республиканская типография „Красный Октябрь“».
430030, Мордовия, г. Саранск, ул. Титова, 2а.
E-mail: tko-saransk@mail.ru